

Б. Н. Кузык

**У РОССИИ ОДИН
ЭФФЕКТИВНЫЙ ПУТЬ
РАЗВИТИЯ – СВОЙ**

БОРИС КУЗЫК
collectio

том 1 (I)

Москва, Институт экономических стратегий, 2004

УДК 338
ББК -96*65.2/4-65.9
К89

Серия основана в 2004 году Б. Н. Кузыком

В подготовке материалов книги принимали участие:

Абросимов Н. В. — доктор экономических наук, профессор;

Агеев А. И. — доктор экономических наук;

Пономарев А. К. — кандидат экономических наук;

**Резников Д. О., Дубинин Е. Ф., Юдина О. Н., Бардова О. П.,
Маякова Р. В.**

2-е издание, пересмотренное

Разработка серийного оформления: И. Ю. Фадеева

ISBN 5-93618-060-3

© Кузык Б. Н., 2004

© Институт экономических стратегий, 2004

Оглавление

К ЧИТАТЕЛЯМ 6

ВВЕДЕНИЕ 8

**ГЛАВА 1. Стратегия развития России
в условиях новых геополитических вызовов
и угроз**

1.1. Основные геоэкономические параметры
современного мира 27

1.2. Россия в условиях новых геополитических
вызовов и угроз 40

1.3. Стратегический маневр России 52

**ГЛАВА 2. Национальные интересы
и национальная безопасность России**

2.1. Концепция национальной
безопасности России 63

2.2. Национальные интересы и формы
их реализации 68

2.3. Угрозы национальной безопасности
и их приоритеты 71

2.4. Экономическое обеспечение национальной безопасности	81
2.5. Военная безопасность и ее экономическое обеспечение	103

ГЛАВА 3. Войны как социально-экономическое явление

3.1. Представления о войнах и конфликтах в современном мире	118
3.2. История предотвращения войн, парирования военных угроз и гуманизации военных действий	141
3.3. Современные военные опасности, риски и угрозы	169
3.4. Механизм и формула безопасности в современном мире	192

ГЛАВА 4. Механизм предотвращения войн

4.1. Новые средства стратегических вооружений	208
4.2. Силовое неядерное сдерживание	227
4.3. Современные формы устранения военных угроз	242

ГЛАВА 5. Формирование военной политики России

5.1. Сущность и содержание военной политики России в современном мире	254
5.2. Финансово-экономические проблемы обеспечения военной безопасности России	274

ГЛАВА 6. Роль оборонно-промышленного комплекса (ОПК) России в решении проблем экономического развития страны

6.1. Экономическое и военное наследие России, его достоинства и пороки	301
6.2. Некоторые особенности развития экономики России на рубеже веков	312
6.3. Возможные пути подъема российской экономики (оборонно-промышленная и технологическая составляющие)	327
6.4. Общемировые тенденции развития оборонно-промышленного комплекса	339
6.5. Особенности развития отечественного оборонно-промышленного комплекса	350
6.6. Прогрессивная роль российского оборонно-промышленного комплекса	356

К ЧИТАТЕЛЯМ

Настоящая книга продолжает серию публикаций автора, посвященных проблемам, определяющим стратегию развития высокотехнологичного комплекса и будущее экономики и экономической безопасности России. Большинство названных проблем выходит за рамки традиционных представлений об экономическом, научном и оборонно-промышленном развитии страны. Автор книги ставит и анализирует вопросы, от решения которых в значительной степени зависят судьбы самой динамичной части экономики России — высокотехнологичного гражданского и оборонного комплексов государства.

Становится очевидным, что ключ к решению многих проблем России, и прежде всего экономических, лежит в плоскости активной инновационной деятельности государства по продвижению достижений науки и техники во все сферы жизни общества. Именно поэтому центр экономической активности государства, принятие решений по обеспечению его обороноспособности все более перемещается в сферу действия высоких технологий, принципов их организации и стимулирования.

Несомненным остается тот факт, что XXI век — это век электронных, информационно-телекоммуникационных, энергосберегающих, био- и нанотехнологий. Именно они будут определять динамику экономического роста, уровень конкурентоспособности в мировом сообществе, степень интеграции в мировую экономику, обеспечивать безопасность и устойчивое развитие государства. Все в большей степени достижения в этой области влияют на характер изменений уклада жизни людей, а следовательно, всего спектра отношений, в которые они вступают в процессе ее организации. То, что

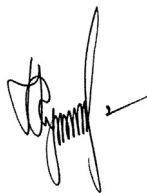
к началу XXI века осуществлялось в рамках традиционных социально-экономических эволюционных преобразований, сегодня и завтра будет осуществляться через активное продвижение научно-технических достижений и высоких технологий в жизнь. Оценить этот процесс на ранней стадии зарождения, предложить конкретные механизмы структурирования и организации, выявить пути его стимулирования — вот стратегическая задача, которую должны решать ученые, практики и руководители различных направлений знаний, науки и технологий.

Рассмотрению этих фундаментальных проблем посвящена данная книга.

В работе обобщен накопленный опыт исследования научных и практических проектов в названной области известных в нашей стране и за рубежом ученых и специалистов. В книге основное внимание уделено рассмотрению и оценке принципов, подходов и параметров создания и функционирования отечественного высокотехнологического комплекса, военно-промышленного и гражданского секторов экономики на различных этапах развития российского государства.

Читателю будет интересно ознакомиться с изложенной позицией автора о решающей роли политических, экономических и научно-технических факторов развития высокотехнологического и оборонно-промышленного комплексов России, их влиянии на решение задач развития экономики и защиты национальных интересов государства от внешних и внутренних угроз.

Член-корреспондент РАН

A handwritten signature in black ink, consisting of stylized, overlapping loops and lines, with a small arrow pointing to the right at the end.

Б. Н. Кузык

Введение

XXI век с первых своих дней свидетельствует о новых качественных изменениях во всех сферах мирового развития: экономике, политике, социальных процессах, демографии, геосоциальных и геоэкономических процессах. Достаточно стабильные и устойчивые в недавнем прошлом, они вовлекаются в водоворот преобразований и изменений, за которыми порой не успевает современная наука.

Становится все более очевидным, что страны, которые эффективно использовали имеющиеся объективные факторы, такие как геостратегическое положение, достижения науки и техники, кадровый и научный потенциал, природные ресурсы, решительно ушли вперед в своем развитии. Они сформировали более высокое качество жизни людей, новую систему внутренних экономических, политических и международных отношений. В основе социального развития этих стран лежат общедемократические ценности, отвоеванные за многовековую историю. К этой социальной системе относятся многие страны Западной Европы и США, на востоке — Япония. В нашей и зарубежной научной и публицистической литературе эти государства получили известное название «золотой миллиард».

Страны, не сумевшие использовать современные достижения науки, техники, технологии, в силу тех же самых объективных и исторических причин не могут адаптироваться к новым сложившимся условиям и общественным отношениям и значительно отстают в своем продвижении вперед. Такая тенденция не нова. Она наблюдалась исследователями уже

на рубеже XIX и XX столетий. Начало III тысячелетия значительно усиливает эту тенденцию, под воздействием которой страны с неразвитой экономикой и наукой отбрасываются на периферию активных международных экономических и политических отношений. Они не могут выступать равноправными партнерами в чрезвычайно усложнившейся системе отношений, носящих глобальный характер. Им уготована роль в лучшем случае наблюдателей, но не участников мирового общественного процесса.

России в отличие от других определено место в мировом развитии самими природой и историей. В силу своего географического, геополитического, геоэкономического и ресурсного потенциалов она де-факто занимает особое положение в мировом процессе. Она всегда играла одну из ведущих ролей в мировом развитии. Об этом свидетельствует вся история России, и не только ее. Любые попытки мировых экспериментаторов в разные исторические эпохи завоевать Россию или превратить ее в колонию заканчивались полным провалом. Россия всегда оставалась в разряде государств, с которыми, даже когда не хотелось, приходилось считаться.

Конец II — начало III тысячелетия вновь ознаменовались заметными изменениями в мировых геополитических и геоэкономических процессах. Значительно ускорились переходные процессы, участниками которых стали все государства мира. Развитые державы, обладающие мощным экономическим, научно-техническим, социальным и людским потенциалами, обогащенные опытом в формировании глобальных процессов, как и прежде, все более отрываются от тех, кто не использовал ранее свой исторический шанс. Остальные безнадежно отстают и остаются на задворках глобальных исторических процессов.

Россия, как и все другие государства, переживает кризис переходных процессов. Распад бывшего СССР, образование на его территории самостоятельных государств с присущими им национально-государственными амбициями и сопровождающими их проблемами, обусловленными этапами исторического развития и геоположения. Россия, как и ее ближайшие и отдаленные соседи, осуществляет поиск своих стратегических направлений развития и путей интеграции в мировое сообщество.

Как государство Россия благодаря своему огромному экономическому, научно-техническому потенциалу, накопивавшемуся веками культурному слою находится в относительно благополучном положении по сравнению с другими государствами, идущими по пути преобразований. Но в силу именно этих обстоятельств ей необходимо ответить на вопросы, которые поставили перед ней последние годы XX века и первые годы начавшегося XXI столетия.

Каким образом за последние годы, достаточно благополучные с точки зрения глобального развития, страна без войн и природных катастроф, занимавшая ведущие позиции в мире по многим значимым показателям, резко снизила темпы своего развития, начала терять завоеванные ранее позиции в экономике, науке и, как следствие, в социальном развитии и системе международных отношений?

Почему большинство россиян, создавших могущественное государство, обладающее богатейшими природными ресурсами, огромным научно-техническим, интеллектуальным и промышленным потенциалами, живут за чертой бедности?

Когда созданное за последнее десятилетие государство, впитавшее в себя опыт и лучшие образцы демократических ценностей, экономика которого в значительной степени адаптирована к системе рыночных отношений, признанное мировым сообществом как надежный партнер в глобальном противостоянии вызовам времени, начнет давать реальные результаты для жизни, быта, учебы и отдыха простых людей?

Ответить на эти и другие вопросы, выдвигаемые жизнью, непросто. В современной научно-публицистической литературе и средствах массовой информации данной тематике уделяется много внимания.

Однако большинство материалов и разговоров, многократно растиражированных в СМИ, посвящено лишь отдельным, хотя и существенным, сторонам развития России. В тени остаются вопросы анализа коренных причин и объективных закономерностей, определяющих векторы развития России в III тысячелетии.

Для выбора стратегического курса политического и экономического развития России в начале XXI века необходимо прежде всего понять смысл и тенденции взаимосвязанных ми-

ровых геополитических и геоэкономических процессов, уметь прогнозировать их развитие в ближайшей и отдаленной перспективе. Ведь Россия как субъект мирового политического и экономического пространства не может развиваться изолированно от остального мира. Последствия отрицательного опыта в этой области нам хорошо известны.

Важно осознать, что найти новое место России в мировой экономике, определить ее внешнеполитическую и внешнеэкономическую составляющие можно лишь выбрав правильную стратегию развития. Автор, опираясь на опыт ведущих ученых РАН, специалистов в отдельных отраслях знаний, длительное время занимавшийся разработкой приоритетов развития России, предлагает некоторые варианты такой стратегии и видение основных направлений развития Российской Федерации с учетом внутренних и внешних факторов.

Автор, его российские и зарубежные коллеги считают, что в основе такой стратегии лежит уровень развития науки и технологий. Наука и технологии, степень их развития и использования становятся все более определяющим фактором в решении проблем безопасности и устойчивого развития государств мира, в том числе и России. Научно-технический потенциал любого государства, как отмечается в трудах российских и зарубежных ученых, является визитной карточкой для обеспечения конкурентоспособности на мировых рынках товаров и технологий, равноправного участия в интеграционных процессах в рамках глобальных экономических процессов, происходящих в мире. Один из главных вопросов и вызовов времени, на который должны ответить ученые: готовы ли мы войти сегодня в этот мир?

Науке принадлежит решающая роль в осознанном и эффективном управлении ходом современных социально-экономических процессов в мире. Только научные результаты способны обеспечить прогнозирование последствий управленческих и технологических решений, справиться с новыми вызовами времени и рисками техногенных катастроф.

Современные наука и технология становятся все более вовлеченными в жесткую конкурентную рыночную борьбу. Фундаментальные знания и их конечный результат — научно-техническая продукция — становятся важнейшими факторами реализации геополитических интересов государств.

Производство современной наукоемкой продукции становится выгодным бизнесом. По своим потенциальным экономическим возможностям, реализуемым на высокотехнологичных рынках, бизнес, основанный на науке и передовых технологиях, уже на данной стадии значительно превосходит рынок, связанный с энергетическими и сырьевыми ресурсами.

Сегодня этот рынок по многим оценкам превышает общий суммарный эффект в 1 трлн долл. России на этом рынке практически нет (0,3%). Обозначенное отставание России в этой области чревато серьезными отрицательными последствиями в производстве новейших информационных технологий, систем вооружений и специальной техники для обеспечения военной безопасности государства, качественного решения национальных экономических и социальных программ. В конечном счете это ведет к ослаблению национальной безопасности.

Таким образом, защита национальных интересов России находится не только в области вооруженной защиты, на что были нацелены все ресурсы — финансовые, сырьевые и людские. Защита национальных интересов становится все более приоритетной задачей для высокотехнологичного комплекса, который еще сохранил потенциальные возможности для ее реализации.

Рост благосостояния населения, темпы экономического роста России, развитие образования, науки и культуры, ее обороноспособность напрямую зависят от структурно-технологической реконструкции высокотехнологичного комплекса страны. Только ВПК России продолжает сохранять реальные возможности реализовать данную программу. В нем сохранился накопленный за долгие годы научный и технологический задел, который ждет своей реализации. Здесь продолжают функционировать научно-информационная, производственная и исследовательская инфраструктуры. В этой сфере остается нереализованным самый дорогой и значительный по современным меркам потенциал высококвалифицированных научных, исследовательских и инженерных кадров.

Таким образом, вопрос о развитии высокотехнологичного комплекса становится вопросом выбора будущего пути экономического развития России.

Над указанными проблемами работали и работают многие коллективы ученых, моделируются различные варианты альтернативных решений, пишутся статьи, диссертации, монографии. Решению этой проблемы посвящена и данная книга, над которой ее автор, опираясь на труды многих российских и зарубежных ученых, трудился многие годы. В представленной работе использованы подходы и взгляды многих ведущих ученых-экономистов России академиков Л. И. Абалкина, А. Д. Некипелова, Д. С. Львова, В. И. Маевского, В. Л. Макарова, Н. Я. Петракова, академиков К. В. Фролова, В. П. Чичканова, члена-корреспондента РАН Н. А. Махутова. Появлению данной книги предшествовало опубликование целого ряда других работ.

Основная цель книги «У России один эффективный путь развития — свой» состоит в доведении в доступной для широкого круга читателей форме результатов исследований, проведенных автором и его единомышленниками в области высокотехнологического комплекса и перевода национальной экономики России на инновационный путь развития. Этот путь уникален, поэтому его можно представить как свой, присущий только нам, нашей стране. Хотя это не исключает, а в значительной степени и предполагает использование всего богатства знаний, накопленных в этой области другими странами со свойственными им подходами и взглядами на описанный нами процесс.

Необходимо также отметить, что стратегические подходы автора базируются не только на теоретических выкладках, но и проверены на практике, в процессе успешного функционирования реального сектора экономики, а также как отечественных, так и международных научно-производственных, экономических структур — субъектов современной хозяйственной деятельности.

Предлагаемая книга содержит десять глав, объединенных общим замыслом. Вместе с тем многие из них носят относительно самостоятельный характер и решают конкретные научные задачи.

Часть глав книги посвящается анализу состояния и направлений развития высокотехнологического комплекса России, реструктуризации ОПК, адаптации его к новым экономическим условиям.

В первых главах проводится анализ глобальных изменений, происходящих в мире на рубеже тысячелетий. Речь идет в первую очередь об изменениях в сфере мировой экономики и политики. Изменения эти столь значительны, что могут привести (и уже приводят) к перекройке так называемого «геоэкономического глобуса Земли».

Выбор обозначенной в книге стратегии развития в современных условиях требует уточнения и конкретизации национальных интересов России в различных сферах, прежде всего в геоэкономике, геополитике и науке. Это в свою очередь позволяет выявить разноаспектные угрозы национальным интересам и сформировать требования к экономическим, политическим и силовым структурам страны по их защите. Комплекс таких требований составляет содержание Концепции национальной безопасности и военной доктрины государства. В научно-технической области эти требования изложены в приоритетных направлениях развития науки, техники и технологий Российской Федерации.

Для успешной реализации военной компоненты концепции национальной безопасности государства и ее долгосрочной стратегии необходимо оценить их реализуемость в различных ситуациях и прежде всего в наиболее критичных, в которых проверяется на прочность вся система от экономического и политического устройства до органов административного и военного управления. Война как социальное явление, современные военные опасности, риски и угрозы, средства и способы предотвращения военных угроз, военная политика России в современном мире — таков далеко не полный перечень проблем, рассматриваемых в третьей, четвертой и пятой главах книги.

В этих главах книги автором предпринята попытка осмысления всего спектра сложных исторических, социальных, политических явлений, связанных с процессом предотвращения войн и конфликтов с целью ясного и доступного, по возможности оптимистичного изложения читателю взглядов на этот сложный процесс. В книге показаны место и роль военной составляющей на развитие высокотехнологичного комплекса страны.

В этой части книги представлен также круг проблем, связанных с финансово-экономической стороной обеспече-

ния военной безопасности Российской Федерации: приемлемый уровень военных расходов, рациональное распределение средств по статьям и видам расходов на содержание военной организации государства.

Оборонно-промышленному комплексу страны, его состоянию и перспективам развития, исследованию направлений его трансформации в современный высокотехнологичный комплекс посвящены VI и VII главы книги.

С понятием «оборонно-промышленный комплекс», который составляет основу высокотехнологичного комплекса страны, в общественном сознании россиян связана целая гамма чувств: от глубоко патриотических, трепетно-восхищенных до полностью отрицательных, негативных, связывающих с ОПК все беды нашего государства. Разобраться в этих чувствах и подходах людей непросто, слишком велики и разноречивы по своим последствиям результаты деятельности оборонно-промышленного комплекса России за всю историю государства и жизнь простых людей. Категория, о которой пойдет речь в данном разделе книги, не чувственно-этическая, а экономическая, требующая глубокого экономического анализа и прогноза.

Каков он, наш оборонно-промышленный комплекс сегодня, какие переживает трудности, сумеет ли сохранить свой потенциал при переходе в III тысячелетие, обновить себя и ответить на вызов времени.

Нужен ли современной России ОПК? Этот вопрос, по-видимому, следует считать риторическим. Опыт мирового развития однозначно свидетельствует — да, поскольку не может быть суверенного, динамично развивающегося и способного гарантировать своим гражданам демократические права и свободы государства, не имеющего своего ОПК.

Более того, автор рассматривает ОПК в тесной взаимосвязи с анализом фундаментальных основ развития экономики России. В книге исследуются некоторые особенности ее развития в последние годы XX столетия в тесной связи с особенностями развития ОПК. Особое внимание уделено формированию в стране промышленного комплекса высоких технологий, позволивших России выйти на передовые позиции в мире по ряду направлений технического прогресса. В книге показано, что во многих областях Россия, несмотря

на тяжелые экономические условия, и сейчас сохраняет лидерство.

Значительно сложнее ответить, какой ОПК нужен современной России. Ответ можно найти скорее в качественных, чем в количественных показателях. Нам нужен интегрированный в рыночную экономику и диверсифицированный в части производимой продукции оборонный комплекс, предприятия которого будут восприимчивы к высоким технологиям и способными стимулировать развитие отечественного научно-технического потенциала. Нам необходим оборонно-промышленный комплекс, способный существовать в системе кооперационных связей, в том числе в рамках международного сотрудничества со странами ближнего и дальнего зарубежья. ОПК должен быть компактным, экономически эффективным, способным удовлетворить потребности оборонной безопасности России, быть источником валютных поступлений в государственный бюджет, выступать базовой основой современного высокотехнологического комплекса России.

Главный вопрос развития современного ОПК России — его быстрая, с минимумом социальных последствий адаптация в экономически эффективный сектор отечественного материального производства.

Развитию высокотехнологического комплекса России посвящены VIII, IX и X главы книги. История XX и начинающего XXI века не раз доказывала, как высокотехнологичный комплекс позволял стране достичь значительного экономического и социального успеха за достаточно короткий срок.

Успехи в развитии передовых технологий наблюдались в стране не только в послевоенный период расцвета советской науки. И в прошлые века в России появлялись Ломоносовы, Кулибины и другие известные и неизвестные самородки. Немало научных открытий и технологических достижений внесла Россия в мировую научную и технологическую копилку на рубеже XIX и XX веков. Наши ученые и инженеры создавали передовые технологии, которые позволяли иметь России лучшие образцы современной техники (в том числе военной), превосходящие по многим параметрам зарубежные образцы. В особой мере это проявилось в годы войны.

В представленной книге проводится глубокий анализ состояния возможных путей дальнейшего развития высоко-

технологического комплекса России с целью адаптации его к новым условиям и обеспечения возрождения на этой основе экономики страны. Особое внимание в книге уделяется анализу возможных направлений реструктуризации высокотехнологического комплекса как носителя большинства новейших технологий гражданского, военного и двойного назначения. Важную роль в продвижении отечественной продукции военного и гражданского назначения на мировые рынки играют НИОКР и прорывные технологии, а также комплексные целевые программы, которые используются в качестве инструментов сохранения и развития высокотехнологического производства в России. Рассматриваются также специализация, кооперирование и интеграция в отечественном высокотехнологическом комплексе, как важные условия продвижения современных научно-технических достижений в производство и на рынок современных технологий. В представленной части анализируются пути и предложения по подъему высокотехнологического комплекса России и на его основе вывода из кризиса экономики всей страны. В нем предлагается усилить роль военно-технического сотрудничества России с зарубежными странами, которое уже сегодня имеет свою нишу и неплохие позиции на мировых рынках оружия и высоких технологий. Показаны также резервы для подъема несырьевого сектора промышленности за счет совершенствования государственного управления и законодательства в сфере производства. Важную роль в подъеме отечественной экономики, по мнению автора, должен сыграть топливно-энергетический комплекс страны, который выступает не только в качестве главного источника финансовых средств, но и как основной инвестор высокотехнологического комплекса.

Заключительная часть книги посвящена анализу актуальных проблем развития ВТК. В этой части представлены взгляды ведущих ученых страны, длительное время исследующих проблемы высокотехнологического комплекса России.

Основными направлениями анализа выступают стратегические направления развития наукоемкого сектора экономики России, вовлечения интеллектуального потенциала страны в рыночный оборот, формирование интегрированных финан-

сово-промышленных структур в высокотехнологичном комплексе страны и ряд других проблем.

В заключении формулируются выводы и предложения по стратегическим направлениям подъема экономики страны с опорой на высокотехнологичный комплекс, военно-техническое сотрудничество и топливно-энергетический комплекс.

Таким образом, в книге «У России один эффективный путь развития — свой» представлен широкий взгляд на стратегию развития экономики России в XXI веке и расширенный спектр мер экономического, административного и нормативно-законодательного характера, необходимых, по мнению автора, для вывода отечественной экономики из кризиса и определения стратегии развития. Указанные меры базируются в основном на использовании потенциала высокотехнологичного комплекса России, а также на опыте и практике ее военно-технического сотрудничества с зарубежными странами по продвижению отечественной высокотехнологичной продукции на мировые рынки.

Стратегия развития России в условиях новых геополитических вызовов и угроз

История учит тому, что проблемы международной и национальной безопасности с течением времени становятся все более актуальными. После всех войн и жертв, с ними связанных, кто-то снова считает, что в этом мире легче всего объясниться, убив оппонента. Ушедший век запомнится не только замечательными технологическими и культурными достижениями, но и самыми страшными в истории человечества войнами. Парадокс новейшего времени в том, что война является едва ли не основным потребителем высот проявлений интеллекта и духа.

Людей, безразличных к вопросам войны и мира, практически нет. Эта тема постоянно обсуждается политиками, специалистами военного дела, по-своему интерпретируется и решается в философии, социологии, искусстве, но по сей день остается нерешенной.

Казалось бы, глобальная бесперспективность войн, несовершенство их использования в качестве инструмента разрешения межгосударственных и межнациональных противоречий очевидны. Однако Земля на протяжении сотен лет не знает ни дня полного мира. Каждый новый военный конфликт порождает раскол мирового сообщества на группы, которые расходятся в своем отношении к возможностям и правомерности использования силы. Остается думать, что война слишком сложное, неоднозначное явление

и до примирения различных точек зрения на проблемы войны и мира еще далеко.

Между тем, если проанализировать военно-политическую ситуацию в современном мире, приходишь к выводу о существовании явного прогресса в деле обеспечения безопасности, которое объединяет множество международных организаций, заметных людей своего времени и тех, кому просто небезразлично будущее нашего хрупкого мира.

В связи с этим предприняты многочисленные попытки осмысления всего спектра сложных исторических, социальных, политических явлений, связанных с процессом предотвращения войн и конфликтов и обеспечением безопасности.

Некоторые аспекты проблем войны и мира уже освещались во многих публикациях — в том числе и в указанных в конце первой части тома. В томе серии «Безопасность России» предпринята попытка сведения воедино множества разрозненных фактов, их анализа и разноаспектных комментариев для представления комплекса проблем войны и обеспечения безопасности.

В первой части тома прежде всего излагаются современные представления о причинах войн и вооруженных конфликтов, их характере и последствиях, законах и закономерностях, анализ тех закулисных процессов, в которых реализуются явные и скрытые интересы сил, вовлеченных в конфликтное противостояние. Анализируется эволюция научных взглядов и обыденных представлений о таких понятиях, как «политика», «война», «развязывание войн» и их «предотвращение», а также история предотвращения войн и парирования угроз с примерами деэскалации конфликтов и мирного разрешения противоречий.

Анализ современных военных опасностей (рисков) и угроз связывает интуитивный и научный подход к объяснению сущности и причин возникновения войн, их скрытых механизмов.

Характер выявленных угроз мировой безопасности определяет специфику комплекса проблем для детального рассмотрения: обеспечение военной безопасности; механизмы, средства и способы парирования опасностей и предотвращения войн; потенциалы угроз и миротворчества; факторы развязывания войн и сдерживания агрессии; соотношение и взаимодействие разнородных потенциалов сдерживания

(политического, экономического, военного и т. д.); роль правительств, международных организаций и общественных объединений в предотвращении войн. В завершение обсуждается формула военной безопасности.

В комплексе средств и способов предотвращения ядерной и иных крупномасштабных войн роль силовой составляющей исключительно велика. Это связано с беспрецедентным для истории человечества развитием во второй половине XX века средств массового уничтожения. Специально анализируется стратегия силового ядерного сдерживания, рассматривается модель обеспечения глобальной стратегической стабильности, при этом отмечается роль СССР, а затем и России в обеспечении данного процесса в современном мире.

Развитие средств вооруженной борьбы predetermined состоянием научно-технического прогресса. В книге собран фактический материал, свидетельствующий о двойственном характере воздействия новых средств стратегических вооружений на стабильность в мире. В последнее десятилетие стремительно растет значимость высокоточного, высокоинтеллектуального оружия, а также специфичных для конца столетия средств ведения «информационных военных действий», «информационной войны», других средств «нелетального» воздействия.

Качественно новый уровень средств вооружений сделал реальностью силовое неядерное сдерживание. Оно не воспроизводит средства и возможности ядерного сдерживания, использует иные принципы, имеет специфический механизм действия и свои преимущества. Представляется, что для России, которая остается ядерной державой, перспективной будет концепция комбинированного силового сдерживания — неядерного с возможным переходом к ядерному.

Новые социально-политические и культурно-исторические реалии располагают к комплексному использованию не только преимущественно военных, но также политических, экономических и иных цивилизованных мер парирования военных угроз. Силовые меры рассматриваются в качестве крайних мер в системе комплексного воздействия на оппонентов. При ином, недалёковидном подходе механизм предотвращения войн кажется малодейственным. Мир живет

в сложной социальной реальности, с множеством непредсказуемых влияний внешней среды. При ставке исключительно на силовые методы всегда будет существовать угроза их неадекватного использования. Тем более что в мировой практике межгосударственных отношений увеличивается опасность принятия однополюсной модели силового решения спорных проблем, отказа от концепции сбалансированного сдерживания.

Нынешний этап формирования военной политики России переживает сложные времена. Непредсказуемый, конфликтный мир зачастую лишает этот процесс рациональных оснований. Военные доктрины государств, в том числе России, отличает внешнее миролюбие, что никак не сказывается на напряженных межгосударственных отношениях. Альтернативой иррациональному и опасному балансированию могло бы быть совершенствование норм международного права в целях обеспечения безопасности и неукоснительное следование им. Участие России в международных организациях и их миротворческой деятельности становится сегодня одной из важнейших составляющих обеспечения мирного процесса.

В первой части тома представлен также круг проблем, связанных с финансово-экономической стороной обеспечения военной безопасности Российской Федерации: приемлемый уровень военных расходов, рациональное распределение средств по статьям и видам расходов на содержание военных организаций, военное строительство в РФ. Особое внимание уделено оценке финансово-экономических возможностей обеспечения военной безопасности в XXI веке.

Развитие высокотехнологичного комплекса (ВТК) — императив для укрепления национальной экономики всех прогрессивных стран. История XX века не раз показывала, как этот «локомотив роста» позволял стране достичь значительного экономического успеха за достаточно короткий период.

Но судя по тому же историческому опыту, выйти на путь развития, связанный с созданием и производством наукоемкой продукции, способна не каждая страна, поскольку существует набор объективных ограничений, которые не позволяют принять и реализовать столь важные стратегические

решения. Одним из наиболее серьезных ограничений является то, что уже существующие и успешно работающие высокотехнологичные компании, как правило, являются транснациональными.

К примеру, многие страны хотели бы иметь мощного производителя авиалайнеров, однако на текущий момент на мировых рынках реально конкурируют только американская корпорация Boeing и европейский консорциум Airbus. Инвестиции в НИОКР и производственные мощности, технологические сложности, уровень экономии на масштабах производства, объем спроса и конкуренция со стороны уже работающих на этом рынке компаний, не желающих делиться заказами, не позволяют другим странам преодолеть барьеры выхода на этот рынок.

Россия также присутствует на ряде мировых высокотехнологичных рынков: авиакосмического оборудования, вооружения, программного обеспечения и некоторых других. Однако масштаб этого присутствия стал более чем скромным. Кроме того, необходимо иметь в виду, что сегодня российский топливно-энергетический комплекс (ТЭК) имеет большие возможности для привлечения свободного капитала, а низкий внутренний спрос на высокотехнологичную продукцию не позволяет нашим компаниям, ее выпускающим, окрепнуть и эффективно развиваться. Главное, что «окно возможностей» для такого развития, созданное еще во времена Советского Союза, становится все уже, поэтому незамедлительно требуется принятие адекватных комплексных мер.

Представленные в первой части тома материалы предназначены для поиска наиболее эффективных путей для экономического прорыва российского высокотехнологичного комплекса.

Именно с этих позиций ведется рассмотрение данной проблемы. Здесь не безразличны как сложности и трудности, переживаемые нашей оборонной промышленностью, так и те чувства, которые переживает каждый россиянин, знающий цену труда, вложенного в оборонное могущество государства, составлявшего в недавнем прошлом одну шестую часть суши. Именно поэтому рассмотрение вопросов сугубо военно-экономических будет сопровождаться этическими и моральными аспектами данной проблемы. Есть еще одна сторона,

о которой ранее старались не упоминать. Рядовой россиянин, помимо того, что он работник и законопослушный гражданин, выступает еще и как налогоплательщик, отдающий часть своего заработка на нужды обороны. Он задает себе вопросы, на которые хочет услышать убедительные ответы: куда, зачем, сколько и с какой эффективностью используются деньги из его кармана, направляемые на нужды обороны.

В упомянутых ранее работах делалась попытка рассмотреть, как влияет оборонный комплекс на решение проблем военно-технического сотрудничества, степень его воздействия на развитие оборонно-промышленного комплекса, сохранение современных технологий для нужд экономики страны и ее оборонного потенциала. Удалось выяснить, что многие нынешние проблемы военно-технического сотрудничества зависят от состояния самого ВПК и ОПК.

В недалеком прошлом проблема состояния ВПК не вызвала сомнения. Оно было всегда в пределах нормы или выше. Финансовые средства и материально-технические потоки шли для ВПК непрерывно. Объемы ресурсов были неограниченными. Требования оборонного комплекса удовлетворялись быстро и в полном объеме. При этом управление оборонным комплексом осуществлялось из Центра путем рассылки указаний и директив непрерывающего характера.

Россия, став самостоятельным государством, определила свой вектор развития, направленный в сторону приоритета рыночных экономических отношений, что сразу поставило на повестку дня проблему о размерах армии, численности ее состава, финансировании оборонного заказа и сохранении мобилизационных возможностей. От решения этих и других проблем, решаемых в контексте проводимой военной реформы, зависит не только могущество государства российского, но и благополучие его народа.

Военно-промышленный комплекс (ВПК) в структуре любой экономической системы имеет свою специфику, отличающую его от других секторов экономики. В то же время, строгого определения понятия «военно-промышленный комплекс» не дает ни один из современных экономических словарей. С экономических позиций функционирование предприятий и организаций ВПК обусловлено целым рядом специфических особенностей, отличающих их

от традиционных товаропроизводителей, действующих в рыночной среде. В их числе:

- государственный заказ на фундаментальные исследования и важнейшие прикладные разработки;

- особые требования к качеству производимой продукции, которые могут как существенно превосходить, так и значительно уступать (например, по расчетному времени эксплуатации в боевых условиях) аналогичным стандартам, определяющим качество гражданской продукции;

- монополия заказчика, обусловленная преобладанием государственного заказа на создание и производство вооружений над инициативными, задельными работами предприятий ВПК;

- наукоемкость и высокотехнологичность разработки и производства подавляющего большинства современных видов вооружений;

- долгосрочность и капиталоемкость большинства инвестиционных проектов, реализуемых предприятиями ВПК;

- наличие избыточных (мобилизационных) мощностей;

- высокий уровень специализации и монополизации производителей, обуславливающий, как правило, затратный способ формирования цен на производимую продукцию;

- меньшая по сравнению с гражданским производством скорость обновления образцов выпускаемой продукции, не связанная с необходимостью удовлетворения спросовых потребностей рынка;

- особые информационные условия функционирования предприятий, обусловленные требованиями секретности, ограничивающие кооперацию и передачу технологий.

Обладая всеми перечисленными чертами, свойственными ВПК любой страны, российский оборонный сектор имеет к тому же и свои характерные особенности. Недопонимание проблем, связанных с функционированием ВПК в рыночных условиях, а также российской специфики привело к тому, что конверсия отечественного ВПК, на которую в течение последнего десятилетия возлагались столь большие надежды, сегодня воспринимается многими как абсолютно неэффективная растрата государственных средств, а сам российский ВПК находится в глубоком экономическом кризисе.

Выше отмечалось, что России нужен соответствующий ВПК. С учетом опыта мирового развития наше государство не может быть суверенным, динамично развивающимся и способным гарантировать своим гражданам демократические и экономические права и свободы без своего ВПК.

Однако о ВПК сегодня можно говорить скорее в качественных, чем в количественных показателях. Стране нужен модернизированный оборонный комплекс, основанный на высоких технологиях и одновременно стимулирующий развитие отечественного научно-технического потенциала; кооперационных связей в рамках международного сотрудничества со странами ближнего и дальнего зарубежья; удовлетворяющий потребности оборонной безопасности России и валютных поступлений в государственный бюджет от экспорта вооружений зарубежным странам.

Однако наибольшую сложность представляет собой вопрос, как, по возможности в кратчайшие сроки, наиболее эффективно и с минимумом социальных последствий трансформировать структуры бывшего ВПК Советского Союза, доставшиеся в наследство новой России, в экономически эффективный сектор отечественного материального производства.

И дело не только в том, что преобразование оборонного комплекса происходит в условиях острого политического и экономического противоборства заинтересованных хозяйствующих субъектов, а опыт практического решения возникающих проблем и первые результаты деятельности по реформированию ВПК не всегда поддаются систематизации и тиражированию и позволяют пока лишь очертить только основные направления таких преобразований, наметить важнейшие этапы и рубежи.

Более важным представляется понимание того, что процесс реформирования ВПК является непрерывным. Новые условия существования страны, новые экономические реалии и новые международные факторы являются той динамичной средой, в которой существует ВПК и которая одновременно определяет, каким он должен быть. Для того чтобы соответствовать этим реалиям, ВПК должен стать максимально адаптируемым к ним, саморегулирующимся. Он должен оставаться одним из решающих факторов обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

1.1. Основные геоэкономические параметры современного мира

На протяжении всей истории человечества картина окружающего мира постоянно менялась. Эти изменения — социально-экономических формаций, территориальных границ государств, сфер влияния религиозных конфессий, зон политико-идеологического влияния и другие — происходили с различной интенсивностью в разных регионах планеты и сопровождались, как правило, кровопролитными войнами, революциями, переворотами. В результате рождались и рушились империи, процветали одни государства и бедствовали другие, где-то развивались науки, культура, ремесла, которые потом погибали от нашествия варварских орд, и, напротив, порой завоеватели приносили более развитую цивилизацию покоренным народам, способствуя их дальнейшему развитию. Так, по сложным законам развития формировался мир, в котором мы вступили в новое тысячелетие.

Ныне, в начале XXI века и III тысячелетия, особенно актуально проанализировать основные закономерности такого развития с целью прогнозирования и моделирования жизнеобразующих процессов как в краткосрочной, так и в отдаленной перспективе — ведь именно они будут определять геополитическую и геоэкономическую ситуацию в мире.

Основными целями для экспансионистских устремлений отдельных государств (их правящих элит) в разные исторические периоды являлись захват новых территорий, покорение соседних стран, расширение сфер влияния, зон выгодной торговли. Можно утверждать, что в основе большинства экспансий во все времена лежали причины экономического характера, а главным способом достижения таких целей являлись войны, в том числе Первая и Вторая мировые. Со временем видоизменялись непосредственные цели экспансии — вместо захвата территорий возникли различные формы контроля над ними. Развитие военных технологий, создание новых видов оружия влекли за собой совершенствование форм и способов вооруженной борьбы; расширение возможностей информационных и коммуникационных средств и систем приводило к перерастанию региональных проблем в глобальные.

При этом резко возросло значение обеспечения национальной безопасности во всех сферах ее проявления.

Необходимо отметить, что на протяжении всей истории развития человечества проявлялось взаимное влияние и связь революционных научно-технических достижений, технологических прорывов с коренными переменами в мировой экономике и политике: совершенствование технических средств создавало благоприятные условия для качественного изменения геополитических (в том числе военно-политических) и геоэкономических процессов и наоборот — экономика и политика предъявляли новые требования, формировали направления развития науки и технологий.

Одним из важнейших геополитических событий конца XX столетия, оказавших и продолжающих оказывать решающее влияние на основные мировые тенденции, явился распад СССР. Изменился стратегический баланс сил в мире, начался его географический, геополитический, геоэкономический передел в соответствии с новой расстановкой политических, экономических и военных сил. Вместо биполярной модели противостояния двух сверхдержав и возглавляемых ими лагерей мир стал развиваться по схеме многополярности со своими региональными лидерами или центрами силы, обладающими большей или меньшей политической, экономической или военной мощью и соответствующими амбициями. Единственной сверхдержавой на планете в настоящее время считаются США. Претензии на лидерство (в том числе и мировое) заявляют как традиционно великие, так и в недавнем прошлом развивающиеся государства. Старшее поколение россиян еще хорошо помнит те времена, когда Индия, Китай, Корея, Турция, Бразилия и ряд других стран воспринимались нами как достаточно отсталые в сравнении с СССР, обладавшим огромным научно-производственным и культурным потенциалом, открывшим миру дорогу в космос и располагавшим военной мощью, способной уничтожить всю планету. Однако за короткий по историческим меркам период все переменялось, и многие из таких стран обогнали Россию по ряду валовых экономических показателей или находятся на пути к этому. В качестве геополитических центров регионального и мирового значения уверенно выступают Китай, Индия. Стабильно развиваются в экономическом отношении

Индонезия, Корея, Турция, ряд государств Латинской Америки.

Такой прогресс указанных стран на фоне продолжающегося экономического кризиса в России и бывших республиках СССР, безусловно, сказывается на общемировой геополитической ситуации. Анализируя состояние и основные тенденции развития межгосударственных отношений, следует отметить как доминанту последних десятилетий XX века региональную интеграцию суверенных государств, реализующуюся, в частности, через создание экономических и военно-политических союзов. Распад СССР и разрушение биполярной модели мира ускорили этот процесс, направленный на концентрацию политической, экономической и военной мощи стран различных регионов для совместного решения проблем в конкурентной борьбе на мировых рынках. Это обусловило перенос проблем безопасности из военной и социально-политической сферы в военно-техническую, экономическую и ресурсную.

В мире сейчас доминируют три основные экономические группировки. **Европейский союз (ЕС)**, объединяющий в основном развитые европейские страны, имеет большой удельный вес в мировой экономике. Так, на долю ЕС приходится 24% мирового ВВП, 43% мирового экспорта, 22% всех военных расходов в мире. Процесс экономической интеграции в ЕС сопровождается и начавшейся политической интеграцией, что предполагает делегирование части полномочий национальных правительств наднациональным органам.

Азиатско-Тихоокеанское экономическое сообщество (АТЭС), формально созданное в 1989 году, фактически функционирует с 1993 года. Его доля в мировом ВВП составляет 29%, без учета США и других американских государств, входящих в Североамериканскую зону свободной торговли. Доля АТЭС в мировом экспорте составляет 25%, расходы на вооружение — 18%. С учетом же США и других американских государств на долю АТЭС приходится уже около 55% ВВП, 42% экспорта и 53% военных расходов. Более половины крупнейших корпораций мира находится в странах АТЭС.

Также с 1993 года вступило в силу соглашение о создании **НАФТА — Североамериканской зоны свободной торговли**, третьего крупнейшего регионального экономического союза,

в активе которого 26% мирового ВВП, 17% экспорта и 37% мировых военных расходов.

Из других региональных экономических союзов следует отметить зону свободной торговли Северной и Южной Америки, которую планируется открыть в 2005 году. Учитывая высокие темпы развития латиноамериканских стран в последнее время, она может превратиться в одно из самых крупных региональных экономических объединений в мире.

Помимо региональной интеграции в экономической, политической и военной областях развиваются также и межрегиональные связи. В военно-политической области крупнейшим межрегиональным блоком является Организация Североатлантического договора — НАТО. В сфере экономики следует отметить начавшийся с 1996 года диалог стран Европейского союза и Азии, имеющий целью снятие барьеров на пути увеличения объемов торговли между странами АТР и Европой. Интенсивно развиваются экономические связи США со странами ЕС, которые пока являются их основными конкурентами. «Новой трансатлантической повесткой дня», принятой в Мадриде в 1995 году, предусматривается создание трансатлантического рынка, что позволит обеспечить благоприятные условия для торговли и инвестиций. Развиваются и другие межрегиональные экономические связи. Все это знаменует вступление интеграционных процессов в мире в эру глобализации.

Тема глобализации заслуживает более внимательного рассмотрения. Для начала следует отметить, что глобализация не является чем-то новым для цивилизации. Многие исследователи считают, что ее истоки скрыты в прошлых веках. И если в политической сфере отсчет даты рождения глобализации формально можно вести от первых международных конференций по проблемам войны и оружия (Женевская конференция), образования Лиги Наций, ООН, то в экономике этот процесс начался гораздо раньше, когда стала интенсивно развиваться и завоевывать новые рынки мировая торговля. На пути глобализации были периодические подъемы и спады. Так, во время войн и революций XIX века, а также мировых войн XX столетия отмечался понятный спад в межгосударственных экономических связях, а затем, естественно, бурный расцвет в мирный период. В настоящее время процесс глобализации стал настолько заметно влиять на экономические

и политические процессы в мире, что появились первые его противники в лице общественных организаций, выступающих как против деятельности отдельных наднациональных финансовых структур, так и глобализации в целом в условиях однополярного мира.

Однако сегодня глобализация уже перешла на новую качественную ступень, становясь одним из решающих факторов, определяющих процессы жизнеустройства на земле. Чем подтверждается такое утверждение? Прежде всего, созданием и успешным функционированием мировых финансовых структур. Так, расширяет свою деятельность Всемирная торговая организация (ВТО), созданная по инициативе США для формирования глобального рынка в XXI веке. В рамках этой организации в 1996 году 45 странами было подписано соглашение по информационным технологиям с охватом рынка объемом 600 трлн долл. А в 1997 году — соглашение о либерализации рынка финансовых услуг с участием 102 государств.

Важными экономическими инструментами глобального масштаба выступают Международный валютный фонд (МВФ) и Мировой банк, находящиеся под неформальным контролем США и играющие одну из основных ролей в формировании мировой финансово-экономической системы. Около 100 стран являются «клиентами» этих международных финансовых институтов, получающими кредиты и техническую помощь. Во время мирового финансового кризиса 1997—1998 годов займы от этих организаций на общую сумму более 150 млрд долл., необходимые для спасения национальных экономик, получили Корея, Таиланд, Индонезия, Россия и другие страны. Необходимо, однако, отметить, что займы предоставлялись на определенных условиях, выгодных для «попечителей» этих организаций.

На формирование структуры и содержание мировых экономических реформ решающее воздействие оказывают транснациональные корпорации (ТНК), являющиеся одними из основных субъектов глобальной экономики. Ныне их в мире насчитывается более 50 тыс., а с филиалами — более 450 тыс. Однако реально экономическим и политическим весом обладают лишь 100—150 крупнейших ТНК. Основными показателями эффективности их транснациональной деятельности являются объем прямых иностранных инвестиций и доля

международной торговли, которую они контролируют. В стране ТНК продолжается конкурентная борьба, идет перегруппировка сил в интересах концентрации и централизации капиталов. Так, только в 1999 году в сравнении с 1998 годом на 47% возросло число транснациональных операций по слиянию и поглощению корпораций.

Важнейшую роль в международной экономике играет «Большая семерка», в которую входят наиболее развитые в экономическом отношении страны — США, Япония, Германия, Англия, Франция, Италия и Канада. На долю этих стран приходится около половины мирового ВВП и более 62% государственных расходов и международной торговли всех стран мира. «Большая семерка», являясь ядром Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), осуществляет неформальный контроль над МВФ и Мировым банком. Ряд новых аспектов деятельности этих государств возникает при поэтапном присоединении к ним России.

Все вышеперечисленное позволяет предположить, что в настоящее время в мире формируется некая глобальная экономическая структура, субъектами деятельности которой являются ТНК, системой управления — ОЭСР и наднациональные финансово-экономические звенья — ВТО, МВФ и Мировой банк. Поле деятельности этого монстра геоэкономики — глобальный рынок, благоприятные условия функционирования которого формируются путем создания упомянутых региональных и межрегиональных экономических сообществ, союзов и зон свободной торговли.

Рассмотрим более подробно основные черты и параметры геоэкономики современного мира. Основные ее характеристики таковы:

— интернационализация коренным образом изменила международное разделение труда, идет обмен и взаимодействие не только между государствами, но прежде всего между транснационализированными структурами — мировыми центрами воспроизводства, то есть крупными технологическими мегаполисами. Национальные же экономические структуры и системы управления становятся лишь звеньями в этой цепи;

— «стыки» зон влияния таких центров есть не что иное, как экономические границы, которые не совпадают с границами национальными. Ввиду подвижности конфигурации мировых

циклов воспроизводства становятся подвижными и экономические границы, что отражается в непрерывном экономическом переделе мира;

– в рамках интернационализированных экономических структур формируется и перераспределяется мировой доход;

– реализация экономических интересов происходит не только на мировом рынке, но и на так называемом геоэкономическом атласе мира (включающем и национальные геоэкономические атласы): транснационализация перекроила политическую карту мира, возникло новое, геоэкономическое пространство, на котором национальные экономики реализуют свои стратегические интересы и цели, выходящие за рамки их географических границ;

– эффективная экономическая деятельность на мировой геоэкономической карте требует активной, наступательной тактики в отличие от прежней выжидательной торговой практики и определенных геоэкономических приемов, так называемых механизмов реализации своих интересов. Под этим понимается использование технологий целенаправленного формирования геоэкономической ситуации, отложенной внешнеэкономической контрибуции, стратегического зачета взаимных требований и т. д.

Глобальная экономика, или геоэкономика, формирует также новые политические отношения в мире, определяемые как геополитика. Основные ее черты проявляются прежде всего в тенденции доминирования международных правил и экономических законов над национальными. Это геоэкономика диктует геополитическую линию и предопределяет правила перекраивания географического и геополитического атласа мира. При этом речь не идет об изменении границ суверенных государств, просто геоэкономика порой функционирует над государственным границами и вне национальных законов отдельных стран. Так, транснациональный капитал в погоне за выгодой может перемещаться из страны в страну, туда, где существуют благоприятные условия с точки зрения налогообложения, стоимости рабочей силы и т. п.

Геоэкономика требует либерализации таможенных ограничений в разных странах и регионах, расширения зон свободной торговли, унификации правил и законов торговли. Отсюда мотивированная тенденция геополитики к гло-

бализации, к перестройке политического и экономического атласа планеты.

Параллельно с этими тенденциями нарастают и новые проблемы — активизация сил антиглобализма (проявившаяся при встречах лидеров «Большой семерки» в Италии, Канаде) и противостояние богатых и бедных стран (имевшее место в 2002 году на Всемирной конференции в ЮАР по окружающей среде и устойчивому развитию).

В этих условиях важную трансформацию переживает военная политика государств и их коалиций, являющаяся одним из основных компонентов геополитики. Необходимо отметить еще одну особенность современного мира — создание нового оружия, обладающего глобальными, катастрофическими поражающими характеристиками. Речь идет о ядерном оружии, применение которого в военных целях оказалось невозможным ввиду опасности уничтожения или частичного поражения не только жертвы агрессии, но и самого агрессора. Это в свою очередь приводит к значительной трансформации традиционных форм и способов достижения своих целей экспансивными государствами и их коалициями. Например, появилась такая форма силового давления, как военно-политическое сдерживание возможного агрессора от нападения путем угрозы нанесения ему ответного удара с применением ядерного оружия, который имеет своим следствием неприемлемый ущерб. Необходимо сказать, что само появление в вооруженных силах ряда стран ядерного оружия на протяжении послевоенного периода предотвращало развязывание ядерной или крупномасштабных войн.

Невозможность применения вооруженных сил для силового разрешения международных проблем привела к появлению других, несилowych форм и способов достижения политических целей амбициозными и экспансивными государствами. Так, в дополнение к войнам дипломатическим, торговым, экономическим и таможенным возникли идеологические, информационные, культурологические и другие типы «войн», которые все в большей мере оттесняют военные способы решения политических и экономических проблем.

Глобализация коснулась всех основных сфер человеческой деятельности: военно-политических образований различной направленности, информационно-коммуникационного обмена,

культурно-идеологических связей, охраны окружающей среды и др. Но в первую очередь она, конечно, затронула основные сферы деятельности человека — экономику и политику. А поскольку большая часть мировых процессов находится под воздействием геополитики и геоэкономики, рассмотрим объективные тенденции их взаимосвязанного развития.

Геоэкономика развивается как следствие объективной необходимости хозяйственной интеграции национальных экономик, естественного стремления к выводу воспроизводственных процессов за рамки политических границ отдельных государств. Этим интеграционным процессам, отвечающим интересам национальных экономических стратегий, зачастую препятствует та часть национальных геополитических интересов, которая исторически связана с прошлыми этническими, религиозными и другими противоречиями. Такая сложная взаимосвязь геополитических и геоэкономических стратегий приводит порой к двойственности военно-политического компонента: защищая свои геоэкономические интересы, государство вынуждено отстаивать и их геополитическую составляющую. В конечном счете потребность в большом потенциале вооруженных сил милитаризирует и изматывает мировую экономику. Такое единство и борьба геоэкономики и геополитики ярко проявляется на современной политической карте мира. В частности, это можно проиллюстрировать недавними событиями на постсоветском пространстве и в зоне извечных российских интересов. Так, открытие новейших месторождений нефти и газа на Каспии повлекло за собой потребность в перегруппировке и концентрации экономических, кредитно-финансовых, производственных и иных ресурсов прикаспийских государств для совместного освоения новых энергетических источников. В настоящее время продолжается формирование гигантских консорциумов, создание новых производственных инфраструктур на базе инновационных технологических прорывов. **Одновременно в мире происходят геополитические кризисы** (Балканский кризис, войны в Персидском заливе и Афганистане и их последствия), внешне не связанные с упомянутыми месторождениями, однако имеющие к ним непосредственное отношение. В таких кризисах борьба за национальные интересы, выражающаяся в виде идеологических, религиозных, государственно-терри-

ториальных противоречий, маскирует геостратегическое стремление экспансивных государств и финансово-экономических транснациональных групп контролировать перспективные энергетические регионы в рамках геополитического передела мира, ведущегося после развала СССР.

Особую остроту новые угрозы приобрели после крупнейших террористических актов в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 года и последовавшей за ними мощной анти-террористической кампании — идеологической, военной, информационной и политической.

Таким образом, доминантой мирового развития является геоэкономика, которая в силу объективных закономерностей своего развития на базе технологических прорывов науки будет определять течение мировых процессов в начале XXI века. Так как же будет развиваться мир в ближайшие 10–15 лет и далее? Здесь мнения ученых не всегда совпадают. Учитывая влияние изложенных выше тенденций и закономерностей, следует, однако, отметить и факторы неопределенности, которые могут решающим образом поменять политическую картину мира. Как известно, США в явной и неявной форме претендуют на мировое лидерство, что предполагает установление монополярной модели мира в XXI столетии. США участвуют в большинстве экономических и военно-политических сообществ, существующих и планируемых к созданию как в Западном, так и в Восточном полушарии, что в целом отвечает тенденциям глобализации экономики и политики. Соединенные Штаты ныне и в ближайшем будущем — самая мощная в экономическом и военно-политическом отношении страна в мире.

Вместе с тем растущие в экономическом, военно-политическом отношении страны и их региональные сообщества, такие как Китай, страны ЕС и Япония, могут в недалеком будущем составить реальную конкуренцию США, по крайней мере на региональном уровне. Прочное второе место в мире, которое по объему ВВП занимает КНР, плюс более высокие, чем в США, темпы роста ВВП — весьма весомые факторы, способные выдвинуть Китай в качестве глобального центра силы в ближайшее время. Поэтому полицентрическая модель мироустройства представляется более вероятной. При этом основные региональные сообщества достигнут более высокого уровня экономической интеграции, что позволит им добиться

высоких экономических показателей и соответствующей доли при распределении мирового дохода. Очевидно также, что и политическая интеграция в отдельных регионах поднимется на новую ступень.

А как сложатся военно-политические отношения отдельных центров силы и возглавляемых ими региональных и межрегиональных группировок? Возникнет ли конкуренция и военно-политическая конфронтация между региональными группировками или ниши мировой экономики будут поделены без применения силовых методов?

Здесь необходимо отметить, что геоэкономика обладает большим потенциалом стабильности в процессе мирового передела геоэкономического и геополитического атласов, прежде всего ненасильственными методами, то есть путем согласования национальных экономических интересов. По мнению многих экономистов, дееспособная экономика любого государства, стремящаяся стать участницей глобальных геоэкономических процессов воспроизводства, постарается найти свое место в них, а также при формировании и распределении мировых доходов. Тем более что распространяющееся в мире ядерное оружие в значительной мере может повлиять на выбор способов разрешения противоречий. Не исключено, впрочем, что амбиции военно-политического руководства некоторых стран окажутся выше соображений собственной безопасности, и тогда предсказать будущее человечества станет затруднительно.

Но даже если исключить пессимистичный сценарий, говорить о развитии мировых процессов сегодня достаточно сложно. Уже сейчас можно отметить определенные тенденции, препятствующие развитию глобализации. Это, в частности, возрастающее значение отношений, регулируемых в интересах социальной сферы в ущерб глобальной экономике. Усиление социального акцента национальной политики отдельных государств может негативно отразиться на конкурентоспособности национальной товарной продукции и, следовательно, на национальных доходах. Глобализация должна привести к изменению технологий и, как следствие, — к изменению традиционного социального уклада, условий существования жизни людей, природных условий, то есть к определенным цивилизационным изменениям.

Эти процессы могут вызвать негативную реакцию населения и социальные конфликты.

Одной из серьезных проблем, связанных с глобализацией экономики, является увеличивающийся разрыв между уровнем доходов богатых и бедных стран. Несмотря на предполагавшееся некоторыми исследователями сближение со временем этих уровней, поляризация мира в этом отношении продолжается. Так, соотношение доходов группы богатых и бедных стран выросло с 13:1 в 1960 году до 60:1 в настоящее время. По данным ООН, сейчас объем потребления одной четверти населения земли составляет 86% от совокупного потребления в мире. В дальнейшем этот разрыв может значительно увеличиться за счет способности отсталых стран перенимать новейшие высокие технологии. Некоторые исследователи, впрочем, полагают, что сближение уровней жизни различных стран будет возможно благодаря всеобщей информатизации и прозрачности мирового экономического пространства. Это приведет в конце концов к образованию единого глобального сообщества. Первым шагом на этом пути явилось создание Интернета — мировой информационной сети. Но существует и иное представление об Интернете, который был рожден, напомним, по заказу Пентагона. Только на первый взгляд Сеть вышла из-под контроля ее создателей и не является инструментом информационной войны. Специалисты фиксируют факты иного рода.

Говоря о будущем человечества, нельзя не отметить существующие представления о прохождении современной цивилизацией определенных этапов (стадий) в своем развитии. Согласно одной из теорий, до настоящего времени цивилизация прошла два основных этапа — аграрный и промышленный (с начала XIX века). Наступивший XXI век знаменует вступление в информационную стадию развития, при которой основным предметом производства и потребления станет информация. Это внесет большие изменения в привычный уклад жизни и потребует определенной адаптации людей к новым жизненным реалиям.

Существуют и иные прогнозы относительно будущего человеческой цивилизации. Важно проанализировать основные факторы, которые будут определять развитие экономических, военно-политических и социально-экономических процессов в первой половине XXI столетия.

Первый фактор — региональная интеграция суверенных государств в военно-политические, а чаще — экономические союзы с целью концентрации ресурсов для совместного решения проблем экономики, безопасности и др. После развала СССР мир быстро минует монополярную фазу и в основном будет развиваться по многополярной, полицентрической модели, где в качестве региональных центров силы могут выступать как традиционно великие державы, так и новые государства из числа стран, ранее называвшихся развивающимися.

Второй фактор — глобализация мировых процессов, в том числе в области геоэкономики и геополитики, что в свою очередь сформирует новую мировую экономическую систему, развивающуюся по собственным законам, то есть практически вне национальных границ и нормативно-правового поля суверенных государств. Как всякая саморазвивающаяся система, глобальная экономика обладает всеми необходимыми атрибутами: органом управления в лице «Большой семерки», субъектами управления — ТНК, исполнительным механизмом — МВФ и Мировой банк, полем деятельности — мировой рынок.

Третий фактор — стремительное развитие науки и технологий, которое, как оказалось, и в новые времена ведет к значительной реформации военной политики государств. Появление ядерного и других видов оружия, а также военных технологий на базе последних достижений науки и техники потребовало изменения традиционных форм и способов ведения военных действий.

В результате воздействия этих и многих других факторов в перспективе возникнет новый миропорядок, который значительно изменит привычное жизнеустройство людей на земле. Однако и в новых условиях продолжится поляризация мира. Разрыв в уровне доходов богатых и бедных стран не только сохранится, но и будет увеличиваться. В прогнозируемом будущем возрастет роль науки и новейших технологий. От того, насколько страна сумеет продвинуться в этом отношении, будет зависеть ее роль в мировом производстве и участие в распределении мирового дохода.

Чтобы определить место России в меняющемся мире и наметить рациональный вектор ее развития, необходимо оценить степень опасности новых рисков, угроз и вызовов для нее в современных условиях.

1.2. Россия в условиях новых геополитических вызовов и угроз

Как отмечено выше, мир продолжает меняться, развиваясь по законам геополитики и геоэкономики. Различные страны, региональные и межрегиональные союзы стран и их интеграционные сообщества занимают места в соответствии с функциональной ролью и вкладом в формирующуюся новую глобальную экономическую систему. Одни, наиболее развитые и богатые, наслаждаются всеми благами цивилизации, создавая для элиты и собственного населения высокие стандарты жизни, при этом они используют значительную часть мирового дохода. Другие, отставшие в развитии и освоении новой производственной и технологической базы, влачат жалкое существование (по крайней мере, большая часть их населения). Есть и государства, находящиеся в промежуточном состоянии. Такой расклад, видимо, сохранится в ближайшие 10–20 лет.

При этом важно определить место России и что необходимо предпринять, чтобы народы России, испытавшие на себе в XX веке все тяготы и лишения мировых и гражданских войн, революций и контрреволюций, диктатуры и экономической анархии, не оказались в еще более тяжелом положении из-за очередного эксперимента или стратегического просчета нового руководства страны.

Распад СССР и последующее перестроечное десятилетие привели Россию к геополитическому перекрестку, где ей необходимо достаточно быстро сформировать свою геостратегию развития и условия такого выбора.

Во внешнеполитической области Россия после развала СССР и Организации Варшавского договора оказалась в чрезвычайно сложном положении. В период, когда большинство стран — даже самые сильные в экономическом и военно-политическом отношении — объединяется в мощные региональные коалиции для совместного решения национальных проблем, Россия оказалась практически изолированной от основных региональных сообществ. По своему геополитическому положению, будучи крупной евроазиатской страной, она должна бы играть важную роль как в европейской, так и в ази-

атской политике и экономике, а также быть связующим звеном между Западом и Востоком. Однако тяжелое экономическое положение и внешнеполитическая пассивность России в перестроечный период не позволили ей стать полноправным и влиятельным партнером в основных региональных коалициях. Правда, в 1997 году Россия была принята в Азиатско-Тихоокеанское экономическое сообщество, но удельный вес ее торгово-экономической деятельности в общем объеме международной торговли в странах этого региона незначителен. Не менее важны для нас политические и экономические отношения с европейскими странами. Ведь в сфере культуры, религии, языка, истории, традиций и по другим цивилизационным признакам большая часть населения России тяготеет к европейским стандартам. И все же нельзя пренебречь и такими реалиями: в обществе еще живы стереотипы холодной войны, дух бывшего длительного противостояния двух идеологических систем, и хотя ныне основное — идеологическое — препятствие к сближению исчезло, напряженность и подозрительность по отношению к «вероятному противнику» в лице США остается у большей части населения и частично среди руководящей элиты. Наверное, в определенной мере для этих неосознанных чувств имеется реальная основа. Ведь несмотря на кардинальные сдвиги на мировой политической арене и распад ОВД, НАТО продолжает жить и расширяться, продвигаясь к границам России. К тому же претензии США на мировое лидерство воспринимаются некоторой частью мирового сообщества как претензия на мировое господство.

Что же может Россия противопоставить расширению военно-политического блока, опирающегося на экономический и военные потенциалы развитых европейских стран, США и Канады? Здесь есть три пути.

Во-первых, предпринять попытки позитивного взаимодействия с этими странами по ряду важнейших направлений — борьбы с национальным и международным терроризмом и налаживания связей со странами НАТО.

Во-вторых, искать сильных союзников на Востоке. Такая попытка была предпринята Россией во время югославского кризиса. Однако ни Китаю, ни Индии, как говорится, не с руки входить в конфронтацию со странами, являющимися основными инвесторами в экономику их стран, владеющими

новейшими технологиями. Поэтому дальше деклараций *о стратегическом партнерстве* сближение не продвинулось. Кроме того, в недалекой перспективе интересы одного из стратегических партнеров — бурно развивающегося Китая — могут столкнуться с российскими интересами (имеются в виду слабозаселенные пространства Сибири и Дальнего Востока).

В-третьих, в качестве главной перспективы в части региональной интеграции остается СНГ. Но и здесь имеется много проблем. По экономическим показателям СНГ в несколько раз уступает основным региональным сообществам — ЕС, АТЭС, НАФТА, хотя по ресурсным возможностям кое в чем и превосходит их. Экономика стран СНГ и российская экономика переживают кризис переходного периода. Политическое положение в СНГ не лучше. Дезинтеграционные тенденции здесь объясняются прежде всего слабостью экономического центра содружества — России, а также влиянием внешних сил, направленным на вовлечение некоторых стран региона в сферу своих интересов по религиозным, этническим, экономическим и другим признакам. Лишь реальная военная угроза смогла заставить новые независимые среднеазиатские государства объединиться для совместной обороны своих границ, как это произошло в сентябре 2000 года перед лицом опасности, исходившей со стороны Афганистана. Тогда в Бишкеке был подписан Договор о коллективной безопасности.

Акценты в этой политике резко сместились после начала международных акций, в первую очередь США, против движения талибов в Афганистане после событий 11 сентября 2001 года.

Особое место в российской внешней политике занимают Беларусь и Украина. Несмотря на надежды большинства россиян и украинцев на близкую интеграцию, пока в руководящих кругах обоих государств, отражающих интересы новых экономических элит, больше взаимных разборок и нерешаемых проблем. Кроме того, политическое, военно-политическое сближение наших стран нежелательно для Запада и прежде всего для США — они не хотят и опасаются возрождения на евроазиатском пространстве нового сильного игрока, претендующего на превращение в центр силы. Отсюда постоянное заигрывание с Украиной, стремление привлечь ее к союзу с государствами Запада и оторвать от России. В планах

объединенной (экономически и политически) Европы без Украины, занимающей на континенте центральное место, образовалась бы брешь. Союз России и Беларуси, имеющий существенную межнациональную, оборонную и экономическую базу, созданную к началу XXI века, пока не получил динамичного развития. В последнее время здесь обнаружилось различные подходы по целому ряду принципиальных вопросов.

Но и Россия является неотъемлемой частью Европы, поэтому без нее европейское сообщество будет неполноценным. Для России так же жизненно важно налаживание полнокровных связей с европейскими странами, взаимное инвестирование, обмен новыми технологиями. В настоящее время в РФ на долю стран ЕС приходится около 25% всех иностранных инвестиций, 40% экспорта и 36% импорта. Это хорошие показатели, однако для стран ЕС удельный вес торговли с Россией составляет лишь 4,5%, причем две трети российского экспорта — это сырьевые товары. Очевидно, что для развития полноправных отношений с объединенной Европой Россия должна «вылечить» свою экономику, найти себе место в мировой экономической системе, поднять боевой потенциал Вооруженных Сил и занять достойное положение на геополитической карте мира, соответствующее ее географическому положению, ресурсам и историческим традициям. В противном случае ее ожидают не лучшие времена. При реализации пессимистического сценария она может надолго остаться в роли сырьевого придатка транснациональных монополий, увязшего в долгах мировым финансовым структурам и окруженного недружественными военно-политическими блоками и экономическими сообществами, страны-члены которых будут иметь с Россией множество нерешенных проблем территориального, религиозного этнического характера.

На Западе основную угрозу национальным интересам России представляет политика консервативных сил НАТО во главе с США, стремящимися к мировому лидерству. В ущерб стратегической стабильности в мире НАТО продолжает расширение на восток за счет вступления в блок новых членов — бывших участников ОВД. Новые независимые прибалтийские государства также явно тяготеют к Евросоюзу и НАТО. К тому же у Эстонии и Латвии имеются территориальные претензии

к России. Разногласия с Литвой и другими странами ЕС по вопросу Калининградской области, с Украиной по Крыму и Севастополю тоже несут потенциальную угрозу стабильности наших межгосударственных отношений на западных и юго-западных границах страны.

На юге угрозу российским интересам может представлять Турция, которая, опираясь на постоянно растущий экономический и военный потенциал, будет активно стремиться к усилению своего влияния в Черноморском бассейне. А если учесть, что Турция косвенно поддерживала чеченских сепаратистов, стремится к усилению своего влияния на Кавказе и в Средней Азии, а также то, какую позицию она заняла по проблеме добычи и транспортировки каспийской нефти, — все это можно расценивать как реальную угрозу российским интересам.

Большую опасность для России представляет движение исламских фундаменталистов, поддерживаемых Пакистаном, Саудовской Аравией и другими исламскими государствами. В настоящее время наблюдается неслучайная активизация исламистов в мусульманских государствах Кавказа, Средней Азии и на некоторых территориях российского Поволжья, где большая часть населения исповедует ислам.

О причинах возможных осложнений во взаимоотношениях с Китаем уже говорилось. Демографические проблемы в Китае вкупе с незаконной иммиграцией китайцев на территорию России, достигшей опасных размеров, представляют угрозу нашему государству.

Наконец, проблема так называемых северных территорий — группы островов Курильской гряды, на которые претендует Япония — также не способствует стабильности в российско-японских отношениях.

Итак, России даже в большей степени, чем в свое время СССР, по всем географическим направлениям угрожают потенциальные или реально существующие конфликты — политические, территориальные, этнические, экономические, военные и др. Идеологические разногласия с Западом вроде бы ушли в историю. В чем же причина нынешнего противостояния?

Главная причина ясна. Богатейшая в прошлом страна, занимавшая одну шестую часть суши, обладавшая огромными при-

родными ресурсами, большим экономическим, военным, научно-производственным потенциалом, имевшая все необходимое для защиты своих богатств и национальных интересов, вдруг в одночасье (по историческому времени) в значительной степени утратила возможность обеспечения безопасности и защиты своих интересов, практически сохранив при этом большую часть ресурсов, территории и научно-технического, производственного и культурного потенциала. Тем самым нарушился естественный закон сохранения баланса государственных интересов и средств их защиты.

Подлежит более подробному анализу проблема защиты национальных интересов страны силовыми средствами, то есть проблема оборонной безопасности России.

До распада СССР безопасность страны от внешних угроз обеспечивалась боевым потенциалом ее Вооруженных Сил, созданным и поддерживаемым мощным оборонно-промышленным комплексом. Концепция обеспечения безопасности государства и стратегической стабильности в мире при наличии ядерных вооружений базировалась на силовом сдерживании вероятного агрессора от нападения угрозой гарантированного нанесения ему в ответных действиях так называемого неприемлемого ущерба путем поражения ядерным оружием жизненно важных объектов на его территории. Такая стратегия опиралась на огромный разрушительный потенциал ядерного оружия, обеспечивала безопасность ведущих ядерных держав и их союзников, в том числе СССР и государств — членов ОВД, в течение всего послевоенного периода.

Распад СССР и последующая деградация экономики страны привели к значительному снижению боевого потенциала Вооруженных Сил России и ее военно-экономического потенциала. Нарушился стратегический баланс сил в мире. Однако стратегические ядерные силы России все еще в состоянии уничтожить любого агрессора в случае вооруженного нападения на нее или ее союзников. Возникла в определенной мере парадоксальная ситуация. Ослабленная в экономическом и военном отношении страна, обладающая огромными ресурсами и территорией, может оказать противодействие диктату ведущих западных стран во главе с США, препятствуя установлению нового глобального мирового порядка, доступу мирового капитала к богатым ресурсам и новым рынкам.

И все это — только из-за наличия у России ядерного оружия. Подавляющее военное превосходство НАТО по сути нивелируется наличием у России сил ядерного сдерживания, которые, правда, ей все труднее поддерживать в надлежащей боеготовности.

Такое положение, естественно, не устраивает ведущие ТНК западных стран и США. Поэтому наряду с процессом сокращения ядерных вооружений и созданием системы ПРО развернулась настоящая гонка в области стратегических неядерных вооружений. И как всегда, тон здесь задают Соединенные Штаты. Выразителем взглядов на проблемы обеспечения безопасности, определяющих новую трактовку роли и содержания стратегии сдерживания, стало министерство обороны США. Бывший министр Уильям Коэн высказался в отношении России следующим образом: *«Мы отнюдь не заинтересованы, чтобы такая страна, располагающая тысячами единиц ядерного оружия и хранящая много тонн расщепляющихся материалов в неохранных лабораториях и на складах, стояла на краю пропасти. Все это добром не кончится. Возникнет риск распространения химических, биологических и ядерных материалов, а это, по сути дела, будет означать усиление дестабилизации во всем мире»*. Далее бывший министр сделал оговорку, что угроза исходит, мол, не от самой России — речь идет о возможности попадания ее «неохранный» оружия в руки террористов. Затем последовала весьма знаменательная рекомендация: *«Поэтому методов сдерживания уже недостаточно для того, чтобы предотвратить применение такого оружия в будущем. И в связи с этим мы должны опираться на наши оборонные возможности. Мы должны применять методы военного вмешательства для защиты безопасности наших граждан как у нас в стране, так и за рубежом»*. США поддержали и их союзники по НАТО. Так, в июле 1998 года в Великобритании был опубликован официальный документ: «Обзор стратегической обороны», в предисловии к которому тогда министр обороны Джордж Робертсон, в частности, заявил: *«В эпоху, которую переживает мир после окончания холодной войны, мы должны быть готовы идти в район кризиса, вместо того, чтобы кризис пришел к нам»*. И еще: *«Мы не хотим празднично стоять и наблюдать за тем, как происходят гуманитарные катастрофы или как диктаторы беспрепятственно осуществляют агрессию»*.

Мы хотим играть ведущую роль, мы хотим быть силой для осуществления добрых дел. Далее в документе указаны конкретные шаги по реализации этой концепции. В главе VII, посвященной оснащению вооруженных сил Великобритании, сказано как нельзя более ясно: *«Мы оснастим все наши ударные подводные лодки крылатыми ракетами «Томагавк», чтобы расширить возможности использования их для сдерживания путем устрашения или принуждения».* Слово «принуждение» особенно знаменательно, поскольку однозначно показывает суть нового подхода ведущих стран Запада к стратегии сдерживания. В 1999 году именно эта стратегия стала важнейшей составной частью новой военной концепции НАТО.

Таким образом, **современная политическая трактовка стратегии сдерживания** государств — членов НАТО радикально трансформировалась. Из концепции ответных военных действий она превратилась в завуалированно агрессивную концепцию упреждающих военных действий по отношению к любым государствам, действия которых, с точки зрения членов этого блока, ущемляют их национальные интересы, нарушают «права человека» либо грозят «гуманитарной катастрофой». При этом сфера национальных интересов США и блока НАТО по существу глобализировалась. Этот пример наглядно иллюстрирует тесную взаимосвязь геополитики и геоэкономики.

Вслед за изменением взглядов на геополитическую стратегию США и НАТО изменилась и их военно-техническая составляющая. Если раньше основное внимание уделялось ядерным СНВ, то теперь на первый план вышли неядерные СНВ, высокоинтеллектуальные технологии и средства, обеспечивающие применение таких СНВ. Тон в развитии новых средств вооруженной борьбы, как обычно, задали США. Использование ими ракет морского базирования «Томагавк» и авиационного базирования AGM-86С в операциях «Буря в пустыне», «Удар в пустыне», в Югославии и Афганистане уже вошло в современную военную историю как этапное событие.

По сути начался новый виток гонки вооружений. Боевые возможности дальнобойных неядерных высокоточных ракет продолжают наращиваться. Так, усовершенствованный вариант ракеты авиационного базирования, разрабатываемый в США по проекту CALCM, оснащается не только модернизированной приемной аппаратурой космической радионави-

гации, но и проникающей боевой частью, а также системой наведения, позволяющими поражать **высокозащищенные и заглубленные** цели под любыми углами подхода к ним, в том числе практически отвесно. Одновременно в США разрабатывается более дешевая и эффективная (в 3–4 раза) ракета меньшей дальности. Активно продвигается разработка совершенно новой гиперзвуковой ракеты класса «воздух-поверхность».

Работы идут весьма масштабно, производство разворачивается в объемах, которые даже превосходят соответствующие параметры развития вооружений в годы холодной войны. Если в 1998 году расходы США на закупки высокоинтеллектуального (smart) ракетного оружия составили более 775 млн долл., то в 2000 году было намечено удвоить эти расходы. Отдельно от ракет, но в русле общей концепции, идет закупка управляемых авиабомб типа JDAM.

Намерение Великобритании приобрести ракеты «Томагавк», озвученное в 1998 году, активно реализуется. Одна из подводных лодок Великобритании была оснащена этими ракетами уже к весне 1999 года и участвовала в нанесении ракетных ударов по Югославии.

Объявлено о приобретении этих ракет у США Израилем.

Бум перехода к высокоточному неядерному оружию большой дальности под флагом «сдерживания» охватил и другие страны. Во Франции к началу нового века разработана ракета «Апаш», в Великобритании — «Сторм Шэдоу». Не отстали с совместной разработкой нового семейства авиационного ракетного оружия «Таурус» Германия и Швеция. Более того, ведущие военные концерны Великобритании, Франции и Италии завершили создание единой индустриальной группы, которая собирается контролировать большую часть европейского рынка ракетного вооружения. Даже Индия заявила о намерении сконцентрировать свои усилия на производстве управляемых ракет — «наподобие тех, которые применялись против Ирака и Югославии».

По оценкам некоторых специалистов, в начале XXI века Россия может столкнуться с угрозой применения против нее высокоточного дальнобойного оружия, суммарный потенциал которого оценивается астрономическими величинами — свыше 100 тыс. единиц! Это свидетельствует о наличии серьезной

опасности нанесения по российскому ядерному потенциалу обезоруживающего удара, что наряду с возможностью создания в США системы ПРО может стать серьезным вызовом России.

Итак, основной причиной ограничения наших возможностей по защите своих интересов является состояние экономики. Именно слабостью экономики объясняется снижение боевого потенциала наших Вооруженных Сил, военно-экономического потенциала страны, а потому неудивительно, что вдруг вновь возникли территориальные претензии к России со стороны некоторых государств. Той же причиной можно объяснить и экономическую, и политическую изоляцию Российской Федерации от мирового сообщества, усиление дезинтеграционных процессов в СНГ и сепаратистских тенденций внутри нашей страны. Экономические причины лежат в основе продолжающейся эмиграции из страны представителей научно-технической, культурной, спортивной элиты, а также потенциально активной молодежи.

В свою очередь, столь резкий упадок экономики объясняется рядом политических факторов — внутренних и внешних. Внутренние факторы: слабость политической системы СССР, ее несоответствие современным мировым реалиям, результатом чего и стал быстрый ее распад. Внешние факторы: геополитика и геоэкономика. Мировое закулирье использовало имеющиеся в его распоряжении явные и тайные инструменты (международные политические и экономические организации, средства массовой информации, финансовые организации и пр.) для развала мешающей их развитию закрытой экономической и политической системы — СССР и стран ОВД.

Мировые законы развития жестоки. Несмотря на распространение идей гуманизма, приоритетными остаются законы выживания слабых и процветания сильных. Международные финансово-кредитные организации предоставляют помощь нуждающимся под значительные проценты и на определенных политических и экономических условиях, создавая таким образом благоприятные возможности для неограниченного продвижения капитала на мировые рынки и свободного доступа к природным и иным ресурсам кредитуемых стран. В результате государства, получившие такую «помощь»,

в большинстве случаев попадают в зависимость от мировых финансовых институтов, контролируемых в основном ТНК развитых стран, в первую очередь США. Одновременно создаются условия для захвата национальных ресурсов, производства, потенциала более сильными в экономическом отношении корпорациями развитых стран. Таким образом, так называемая *помощь* оказывается своеобразным *троянским коном*. И расклад остается прежним: богатые страны становятся богаче, а бедные — беднее. Продолжение поляризации стран в мире в этих условиях неизбежно. Такая ситуация порождает одну из главных проблем продолжающейся глобализации.

Не стала исключением и Россия. Кредиты международных финансовых структур, предоставленные ей под выполнение определенных условий в экономической политике, в частности либерализацию экспорта и импорта, не принесли стране реальной помощи. При этом были созданы благоприятные условия для заполнения российского рынка импортными товарами, причем не всегда качественными. Это, в свою очередь, способствовало деградации отечественной промышленности, не сумевшей за короткий срок приспособиться к мировой конъюнктуре и наладить выпуск конкурентоспособной продукции. Рекомендуемая западными финансистами экономическая политика не принесла России процветания, но привела к астрономическому росту внешнего долга, при котором около 40% бюджета страны расходуется на его обслуживание. В этих условиях трудно рассчитывать на бурное развитие экономики.

К комплексу фундаментальных факторов, приведших к резкому сокращению экономического потенциала России, следует отнести и такие, как экономические последствия развала Советского Союза; недостаточно продуманные и неэффективные методы, используемые на этапе перехода от административно-командной системы к рыночной экономике; неудачи в осуществлении конверсии военного производства; нарушение экономических связей с бывшими советскими республиками и др.

Переход к рыночным отношениям, смена форм собственности и конверсия не привели автоматически к повышению эффективности производства. Основные показатели эффективности промышленного развития (рентабельность произ-

водства, фондоотдача, производительность труда и др.) в настоящее время значительно ниже, чем в 1990 году. Не оправдалось бытовавшее в начальный период перехода к рынку мнение, что можно довольно быстро создать конкурентную среду и войти в мировое сообщество с новой структурой промышленности.

За последние годы ускорилось сокращение промышленного потенциала. Происходит «деиндустриализация» российской экономики, свертывание производства в жизненно важных отраслях обрабатывающей промышленности (прежде всего в машиностроении), обостряется конфликт между промышленным и сырьевым капиталом. Переориентация экономики с индустриальной на сырьевую охватывает не только текущий выпуск продукции, но и производственный потенциал.

Деформация структуры российской экономики происходит в то время, когда определяющими тенденциями экономического развития ведущих стран Запада стали глубокая структурная перестройка сферы материального производства на новой технологической основе и создание качественно новой системы производства материальных благ, для которой характерно широкое применение новейших технологий. Сохранение такого дисбаланса может привести к дальнейшему отставанию России от западных стран по уровню технологического развития. То есть можно констатировать, что из-за перечисленных и иных причин экономика России переживает глубокий экономический кризис.

Для эффективной работы по новым геоэкономическим правилам национальной экономике России необходимо во внешнеэкономической деятельности перестроиться с торгово-посреднической концепции на производственно-инвестиционную, что, в частности, предполагает активное продвижение российских капиталов за национальные границы. **Включение национальной экономики в мировую геоэкономическую модель предполагает также включение своих политических и стратегических интересов в геополитическое пространство, взаимосвязанное с пространством геоэкономическим, причем последнее играет определяющую роль.**

Способность России успешно и вовремя войти в новые геоэкономические и геополитические структуры современного

мира является залогом благосостояния ее граждан. В противном случае страна может попасть в хвостовые вагоны поезда, в котором движется мировая цивилизация. Один из главных вызовов современного мира России — экономический. И от возможности ответить на этот вызов будет зависеть ее будущее и будущее ее народа.

1.3. Стратегический маневр России

Для ответа на стратегические вызовы и угрозы, возникшие в конце XX столетия, России необходимо предпринять адекватные меры, чтобы не оказаться на обочине мировой цивилизации. С каким же стартовым капиталом страна вступает в XXI век?

Сравнительный анализ основных экономических показателей ведущих стран мира в конце 90-х годов в относительных единицах (%) представлен в *табл. 1.1*.

Таковы итоги почти 10-летнего периода перехода России к более эффективной (как заявлялось) рыночной экономике. В то время как объем мирового ВВП возрастал в среднем на 2,2% в год, промышленное производство — на 2,3%, а в некоторых странах, например в Китае, — соответственно на 11,6% и 16,3%, в России показатель ВВП и объем промышленного производства снижались в среднем соответственно на 7,7% и 9,3% в год. ВВП страны за 10 лет уменьшился практически вдвое. К этому необходимо добавить ее внешние долги, на обслуживание которых расходуется около 10% ВВП.

Важнейшей характеристикой жизнеспособности экономики в современных условиях является состояние науки, передовых технологий, технологической базы, определяющих в конечном счете конкурентоспособность отечественной продукции. К сожалению, и здесь за годы перестройки произошли резкие негативные изменения.

Процесс деградации научно-технической сферы России разворачивается на фоне активного формирования в промышленно развитых странах Запада материально-технической

Таблица 1.1

	ВВП по ППС	Население	Экспорт	Импорт	Внеш. торговля	Внешн. задолж.	Воен. расходы	Численность ВС	Ядерное оружие
Весь мир	100	100	100	100	100	100	100	100	100
США	20,6	4,6	11,7	15,5	13,6	23,6	33,1	7,1	40,0
Китай	10,7	21,1	2,6	2,2	2,4	3,5	7,3	12,9	1,3
Япония	7,7	2,2	8,7	6,1	7,4	н.д.	5,8	1,1	0
Германия	4,7	1,4	10,4	9,1	9,8	10,3	4,8	1,5	0
Индия	4,1	16,4	0,6	0,8	0,7	3,4	0,9	5,6	0,1
Франция	3,4	1,0	5,3	5,2	5,3	0,4	5,5	2,2	1,4
Англия	3,2	1,0	4,9	5,3	5,1	2,4	3,9	1,0	1,1
Италия	3,2	1,0	4,7	3,9	4,3	н.д.	2,2	1,9	0
Бразилия	2,9	2,8	0,9	1,0	1,0	5,2	1,3	1,3	0
Индонезия	2,2	3,4	0,9	0,9	0,9	3,3	0,4	1,2	0
Мексика	2,0	1,6	1,1	1,0	1,0	4,4	3,3	6,1	0
Канада	1,8	0,5	3,8	3,4	3,6	2,6	1,0	0,3	0
Корея	1,8	0,8	2,5	2,6	2,6	1,9	0,3	0,8	0
Россия	1,6	2,6	1,6	1,3	1,4	3,2	1,7	2,9	55,0
Турция	1,1	1,1	0,4	0,7	0,6	2,3	0,8	3,5	0
Иран	1,1	1,1	0,4	0,3	0,3	0,8	0,5	1,9	0
Пакистан	1,0	2,3	0,2	0,2	0,2	1,0	0,4	2,6	0,1

базы XXI века — базы постиндустриального общества, основу которого составляют технологии высочайшего, шестого (по условной классификации, введенной специалистами) технологического уклада. В России же с начала преобразований в экономике доминировал четвертый технологический уклад. И практически только в оборонном комплексе получил распространение пятый технологический уклад. Поэтому сегодня можно говорить о катастрофическом расширении технологического разрыва России с промышленно развитыми государствами мира.

И все же, несмотря на крайне неблагоприятные условия, Россия должна и способна совершить очередной в ее истории стратегический маневр и снова войти в число лидеров мировой цивилизации.

К таким маневрам в прошлом следует отнести стратегический прорыв России в Европу в эпоху Петра I. В значительной мере это относится и к советскому периоду нашей истории, по крайней мере — до «застоя». Да, реформы сопровождались большими жертвами, но они позволили вывести государство (СССР) в число передовых, вынести тяготы и лишения Великой Отечественной войны, в короткое время оправиться от ее тяжелых последствий и снова занять подобающее место среди великих держав мира. Ведь это наша страна открыла человечеству дорогу в космос.

И сегодня подобный рывок России по плечу. В условиях формирования нового мирового порядка она может стать одним из ведущих участников этого процесса. Место и роль нашей страны predeterminedены не только исторически сложившимся геополитическим положением, но и ее геоэкономическими параметрами. Россия — это огромный евразийский мегаконтинент с богатыми энергетическими, сырьевыми, интеллектуальными и другими ресурсами, со своими геополитическими и геоэкономическими интересами. После распада СССР и окончания холодной войны мировое сообщество вступило в беспрецедентный передел мира, в том числе зон экономического влияния на постсоветском пространстве, где развернулась борьба за энергетические, сырьевые, интеллектуальные и другие ресурсы. Для России здесь открываются большие возможности, но чтобы их реализовать, необходимо вовремя заявить миру не только о своих стратегических интересах, но и о возможности их отстаивать, не доводя ситуацию до вооруженной конфронтации.

Что может задействовать Россия в борьбе за свои национальные интересы, какие механизмы и рычаги использовать?

Прежде всего центром стратегического влияния России должно быть постсоветское пространство. Именно на его основе следует создать *единое Евразийское экономическое сообщество*. Экономическая интеграция — пока в рамках СНГ — ныне может стать наиболее эффективным средством национального развития в условиях глобализации. Согласно международным оценкам, промышленный потенциал СНГ составляет всего лишь около 10% мирового потенциала, однако Содружество имеет около 40% мировых разведанных запасов газа и занимает второе место в мире по запасам нефти.

При условии успешной интеграции в рамках постсоветского пространства и дальнейшего экономического развития этого сообщества роль России в мире возрастет в большей степени, чем если бы она действовала в одиночку. Однако по ряду причин темпы интеграции в СНГ до последнего времени были невысокими. Для их повышения необходимо, помимо деклараций об общем экономическом, военно-политическом и других пространствах, прийти к конкретным соглашениям, предусматривающим передачу части национальных функций наднациональным органам, подобно тому, как это делается в ЕС. Начало такой интеграции по сути было положено в октябре 2000 года в Астане подписанием документов по созданию Евразийского экономического сообщества.

Еще одним фактором, обуславливающим возможность экономического прорыва России, является отечественный оборонно-промышленный комплекс. Насколько велика его роль в расширении военно-технического сотрудничества, рассмотрено ниже. Следует отметить лишь, что для реализации его возможностей потребуется формирование новых требований к национальным вооруженным силам и их боевому оснащению для ведения боевых действий в новых формах, адекватных новым геоэкономическим и геополитическим условиям. Несмотря на глубокий экономический кризис, затронувший в значительной мере оборонную промышленность, российский высокотехнологичный комплекс сохранил свой высокий статус, а его кадровый состав все еще способен генерировать новейшие технологические идеи и создавать на их базе новейшие образцы вооружений.

Что касается направлений развития оружия, как и новых форм и способов ведения вооруженной борьбы, то и здесь, по мнению многих специалистов, существует тесная взаимосвязь между геополитикой, геоэкономикой и требованиями к системам оружия. Так, поскольку национальные интересы транснациональных центров воспроизводства выходят далеко за рамки исторически сложившихся государственных границ, то и вооруженные силы государств должны защищать такие интересы далеко за их пределами. Поэтому требования к современному оружию диктуются необходимостью нанесения точных дозированных ударов по объектам, находящимся практически в любой точке земного шара. И российский вы-

сокотехнологичный комплекс способен производить такое оружие, как и сложнейшие системы его боевого и информационного обеспечения.

В развитии новейших технологий и наукоемких систем оружия большое значение сегодня придается таким структурам, как технополисы, играющие особую роль в установлении стратегического баланса сил на планете. Мир еще только подходит к этой проблеме, а в России уже создана уникальная система технополисов, в которых, несмотря на трудности последнего десятилетия, сохранился и продолжает развиваться интеллектуальный и технологический потенциал. Для обеспечения их эффективной работы в современных условиях необходимо провести определенную реструктуризацию, подключив к ним экономические структуры, способные вести маркетинговую, инновационную, инвестиционную политику на международном уровне. Такие структуры, постоянно соприкасаясь с мировыми центрами воспроизводства, смогут оперативно осваивать новейшие инновационные прорывные технологии, выходить на мировые рынки и создавать условия для дальнейшего развития. Этот фактор также является одним из основных рычагов включения отечественной экономики в новую мировую экономическую систему. Однако для этого необходимо изменить укоренившиеся стереотипы экономического мышления, понять тенденции развития мировых процессов и, проявив политическую волю, продвигать Россию на новые рубежи обновления и глубокого реформирования.

Что же мешает стране идти в этом направлении? Об основной причине уже говорилось. Это игнорирование общемировых тенденций развития, недостаточный учет геоэкономической взаимозависимости стран мира, отсутствие работы на опережение. Между тем все возможности для обновления в России есть. Прежняя изоляционистская политика руководства страны не допускала встраивания или совместной деятельности с «иностранным элементом» отечественных научно-технических и воспроизводственных структур. Это влекло за собой отсталость в производстве уникальных изделий, сопровождалось снижением надежности отдельных агрегатов и подсистем, что, в свою очередь, приводило к снижению конкурентоспособности отечественной продукции и вытеснению ее с мировых рынков. Кроме того, указанная политика

вела к самоизоляции от мирового инновационного рынка и как следствие — к застою, замедлению сменяемости технологических процессов и т.д. Отказ от устаревшей методологии развития является одним из условий и рычагов резкого подъема экономики страны, прорыва в мировое экономическое пространство.

В качестве еще одной причины, тормозившей прогрессивные и эффективные реформы, следует назвать отсутствие мотивационных стимулов и здоровой конкурентной борьбы за государственные заказы. Существующая практика конкурсного отбора исполнителей бюджетных работ ограничивается участием в них узкого круга отечественных предприятий и организаций, что, конечно, не способствует здоровой конкуренции и формированию соответствующего уровня цен.

Важной причиной неэффективности проводимых в России реформ явилось также функционирование отечественной экономики в рамках торгово-посреднической концепции внешнеэкономических отношений. Россия своевременно не перешла на производственно-инвестиционную (геоэкономическую) модель развития. Это привело к тому, что в соответствии с конъюнктурой мирового рынка сырьевые, энергетические, интеллектуальные и другие ресурсы были переориентированы с внутреннего потребления на удовлетворение внешних потребителей. В результате национальные воспроизводственные центры остались на голодном пайке, что может привести в конечном счете к свертыванию производства продукции машиностроения и тем самым к деиндустриализации страны. Однако еще есть время для исправления ошибок и вывода отечественной экономики на современный путь развития.

Так каким же образом реформировать экономику России, чтобы вывести страну из кризиса и развиваться далее на мировом уровне?

Первое направление — мобилизация реального сектора экономики на достижение устойчивого и высокоэффективного функционирования промышленного сектора и быстрокупаемых сфер производства. К таковым прежде всего относятся энергетическая отрасль, нефте- и газодобыча и переработка, металлургия, аэрокосмический комплекс, авиация, строительство, информационные технологии и средства связи,

новые материалы. Именно в этих сферах возможны технологические прорывы в сжатые сроки.

Второе направление — глубокие организационные преобразования в национальной экономике, проводимые с учетом тенденций развития мировой экономики, ее интернационализации и транснационализации хозяйственных структур. Необходимо отметить, что сегодня в мире происходит борьба двух тенденций. С одной стороны, геополитические институты, созданные в послевоенный период, стремятся закрепить сложившиеся после Второй мировой войны реалии геополитического передела мира. С другой — сближение ведущих государств по мере технологического развития в объективно формирующееся единое геоэкономическое пространство, границы которого не совпадают с национальными или политическими границами. В нашей стране, где недостаточно укоренилось понимание объективных закономерностей мировых экономических процессов и традиционно преобладают консервативные настроения, первая тенденция доминирует, что создает значительные помехи для преобразования отечественной экономики в нужном направлении.

Между тем продолжающаяся на наших глазах интернационализация всех сфер человеческой деятельности, и прежде всего транснационализация хозяйственной деятельности, иллюстрируется периодическими сообщениями СМИ о слиянии тех или иных ТНК, банковских структур или финансово-промышленных групп в более могущественные холдинги, концерны и другие объединения наднационального уровня. Этим структурам уже тесно в рамках национальных территориальных и административно-правовых границ. Самые крупные из них вступают во взаимодействие с государственными органами и оказывают решающее влияние на политику государства в своих интересах. **Сочетание национальных интересов с интересами ТНК — одна из задач геополитики XXI века.**

России следует как можно быстрее встраиваться в формирующийся новый мировой порядок, но с учетом своей специфики и исторического опыта. Так, в одном из многих проектов стратегического прорыва России в «глобализационные лидеры» предлагается нестандартный маневр. Для создания в стране мощных сверхкорпораций, способных на равных конкурировать с уже функционирующими ТНК, необходимо

провести слияние компаний, существующих в ряде отраслей промышленности, таких как топливно-энергетическая, аэрокосмическая, золото-алмазная, оборонно-промышленная, с целью создания крупных корпораций, соизмеримых по масштабам с мировыми аналогами. Авторы этого проекта считают, что борьба с монополизмом в экономике является скрытой формой противодействия глобализации, что противоречит законам мирового развития. Образованные таким образом крупные корпорации, такие как Газпром, РАО «ЕЭС России» и Минатом, по их мнению, должны стать ядром с перспективой дальнейшего объединения с другими нефтегазовыми и энергетическими компаниями России и других стран. Предлагается также на базе одной из российских компаний создать золото-алмазную корпорацию, экономически присоединив к ней поэтапно все золотые и серебряные прииски России и стран СНГ. Предполагается, что через несколько лет она сможет составить конкуренцию крупнейшей в этой области корпорации De Beers — Anglo-American Corporation — Minorgo. Аналогичные предложения содержатся в упомянутом проекте и в отношении других отраслей хозяйства России.

Реализация таких предложений позволит достаточно быстро превратить Россию, подобно развитым странам мира, в так называемую страну-систему, имеющую экономические интересы и проводящую инвестиционно-производственную политику за пределами своих национальных границ. Это даст России возможность стать одним из активных игроков на новом геоэкономическом пространстве, имеющих право на свою долю в мировой прибыли. Необходимо отметить, что в то время, когда мы только собираемся осваивать геоэкономическое пространство, некоторые развитые страны уже пытаются использовать геоэкономические реалии для оправдания своей внешнеэкономической экспансии: стремясь использовать сырьевые, финансовые, интеллектуальные и иные ресурсы других государств, они не намерены допускать их к формированию и распределению мирового дохода. Это прежде всего относится к США, которые стремятся к установлению контроля над распределением указанного дохода в свою пользу, применяя для этого средства геоэкономических войн: искусственное нагнетание военных угроз, искусствен-

ное ускорение морального старения вооружения, формирование крупномасштабных стратегических «инициатив» и др. Все это приводит к повышенному спросу на мировом рынке оружия, где США обладают несомненным приоритетом. В то же время экономика стран — жертв подобного рода геоэкономических технологий изматывается избыточной милитаризацией. Поэтому при разработке национальной стратегии по вхождению в геоэкономическое пространство России необходимо учитывать опыт таких войн, дабы самой не превратиться в своеобразный полигон для отработки высоких геоэкономических технологий активными транснациональными системами.

Одной из важнейших задач для России при вхождении в новое мироустройство является трансформация ее организационных форм (как международных, так и национальных), обеспечивающих внешнеэкономические и внешнеполитические связи. Существующие в этой области структуры ориентированы на прежнюю, торгово-посредническую форму внешних связей, в результате чего страна превратилась, по сути, в «страну-систему», опрокинутую «вовнутрь», в отличие от, например, США — страны-системы, вынесшей далеко за пределы национальных рамок свои экономические интересы и центры воспроизводства. В России же вместо формирования транснациональных финансово-промышленных групп, имеющих статус носителей национальных интересов и оперирующих на внешней экономической арене, все происходит наоборот: ограничивая себя рамками отжившей торговой модели, мы втягиваем внешние транснациональные структуры в свою экономику.

Для исправления ситуации необходимо ясно и четко обозначить на геоэкономическом атласе мира наши интересы, зоны влияния и сформулировать как геоэкономические задачи для политиков, так и задачи для наших Вооруженных Сил по защите национальных геоэкономических интересов. Кроме того, для эффективного встраивания в новую мировую экономику нам необходимо создать продуманную систему представительств в мировых транснационализованных структурах, крупнейших корпорациях, банках, страховых компаниях. Все эти взаимосвязанные мероприятия должны быть отражены в рамках новой внешнеполитической доктри-

ны, провозглашающей переход нашей экономики на геоэкономическую модель национального развития.

Следует рассмотреть два основных этапа реализации стратегического маневра России в начале нового тысячелетия.

На первом этапе необходимо провести анализ реальных угроз и вызовов, с одной стороны, и оценить реальные ресурсные возможности страны — с другой. Об угрозах и вызовах уже говорилось. Основное — это стремление западных транснационализированных стран-систем прорваться к новым источникам ресурсов на постсоветском пространстве, подчинив эти ресурсы требованиям функционирующих мировых центров воспроизводства и максимально ограничить участие России в них, особенно в распределении мирового дохода, формируемого в этих центрах. Реализации этих задач подчинена деятельность военной машины Запада. НАТО продвигается на восток вслед за воспроизводственным поглощением экономики стран Центральной и Восточной Европы, Прибалтики, Средней Азии и т. д. Рычагами для такого продвижения могут служить кредиты международных финансовых институтов, производственно-инвестиционная деятельность, борьба с международным терроризмом и пр. Анализ кризисов в Персидском заливе на Балканах показывает, что к геоэкономическим средствам воздействия на экономики других стран, таким как максимально эффективное использование их ресурсов и возможностей, добавляются действия военного компонента, с помощью которого разрушается инфраструктура экономики стран — жертв агрессии, а вместе с ней и система геоэкономических связей.

На втором этапе реализации стратегического маневра России необходимо приступить к формированию прорывных базовых точек роста своей экономики. В качестве таковых следует рассматривать прежде всего отечественные технополисы, о чем уже говорилось. На этом этапе должна быть разработана стратегия превращения национальной экономики в транснациональную «страну-систему». ***Превращение точек роста российской экономики в транснациональные очаги стратегического развития является основной долговременной целью второго этапа стратегического развития России.***

Выход российских компаний в геоэкономическое пространство и активная деятельность в нем — непростая задача.

Созданные в условиях перестройки отечественной экономики, они далеко не все прошли период становления в рамках жесткой, но правовой, нормальной конкуренции на мировом рынке и не всегда могут выстоять при столкновении с транснационализированными системами. Чтобы избежать печального исхода, необходимо провести инвентаризацию отечественных финансово-промышленных структур, выходящих на мировую арену, с целью выявления тех из них, кто сможет отстаивать свои и государственные интересы. Такие структуры должны получить государственную поддержку в их стремлении участвовать в освоении мировых экономических точек роста. Им можно доверить реализацию национальных интересов и обеспечить защиту этих интересов военным компонентом государства.

Важным условием для успешной реализации стратегического маневра страны является разработка геоэкономического атласа мира, включая его национальный элемент. Это поможет вывести на новый уровень методологию принятия стратегических решений, определить и обозначить национальные геоэкономические интересы России, ее естественные устремления и сложившиеся геоэкономические плацдармы.

Накопленный опыт вхождения в формирующуюся новую геоэкономическую систему, анализ тенденций развития мировой экономики, прежде всего ее глобализации и регионализации, должны быть учтены при разработке геоэкономической доктрины России с целью обеспечения ее национальных интересов и безопасности.

Национальные интересы и национальная безопасность России

2.1. Концепция национальной безопасности России

Под национальной безопасностью России понимается безопасность ее многонационального народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в стране. Такое понимание предполагает объективную заинтересованность, готовность и способность всех слоев населения объединить усилия для обеспечения безопасности. В связи с этим возникает необходимость в единой государственной концепции национальной безопасности, которая представляет собой систему взглядов на обеспечение безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз во всех сферах жизнедеятельности и вытекающие из нее важнейшие направления государственной политики.

Концепция национальной безопасности Российской Федерации — конкретизация установлений ее Конституции. Применительно к отдельным областям жизнедеятельности ее положения развиваются в целом ряде соответствующих доктрин — внешнеполитической, военной, пограничной, информационной и т. д. — и федеральных законах.

Разработка теоретико-методологических основ обеспечения национальной безопасности предполагает прежде всего наличие научно обоснованных трактовок фундаментальных категорий, анализ закономерностей современной системы отношений безопасности и могущества, формирование сово-

купности показателей, пороговых значений, критериев, позволяющих количественно выражать и соизмерять основные параметры, моделировать и осуществлять мониторинг ведущих процессов, определяющих состояние национальной безопасности и дающих возможность прогнозировать их развитие. Нужен неполитизированный, свободный от идеологических пристрастий анализ состояния безопасности, путей надежного ее обеспечения.

Сегодня, как и сотни лет назад, безопасность, место и значение государства в мире определяются его могуществом. За консенсусом интересов стоит не абстрактная справедливость, а баланс могущества. Анализ современных систем безопасности и могущества выявляет усложнение их структур, изменения во взаимодействии структурных элементов. Важно разобраться в этих изменениях, чтобы понять сущность и пути решения рассматриваемых проблем. Прежде всего, нужно четко определить понятия безопасности и могущества, выяснить их структуру и взаимосвязи основных элементов, после чего можно говорить об их экономическом, политическом и иных видах обеспечения.

В Законе РФ «О безопасности» понятие безопасности определяется как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Однако данное определение необходимо уточнить, ибо оно не исчерпывает содержания определяемого понятия, которое значительно шире, нежели защищенность.

По своему основному смыслу безопасность означает отсутствие опасности. Такое состояние наблюдается в сравнительно редких случаях. Чаще всего человек, коллектив, государство, да и человечество в целом, сталкиваются со всевозможными угрозами их интересам и самому существованию. Когда возникают подобные угрозы, то, стремясь защититься от них, обезопасить себя, люди вешают запоры, ставят охрану, создают защитительные органы, чем достигается «состояние защищенности». Но это всего лишь шаткое равновесие угроз и средств противодействия им. Для кардинального решения проблемы безопасности необходимо устранить саму угрозу, создав тем самым состояние БЕЗ опасности, а для этого нужно, чтобы субъекты безопасности (человек, общество, государство) хотели и умели защищать свои интересы, обла-

дая необходимым для этого могуществом. На современном этапе, когда прогресс общества сопровождается лавинообразным нарастанием опасностей, масштаб этого свойства укрупняется. Традиционно безопасность мыслится в рамках отечества. Но сегодня у ряда государств сформировались общие региональные интересы, а значит, и задачи совместной их защиты, а у человечества в целом возникли глобальные интересы и необходимость защищать их. Без адекватного роста могущества, готовности и способности преодолевать всевозможные угрозы интересам и существованию человечества накопление опасностей породит катастрофу.

Итак, безопасность — это не только системы защиты, огораживающие нас, но и сформировавшиеся в нас — от отдельной личности до всей страны и человечества в целом — воля и способность противостоять, предотвращать и преодолевать возникающие угрозы. Безопасность шире защищенности, она означает, во-первых, отсутствие опасностей для нормальной жизнедеятельности человека (коллектива, общества, человечества); во-вторых, при возникновении угроз — надежную защищенность; в-третьих, способность преодолевать и устранять угрозы, имея для этого адекватные средства, структуры, силы, то есть обладая могуществом. Безопасность — не только щит, но и меч.

Безопасность и могущество — явления сложные, их содержание и структуру можно рассматривать с различных позиций, чем обусловлено то разнообразие определений, с которыми они употребляются. Это затрудняет понимание их сущности. Можно разделять мнение авторов, обращающих внимание на необходимость четко формулировать принципы (основания), по которым осуществляется в том или ином исследовании структурирование этих понятий, и не смешивать разные структурные срезы. Основаниями для построения структур могут быть источники угроз, уровни интересов, сферы реализации интересов (функциональный срез) и др. При этом по источникам угроз различают внутреннюю и внешнюю безопасность; по уровню интересов — личную, коллективную, национальную (в смысле государства, страны), региональную и глобальную безопасность; по функциональному признаку — экономическую, политическую, военную, информационную, экологическую, энергетическую и многие

другие виды безопасности, конкретный перечень которых зависит от целей исследования.

В структурном срезе по уровню интересов ключевой является **национальная безопасность**, поскольку очевидно, что личный и коллективный интересы могут быть гарантированы лишь в рамках государства, его политическими, юридическими, экономическими установлениями и средствами; что же касается регионального и глобального уровней интересов, то именно государства являются субъектами соответствующих отношений.

В структурных срезах по источникам угроз и по функциональному признаку в центре внимания также находится национальная безопасность, способность государства обезопасить интересы всех уровней от внутренних и внешних угроз во всех сферах жизнедеятельности: экономике, политике, обороне и т. д.

Чтобы защитить интересы, снять угрозы жизни людей и общества в целом, необходимо, как уже выяснилось, обладать могуществом. Могущество можно определить как способность преодолевать всевозможные угрозы нормальному функционированию, жизнедеятельности общества и его членов, опираясь на имеющиеся в готовности силы и средства, адекватные возникающим угрозам. Многообразие угроз предопределяет сложность структуры могущества, ибо одним угрозам достаточно противопоставить экономические, другим — политические, третьим — военные акции, для чего целесообразно иметь в структуре могущества названные и многие другие компоненты для их раздельного или совокупного применения. Формулу могущества можно записать так: $M = f(ЭМ, ПМ, ВМ, \dots)$, где **ЭМ** — экономическая мощь, **ПМ** — политическая мощь, **ВМ** — военная мощь, \dots — другие виды мощи.

На разных исторических этапах могущество, взаимосвязь его элементов трактовались по-разному. XX век прошел под знаком гипертрофированной оценки роли и места военной мощи, которая понималась как синтез всех видов мощи, то есть отождествлялась с могуществом. Достижение критической военной силы — «парадокс силы» — подтолкнуло к пересмотру взглядов на могущество, которое предстало как сложная многокомпонентная система, включающая экономическую, политическую, военную мощь и другие составные элементы. Эффективность ее определяется не только масштабом,

но и адекватностью структуры данной системы реальным угрозам, готовностью каждого элемента и системы в целом к реализации.

Необходимо всестороннее рассмотрение сложных структур безопасности и могущества, расчлененных по каждому из вышеназванных оснований. Взаимосвязи элементов этих структур многообразны и сложны. Их необходимо изучать, формализовать в целях создания экономико-математических моделей, оптимизации принимаемых решений.

Фундаментальна роль экономической безопасности, экономической мощи. Экономическая мощь является основой экономической безопасности, как и других видов безопасности и мощи, которые просто не могут существовать без экономического обеспечения. Небольшие экономические возможности рождают проблему оптимизации структур безопасности и могущества, которая тем острее, чем уже границы наличной экономической мощи. В условиях жестких бюджетных ограничений она выполняет не только распределительную функцию: в оптимизации распределения ограниченных ресурсов — ключ к совершенствованию структур и стимулированию их функционирования. В XXI век человечество вступило во всеоружии концепций национальной безопасности. Государства находятся во власти эгоизма, пытаются обеспечить себе наиболее благоприятные условия существования за счет других. Высшим проявлением государственного эгоизма стало стремление США создать национальную противоракетную оборону. Но достигнутая степень человеческой цивилизации давно уже нуждается в том, чтобы народы и государства поняли, что обеспечение национальной безопасности возможно только при условии сохранения самого существования человечества — ему угрожает гибель от угроз, преодоление которых невозможно без объединения усилий в масштабах всей планеты. Это угроза ядерной зимы, от которой не спасут национальные системы ПРО, а наоборот — в случае их создания опасность ракетно-ядерной войны станет еще более вероятной. Это угроза экологической катастрофы, которая не знает границ и от которой нельзя спасти ни «золотой миллиард», ни свою любимую нацию путем перемещения «грязных производств» в соседние страны. Это угрозы сырьевого и энергетического голода, техногенных катастроф и многие другие. Все это проблемы глобального масштаба, неразрешимые в рамках

концепций национальной безопасности, а наоборот — лишь усугубляемые их эгоизмом.

И тем не менее было бы неразумным недооценивать роль концепций национальной безопасности. Видимо, на современном этапе выход состоит в том, чтобы, понимая необходимость создания концепции глобальной безопасности, координирующей национально-государственные концепции, совершенствовать последние, все в большей степени наполняя их общечеловеческим содержанием.

2.2. Национальные интересы и формы их реализации

Понятие безопасности ассоциируется прежде всего с понятием интереса. На земле интерес есть всесильный волшебник, писал Гельвеций; действия людей вытекают из их потребностей, их страстей, их интересов, утверждал Гегель. Существует множество других ярких и авторитетных суждений на этот счет. Данное понятие, как и понятие безопасности, обычно употребляется с самыми различными определениями и приобретает при этом весьма разнообразные значения.

Наиболее существенным основанием для классификации интересов считают, во-первых, их уровень, степень общности. По этому основанию различают индивидуальные (личные) интересы, коллективные интересы разных уровней (группа, корпорация, город, область и т. д.), национально-государственные, региональные, общечеловеческие (глобальные). **Во-вторых,** широко используется классификация интересов по сферам направленности или деятельности, различающая экономические, политические, военные, духовные и другие виды интересов. В роли оснований могут выступать характер субъекта интересов (личные, фирменные, государственные, партийные и т. д.), степень важности интересов (жизненно важные, ключевые, существенные, второстепенные). Возможны и многие другие основания для классификации интересов в зависимости от характера и целей исследования. Здесь мы коснемся первых двух срезов из ряда перечисленных.

В законе «О безопасности» и в «Концепции национальной безопасности Российской Федерации» по первому основанию выделены интересы личности, общества и государства, по второму — интересы экономические, внутривнутриполитические, в социальной сфере, духовной, международной, информационной, военной, пограничной, экологической. Причем экономические интересы классифицированы по степени важности как ключевые. Что же касается национальных интересов, являющихся заглавными для концепции национальной безопасности, то они определены не как интересы определенного уровня и не как приоритетные по степени важности, а как «совокупность сбалансированных интересов личности, общества и государства в экономической, внутривнутриполитической, социальной, международной, информационной, военной, пограничной, экологической и других сферах».

Представляется, что смешение разных оснований классификации, позволившее формально уйти от определения приоритетов разных уровней и разных сфер, не усилило, а ослабило роль этого основополагающего документа. В обществе давным-давно идут дискуссии о субординации интересов разных уровней, вертикали власти, разделении властных полномочий. Концепция национальной безопасности должна внести полную ясность в эти вопросы. Но предложенная в ней триада «личность — общество — государство», как и вменяемые этим субъектам интересы, не позволяет сделать этого.

Было бы целесообразным представить в Концепции субординированную структуру интересов, подчеркнув их диалектическую взаимосвязь и взаимопереходы, чтобы не давать простора для «парада суверенитетов», для дискредитации демократии путем отождествления ее с анархией. Важным здесь является также введение понятия общечеловеческого интереса, выяснение его взаимосвязи с национальными интересами. Проблема вхождения России в мировое сообщество должна решаться с ясным пониманием диалектики этих уровней интересов, этих видов безопасности.

Здесь не решается вопрос о приоритете интересов разных уровней. Это одна из проблем, ставших камнем преткновения, инструментом идейной поляризации нашего общества. Не включаясь в дискуссию, в которой больше чувств, чем трезвых

аргументов, следует напомнить то, что каждый из спорящих усвоил с детства. Человек — вершина и смысл творения. Его интересы превыше всего. Но реализует он их не в одиночестве, а в процессе общения с себе подобными, в обществе, действуя в соответствии с его нормами и правилами, будь то семья, род, община, государство, человечество в целом. Видимо, здесь кроется основа иерархии интересов. Каждый из названных уровней общественной организации возникает тогда, когда у человечества появляется соответствующий интерес, для реализации которого оно поднимается на более высокую ступеньку. Та личность, тот коллектив, та форма общественной организации, которые не признают правил более высоких ступеней человеческой организации, тем самым ставят себя вне их, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Это элементарно.

В структурном срезе по уровням интересов для государственного интереса как элемента градации нет места, ибо государство является в рассматриваемом отношении инструментом защиты не какого-то одного, а всех названных (и не названных) уровней интересов, причем во всех сферах. Для этого оно создается, в этом состоят государственные интересы. Кстати, данный аспект отражен в Концепции — национальные интересы обеспечиваются институтами государственной власти, осуществляющими свои функции во взаимодействии с общественными организациями.

Интересы, деятельность субъектов всех уровней, направленная на их реализацию, — главная движущая сила развития человечества. Действенность интересов во многом зависит от их реализуемости и защищенности. Наиболее благоприятные условия для реализации экономических, политических и всяких иных интересов субъектов всех уровней существуют тогда, когда отсутствуют вообще или сняты в результате принятых мер всевозможные преграды и опасности. Если же существует вероятность возникновения каких-либо угроз интересам, то люди, общественные организации, государственные органы предусматривают различные меры для их защиты всевозможными средствами от моральных, политических и юридических установлений, создания различных органов охраны и принуждения до применения военной силы.

При этом особенно бросается в глаза объективная субординация, приоритетность интересов разных уровней. Так, ин-

тересы личности (как и других субъектов) защищены не только силами и средствами самой личности, но (и это главное!) существующей системой общественных отношений, государственных и международных институтов, от степени развитости и действенности которых зависит надежность, гарантия защищенности интересов.

Следует вернуться к вопросу о взаимосвязи безопасности и могущества. Применительно к интересам возможности их реализации являются решающим фактором. Взять, к примеру, интересы в экономической сфере. Если они конкурентны, а это норма внутренних отношений демократического рыночного общества и международных отношений государств, то успешная их реализация гарантирована тому, кто обладает большей (в данном случае экономической) мощностью. Но ведь для реализации экономического интереса можно использовать не только экономическую силу, но и, к примеру, политическое влияние и другие средства — вплоть до применения насилия, военной мощи, наконец.

Конкретные формы реализации и защиты интересов во многом определяются в зависимости от того, с какими препятствиями сталкивается их реализация, какие угрозы и опасности подстерегают или обрушились на конкретного субъекта конкретных интересов. Одним угрозам и опасностям достаточно противопоставить моральную силу, другим — правовые аргументы, а третьим — наряду со всем этим экономическую и военную мощь.

2.3. Угрозы национальной безопасности и их приоритеты

В Концепции национальной безопасности РФ рассмотрен широкий спектр внутренних и внешних угроз национальной безопасности страны и дан их анализ в функциональном срезе, то есть по основным сферам жизнедеятельности общества: экономической, социальной, международной, информационной, военной, пограничной, а также в области экологии, состояния природных ресурсов и др. (рис. 2.1). Важно сосредоточить внимание на угрозах в сферах экономики, международных

отношений и обороны, а также коснуться проблемы источников угроз — внешних и внутренних, к которым вернемся в следующих параграфах в связи с рассмотрением вопросов нейтрализации и преодоления угроз.

Традиционно термин «национальная безопасность» применялся в отношении военных угроз, но сейчас принято говорить об экономической, экологической, технологической, информационной и других видах безопасности, в которых различают многие подвиды, например в экономической безопасности — энергетическую, сырьевую, продовольственную и др. В каждой сфере — свои угрозы безопасности, которые необходимо каким-либо образом упорядочить, классифицировать. Очевидно, здесь нужно основываться на тех же подходах, о которых речь шла в предыдущих параграфах.

В последнее время много говорят о снижении роли военной силы, возрастании значения невоенных факторов. Как бы не обмануться в основательности этой тенденции и не принять желаемое за действительность. Необходимо внимательнее присмотреться к проводимым военным реформам и изменениям во взаимосвязях умножающихся угроз.

Военные реформы на первый план выводят качественные параметры военной мощи, делают ее исключительно наукоемкой, высокотехнологичной и информатизированной. Это говорит о возрастании роли науки, информации и других невоенных факторов, но не отменяет военного фактора и вряд ли преуменьшает его значение. Взаимосвязь угроз различного вида, их место в изменяющихся условиях, приоритеты опасностей еще очень слабо исследованы, поэтому суждения о возрастании роли одних и уменьшении роли других угроз могут оказаться поспешными.

Еще более опрометчиво делать однозначные выводы относительно роли и значения внешних и внутренних угроз. У нас уже провозглашался приоритет сначала одних, потом других. Первая ориентация закончилась крахом СССР и распадом Варшавского договора, вторая — новой редакцией концепции национальной безопасности. Более правильно вести речь о диалектике приоритетов этих угроз.

Внешние угрозы. Слом биполярной структуры мира вызвал продолжавшуюся ряд лет эйфорию относительно исчез-

Рисунок 2.1

Угрозы национальным интересам	и	Меры по парированию этих угроз
В сфере экономики		
Низкий уровень ВВП; внешний и внутренний долг; преобладание в экспорте ТЭК; низкая инвестиционная и инновационная активность; стагнация аграрного сектора		Внеэкономическая деятельность (междунар. экономич. интеграция, расширение рынков сбыта и защита отеч. производителей продукции; сокращение зависимости от кредиторов и др.). Внутриэкономич. деятельность (право; гос. регулирование; благосостояние и др.)
В научно-технической сфере		
Снижение научно-технического и технологического потенциала; технологическая зависимость; сокращение исследований; отток кадров и интеллектуальной собственности		Рост производства наукоемкой продукции; выявление и развитие прогрессивных технологий; передача новых военных технологий в гражд. пр-во; поддержка ведущих научных школ; привлечение частного капитала, создание фондов, использование грантов, коммерциализация результатов научно-технической деятельности, защита интеллектуальной собственности, информ. поддержка
В сфере международных отношений		
Попытки понизить роль ООН, ОБСЕ и России; пренебрежение государств и блоков нормами международного права; распространение ОМУ и средств доставки; конфликты вблизи границ		Активный внешнеполит. курс в рамках ООН, ОБСЕ; глобальная и региональная стабильность; передача интересов России и россиян за рубежом; миротворческая деятельность; сбалансированное сокращение вооружений. Борьба с междунар. терроризмом и другими правонарушениями
В военной сфере		
Концепция НАТО (в обход ООН и ОБСЕ) вне территории блока; технологический отрыв в ВВТ; наращивание новых ВВТ; затягивание военной реформы; недофинансирование нужд обороны		Комплексное предотвращение войн; силовое сдерживание агрессии (в т. ч. ядерное); способность к отражению агрессии; военное сотрудничество (особенно в СНГ); оснащение ВС: совершенствование ВПК; создание научно-технич. задела; финансовое обеспечение
В пограничной сфере		
Экспансия со стороны других государств; трансграничная организованная преступность		Правовая база; межгосударственное сотрудничество; пресечение деятельности орган. преступности
В информационной сфере		
Доминирование некоторых государств на мировом информационном рынке; концепции информационных войн; несанкционированный доступ к нашей информации		Реализация прав и свобод граждан в информ. сфере; совершенствование и защита информ. инфраструктуры РФ; интеграция РФ в мировое информ. пространство; противодействие информационным войнам
В экологической сфере		
Отсутствие природосберегающих технологий; неразвитость законодательства; низкая экологическая культура		Рациональное использование природных ресурсов; экологическое воспитание; новые технологии; минимизация последствий экологических ошибок
В других (духовной, социальной, внутривнутриполитической сферах)		
Системная угроза; разбалансированность интересов личности, общества и государства		Опора на труд, творчество, науку и технологии, демократию, законность и единый правовой порядок на всех уровнях государственной иерархии

новения угрозы крупномасштабной войны и целесообразности существенного сокращения военного бремени. Вскоре выяснилось, что это опасное заблуждение, пришло понимание того, что военную организацию сравнительно легко развалить или существенно ослабить, но осуществление ее переориентации на новые задачи, встающие в связи с многочисленными новыми реальными и потенциальными военными угрозами, — дело многотрудное, требующее значительного времени, больших затрат ресурсов, качественных перемен в военном строительстве и его экономическом обеспечении.

Выяснилось также, что в «основных» государствах мира идут процессы не ликвидации, а реорганизации, переориентации военного строительства на основе новейших достижений науки и техники применительно к требованиям нарождающегося нового поколения войн. Так, США все настойчивее реализуют военную стратегию усиления американского лидерства в меняющемся мире с помощью мощных вооруженных сил, эффективно использующих передовые достижения науки, технологии, новые оперативные концепции и организационные структуры. В официальных документах подчеркивается, что США стремятся использовать потенциал информационных и других передовых технологий для создания качественно новых высококомобильных вооруженных сил, способных вести и выиграть войны на различных театрах военных действий и в любых условиях. Все чаще используется военная сила для навязывания своей воли другим государствам.

В странах НАТО реализуются планы создания немногочисленных мобильных и хорошо оснащенных вооруженных сил, способных адекватно реагировать на различные виды угроз. Вместо роспуска НАТО, что логически следовало из крушения биполярной структуры мира, этот блок расширяется, включая в свой состав страны бывшего Варшавского договора, его границы вплотную приближаются к границам России, и все новые государства, бывшие союзные республики СССР, объявляются зонами жизненно важных интересов уже не России, а США и других стран этого оборонительного (правда, неизвестно от кого НАТО собирается обороняться) блока.

Существенные угрозы национальной безопасности и интересам Российской Федерации обусловлены экономической, демографической и культурно-религиозной экспансией отдельных государств на российскую территорию и активизацией деятельности трансграничной организованной преступности, а также зарубежных террористических организаций. И странное дело, изнурительная борьба России с этими угрозами, которые могут существенно разрастись и стать тяжелой реальностью для значительного числа стран, не находит правильного понимания у многих государств мира, более того, Россию пытаются подвергать санкциям.

Во всех странах военные теоретики обсуждают различные концепции будущих войн. В частности, в США активно разрабатывается «противоинфраструктурная стратегия» как одна из альтернатив применению ядерного оружия. Сторонники этой стратегии, ссылаясь на опыт войны в Персидском заливе, в Югославии и Афганистане, утверждают, что «выключение инфраструктуры» является одним из эффективных способов поставить страну на колени без людских потерь. В качестве возможных средств поражения рассматриваются электромагнитные импульсы, создаваемые с помощью неядерных взрывов, мощные микроволновые излучения, графитовые бомбы и др. В США создана президентская комиссия по защите критических элементов инфраструктуры.

Одной из центральных тем дискуссии о характере будущих вооруженных конфликтов стала информационная война. Бывший министр обороны США У. Коэн в начале 1997 года заявлял: «Фактическое господство в информационном мире позволит нам поддержать превосходство над любой другой силой в обозримом будущем».

Еще одна тема дискуссий — шестое поколение войн, для которого характерны высокоточное ударное и оборонительное оружие, оружие на новых физических принципах, силы и средства радиоэлектронной борьбы. Это войны стратегического масштаба, ведущиеся бесконтактным способом. В них главной целью будет разгром экономического потенциала противника.

Конечно, сегодня основные внешние угрозы национальной безопасности России носят невоенный характер. Но, к примеру,

угрозы экономической безопасности так или иначе затрагивают военную и военно-экономическую безопасность, поскольку связаны с односторонним вхождением России в мировой рынок — в роли поставщика сырья и энергоносителей. Раскрыв свой внутренний рынок для западных товаров без разумных ограничений, страна создала условия для ускоренной деградации отечественной промышленности, закрепления перекоса отраслевой структуры в пользу сырьевых отраслей и во вред высокотехнологичным отраслям, что подрывает военно-экономическую основу ее национальной безопасности.

Существенная угроза национальной безопасности видится в противоположно направленных тенденциях в сфере экономического обеспечения военного строительства в России и западных странах. Так, в США в конце 90-х годов прошлого века по сути прекратилось снижение общего объема военных расходов и обозначился значительный рост их инвестиционных статей. В мае 1997 года в докладе президента конгрессу США «Стратегия национальной безопасности для нового столетия» говорилось, что «США приближаются к точке, когда требуется крупная модернизация вооруженных сил... Чтобы поддерживать технологическое превосходство вооруженных сил США, мы должны выборочно увеличивать выделяемые на модернизацию средства как для поставки в войска новых систем, так и для замены устаревающей техники времен холодной войны».

Осознание своего военного превосходства позволяет в «Национальной стратегии безопасности Соединенных Штатов Америки» в 2002–2003 годах перенести противодействие с реальных угроз на потенциальные: «Мы должны быть готовы сорвать планы наших врагов, используя надежные разведданные и действуя с непоколебимой решительностью. В новом мире, в который мы вступили, путь к миру и безопасности — это путь решительных действий.... Хотя США будут постоянно стремиться заручиться поддержкой международного сообщества, если необходимо, мы будем действовать без колебаний, действовать самостоятельно, осуществляя свое право на самооборону путем нанесения превентивных ударов по террористам, чтобы не дать им возможности принести ущерб нашему народу и нашей стране».

Западные страны ищут в использовании высоких технологий решения современных проблем военного строительства.

Это сопровождается заметными сдвигами в оборонной промышленности, где доминирует выпуск аэрокосмической техники и электроники, идет мощный процесс консолидации. Слияния и поглощения особенно крупного размаха достигли в США. *В результате целой серии многомиллиардных сделок и при финансовой помощи государства здесь возникло три гигантские военно-промышленные монополии:* «Локхид-Мартин» (приобретшая недавно «Нортроп-Грумман»), «Боинг» (объединившаяся с «Макдоннелл-Дуглас») и «Рейтеон». Годовой объем военных продаж только одной корпорации «Локхид-Мартин» (вместе с «Нортроп-Грумман») составил в 1996 году 21,5 млрд долларов, что в несколько раз превышало годовой объем всего оборонного заказа России.

Следует заметить, что в США и других странах НАТО большое внимание уделяется мобилизационной подготовке экономики. Принята концепция градуированного мобилизационного реагирования, суть которой в том, что руководство страны в соответствии со складывающейся военно-политической обстановкой вводит в действие один из ряда уровней отмобилизации промышленности, рассчитанных на разные сроки достижения требуемых уровней мобилизации — от нескольких недель до нескольких лет. Многовариантность экономической мобилизации призвана обеспечить оптимальное решение проблем военно-экономической готовности и мобильности.

Внутренние угрозы. Объективной основой возникновения внутренних угроз являются внутренние противоречия системы национальной безопасности, обостряющиеся со снижением могущества государства, особенно его экономической составляющей. В условиях объективной ограниченности ресурсов усиление одного структурного элемента данной системы влечет, как правило, ослабление других элементов. Множественность и комплексность угроз осложняет планирование и осуществление мер по укреплению национальной безопасности, что порождает почву для субъективных факторов, усугубляющих негативное влияние внутренних угроз.

Внутренние угрозы формируются зачастую под сильным воздействием внешних факторов и нередко превращаются во внешние угрозы. Например, угрозы продовольственной безопасности обусловлены кризисным состоянием отечественного

сельскохозяйственного производства и усугублены тем, что доля агропромышленного комплекса сократилась в расходной части федерального бюджета с 15% в начале 90-х годов до примерно 3% в конце десятилетия, а продовольственный импорт вырос за этот период в 6 раз. В результате около половины потребляемых в стране продуктов питания имеет импортное происхождение, а созданные ранее стратегические запасы продовольствия оказались проеденными. Создалась возможность шантажа и экономического давления на Россию извне в мирное время, а в условиях войны такая зависимость от импорта чревата поражением.

На протяжении последнего десятилетия XX века интенсивно шел процесс обострения старых и возникновения новых внутренних угроз военной и военно-экономической безопасности России. Неблагоприятные изменения в военной системе России связаны с различными внутренними причинами, одна из которых — отсутствие четкой государственной политики и концепции осуществления военной реформы, сокращения и конверсии оборонного производства, а также ясной позиции руководства страны в отношении роли военной мощи и ее составных элементов в современных международных отношениях, некомпетентное осуществление экономических реформ, приведшее к глубокому и затяжному кризису, резкому ослаблению экономического и научно-технического потенциала.

О существенном ухудшении экономического положения России в мире свидетельствуют приведенные ниже данные.

Сейчас по целому ряду макроэкономических показателей мы сильно отстаем от главных центров силы в мире. Если СССР к началу 90-х годов по общему объему ВВП занимал третье место в мире, то Россия в конце этого десятилетия находилась во втором десятке государств, ее доля в мировом ВВП сократилась с 3,3 в 1990-м до 1,6% в 1997 году. Значительно хуже обстоит дело в отношении производства ВВП в расчете на душу населения. За указанный период этот показатель России по отношению к аналогичному показателю США снизился с 26 до 14%. По этой важной позиции Россия находится позади десятков стран.

Резкое падение экономической мощи России усугубляется тем, что стихийно-рыночная перестройка экономики существенно ухудшила ее структуру. Происходит деиндустриализация эко-

номики, утяжеление ее структуры, в которой еще более увеличился удельный вес топливно-сырьевых отраслей, а высокотехнологичные производства сведены к ничтожно малому уровню. Государственный долг достиг огромных размеров, и выплата процентов по нему опустошает бюджет. Деградируют научно-производственный комплекс и система образования, все ниже опускается жизненный уровень населения. Экономическая безопасность — а это фундамент национальной безопасности — по многим показателям оказалась ниже пороговых значений.

Резкое сокращение экономической мощи крайне отрицательно сказалось на экономическом обеспечении всех составляющих национальной безопасности, особенно военной и военно-экономической, о чем речь пойдет ниже, а здесь анализируется лишь вопрос о конверсии военного производства.

Как известно, необходимость конверсии военного производства обусловлена объективными сдвигами в отношениях безопасности и могущества, происшедшими во второй половине XX века. Ее предназначение состоит в сокращении чрезмерных масштабов военного производства и приведении его структуры в соответствие с современными требованиями к экономическому обеспечению военной безопасности. Содержание конверсии включает комплекс проблем: структурно-воспроизводственных, относящихся к изменению взаимосвязей и пропорций основных отраслей производства; технологических проблем перевода части военного производства на выпуск гражданской продукции; проблем социальной защищенности трудящихся (переквалификация, безработица, миграция и т. п.). В России она означает одновременно и конверсию системы экономических и военно-экономических отношений в связи с переходом к рынку. Даже в странах с господствующей рыночной экономикой переход предприятия из системы военно-экономических отношений в гражданскую сферу сопряжен с массой сложностей, так как военно-хозяйственные правовые нормы существенно отличаются от гражданских. У нас же конверсируемое предприятие переходит из централизованно управляемой государственной системы в рыночную систему отношений, которая к тому же еще не вполне сложилась.

Поскольку военно-экономический аспект конверсии военного производства состоит в том, чтобы привести его мас-

штабы и структуру в соответствии с современными требованиями к обеспечению национальной безопасности, то при формировании концепции конверсии и разработке программ ее осуществления следует исходить, с одной стороны, из положений государственной концепции национальной безопасности и военной доктрины, а с другой — из экономических возможностей государства в данный момент и в обозримой перспективе. Они определяют состав и структуру Вооруженных Сил, программу развития их вооружения и военной техники. Эта программа, детализированная до уровня конкретных образцов, реализуется в виде государственного оборонного заказа, который доводится до всех оборонных и сопряженных с ними предприятий и определяет для них допустимую глубину конверсии, долю производственных мощностей, которую нельзя перепрофилировать для производства продукции гражданского назначения (сюда входят так называемые спецмощности для текущего выпуска вооружения и мобмощности для их выпуска в особый период). Более конкретно объем и структура производственных мощностей, перепрофилируемых для изготовления невоенной продукции, определяются на основании федеральной и региональной программ конверсии, а также собственных маркетинговых исследований предприятия.

Однако в реальной действительности эти элементарные истины были проигнорированы, конверсия началась в 1989 году в форме волевого сокращения государственного оборонного заказа. Программы конверсии сменяли одна другую, но фактически не финансировались. Она вылилась в обвальное сокращение не только военного, но и гражданского производства: первое сократилось в десять раз, второе — в четыре с лишним раза.

В результате была подорвана научно-техническая и производственная база выпуска современной военной продукции, но не создана основа для производства конкурентоспособной гражданской продукции. Высокотехнологичные отрасли, не имея ни военной, ни гражданской «подпитки», стали быстро приходить в упадок. В результате в ближайшие годы Россия может столкнуться с мощным научно-техническим вызовом. Наша оборонная промышленность оказалась на грани технологической катастрофы.

Деградация научно-технической и производственной базы оборонного комплекса России существенно затрудняет решение проблем разработки и производства новейших систем оружия и модернизации всей военной организации. Ослабление и разрушение этой базы, продолжение прежней военно-экономической политики и практики финансово-экономического обеспечения военного строительства неизбежно обостряют угрозу утраты способности России в достаточной степени обеспечивать материально-технические потребности Вооруженных Сил в любой ситуации, особенно в чрезвычайных обстоятельствах, могут привести к полному развалу российской военной мощи.

В новой редакции Концепции национальной безопасности Российской Федерации наконец появилась запись: «Важная роль в обеспечении национальных интересов России принадлежит оборонному промышленному комплексу. Реструктуризация и конверсия оборонного промышленного комплекса должна осуществляться без ущерба для развития новых технологий и научно-технических возможностей, модернизации вооружений, военной и специальной техники и укрепления позиций российских производителей на мировом рынке вооружений.

Требуется создать все необходимые условия для организации приоритетных фундаментальных, прогнозных и поисковых научных исследований, обеспечивающих создание в интересах обороны и безопасности государства перспективного и опережающего научно-технического задела».

2.4. Экономическое обеспечение национальной безопасности

Еще на первых ступенях существования человечества люди поняли, что для того, чтобы жить, необходимо не только создавать жизненные блага и рожать детей, но и преодолевать угрозы благосостоянию и самой жизни. Поэтому первые, еще очень примитивные орудия труда были одновременно и оружием, служили как для воспроизводства, так и для обеспечения безопасности, которое позже стало одной из первых функций государства. По мере развития человечества про-

грессировали угрозы его безопасности. На ее обеспечение приходилось выделять все больше сил и средств, отвлекая их от процесса воспроизводства жизненных благ. Ныне эти две функционально различные части экономической мощи, одна из которых обеспечивает экономическое воспроизводство, другая — поддержание национально-государственной безопасности, уже вполне сопоставимы по объему. Во время Второй мировой войны в ряде государств на обеспечение функционирования военной мощи уходило более половины производимой продукции. При этом со всей очевидностью выяснилось, что различия в функциональном предназначении производимой продукции (для каких целей она производится — военных или гражданских) весьма существенно сказываются на общественном производстве, на всей системе экономических отношений.

Значит, безопасность — будь то экономическая, политическая, военная или любая другая — предполагает экономическое обеспечение, требует средств для создания и поддержания функционирования соответствующих охранительных, силовых и иных обслуживающих структур. Так, экономическое обеспечение военной безопасности предполагает наличие военной экономики. В каждом государстве имеется военная экономика. Она поглощает солидную часть экономических ресурсов, составляющую в настоящее время в большинстве крупных государств 3–5% их валового национального продукта. Предназначенные для удовлетворения военных потребностей ресурсы нужно не только выделять, но и эффективно (с точки зрения военно-экономической науки) использовать, для чего создаются специфические военно-экономические структуры, формируются военно-экономические отношения — все то, что называют военной экономикой.

В России в последнем десятилетии прошлого века многим показалось, что в мире для нашего государства больше нет серьезных военных угроз и можно приступить к сворачиванию военной организации. Военные ассигнования, составлявшие, по признанию президента СССР М. С. Горбачева, 18% от общих расходов государственного бюджета, стали сокращаться и упали до 2,8%. Но вот наконец в Концепции национальной безопасности, концепции внешней политики и в военной доктрине было констатировано наличие военных угроз, исхо-

дящих из многочисленных источников — от международного терроризма до приблизившегося к самым границам России военно-политического блока НАТО, а также то, что надежная военная мощь государства это не зло, а благо, и ее нужно не рушить, а укреплять.

Наряду с военными существуют многочисленные угрозы в других областях жизнедеятельности: и в самой экономике, и в политике, и в экологии. С их актуализацией разворачиваются процессы формирования структур безопасности и могущества этих сфер с их подсистемами экономического обеспечения и научного сопровождения. Степень их зрелости различна. Уже говорят, к примеру, об экономическом обеспечении экологической или информационной безопасности, а в структуре государственного бюджета появляются статьи и «отдельные строки», призванные обеспечить экономически эти и другие виды безопасности. За этим стоят определенные общественные отношения и структуры. Их необходимо изучать, они нуждаются в научно обоснованной организации, регулировании, согласовании. Вполне очевидно, что чем раньше общество, государство, наука осознают возникшие новые потребности, отношения, проблемы, тем вероятнее их своевременное и эффективное решение, тем надежнее будет обеспечена национальная безопасность.

Из сказанного следует, что объективно существует экономика безопасности как определенная система экономических отношений и совокупность экономических структур, обслуживающих функционирование различных систем безопасности. Она может быть представлена, во-первых, как часть экономики, обслуживающая защиту жизненно важных интересов общества, во-вторых (в более конкретном виде), как совокупность специальных (функциональных) экономик, обеспечивающих конкретные функциональные виды безопасности: собственно экономическую, политическую, военную, экологическую и т. д.

Каждый вид экономического обеспечения безопасности специфичен, но все они взаимосвязаны, и сеть этих связей довольно густа. Так, экономическая безопасность опирается прежде всего на экономическую мощь, военная безопасность — на военную силу. Существуют и другие взаимосвязи в системе безопасности и могущества. Например, экономической угро-

зе могут быть противопоставлены не только экономическая защищенность и экономическая мощь, но и юридический, политический и все другие, в том числе военный, компоненты безопасности и могущества. Очень важно правильно градуировать и ранжировать ответы на угрозы и в соответствии с этим распределять имеющуюся экономическую мощь.

Среди элементов функциональной структуры безопасности и могущества особую роль играет экономический. Он является не только одним из составных элементов наряду с прочими, но и выступает в качестве основы для остальных элементов, ибо все они предполагают экономическое обеспечение. Значит, в экономической мощи можно различать две части, одна из которых составляет собственно экономику, другая служит экономическому обеспечению политических, оборонных, экологических и других интересов, видов безопасности. Эта, вторая часть составляет экономику безопасности, а ее масштабы определяют возможности обеспечения всех видов безопасности, создания охранительных и силовых структур (мощи).

Поскольку за свою безопасность общество вынуждено платить, а обеспечивающая ее система имеет сложную структуру, каждый элемент которой характеризуется определенным эффектом и затратами, то при ограниченности экономических ресурсов (а это всеобщий закон) встает проблема оптимизации структуры экономики безопасности. Приходится выбирать, определять приоритеты, находить такое соотношение различных составляющих безопасности, которое дает при наличных возможностях наилучший результат. Народы и государства решают эту задачу по-разному: у одних бросаются в глаза раздутые военные и полицейские структуры, у других — мощная экономика и всестороннее правовое обеспечение, у третьих — свои приоритеты. Очевидно, для разных стран и различных этапов развития каждой страны приемлемы разные структуры безопасности, ибо неодинаково их положение в мире, с разными опасностями сталкиваются они и обладают неодинаковой силой. Нет идеальной модели безопасности и могущества ни у американцев, ни у немцев, ни у русских, но оптимальную модель способны создать и те, и другие, и третьи. *Оптимальной является такая структура экономики национальной безопасности, которая соответствует исторически сложившимся потребностям и возможностям данного государства, способна воспро-*

изводиться, видоизменяясь и совершенствуясь в соответствии с изменениями внутренних и внешних условий развития. У каждого народа — свой опыт побед и поражений. Можно выиграть самую тяжелую войну и проиграть мир, можно довести экономическую и военную мощь человечества до чудовищных размеров, но погубить его в экологической катастрофе. Это подчеркивает необходимость создания и всесторонней разработки теории экономики безопасности.

Объектом науки экономики национальной безопасности является вся система экономических отношений, отношений безопасности и соответствующие структуры во всех рассмотренных выше структурных срезях. *Предметом же данной науки является* система экономических отношений, складывающихся в связи с выделением ограниченных экономических ресурсов для обеспечения безопасности личности, общества и государства, их распределением и использованием. Ее задача — познание объективных закономерностей и условий эффективного функционирования структур, обеспечивающих безопасность.

Существует немало трактовок понятия экономической безопасности, которые определяют ее как совокупность условий и факторов, обеспечивающих независимость национальной экономики, ее стабильность и устойчивость, способность к постоянному обновлению и самосовершенствованию, к поддержанию нормальных условий жизнедеятельности населения, устойчивого обеспечения ресурсами развития народного хозяйства, а также последовательную реализацию национально-государственных интересов, таких как защищенность национальных интересов, готовность и способность институтов власти создавать механизмы реализации и защиты национальных интересов развития отечественной экономики, поддержания социально-политической стабильности общества. Есть и другие определения.

В научной разработке проблем экономической безопасности уже достигнуты определенные результаты, которые отражены в таких документах, как Основные положения государственной стратегии экономической безопасности, Концепция национальной безопасности РФ и др. Сейчас назрела необходимость научной разработки проблем экономического потенциала безопасности в общем экономическом потенциале, экономико-математического моделирования

экономики безопасности, взаимосвязей основных ее элементов и формирования системы сопоставимых критериев и показателей экономической безопасности и ее элементов, что позволит осуществлять постоянный мониторинг и решать вопросы оптимизации структуры экономики безопасности.

Значительное внимание необходимо уделять также военно-экономической безопасности: военному производству, военно-хозяйственной инфраструктуре, эффективности экономического обеспечения обороны, методологии оценки военно-экономической безопасности, выяснению взаимосвязей военного и гражданского производства в конверсионных процессах, решению вопросов мобилизационной подготовки экономики, поиску путей совершенствования международных экономических и военно-экономических отношений в плане обеспечения военно-экономической безопасности.

Системы экономического обеспечения национальной безопасности в зарубежных странах

В каждой стране — своя система экономического обеспечения национальной безопасности. На ее формирование влияют многочисленные факторы: геополитическое положение, национальные интересы и цели, характер угроз жизненно важным интересам государства, его экономическая мощь, уровень научно-технического развития, общественно-политический строй, национальные традиции и т. д. Очевидно, есть резон хотя бы очень бегло ознакомиться с существующими в некоторых странах системами экономического обеспечения безопасности, чтобы на этом фоне более отчетливо проявились основные черты нашей, российской системы.

Соединенные Штаты Америки обладают наиболее развитой системой экономического обеспечения национальной безопасности, что обусловлено в первую очередь их самым мощным в мире экономическим и научно-техническим потенциалом. На их долю приходится более половины внедряемых в мире нововведений, они занимают лидирующие позиции в создании и использовании всевозможных информационных систем, обработке накопленных массивов знаний, что позволяет повышать эффективность управления и эффективность функционирования экономики, вооруженных сил и т. д. Про-

мышленность США потребляет около одной трети сырья, добываемого в мире, ее транснациональные корпорации представляют «вторую экономику», объем продаж которой равен трети ВВП страны.

Колоссальная экономическая мощь позволяет широко применять экономические формы и методы защиты жизненно важных интересов и в то же время поддерживать наиболее развитую структуру национальной безопасности. Важнейшим ее элементом остается военная система. Войска США расположены в ключевых районах земного шара и весьма активно используются для реализации интересов США, закрепления роли мирового лидера.

В области обеспечения научно-технической безопасности главным является поддержание научно-технического превосходства над всеми странами, увеличение отрыва в области критических технологий. Этим же целям служит в значительной мере деятельность в области информационной безопасности. На компьютеризацию и развитие информационных систем ежегодно расходуется втрое больше средств, чем на закупки оружия и боевой техники.

США затрачивают колоссальные средства на экологическую безопасность. За последние 15 лет конца прошлого века на эти цели израсходовано 500 млрд долларов. Особо обращает на себя внимание стремление переместить «грязные технологии» в развивающиеся страны, заставить их расплачиваться за издержки американского прогресса.

Большое внимание уделяется проблемам военно-экономической безопасности. По уровню оборонных расходов ни одно государство в отдельности, да и все остальные страны НАТО вместе взятые не могут сравниться с США. Некоторое их снижение, совершенно не сопоставимое с обвальным падением военных расходов России, практически закончилось. Ныне раскручивается перевооружение военной системы для войн шестого поколения, к чему, по мнению специалистов, США будут готовы к 2007–2010 годам.

Характерной чертой развития военной экономики США является дальнейшая консолидация оборонной промышленности, в которой на основе слияний и поглощений сокращается общее число военных подрядчиков, формируются все более крупные военно-промышленные монополии, располагающие

более мощным производственным аппаратом, возможностью влиять на военно-экономическую политику, повышать эффективность военно-промышленной деятельности.

В руководстве экономическим обеспечением национальной безопасности важную роль играет созданный еще в 1947 году Совет национальной безопасности, разрабатывающий рекомендации, проекты решений президента. В работе по организации экономического обеспечения национальной безопасности участвуют различные министерства и ведомства: торговли, финансов, транспорта, иностранных дел и т. д. Так, ответственность за непосредственное управление военно-экономической деятельностью в США возлагается на министерство обороны. Непосредственно за организацию военных закупок и военных НИОКР отвечает заместитель министра обороны по закупкам и технике, которому подчинены заместитель заместителя министра обороны по материально-техническому обеспечению и начальник управления военных НИОКР, заместитель заместителя министра обороны по перспективной технике, отвечающий за разработку «оружия будущего», чему придается первостепенное значение. Существует должность заместителя министра обороны по закупочной реформе, что отражает не только важность этой реформы, но и свидетельствует о том, что она рассматривается не как однократный акт, а как длительный и сложный процесс. Введены должности помощника министра обороны по экономической безопасности и заместителя министра обороны по экологической безопасности, что говорит о стремлении увязать военно-экономическую деятельность с другими важными элементами национальной безопасности.

Закупочные органы имеются в каждом из трех военных министерств. В системе закупок вооружения и военной техники заняты десятки тысяч военнослужащих и гражданских служащих министерства обороны.

Таким образом, в США государство и его органы играют большую роль в экономическом обеспечении военной и других видов безопасности. Оно определяет размеры и структуру военного спроса, создает органы управления военной экономикой, вырабатывает «правила игры» для военных подрядчиков и т. д. Но в условиях рыночных отношений государство не может (за исключением чрезвычайных обстоятельств) узурпи-

ровать право частных производителей военной продукции на принятие самостоятельных решений. Оно может лишь влиять на эти решения, внося соответствующие изменения в свою закупочную, налоговую, кредитную политику и принимая другие корректирующие меры. Поэтому военно-промышленная база является в значительной мере самоорганизующейся системой, реагирующей не только на изменения в военном спросе, но и на всю совокупность факторов, определяющих экономическое и военно-экономическое развитие.

Китайская Народная Республика. С последней четверти прошлого века КНР стала стремительно наращивать экономическую основу своей национальной безопасности. По оценкам многих западных аналитиков, во втором десятилетии нынешнего века по объему ВВП она может выйти на первое место в мире, обойдя США. Успехи китайской экономики связаны с проводимой экономической реформой, «четырьмя модернизациями» — промышленности, сельского хозяйства, науки и техники, обороны. В 1992 году компартия Китая провозгласила принцип построения «социалистической рыночной экономики» в качестве цели структурной реформы экономики, которая должна привести к глубоким изменениям во всех сферах общественной жизни страны, укреплению национальной безопасности и, естественно, росту военного могущества. На первых этапах экономической реформы, несмотря на быстрый экономический рост, оборонные расходы в реальном выражении не увеличивались, а сокращались примерно на 3,5% в год, уменьшалась и численность вооруженных сил. В 80-х годах развернулась широкомасштабная конверсия оборонного производства. Доля гражданской продукции, составлявшая в общем объеме производства оборонного комплекса около 8%, в 1990 году возросла до 65%, а в 1994 году — до 70%.

Перевод ресурсов из военного сектора в гражданский отражал стратегический замысел: укрепить в первую очередь общенациональный экономический потенциал, а затем на основе устойчивого экономического роста поднять жизненный уровень населения и осуществить модернизацию оборонного комплекса. Маневр удался. Число китайских граждан, живущих в абсолютной бедности, сократилось с 25 до 5%. По данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), в середине 90-х годов Китай по производству мяса вышел

на первое место в мире и стал мировым лидером по продуктивности животноводства.

Что касается модернизации оборонного комплекса, то китайское руководство стремится одновременно осуществлять постепенное сокращение производства устаревших видов вооружений, конверсию оборонного производства, разработку и выпуск современного оружия, а также закупки за рубежом новейших вооружений и технологий, в том числе двойного назначения, с тем, чтобы и войска, и разработчики оружия были в курсе зарубежных достижений в этой области.

Одновременно осуществляется перестройка системы управления военно-экономической деятельностью. В конце 70-х годов в Китае было восемь министерств машиностроения, из которых только первое отвечало за гражданское машиностроение, а остальные семь ведали ядерной энергетикой, самолетостроением, электронной промышленностью, производством вооружения и военной техники для сухопутных войск, кораблестроением, ракетостроением и космической промышленностью. В начале 80-х, а затем в 90-х годах эти министерства были реорганизованы, преобразованы (кроме министерства электронной промышленности) в генеральные компании, проведена очередная реорганизация системы управления военно-экономической деятельностью, связанная с курсом на создание «социалистической рыночной экономики». Центральное место в этой системе занял государственный комитет по делам оборонной науки, техники и промышленности, известный также в отечественной и зарубежной специальной литературе как КОСТИНД (COSTIND — Comission of Science, Technology and Industry for National Defense). Этот сравнительно небольшой по численности персонала орган, входящий в состав аппарата Госсовета и взаимодействующий с Центральным военным советом, выполнял ряд важных координирующих функций по обеспечению как чисто военных поставок, так и производства гражданской продукции на предприятиях оборонного комплекса.

Генеральные компании являются хозяйственными организациями, наделенными статусом юридического лица, осуществляющими НИОКР, производство и коммерческую деятельность. Они обслуживают как оборонные, так и гражданские нужды. Каждая генеральная компания включает несколько

групп, размещенных по всей стране; в группу входит ряд предприятий, которые в свою очередь могут иметь несколько заводов, выпускающих определенную продукцию. Так, генеральная компания авиационной промышленности охватывает 115 производственных предприятий с 560 тыс. занятых и 40 научно-исследовательских институтов с персоналом свыше 100 тыс. человек. Таким образом, в ходе военно-экономической реформы достигается довольно успешное сочетание рыночных отношений с централизованным управлением военно-экономической деятельностью.

Федеративная Республика Германия. Могущество и роль ФРГ в Европе в результате объединения возросли. Она сократила свои оборонные расходы больше, чем страны НАТО в целом, но это отнюдь не свидетельствует о снижении внимания к военной мощи и безопасности. Энергично проводится программа реорганизации бундесвера с целью приспособления его к новой военно-политической ситуации в мире. Новый бундесвер будет состоять из главных сил обороны, укомплектованных военнослужащими срочной службы, и сил кризисного реагирования, в которых будут служить солдаты, унтер-офицеры и офицеры, подписавшие специальный контракт. На него возлагаются две главные задачи: оборона территории ФРГ и союзников по НАТО и эффективное участие в международных операциях по разрешению кризисов и предотвращению конфликтов. Численность бундесвера снижается с 370 тыс. до 340 тыс. человек. Главные силы обороны рассматриваются как основа обороны страны и наиболее важный вклад ФРГ в военные структуры НАТО. Силы кризисного реагирования численностью около 50 тыс. солдат и офицеров будут находиться в постоянной боевой готовности.

Реформа бундесвера предусматривает совершенствование системы экономического обеспечения военной безопасности. Высвобождающиеся при проведении реформы средства направляются на закупку современных вооружений и военной техники, разработку и испытания новой техники. Главный упор в программе военных закупок делается на оснащение сил кризисного реагирования.

В первой половине 90-х годов была реорганизована система органов министерства обороны ФРГ, отвечающих за военные закупки. Подверглись изменению структуры федерально-

го управления по военной технике и закупкам, а также были сокращены его штаты. Однако основные функции этого управления остались прежними: планирование разработки, производства и поставок вооружения и военной техники; организация НИОКР военного назначения; контроль за ходом осуществления программ создания систем оружия; решение технико-экономических и финансовых вопросов производства вооружений; руководство участием национальных фирм в реализации программ межгосударственного военно-промышленного сотрудничества.

Оборонная промышленность ФРГ практически полностью принадлежит частному капиталу. Очень высокая степень концентрации наблюдается в авиационно-космической промышленности, где господствует фирма ДАСА («Даймлер-Бенц Аэроспейс»). В производстве вооружений для сухопутных войск и в кораблестроении концентрация значительно ниже. Оборонные фирмы ФРГ широко участвуют в международных военно-технических программах, но не способны полностью удовлетворить внутренний спрос на вооружения и военную технику. По данным парижского Центра стратегических исследований и прогнозов, самообеспеченность потребностей ФРГ в вооружениях и военной технике составляет лишь около 45% (по сравнению с 90% — во Франции и 75% — в Великобритании).

На структуру и функционирование системы экономического обеспечения национальной безопасности ФРГ накладывают отпечаток некоторые особенности федеративного устройства этого государства, состоящего из 16 земель, каждая из которых имеет свои конституцию, парламент и правительство. К исключительному ведению федерального правительства относятся финансы, внешняя политика и оборона. Правительства земель обладают большими полномочиями в области регулирования экономической и природоохранной деятельности, финансировании НИОКР и т. п. Правительства земель Бавария и Баден-Вюртемберг, где расположена основная масса оборонных предприятий, оказывают заметное влияние на развитие оборонной промышленности ФРГ.

Беглый обзор некоторых аспектов экономического обеспечения национальной безопасности даже немногих стран свидетельствует о том, что в различных странах структуры экономического обеспечения национальной безопасности

существенно различаются. В функциональном срезе наиболее развиты структуры экономического обеспечения военной безопасности, имеющие давние исторические традиции. Новые функциональные структуры, например по экономическому обеспечению экологической или информационной безопасности, пока слабо оформлены в институциональном отношении; они еще не выделились в самостоятельные подсистемы экономики национальной безопасности, входят в давно сложившиеся многофункциональные экономические и управленческие подсистемы. Соответственно и бюджетные расходы на экономическое обеспечение новых функциональных областей национальной безопасности часто скрыты в расходах на содержание аналогичных, но более широких структур.

В рассмотренных странах основное внимание в сфере экономического обеспечения национальной безопасности по-прежнему фокусируется на проблемах противодействия традиционным военным угрозам, в то время как в текущий период заметно возрастают угрозы невоенного характера. Относительная роль военного фактора в обеспечении национальной безопасности несколько снижается, как из-за улучшения мировой военно-политической ситуации (что дает возможность сокращать оборонные бюджеты), так и в связи с быстрым возрастанием значения таких компонентов национальной безопасности, как научно-техническая, информационная, экологическая безопасность, на которые приходится расходовать все больше ресурсов. Доля государственных ресурсов в общих затратах на обеспечение национальной безопасности сокращается, так как основное бремя финансирования мероприятий по обеспечению научно-технической, экологической и некоторых других видов безопасности приходится на частные корпорации. Но функция управления обеспечением национальной безопасности незыблемо остается в руках государства.

Следует отметить ряд существенных различий в системах экономического обеспечения разных стран.

В разных странах существенно различаются приоритеты структурных звеньев экономики национальной безопасности. Так, в США — наиболее развитая структура экономики национальной безопасности, включающая подсистемы экономической, политической, военной, экологической, информацион-

ной и других видов безопасности, среди которых приоритет отдается экономическому обеспечению военной мощи; в планах модернизации **КНР** оборона стоит на четвертом месте — после модернизации промышленности, сельского хозяйства, науки и техники; в **ФРГ** центр тяжести перенесен на экономическую и политическую безопасность.

Существенны различия и в характере взаимодействия военного и гражданского секторов экономики: в США наблюдается перелив достижений гражданского сектора, особенно в научно-технической области, в военный — для создания и совершенствования современных вооружений и повышения эффективности военного производства; в КНР, наоборот, с помощью конверсии значительной части военного производства стремятся укрепить гражданскую экономику.

Есть различия институционального характера: в США и ФРГ используются преимущественно финансово-экономические методы управления — к мероприятиям, связанным с обеспечением экологической, информационной и некоторых других видов национальной безопасности, широко привлекаются ресурсы частного сектора; в КНР, где вся оборонная промышленность находится в государственной собственности, по-прежнему активно используются административные методы, несмотря на введение контрактной системы.

Можно отметить различия, связанные с разной степенью участия национальных экономик в международном разделении труда и разным уровнем научно-технического развития. Так, американские военно-промышленные фирмы, находящиеся на более высоком уровне технологического развития, чем их коллеги в других странах, неохотно идут на сотрудничество с зарубежными производителями военной продукции, американские законы ограждают внутренний военный рынок США от иностранного проникновения; КНР стремится развивать собственную военно-промышленную базу, используя для этого в различных формах и зарубежный опыт; ФРГ в настоящее время старается максимально использовать выгоды международного военно-промышленного сотрудничества.

Существуют также другие различия и элементы сходства. Сравнительный анализ систем экономического обеспечения национальной безопасности актуален и представляет ценность как для выработки оптимальных решений в области экономического

обеспечения национальной безопасности, так и для осознания необходимости и выяснения путей формирования глобальной системы безопасности.

Региональные и международные структуры экономического обеспечения безопасности

Бурно протекающие интеграционные процессы оказывают огромное воздействие на состояние и динамику развития экономики. Они позволяют использовать преимущества международного разделения труда для повышения эффективности ее функционирования, стимулирования научно-технического прогресса, ускорения темпов экономического роста, расширения экономического потенциала. Тем самым интеграционные процессы влияют также на развитие и функционирование систем экономического обеспечения национальной безопасности.

В области обеспечения военной и военно-экономической безопасности международное сотрудничество в сфере разработки и производства вооружений дает возможность объединить экономические ресурсы, использовать эффект международной конкуренции, добиться оптимальных масштабов производства, избавиться от дублирования дорогостоящих разработок, освободиться от ставших экономически невыгодными хозяйственных структур, что повышает эффективность использования ограниченных ресурсов. Такое сотрудничество также способствует значительному улучшению экономического обеспечения вооруженных сил военных коалиций в мирное время, обеспечивая повышение уровня стандартизации и интероперабельности вооружений, упрощая материально-техническое обеспечение и облегчая совместную боевую подготовку.

Военно-экономическая интеграция имеет многообразные формы, протекает между разными странами и группами стран с различными размахом, интенсивностью и глубиной. *Интеграционные процессы оказывают влияние на функционирование международных институтов обеспечения безопасности и военно-политических блоков.*

В мировой системе институтов поддержания безопасности центральное место принадлежит **ООН**, главная задача которой — гарантировать международный мир и безопасность. В структуре ООН нет органов, предназначенных для «силового» разрешения конфликтов, она не располагает и соответст-

вующими финансовыми возможностями. Поэтому ООН в особых случаях санкционирует проведение определенных миротворческих операций другими международными организациями — например НАТО.

В арсенале ООН имеются политико-дипломатические средства и экономические санкции. Она проводит большую работу по исследованию и координации мероприятий различных стран при решении глобальных проблем, тесно связанных с обеспечением экономической, продовольственной, экологической безопасности. В структуре ООН имеется ряд специализированных органов (например, МАГАТЭ, Продовольственная и сельскохозяйственная организация — ФАО и др.), занимающихся более узкими аспектами экономической и экологической безопасности.

В сфере военно-политической и военно-экономической безопасности важнейшее место занимает **НАТО**. В соответствии с уставом организации каждая страна-участница несет ответственность за материально-техническое обеспечение своих вооруженных сил, а координация материально-технического обеспечения является важным аспектом эффективного использования ресурсов.

Экономическими и военно-экономическими вопросами в НАТО занимаются многочисленные специализированные органы, в их числе экономический комитет, главный совет по ресурсам, комитеты по гражданскому и военному бюджетам, комитет по вопросам инфраструктуры, комитет национальных директоров по вооружениям, главный комитет начальников тыла и др. В структуре международного секретариата имеется ряд управлений: управление экономического обеспечения обороны, отвечающее за наиболее эффективное использование ресурсов союзников для производства вооружения и военной техники и за их стандартизацию; управление по вопросам инфраструктуры, тылового обеспечения и разработки чрезвычайных планов в гражданской области; управление по научным и экологическим вопросам и др. Существует также ряд производственных и тыловых организаций, решающих конкретные практические задачи: Центральноевропейское операционное агентство отвечает за эксплуатацию, техническое обслуживание и ремонт трубопроводов НАТО в Центральной Европе, а организация по техническому обслу-

живанию и снабжению НАТО осуществляет общие закупки запчастей и обеспечивает техническое обслуживание и ремонт систем оружия, состоящих на вооружении в нескольких странах-участниках.

Экономический комитет НАТО занимается консультациями по вопросам экономического развития в непосредственной связи с политикой безопасности. Анализ и совместные оценки экономических процессов, связанных с обеспечением безопасности, входят в число ключевых элементов координации оборонного планирования в НАТО. При этом подвергаются анализу такие проблемы, как сопоставление военных расходов, развитие оборонной промышленности, наличие ресурсов для осуществления оборонных планов, торговля вооружением и военной техникой в рамках НАТО, различные аспекты экономического сотрудничества между странами-участницами.

В принятой в 1991 году новой стратегической концепции НАТО подчеркивается, что безопасность основывается как на оборонных мерах, так и на политических, экономических, социальных и экологических факторах. Поэтому НАТО расширяет сотрудничество с Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе, Европейским союзом, Западноевропейским союзом, Советом Европы.

Политика расширения НАТО на восток, помимо очевидной политической и военной направленности, имеет также серьезные экономические и военно-экономические аспекты, служит открытию рынков для западных, прежде всего американских, военно-промышленных монополий.

Высокого уровня развития достигло военно-экономическое сотрудничество в **Североамериканском регионе НАТО**. Вскоре после Второй мировой войны между правительствами США и Канады была достигнута принципиальная договоренность о «долевом участии в производстве вооружений», и на этой основе заключена серия рабочих соглашений о сотрудничестве в конкретных областях военного производства. Многие канадские производители военной продукции являются либо филиалами американских военно-промышленных корпораций, таких как «Боинг», «Локхид-Мартин» и другие, либо их субподрядчиками и поставщиками. В Канаде и США распространено мнение, что канадское военное производство следует рассмат-

ривать не изолированно, а в рамках единой «североамериканской военно-промышленной базы». США и Канада связаны также многими соглашениями, касающимися сотрудничества и в других областях экономического обеспечения безопасности.

В начале нового века наметилась определенная трансформация в политике стран НАТО и России, с повышением степени участия последней в научно-технических, экологических и экономических программах НАТО. Эта политика получила отражение в известных формулах «19+1» и «20».

В Западноевропейском регионе проблема военно-экономической интеграции стоит намного острее. Такие страны, как Франция, Великобритания, ФРГ, Италия, обладают развитой оборонной промышленностью, но из-за узости своих внутренних военных рынков в современных условиях оказываются не в состоянии самостоятельно осуществлять крупные военно-технические программы. Они прибегают к различным формам объединения усилий — от международной подрядной кооперации до создания совместных компаний и международных консорциумов — и пытаются сформировать единый западноевропейский рынок военной продукции.

Многонациональные консорциумы фирм, создающиеся для выполнения крупных программ, представляют собой организационно оформленные монополистические объединения, в которых при сохранении юридической самостоятельности входящих в них фирм совместные работы ведутся по принципам разделения ответственности, равных прав партнеров, но при этом централизованного (как правило, на межгосударственном уровне) управления. Например, консорциум по разработке и производству истребителя «Еврофайтер-2000» был создан Великобританией (корпорация «Бритиш аэроспейс»), ФРГ (МББ и «Дорнье», позже вошедшие в ДАСА, которая, в свою очередь, была куплена «Даймлер-Бенц»), Францией («Дассо») и Италией («Алениа»). В 1985 году Франция вышла из консорциума, решив сосредоточиться на создании собственного истребителя «Рафаль», а в 1988 году в него вошла Испания (КАСА). Первоначально деятельность регулировалась межгосударственными соглашениями, а в 1987 году в рамках НАТО было создано специальное агентство по управлению программой разработки, производства и материально-технического обеспечения самолета «Еврофайтер-2000». Это

агентство подчиняется Североатлантическому Совету. К концу последнего десятилетия ушедшего века в рамках НАТО насчитывалось несколько таких организаций (по созданию вертолета NH-90, ракеты «Хок» и др.).

Но военный рынок в Западной Европе по-прежнему сильно раздроблен (по сравнению с США), в том числе из-за противоречия между стремлением каждого из государств сохранить собственную военно-промышленную базу и военно-экономическими реалиями, требующими объединения усилий. Хотя американский военный рынок в два с лишним раза обширнее западноевропейского, в странах Европейского союза имеется 10 фирм, производящих вертолеты и боевые самолеты, в то время как в США таких фирм только пять; производством ракет в Западной Европе занято 10 компаний, а в США — пять, в выпуске бронированных машин в Западной Европе участвуют 10 фирм против двух в США; строительством боевых кораблей занимаются 14 западноевропейских фирм и только четыре — в Америке. Западноевропейская оборонная промышленность значительно уступает американской по технологическому уровню и эффективности. Согласно логике военно-экономического развития следующим этапом должна стать глобальная интеграция военно-экономической деятельности, объединение североамериканского и западноевропейского военных рынков, однако условия для этого еще не созрели. Более того, европейские страны создают чисто европейские «силы быстрого реагирования».

Процессы экономической интеграции развиваются и в **Азиатско-Тихоокеанском регионе**. На месте СЕАТО, СЕНТО, АЗПАК, АНЗЮС появились организации экономического сотрудничества АСЕАН, АТЭС. Но в то же время, чем богаче становятся страны Восточной Азии, тем больше внимания они уделяют повышению своей обороноспособности. Это характерно для Японии, Южной Кореи, Тайваня, Таиланда и Сингапура. Наряду с закупками современной военной техники в промышленно развитых странах, в том числе и в России, некоторые из государств этого региона развивают собственное оборонное производство.

Различные международные организации, имеющие своей целью развитие экономического сотрудничества и поддержание безопасности и стабильности, действуют и в других регионах

(например, Организация американских государств, Ассоциация латиноамериканской интеграции, Лига арабских государств и др.).

Таким образом, на современном этапе система угроз национальной и международной безопасности, где прежде доминировал военный фактор, трансформируется в новую систему, характеризующуюся ростом значения многочисленных новых видов угроз: этнических и религиозных конфликтов, появлением крупных потоков переселенцев и беженцев, усилением международного терроризма, расширением международного наркобизнеса, прогрессирующей деградацией окружающей среды, возрастающей опасностью техногенных катастроф. Все это ведет к усложнению структуры национальной безопасности, существенным сдвигам в ней, изменению взаимосвязей между национальной и международной безопасностью, что, в свою очередь, отражается на развитии подсистем экономического обеспечения национальной и глобальной безопасности. Нужны новые подходы к проблеме безопасности, поскольку соперничество государств в деле обеспечения своей безопасности в ущерб другим странам превращается в угрозу самому существованию человечества. Глобальный характер угроз безопасности объективно требует глобальной системы безопасности и ее экономического обеспечения.

Экономика национальной безопасности России и проблема оптимизации ее структуры

На рубеже XIX и XX веков вопросы экономического обеспечения национальной безопасности оказались в центре внимания экономической науки. Значительное место среди них занимали проблемы оценки состояния национальной безопасности России и оптимизации структуры экономики национальной безопасности. Следует остановиться на вопросах экономического обеспечения экономической, военной и военно-экономической безопасности, что ни в коей мере не означает недооценки других его видов. В опубликованном в 1996 году Управлением экономической безопасности аппарата Совета безопасности проекте Примерного перечня показателей для разработки критериев и параметров (пороговых значений) экономической безопасности Российской Федерации *выделено восемь групп показателей*. В том числе показатели, характеризующие общий

экономический потенциал; показатели, характеризующие экономическое обеспечение обороноспособности; показатели, характеризующие способность экономики к самостоятельному развитию; показатели уровня жизни населения; показатели безопасности финансовой системы; показатели, характеризующие внешнеэкономическую независимость страны; показатели, характеризующие дифференциацию субъектов Федерации по уровню экономического развития по отношению к границам политической устойчивости, и показатели, характеризующие управленческие аспекты экономической безопасности. В каждой группе выделено пять-десять подгрупп показателей или перечень отдельных показателей. Их анализ позволил заключить, что создана хорошая основа для общей оценки экономической, оборонной и военно-экономической безопасности. Специальные исследования должны были конкретизировать и дополнить предложенный перечень применительно ко всем сферам экономики национальной безопасности. Эта работа ведется в государственных и общественных организациях, НИИ, вузах, различных фондах, публикующих результаты своих исследований, оценки состояния национальной безопасности и прогнозы на обозримую перспективу. Давно назрела необходимость обобщить подобные материалы.

Нормальное функционирование системы экономического обеспечения безопасности предполагает компетентное управляющее (регулирующее) влияние на нее со стороны государства. А для этого недостаточно одного желания, нужна научно обоснованная стратегия и гибкий механизм ее реализации, в котором важную роль играют развитая система показателей индикаторов, включающая в себя и надежно обоснованные пороговые значения, критерии, постоянный мониторинг факторов, определяющих угрозы экономической, военной, военно-экономической и других видов безопасности, и надежную систему оперативного реагирования институциональных структур.

Важно коснуться проблемы оптимизации структуры и распределения экономических ресурсов в экономике национальной безопасности. Необходимо строгое соблюдение требований системного подхода к многоуровневой проблеме распределения экономических ресурсов, выделяемых для обеспечения всех видов безопасности. Экономическая

мощь государства, количественно выражаемая, например, показателем ВВП, расчленяется прежде всего на две части, одна из которых обеспечивает собственно экономику, другая — экономику безопасности. Это высший уровень распределения. Средства, выделенные для экономического обеспечения безопасности, распределяются далее между функциональными подсистемами, обслуживающими экономическую безопасность, политическую, военную, экологическую и другие виды безопасности. Наконец, третий уровень распределения связан с движением экономических ресурсов внутри каждой подсистемы экономического обеспечения безопасности.

В системе безопасности и могущества ранее других развились структуры, связанные с обеспечением военной безопасности: вооруженные силы и военная экономика. Другие элементы могущества и их экономические подсистемы развивались по мере возникновения и усиления соответствующих угроз, осознания необходимости организованного в масштабе государства противодействия им. Процесс формирования систем безопасности и могущества идет неравномерно, между их элементами возникают противоречия. Так, социально-экономическая и политическая нестабильность в стране, война в Чечне вызвали резкий рост расходов по статье «Правоохранительная деятельность и обеспечение безопасности», их соотношение с расходами по статье «Национальная оборона» изменилось с 1:3 в 1992 году до 3:5 через пять лет. Аналогичные проблемы и противоречия постоянно возникают и на низшем уровне между структурными элементами экономической подсистемы каждого вида безопасности.

Особенно существенным фактором, вызывающим противоречия в разных звеньях экономики безопасности, является объем ресурсов, выделенных для той или иной подсистемы. Их может быть недостаточно для обеспечения безопасности, как это имеет место в настоящее время, например, в сфере обороны. Возникает альтернатива: либо экономически обоснованное выделение ресурсов, либо пересмотр задач и целей военно-экономической политики, поскольку в противном случае они не будут достигаться и данная подсистема безопасности не выполнит своего предназначения.

Таким образом, вопрос о том, какое количество ресурсов следует выделить для каждой подсистемы безопасности, например для военной экономики, — это надсистемная проблема, решаемая на более высоком уровне управления экономическим обеспечением безопасности. Из этих решений каждая подсистема исходит как из объективной данности. Но существуют и обратные связи — от низших звеньев к высшим, приводящие к коррекции решений, принимаемых в высших звеньях. Так, в настоящее время снизу вверх постоянно идет информация о недостаточности выделяемых ресурсов для качественного выполнения функционального предназначения военной экономикой, вооруженными силами, а также о нарастании внутренних угроз военно-экономической и военной безопасности (что может провоцировать внешние угрозы). Обратная связь — это проверка управленческих решений практикой, важнейший критерий их адекватности.

2.5. Военная безопасность и ее экономическое обеспечение

Военная доктрина РФ

Установки Концепции национальной безопасности Российской Федерации нашли необходимую конкретизацию в утвержденной указом Президента РФ от 21 апреля 2000 года военной доктрине. В ней четко и реалистично определены основные угрозы военной безопасности — от прямой военной агрессии в традиционных формах до международного терроризма. В соответствии с этим сформулированы главные цели обеспечения военной безопасности — «предотвращение, локализация и нейтрализация военных угроз Российской Федерации».

Военная безопасность РФ обеспечивается всей совокупностью имеющихся в ее распоряжении сил, средств и ресурсов. При этом в доктрине подчеркнута необходимость обладать ядерным потенциалом, способным гарантированно обеспечить нанесение заданного ущерба любому агрессору (государству либо коалиции государств) в любых условиях. Ядерное оружие

рассматривается как фактор сдерживания агрессии, обеспечения военной безопасности РФ и ее союзников, поддержания международной стабильности и мира.

Целям обеспечения военной безопасности РФ служит военная организация государства, которая включает в себя Вооруженные Силы, составляющие ее ядро и основу обеспечения военной безопасности; другие войска, воинские формирования и органы, предназначенные для выполнения задач военной безопасности военными методами, а также органы управления ими. В военную организацию входит также часть промышленного и военного комплексов страны, предназначенная для обеспечения задач военной безопасности.

В числе основных принципов развития военной организации в военной доктрине сформулирован следующий: «...достижимое соответствие в пределах экономических возможностей страны уровня боевой и мобилизационной готовности, а также подготовки органов военного управления и войск (сил), их структур, боевого состава и численности резерва, запасов материальных средств и ресурсов задачам обеспечения военной безопасности» (п.14). Следует подчеркнуть слова *«в пределах экономических возможностей страны»*, которые вызвали много споров в процессе обсуждения проекта доктрины.

В числе мер, определяющих основное содержание военной безопасности, военная доктрина называет:

в мирное время: совершенствование экономической, технологической и оборонно-промышленной базы; повышение мобилизационной готовности экономики; создание условий, обеспечивающих заблаговременный перевод предусмотренных планом промышленных предприятий на выпуск военной продукции; организацию подготовки органов государственной власти, предприятий, учреждений и организаций, населения страны к решению задач по обеспечению военной безопасности, ведению территориальной и гражданской обороны;

в период угрозы и с началом войны (вооруженного конфликта): перевод экономики страны, отдельных ее отраслей, а также предприятий и организаций, транспорта и коммуникаций на работу в условиях военного положения.

Необходимо вычлнить из военной доктрины важнейшие концептуальные положения о военной безопасности и ее экономическом обеспечении.

Военная безопасность, как и другие виды безопасности, рассматривается в триединстве: 1) отсутствие военных угроз безопасности государства — это идеальное, ныне не существующее состояние; 2) при возникновении военных угроз — надежная защищенность от них всей совокупностью сил и средств обеспечения безопасности: политических, юридических, идеологических, военных и т. д.; 3) наличие военной мощи, достаточной для удержания противника от развязывания войны, для нанесения ему заданного ущерба.

На протяжении многовековой истории вплоть до второй половины XX века военная мощь выступала эквивалентом могущества, «последним доводом королей». С достижением критической военной силы ситуация изменилась — в закритическом пространстве увеличение средств вооруженной борьбы не ведет к росту реализуемой военной силы, а возможности наращивания других элементов могущества ограничивает. Это существенно усложняет и качественно преобразует отношения военной безопасности, а также всю систему безопасности и могущества, которая в настоящий момент еще не приобрела полной завершенности. В теории концепция военного превосходства заметно потеснена концепцией оборонной достаточности, однако на практике достаточность приобретает в ряде случаев черты превосходства, что ясно просматривается в военном строительстве США.

Оборонная достаточность — не только количественное понятие и не может сводиться к паритету, что означало бы лишь другое название гонки вооружений. *Под достаточной военной мощью следует понимать ее адекватность современным реалиям:* во-первых, экономическим возможностям государства (содружества государств), во-вторых, реальным целям, базирующимся на мировом балансе могущества, в третьих, требованиям современного военного дела. Это нерасторжимое триединство вытекает из современного понимания могущества, его структуры, характера взаимосвязи его элементов, действительного места военной силы в современной системе могущества, которое ныне не сводится к военной силе и поэтому предполагает не максимизацию последней, а оптимизацию всей структуры могущества. Решающее значение в ней имеет правильное соотношение экономической и военной силы. Теперь соревнование в военной мощи — это способ, который может навязыв-

вать экономически более сильное государство для достижения победы без ведения войны. Идти на такое соревнование в условиях, когда имеется критическая военная сила, бессмысленно. В то же время, поддерживая достаточную военную мощь, страна не теряет ничего, кроме необоснованных амбиций, а приобретет безопасность, необходимые условия для реализации всех своих потенциальных возможностей.

По вопросам военной безопасности многие концептуальные положения определены и законодательно закреплены в Конституции РФ, военной доктрине, ряде законов. Однако этот процесс вряд ли может быть завершен. К примеру, сегодня недостает целого ряда важнейших документов, без которых формирование военно-экономической политики затруднено. Это законы о военной реформе, о мобилизации экономики и др. Это также краткосрочные, среднесрочные и перспективные программы развития экономики. Военно-экономическая концепция и политика предполагают наличие совершенно ясной цели, которая может проистекать лишь из четкого представления о необходимой военной мощи и столь же ясного представления о реальной базе — экономической мощи государства. Военная и экономическая мощь — это отец и мать военно-экономической безопасности, которая наследует родительские гены и содержит нечто новое.

Жесткие экономические ограничения, которые сохранятся в обозримой перспективе, качественные изменения в военном деле, способах ведения вооруженной борьбы, сдвиги в структуре могущества остро ставят проблему масштабов и структуры военной мощи государства применительно к современному геополитическому и геостратегическому положению, особенностям военных угроз по периметру наших исключительно протяженных границ, а также с учетом состояния и перспектив развития социально-политической ситуации в различных регионах страны и мира. Ни США, ни Китай, ни иное государство не могут быть эталоном военного строительства для Российской Федерации, лицо ее военной мощи должно быть подлинно российским.

Экономическое обеспечение военной безопасности

Экономическое обеспечение военной безопасности осуществляется, как это обозначено в нашей военно-экономичес-

кой литературе, специфическая подсистема — военная экономика. Ниже кратко охарактеризованы ее взаимосвязи с экономической и военной системами государства, роль и место в структуре экономического обеспечения национальной безопасности.

Зародышевые элементы такой системы первоначально появились в народном хозяйстве в виде производства оружия и в вооруженных силах — в виде немудреного военного хозяйства. Лишь в начале XX века завершился процесс ее формирования, сопровождавшийся появлением свойств, присущих всякой системе: особого функционального предназначения, развитой внутренней структуры и закономерных связей с более крупными системами. Целевая функция военной экономики состоит в том, чтобы обеспечить создание и функционирование военной силы государства. Экономическое обеспечение обороны — сложный процесс, включающий ряд последовательных фаз, в каждой из которых выполняются определенные подфункции. Началом процесса превращения экономических возможностей государства в военную мощь является производство средств военного назначения, а завершается он их потреблением в вооруженных силах. Между исходной и конечной фазами военно-экономического процесса находятся фазы распределения и обращения, проходя через которые средства военного назначения поступают в воинские части, на корабли, в подразделения, каждому военнослужащему.

Военно-экономический процесс, состав его фаз аналогичны процессу воспроизводства. Однако принципиально иное предназначение видоизменяет содержание, взаимосвязь фаз, механизм функционирования и возобновления военно-экономического процесса. В гражданском секторе производство и потребление взаимно переходят одно в другое и воссоздают друг друга. Такая взаимосвязь является воспроизводством. Связь же военного производства и потребления носит иной характер. Конечное военное потребление, то есть война, боевая готовность, боевая учеба ведут к уничтожению вооружения и других предметов военного назначения, воспроизводя потребность в них, а не сами эти предметы. Значит, военно-экономический процесс очень своеобразен. Он постоянно возобновляется, но не является воспроизводством в обычном смысле, ибо поддерживается

за счет поглощения части сил и средств общественного воспроизводства.

Вполне понятно, что как часть общественного производства производственное звено военной экономики определяется развитием этой системы и подчинено объективным экономическим законам. В то же время распределительно-потребительное звено военной экономики, будучи частью вооруженных сил, определяется развитием последних, подчиняется законам войны, требованиям военного искусства. Наконец, как целостность военная экономика обладает свойственными системе относительной самостоятельностью, внутренним единством, что проявляется в ее особом предназначении, четкой субординации фаз военно-экономического процесса, специфических военно-экономических закономерностях развития самой системы. Вот почему очень важно при решении проблем экономического обеспечения обороны страны постоянно учитывать требования объективных законов, осуществлять комплексный подход к военной экономике.

Таким образом, выяснение связей экономической и военной систем приводит к выводу: **военная экономика** есть специфическая военно-хозяйственная подсистема, которая охватывает производство, распределение, обмен и потребление оружия и других средств военного назначения, материально обеспечивая функционирование вооруженных сил, поддержание обороноспособности государства в соответствии с его военной доктриной. Военная экономика — связующее звено между экономической и военной безопасностью: ее масштабы и состояние предопределены их взаимосвязью и оказывают существенное обратное влияние на экономическую и военную мощь, экономическую и военную безопасность.

Военно-экономическая безопасность и военно-экономическая политика

В последнее десятилетие в печати активно обсуждалась проблема военно-экономической безопасности. Одно из определений военно-экономической безопасности гласит: военно-экономическая безопасность означает способность военной экономики устойчиво поддерживать необходимую военную мощь и реализовывать военно-экономический

потенциал в меру и сроки, определяемые военной доктриной государства. Военно-экономическая безопасность предполагает адекватность военной экономики современным требованиям к экономическому обеспечению обороноспособности страны и характеризуется: а) внутрисистемными параметрами (наличной военно-экономической мощностью и военно-экономическим потенциалом, эффективностью военной экономики, ее мобильностью, готовностью, заблаговременной подготовкой многовариантной экономической мобилизации и т. п.); б) надсистемными параметрами (показателями экономической и военной безопасности и мощи).

Обобщенную картину военно-экономической безопасности дают представленные в динамике показатели экономической и военной мощи, военно-экономического потенциала и военно-экономической мощи, состояние и динамику которых следует соотнести с аналогичными показателями других стран и с граничными значениями экономической, военной и военно-экономической безопасности.

Сравним названные показатели США и СССР (России). В конце 80-х годов имел место паритет их военной мощи при том что экономическая мощь СССР, составляла, по данным Госкомстата, 64–67% экономической мощи США (по данным ЦРУ, 50–60%). Уже тогда можно было предполагать снижение в перспективе безопасности СССР, отвлекавшего на оборону из своей экономической мощи почти вдвое большую долю по сравнению с США и, следовательно, имевшего меньше возможностей для ее наращивания. В конце 90-х годов паритет военной мощи России и США сохраняется лишь по стратегическим ядерным силам. Военная мощь России поддерживается на основе экономической мощи, составляющей 8% от экономической мощи США. Кроме того, произошло значительное ухудшение структуры российской экономической мощи в связи с возрастанием доли топливно-энергетического и сырьевого комплексов при одновременном размывании военно-промышленной базы, сокращении высокотехнологичных отраслей и утрате значительной части научно-технического потенциала. Вследствие многократного сокращения экономической мощи выделяемых для экономики безопасности средств не хватает на поддержание ни военной, ни других видов национальной безопасности, в том числе личной безо-

пасности граждан, на должном уровне. Но увеличить ее долю сегодня и в обозримой перспективе — это непосильная задача для экономики, только начавшей выходить из беспрецедентного по глубине и длительности кризиса. Чтобы достичь только нынешнего уровня таких стран, как Англия и Франция, России нужно в течение 15 лет наращивать свою мощь по 10% в год, а за это время они уйдут далеко вперед.

Что же касается внутрисистемных показателей военно-экономической безопасности, то реформирование военной экономики, особенно некомпетентно осуществляемые конверсия военного производства и приватизация, привели к резкому падению военно-экономической мощи и военно-экономического потенциала, снижению эффективности военной экономики. После 80-х годов доля оборонных расходов в ВВП СССР сократилась в шесть-семь раз. Значительно сократившаяся военно-экономическая мощь приобрела неудовлетворительную структуру, ибо в ней доля расходов на закупку вооружений, военные научные исследования и конструкторские работы снизилась до недопустимо низкого уровня, чреватого катастрофой оборонно-промышленного комплекса и утратой научно-технического потенциала. Но даже этот крайне низкий уровень военно-экономической мощи почти подошел к предельной границе допустимого военно-экономического напряжения, поскольку значительная часть населения имеет доходы ниже прожиточного минимума и начался процесс абсолютного сокращения численности населения. Значит, мобилизационные возможности экономики, определяемые разницей между военно-экономическим потенциалом и военно-экономической мощью, близки к полному исчерпанию.

Выяснение сущности военно-экономической безопасности, ее состояния, взаимосвязей с военной и экономической безопасностью позволяет сформулировать некоторые принципиальные положения концепции военно-экономической политики как системы официально принятых в государстве взглядов и проводимой в соответствии с ней деятельности по экономическому обеспечению обороны.

Основная цель военно-экономической политики РФ состоит в поддержании военно-экономической безопасности страны, то есть способности устойчиво сохранять необходимую

военно-экономическую и военную мощь и при возникновении необходимости реализовать военно-экономический потенциал в меру и сроки, определяемые военной доктриной.

Руководящими принципами военно-экономической политики России должны быть:

– использование преимуществ международного разделения труда при сохранении самодостаточности (независимости от внешнего мира) в обеспечении потребностей военного строительства и других жизненно важных интересов РФ в мирное и военное время;

– адекватность военно-экономической мощи военным потребностям и экономическим возможностям, недопустимость военно-экономического перенапряжения в мирное время;

– высокая мобильность военной экономики как средство минимизации ее масштабов и поддержания постоянной мобилизационной готовности;

– централизованное государственное управление военно-экономическими процессами с использованием рыночных механизмов в той мере, которая позволяет обеспечивать повышение эффективности этих процессов.

Конкретное содержание военно-экономической политики на том или ином историческом этапе развития государства определяется исходя из перспектив развития геополитической и военно-стратегической обстановки в мире, характера внутренних и внешних угроз национальной безопасности, особенностей становления новой системы политических, экономических, социальных отношений внутри общества, а также из оценки текущего состояния военно-экономической безопасности государства. Многочисленность и изменчивость факторов, влияющих на военно-экономическую политику, затрудняет их оценку и предполагает широкий диапазон мнений даже при чисто прагматическом подходе. Так, события, связанные с Югославией, подтолкнули к пересмотру Концепции национальной безопасности РФ. Гибель атомохода «Курск» заставила реально взглянуть на состояние Вооруженных Сил.

События 23 октября 2002 года, другие террористические акты и угрозы в России и в мире (в том числе нападение на важнейшие объекты США 11 сентября 2001 года) потребовали нового формирования важнейших элементов Концепции национальной безопасности Российской Федерации.

Несмотря на условия переходного периода военно-экономическая политика должна обеспечить, во-первых, удовлетворение текущих материальных и финансовых потребностей Вооруженных Сил на уровне, обеспечивающем их функционирование и реформирование; во-вторых, удовлетворение инвестиционных потребностей (научно-технических, технологических, производственных) на докритическом уровне, что позволит по мере возрождения экономической мощи создавать качественно новую материально-техническую и профессионально-кадровую основы военной мощи, соответствующей статусу России как великой державы многополюсного мира.

Каковы же основные направления и задачи военно-экономической политики РФ на современном этапе?

В числе первых можно назвать задачу реформирования военно-хозяйственного механизма и системы управления военной экономикой.

Создавая новый механизм управления военно-экономической деятельностью, необходимо иметь в виду, что характерные особенности военной экономики как объекта управления требуют применения специфических административно-правовых и финансово-экономических методов и средств управления.

Важными направлениями совершенствования административно-правовых методов могут стать усиление роли государства в управлении военно-экономической деятельностью; уточнение и усиление законодательной и нормативно-правовой базы регулирования военно-экономической деятельности, включая разработку и принятие ряда новых законов; создание принципиально новой системы оценки, планирования и финансирования военных потребностей государства с применением программно-целевого подхода, а также разработка и принятие новой, более детальной классификации военных расходов.

Нуждаются в существенном реформировании и финансово-экономические средства управления, которые в условиях рыночной экономики играют особенно важную роль. Это относится к системе государственных военных заказов, механизму ценообразования на военную продукцию, ко всей системе военно-финансовых отношений, включая финансы Вооруженных Сил и других силовых структур.

Должна быть разработана система показателей, критериев, пороговых значений военно-экономической безопасности,

позволяющая осуществлять постоянный мониторинг ее состояния, сопоставление военно-экономической мощи различных стран, тенденций их развития, а также прогнозирование военно-экономических мероприятий.

Следующим направлением является оптимизация масштабов и реструктуризация оборонной промышленности. Важнейшей стратегической задачей военно-экономической политики является вывод оборонного комплекса из кризисного состояния, его реструктуризация, адаптация к новым условиям и требованиям осуществляемой военной реформы. Структурная, технологическая и организационная перестройка оборонного комплекса должна быть нацелена на своевременное и бесперебойное обеспечение разумных текущих и перспективных военных потребностей (в том числе в чрезвычайных обстоятельствах), на создание и поддержание научно-технической и производственной базы, необходимой для выпуска перспективных и высокоэффективных систем оружия. В этих целях нужно:

– в соответствии с новой военной доктриной и долгосрочными программами развития вооружений сократить избыточные производственные мощности, не допуская разрушения уникального научно-технического и производственного потенциала оборонного комплекса, определить, какие предприятия оборонного комплекса следует сохранить, а какие — полностью конвертировать;

– реструктурировать, превратить оборонный комплекс в более компактный сектор экономики, осуществляя концентрацию производства вооружений и военной техники на относительно небольшом числе специализированных и эффективно функционирующих предприятий, а также создавая крупные диверсифицированные компании и финансово-промышленные группы. Во всем мире идут эти процессы, а у нас все еще пытаются дробить под флагом демонополизации давно сложившиеся и оправдавшие себя в плане эффективности и качества военной продукции крупные научно-производственные комплексы. Оборонно-промышленный комплекс — это по определению и по традиции самый передовой, самый высокотехнологичный комплекс;

– для повышения эффективности функционирования оборонного комплекса и экономики страны активнее осуществ-

лять меры по усилению взаимодействия и взаимовлияния военного и гражданского секторов экономики, шире использовать возможности технологий двойного назначения, полнее реализовывать рыночные методы повышения эффективности производства, одновременно усиливая компетентное воздействие государства на процессы трансформации оборонного комплекса.

Важным направлением является воссоздание и модернизация военно-хозяйственной инфраструктуры. Необходимо сформировать единую военно-хозяйственную инфраструктуру в соответствии с интеграцией видов Вооруженных Сил и родов войск, новым военно-административным делением территории страны по стратегическим направлениям и делением на федеральные округа, реализацией территориального принципа тылового и технического обеспечения воинских частей. Эти процессы должны проводиться синхронно и предусматривать оптимизацию состава тыла центра и объединяемых видов и родов войск, поэтапное создание единых территориальных структур тылового и технического обеспечения: на первом этапе — координация в организационном плане деятельности органов управления тылового и технического обеспечения Вооруженных Сил и других войск; на втором этапе — создание единой системы тылового и технического обеспечения на основе объединения их органов управления в одну структуру, а также интеграции ресурсов, сил и средств в составе территориальных районов тылового и технического обеспечения, осуществляющих обеспечение всех дислоцированных в них соединений, частей и учреждений вне зависимости от ведомственной подчиненности при общем бюджетном финансировании.

В перспективе видится интеграция ряда военных и гражданских инфраструктур в рамках нового военно-административного деления территории страны, формирование региональных военно-экономических звеньев.

С названным направлением тесно связана военно-экономическая интеграция в Содружестве Независимых Государств. К этому побуждает новое геоэкономическое и геостратегическое положение России. В целях более активного использования межгосударственных экономических связей в интересах укрепления национальной безопасности России и рационализации военно-экономической деятельности необходимо разработать четкую

концепцию и программу расширения и углубления интеграционных процессов внутри СНГ на взаимовыгодной основе, в которой предусмотреть:

– осуществление таких превентивных мер, которые, с одной стороны, минимизировали бы неблагоприятные для России последствия существующих дезинтеграционных процессов в Содружестве, а с другой — способствовали бы максимальному использованию преимуществ межгосударственных связей для социально-экономического и военно-экономического развития страны;

– полное использование существующего потенциала центропритягательных тенденций, взаимоприемлемые меры по укреплению единого оборонного пространства и разработке согласованной военно-экономической и военно-технической политики в рамках СНГ для стимулирования реинтеграционных процессов на постсоветском пространстве;

– активное использование накопленного в оборонном комплексе научно-технического и производственного потенциала, в том числе путем выполнения совместных программ разработки и производства вооружений, восстановления и расширения кооперационных связей между оборонными предприятиями, создания межгосударственных производственных объединений, финансово-промышленных групп и т. д.;

– воссоздание, модернизацию и стандартизацию военно-хозяйственной инфраструктуры единого (объединенного) оборонного пространства стран СНГ.

Логическим продолжением и развитием данного направления является совершенствование международных военно-экономических отношений, которые должны использоваться для повышения эффективности экономического обеспечения безопасности страны, ни в коей мере не подрывая самостоятельности военной экономики России. Поэтому при разработке и реализации программы межгосударственных военно-экономических связей (торговли оружием, выполнения совместных программ разработки и производства вооружения, строительства объектов военной инфраструктуры и т. п.) целесообразно предусматривать принятие системы целенаправленных государственных мер, в том числе следующих: уточнение и более четкое определение основных целей и приоритетных направлений развития военно-экономического со-

трудничества с зарубежными странами; государственная финансово-экономическая, организационная и законодательная поддержка расширения внешних военно-экономических связей; усиление поисков оптимальной экспортной специализации и новых рынков оружия, современных форм развития военно-экономического сотрудничества с зарубежными странами, в том числе привлечение иностранных инвестиций в оборонную промышленность России; осуществление жесткого государственного контроля за развитием военно-экономического сотрудничества, запрещение экспорта оружия потенциальным противникам и странам, которые могут использовать его против национальных интересов России; изучение и активное использование для расширения внешних военно-экономических связей России особенностей функционирования мировых рынков оружия, систем ценообразования на экспортную военную продукцию, методов конкурентной борьбы между основными поставщиками оружия.

Очень важное направление — мобилизационная подготовка экономики.

Основная ее цель состоит в обеспечении укрепления военно-экономического потенциала и (при возникновении необходимости в этом) его реализации в меру и сроки, определяемые военной доктриной государства. Мобилизационная подготовка экономики осуществляется в комплексе мер системы экономического обеспечения национальной безопасности в соответствии с положениями Конституции РФ, законами «Об обороне», «О мобилизационной подготовке и мобилизации в РФ» и др.

Приобрела остроту задача совершенствования системы подготовки кадров для Вооруженных Сил и оборонно-промышленного комплекса в соответствии с потребностями реформирования военной организации страны.

Последний по счету, но, видимо, первый по значимости пункт — принятие энергичных мер для обеспечения социальной защищенности военнослужащих, гражданского персонала армии и флота, рабочих и служащих оборонно-промышленного комплекса и научно-исследовательских учреждений, которые трудятся в интересах укрепления обороны страны.

Таковы основные моменты концептуального обеспечения современной военно-экономической политики РФ.

Смысл военно-экономической политики состоит в достижении соответствия военной, военно-экономической и экономической мощи страны. Это возможно лишь на основе возрождения экономической мощи и минимизации затрат на экономическое обеспечение обороны путем кардинального повышения эффективности военной экономики. Принцип адекватности оборонной мощи экономическим возможностям страны не означает необходимости демонтажа обороны, гораздо вернее идти к его реализации по пути возрождения экономического могущества. Учитывая беспрецедентную для всего мира глубину и длительность падения российской экономики, а также то, что речь идет не просто о восстановлении экономической мощи, а о создании в переходный период совершенно новой системы экономических отношений и реорганизации всей материально-технической базы, возрождение экономической мощи займет 10–15 лет. Это период крайне жестких экономических ограничений, которые становятся нормой военного строительства.

Поскольку экономика страны — фундамент и среда, в которой функционирует военная экономика, то практически все аспекты ее развития имеют военную окраску. Поэтому важно, чтобы в процессе возрождения экономической мощи и ее реформирования, при разработке и реализации соответствующих программ учитывались оборонные потребности. С возрождением экономической мощи будут складываться все более благоприятные возможности для решения внутрисистемных задач военной экономики.

Решение проблем, связанных с поиском оптимальных соотношений между гражданским и военным производством, экономикой страны и военной экономикой, и отражение этих соотношений в государственном бюджете, в его статьях на социальные нужды и оборону требуют глубокого, осмысленного понимания сущности такого социального явления, как война.

Войны как социально-экономическое явление

3.1. Представления о войнах и конфликтах в современном мире

На исходе XX века была осознана горькая истина: хрупка не только жизнь человека, но и человечества. Вопрос его выживания, как видно, не утратил актуальности: мир остается главной общечеловеческой ценностью. Но возможность бесконфликтного развития мировой цивилизации представляется все более проблематичной. Есть традиция, которая находит конечную причину существования войн на планете в агрессивной природе человека, в его способности поддаваться иррациональным, даже немотивированным агрессивным порывам. Этот образ безответственно растиражирован массовой культурой. Английская писательница Э.Смит в своем эссе «На стороне жизни» дала точную социальную зарисовку явления: «Изображение войны в наше время превратилось в основную форму развлечения, и зачастую бывает трудно отличить реальную, настоящую войну от войны вымышленной... Война превратилась в спектакль, заснятый камерой, в нечто происходящее всего лишь на экране, не всамделишное, нам, зрителям, ничем не грозящее». Впечатление о виртуальности войн было существенно поколеблено аккордом вполне реальных по масштабам физических и нравственных потерь, конфликтов, преподнесенных человечеству на рубеже веков. Дискуссии и мифы об агрессивности человеческой природы отходят на второй план. Актуальным становится ответственное размышление на тему: каковы стратегия и тактика, способы достойного выживания в мире, который не может без войн?

Войны неизменно сопровождали человеческую историю. Они были причиной появления и исчезновения с политической карты мира целых государств и империй. Войны приводили к запутанным отношениям между нациями и народами: бывшие союзники становились непримиримыми врагами, что, впрочем, не мешало им спустя незначительный в масштабах исторического времени интервал вступать в альянсы в качестве «заклятых» друзей. Война стала не только историческим, но и культурным феноменом цивилизации, вызывая массу противоречивых суждений и оценок.

Приводимый анализ динамики развития взглядов на сущность и смысл войн дает представление о тенденциях преемственности и концептуальных прорывах в этом вопросе. Но вот что поражает беспристрастного исследователя (если таковой вообще возможен, когда речь идет о проблемах войны и мира): работ, совершенно отрицающих войну, однозначно осуждающих силовые методы разрешения конфликтов, независимо от мотивов и конкретных причин их возникновения, а тем более дающих аргументированное изложение способов предотвращения войн, — таких работ немного. Признавая войну неизбежным злом, авторы сходятся в смирении перед этой стихией. Некоторые идут дальше, убежденные в необходимости войн, в их уникальной способности быть единственным средством разрешения противоречий. Не хочется думать, что человечество вступает в новое тысячелетие, так и не научившись помнить и прощать.

В современных представлениях о войне и безопасности ведущее место отводится таким понятиям, как «национальные интересы», «противоречия между национальными интересами различных государств», «угроза национальным интересам», которые рассматриваются в рамках темы необходимости предотвращения и парирования этих угроз, а также исследования способов достижения собственных интересов (включая силовые методы и средства).

Своеобразную моду вариаций на тему «защиты национальных интересов» поддерживают США — ныне крупнейшая военная держава в мире. Официальный и культивируемый в массовом сознании граждан этой страны взгляд на «национальные интересы США» предполагает не только утверждение уважительного отношения к собственной государствен-

ности, Конституции, но и требование к другим странам и обществам испытывать подобные чувства. Весь пафос этого мироотношения бывает трудно оценить в стране, где за короткий период сменилось несколько конституций. Однако конфликты, подобные вторжению НАТО в Югославию, заставляют серьезно относиться к мировоззренческим основаниям агрессивных действий США.

В свое время национальные интересы этой страны впервые были сформулированы в преамбуле к Конституции США как «образование более совершенного союза штатов, утверждение правосудия, охрана внутреннего спокойствия, организация совместной обороны, содействие всеобщему благоденствию и обеспечение гражданам страны и потомкам благ свободы». Превосходные слова, не исключая, впрочем, их свободной трактовки как в интересах экономических и политических группировок, так и отдельных персоналий. Американская пропагандистская машина привносит в практику утверждения «национальных интересов» отпечаток национального чванства и обывательского превосходства. С сожалением приходится констатировать, что современной мировой политике более присущи макиавеллевские сюжеты, и «национальные интересы» становятся удобным гуманитарным штампом в оправдании агрессивных глобальных стратегий.

Адекватному взаимному восприятию и трактовке «национальных интересов» мешают также языковые смысловые различия. В многонациональном государстве, каким был СССР, а ныне является Россия, слово «национальный» всегда связывалось с атрибутивными характеристиками проявлений какой-либо одной нации. Однако англоязычное слово *national* чаще употребляется в ином смысле — как принадлежность какому-либо одному государству. Пример — Организация Объединенных Наций, в которую входят государства. В многонациональных (в наших терминах) англоязычных государствах для описания и передачи национальных характеристик, как правило, используется прилагательное *multicultural* (многокультурный), а не *multinational*, которое применяется для описания международного, межгосударственного статуса компаний.

Тем не менее, игнорируя особенности культурных и языковых различий, идею приоритета «национальных интере-

сов» вслед за представителями США и их последовательными союзниками используют современные российские политики и политологи (пример тому — книга, подготовленная под общей редакцией В. Манилова, из которой можно почерпнуть взгляд на структуру «национальных интересов» государства вообще и Соединенных Штатов в частности, а также их возможное содержание применительно к российской политической практике).

Есть опасение, что некоторых отечественных идеологов «национальных интересов России» подводит русская склонность к абсолютизации заграничного опыта. В США понятие «национальные интересы», перечень «угроз» этим интересам, как и вся концепция «национальной безопасности», являются не абстракциями, а рабочими понятиями. С их использованием принимаются управленческие решения, в частности формируется бюджет. Указанные понятия едва ли не ежегодно уточняются, и при смене конъюнктуры могут сами меняться радикально. Их подтверждение, уточнение или конкретизация происходят в ежегодном послании президента конгрессу «О положении страны». Также ежегодно издается Стратегия национальной безопасности Соединенных Штатов, где излагается рабочая концепция действий в этом направлении. Строго говоря, этот документ не является научным, фундаментальным докладом, а служит руководством для сотрудников всех правительственных органов, включая разработчиков бюджета.

В России пока такой практики нет. Вернее, есть документ «Концепция национальной безопасности РФ», утвержденный в первый раз еще в 1997 и потом в 2000 году, и эпизодические упоминания этой проблематики в ежегодных посланиях президента. Но часто ли они являются подлинным руководством к действию для чиновников?

Чтобы сблизить понятия «национальные интересы» и «национальная безопасность» с традиционным российским пониманием слова «национальный», в официальных документах принята практика употребления словосочетания «национально-государственные интересы». Это пример того, как некорректность трактовок и словоупотреблений может негативно влиять на реальную эффективность усилий по обеспечению безопасности личности в РФ, общества и государства (а имен-

но в таком порядке они следуют в Конституции и в текстах некоторых законов РФ). В современной России именно государственная власть не обладает должной силой и авторитетом. Общественное сознание современной России отличается эклектичностью ориентиров во всем, что касается государственной власти и вообще государственности.

До революции власть в России принадлежала монарху, самодержцу. Традиция единовластия странным образом преломилась в «стране победившего социализма», когда генеральный секретарь коммунистической партии рано или поздно также визуально обретал облик и статус монарха. Не все правители России могли достойно нести бремя власти и ответственности за страну. В итоге в общественных представлениях уживаются противоположные стереотипы отношения к власти: от безоглядной веры во всевластного, мудрого руководителя до необходимости скрытого или явного противодействия всем начинаниям власти, даже разумным и необходимым.

Миф «эпохи рынка» о невмешательстве государства в экономику внес основательное смятение в массовые представления о распределении прав и ответственности в государстве и его институтах.

Военная политика России формируется сегодня в сложных социально-экономических и культурно-исторических условиях, когда идеологическая и концептуальная неустойчивость, бессистемность распространяются на все сферы жизни, включая военную. Взаимодействие этой важной сферы жизни любого суверенного государства с экономическими и социальными институтами общества в России не всегда строится на принципах целесообразности. При этом обстановка в мире не располагает к пацифистской расслабленности, и подготовка к возможным войнам требует постоянного притока средств. Отсутствие должного финансирования оборонного комплекса России привело к его деградации, к потере позиций на мировом рынке оружия и военных технологий. В результате снизилась реальная способность и готовность ВС РФ к отражению внешних и внутренних угроз.

Можно еще раз убедиться: возникновение и исход войн связаны с особенностями государственной системы, спецификой ее функционирования, комплексом отношений с внешним миром. Если в государстве решение военных

вопросов находится в руках непрофессионалов или, более того, криминальных структур, авантюристов, оказавшихся на государственной службе волей обстоятельств в сложных условиях периода перемен, то последствия могут быть непредсказуемыми. Во всяком случае, разумные аргументы, подлинные национальные, государственные интересы будут преданы забвению ради корыстных соображений и эгоистических целей.

Постановка вопроса о взаимосвязи государства и войн имеет свою историю. Многие военные теоретики прошлого отмечали, что войны — как специально организованные военные действия с использованием специально подготовленных и вооруженных сил — появляются только на определенном этапе развития человеческого общества, и их возникновение совпадает с возникновением государств, с появлением политики как специфического вида человеческой деятельности. Война только тогда обретает общественно-политическое содержание, приводит к оформлению постоянных институтов (армии).

Специфических взглядов на войны придерживались представители философской мысли в рабовладельческом обществе. Они считали войны одним из важнейших условий самого существования общества. Древнегреческий философ Платон (427—347 гг. до н. э.) считал их вполне естественным явлением, поскольку только войны могли быть значимым источником получения рабов, без которых общество не могло функционировать привычным образом. Аристотель (384—322 гг. до н. э.) также рассматривал искусство ведения войны как искусство «добывания» рабов. Действительно, война была одним из источников экономического могущества рабовладельческого государства.

Феодализм привел к появлению новых аргументов в пользу естественности и желательности войн в обществе. Часть таких аргументов связана с распространением христианства как господствующей и стремящейся к расширению своего влияния религии. Другой комплекс аргументов в пользу войн соотносится с необходимостью периодического передела собственности между феодалами, а именно земли и обрабатывающих ее крестьян. Такой социальный запрос сформировал и своих теоретиков. К ним можно отнести «отца» католической церкви Аврелия Августина (354—430), который в вопросах религии

и философии был для средневековья непререкаемым авторитетом. Истоки всякого насилия он искал в греховной испорченности человека, необходимостью обуздания которой обосновывал существование государственной власти. Ее он, впрочем, также характеризовал как «большую разбойничью шайку». Этот замкнутый круг насилия Августин полагал неизбежным и не щадил «град земной», основанный на «любви к себе, доведенной до презрения к богу». Критиковать войны, в его понимании, бессмысленно, ибо таковы уж люди, их затевающие, и лучше осудить природу человека в уповании на «град божий».

С развитием общества гуманитарный взгляд на сущность человека, вера в него начинают брать верх в социальной мысли, а феодальные войны все чаще подвергаются критике как противоестественное явление.

В буржуазном обществе изменился характер войн, изменились и акценты в их теоретическом обосновании. Английский философ Томас Гоббс (1588–1679) продолжил и развил традицию поиска объяснения войн в природе человека, в свойствах ему соперничестве, недоверии, жажде славы. Его социальное учение оказало значительное влияние на развитие европейской общественной мысли. Выходом из «войны всех против всех» Гоббс считал общественный договор, установление сильного государства в целях обеспечения безопасности и прекращения гражданских войн. Функция охраны мира возлагалась им на государя, который волен применять санкции против тех, кто действует вопреки моральному долгу и гражданским добродетелям. Заботу о мире Гоббс считал основой «естественного права», созданного общественным договором.

Немецкий философ Готфрид Лейбниц (1646–1716), многие идеи которого были восприняты немецкой классической философией, вообще рассматривал мир физический как весьма несовершенное чувственное образование. Он объяснял войны непреодолимой враждебностью людей, особенно монархов, друг к другу. Тем самым философская мысль буржуазного общества вывела на авансцену индивидуальность, желания и воля которой лежат в основе военно-политических решений.

Позже известный французский мыслитель Жан Жак Руссо (1712–1778) сделал попытку серьезного анализа социальных причин войн. Идеолог революции, уловивший внутреннюю

противоречивость развития буржуазной цивилизации, Руссо усматривал основание войн в широко понимаемом неравенстве людей в обществе. Главную причину неравенства он искал в экономической сфере, а именно в возникновении частной собственности. Однако устранить неравенство он также предлагал насильственным образом, защищая мысль о праве народа на революционное низвержение всякой антинародной власти. Видные западноевропейские мыслители XVIII века были практически единодушны в выводе, что именно **частная собственность является первоосновой враждебных отношений не только между людьми, но и между государствами**. В XIX веке в России Н. Г. Чернышевский (1828—1889) привел убедительные доводы в пользу того, что насилие и войны порождает общество, в котором одна группа лиц господствует, а другая пребывает в угнетенном состоянии.

Забвение уроков мировой истории и социальной мысли никогда не проходит безнаказанно. Опасный всплеск социальной напряженности в нашем обществе после развала СССР во многом можно было предвидеть. Ведь он стал неизбежным следствием непродуманного разгосударствления собственности, ее раздела, а следовательно, неизбежного передела. Военные конфликты и криминальные столкновения на территории бывшего Союза возможно было бы предотвратить проведением грамотной, разумной экономической политики, основанной на обобщении мирового опыта. Очевидно, этот путь оказался невыгодным тем, кто в стремлении к обретению капитала и власти пренебрегает жизнью и судьбами многих тысяч людей.

Существует мощная традиция в социальной мысли, которая связывает войны не только с развитием государства, но и с возникновением политики. Разновидность деятельности людей, направленная на захват и удержание власти (полномочий, прав на господство) любыми средствами, включая насильственные, — это и есть политика. Подобного взгляда придерживались многие отечественные (Н. Г. Чернышевский) и зарубежные мыслители. Немецкий философ Георг Гегель (1770—1831) считал, что правители пользуются войсками «для достижения особых целей политики». Военный идеолог буржуазного общества Карл Клаузевиц (1780—1831) первым дал законченное и четкое определение связи двух социальных

феноменов — война является **продолжением** политики. «Война есть не только политический акт, — писал он, — но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, осуществление их другими средствами. То, что еще остается в ней своеобразного, относится лишь к своеобразию ее средств». Эта цитата из работы К. Клаузевица «О войне» весьма популярна и многократно обыгрывалась в различных исследованиях сущности войн. Чжоу Эньляо принадлежит не менее известная перефразировка приведенного высказывания: «Всякая дипломатия есть продолжение войны другими средствами».

Понятие «политика» неоднозначно. Его понимание зависит от контекста — ситуационного, культурного, языкового. Наиболее популярные толкования связывают политику с борьбой за власть в государстве и на международной арене, а также рассматривают ее как систему взглядов на эту деятельность. В данном случае подразумевается концепция политики. Разумеется, война, приводящая в специфическое действие не только вооруженные силы, но и экономику страны, работу органов государственного управления, может быть **продолжением** только **политической деятельности**. С другой стороны, концепция как система взглядов определяет замысел и порядок изменения деятельности, перехода от предвоенной фазы к военным действиям.

Кроме того, исследователи военной проблематики расходятся во взглядах на роль идеального и материального базиса. В своих работах К. Клаузевиц идеализировал единство государственных органов и всего общества, считал политику (особенно внешнюю) надклассовым явлением, а ее концепцию — «разумом олицетворенного государства». Материальные, экономические основы политики оказывались как бы в стороне. Все зависело от субъективных качеств «олицетворенного государства», от тех, кто его «олицетворял».

Карл Маркс (1818–1883) и Фридрих Энгельс (1820–1895) предложили два существенных уточнения:

1) политика государства — это, по существу, политика класса, который является в этом государстве господствующим; это придает политике определенную специфику, а значит, придает специфику и войне как продолжению политики;

2) какими бы ни были мотивы войны, корни ее лежат в экономике.

Говоря о войне, Ф. Энгельс подчеркивал, что «насилие есть только средство, целью же является, напротив, экономическая выгода».

Это справедливо для некоторых случаев, но вряд ли абсолютизация здесь уместна. Политика и война, как ее продолжение, — явления, не поддающиеся упрощенному описанию, так что для любого догматического утверждения всегда найдется опровергающий пример.

Стоит признать, что возведение в степень абсолютного догмата вполне справедливых для своего времени положений К. Маркса и Ф. Энгельса, абсурдное отрицание аргументов и мнений, высказанных другими философами и военными специалистами, существенно определило развитие советской военной науки.

В соответствии с основами марксизма-ленинизма в социалистическом обществе исчезают классовые антагонизмы и мотивация к развязыванию войн, поскольку главным в войне является ее **социальный характер**. Именно по социальному признаку осуществляется основная классификация войн, деление их на *справедливые*, с одной стороны, и *несправедливые* — либо с одной стороны, либо с обеих сторон противоборства. При этом главным в социальном характере войны считался политический аспект. Войны, ведущиеся рабочим классом или всеми трудящимися страны за освобождение от власти буржуазии, объявлялись заведомо справедливыми. Утверждалось, что современной эпохе свойственны четыре типа противоречий:

- между капиталистической и социалистической системами (государствами);
- между рабочим классом (всеми трудящимися) *антагонистических* государств и реакционными силами (буржуазией);
- между народами, вступающими на путь национального освобождения и суверенного развития, и империалистическими государствами;
- между капиталистическими государствами.

Но в соответствии с высказыванием классика марксистского учения, жизнь богаче, чем любая теория. Как выяснилось, и в социалистическом государстве, и между социалистическими государствами также возможны противоречия. Причем они связаны не только с подавлением попыток «рес-

таврации капитализма», что послужило причиной ввода войск в Венгрию или Чехословакию. Военные действия были между Китаем и Вьетнамом, Китаем и СССР, а противоречий, чреватых войной, выявилось и того больше. Это не поддавалось объяснению, если придерживаться исключительно указанной теоретической базы, которая располагает лишь типологией противоречий и войн. Как быть с пятым типом противоречий (между социалистическими государствами) и особым типом войн — «справедливых с обеих сторон»? Советская идеология не дала необходимых уточнений.

Несостоятельность ряда официальных мифологем становилась очевидной, когда дело касалось поддержки сил, начинающих борьбу «за освобождение от империализма». Явно и скрыто оказывалась помощь иногда весьма сомнительным (с точки зрения морали и нравственности) силам и режимам на территориях других государств. При этом вопрос о военной поддержке решался в СССР иногда с нарушением норм международного права и собственных законов. Пример тому — военные действия в Афганистане, когда решение о вводе войск в декабре 1979 года принял не Верховный Совет СССР и даже не Политбюро ЦК КПСС, а группа лиц, безответственно толкующих интересы государства.

Вынужденные работать в рамках официальной идеологической доктрины военные теоретики не были свободны в военно-технических вопросах классификации войн. В большинстве капиталистических стран вместо социально-классовой основы было принято различать войны по типу главных средств вооруженной борьбы, применяемых в них, а также в зависимости от сферы их проведения. Так появилась в военной терминологии Запада следующая типология войн: «ядерная», «химическая», «бактериологическая», «геофизическая», потом «информационная» и даже «звездные войны». Кроме того, использовался и продолжает использоваться термин *conventional* (конвенциональная) война, когда военные действия ведутся в полном соответствии с нормами международного права, с **конвенциями**. В советской военной науке была признана наиболее опасной только «ядерная война». Избегая употребления термина «конвенциональная война», говорили: «война с применением обычных средств поражения». Это упрощение смысла термина *conventional*, который подра-

зумеает не вид вооружения, а способ ведения военных действий в соответствии с нормами международного права либо с нарушением их.

К сожалению, военная политика новой России также не избежала противоречий и возможности двусмысленных толкований. Упомянутая чеченская кампания явила миру примеры самоотверженного выполнения российскими военнослужащими своего воинского долга, понятого и принятого ими всерьез. Одновременно Россия поразила бюрократическим забвением нужд военных, равнодушием к пленным, раненым и увечным.

Не только в СССР и не только в нынешней России были и есть расхождения с нормами международного права в военной области. Нарушения допускались и в других государствах, что отчетливо проявилось в ходе Первой и Второй мировых войн. «Война все спишет» и «победителей не судят» — циничные самооправдания безответственных политиков и военных, которые встречались во всех культурах и во все времена.

Под безжалостные бомбежки Югославии прошли торжества, связанные с 50-летием блока НАТО, в котором ведущая роль принадлежала США. Вседозволенность в применении силы была возведена идеологами этого альянса в ранг стратегии. Истории известны примеры оправдания такого рода политики. И Платон, и Гераклит (544–483 г. до н. э.) находили в войнах рабовладельческих государств в основном положительные стороны. Во многих исторических исследованиях повторяется мысль Гераклита о том, что война является добром хотя бы потому, что «в ней выживают более сильные и мужественные». В средние века английский философ Фрэнсис Бэкон (1561–1626) видел в колониальной экспансии Великобритании единственный способ сделать свою нацию богатой. Гегель также писал, что «война предохраняет народы от гниения, которое непременно явилось бы следствием продолжительного, а тем паче вечного мира». Но армии прошлого не обладали оружием такой разрушительной силы, какая грозит уничтожить человечество сегодня.

У «адвокатов войны» всегда находились серьезные оппоненты. Древнеиндийский мыслитель Чанакья (IV в. до н. э.) указал на два момента, сопровождающих войну, — потери материальных ценностей и падение нравов. Англичанин Гоббс отмечал, что войны разрушают трудолюбие, ремесла, земледелие, торговлю,

что они пагубны как для государства, так и для его подданных. В том же духе высказался Лейбниц, что добытое на войне трудно сохранить, а потому даже победоносные войны часто оказываются разорительными. Французский философ Дени Дидро (1713–1784) считал, что война не только противостоит естественности, но также извращает нравы целых наций. Н. Г. Чернышевский утверждал, что война пагубно действует на государство уже на стадии подготовки к ней, ложась тяжким бременем на плечи народа; а главное — война плодит насильников и грабителей.

Список критических высказываний о войне можно продолжать и продолжать. Но странное впечатление остается, когда вспоминаешь судьбы и обстоятельства жизни их авторов. Если они и не преследовались за свои взгляды, то как минимум не поощрялись. У тех, кто желал быстро умножить свои богатства посредством военной силы, всегда была иная точка зрения на войну. Соответственно они отдавали предпочтение апологетам войны и находили способы поощрять их.

Немаловажно вспомнить: испокон веков в военном деле почетное место занимали «военная хитрость» и «военная тайна», а главное — пресловутые «национальные интересы», гипертрофированное и искаженное понимание которых приводило к попранию норм права и морали в отношениях с другими государствами и народами.

Итог предпринятого экскурса в историю социальной мысли не утешает. Война — часто стихия, но суть не производное стихии. У истоков войны всегда чей-то злой умысел. **Войны возникали всякий раз, когда группа лиц, присваивая себе право выступать от имени той или иной общности, заявляла об исключительных правах этой общности, о ее превосходстве над другими**, а главное, когда эти лица, добившись власти, начинали действовать в обозначенном направлении. Наверное, не столь важно, как в каждом конкретном случае определялась эта «избранная» общность людей. Когда-то «избранными» считались патриции, члены трехсот коренных родов Древнего Рима. «Избранными» были рабовладельцы, правда, только в границах собственного государства. «Избранными» объявлялись отдельные нации, классы, религии, даже секты. «Избранными» иной раз объявляются общности так называемых цивилизованных людей по отношению к представителям развивающихся стран.

Традиция признания «избранности» групп людей по тому или иному основанию, поиска «врага» в наше время предстает все в новых и новых вариациях. На смену несколько полинявшему противопоставлению «Восток — Запад» пришло противопоставление «Север — Юг», а затем «золотой миллиард — остальной мир». Теория «избранности» оживает в геополитических раскладах. Деление народов по географическому признаку так наглядно, обозначение зон их «интересов» и «влияния» не требует дополнительных доказательств. Геополитические противостояния породили множество пропагандистских штампов: «русский медведь», «исламский нож», — которые только содействуют утверждению «образа врага» в массовом сознании.

Опасно выглядит распространение идеологии **мирового лидерства одной нации, одного государства по отношению к остальным**. Это относится к Римской империи, Испании, Великобритании, Германии в прошлом. В последние годы она появилась в США на волне грандиозных экономических, технологических и военно-технических успехов, затем обрела новую жизнь после развала СССР и социалистического лагеря. Этот процесс сопровождался мощной информационно-пропагандистской кампанией. В соответствии с этой теорией США определили для себя роль глобального лидера, который гуманен, демократичен, справедлив, но при этом сам себя назначил. Любое государство, которое опережает США по тем или иным показателям или собирается опередить, является если не противником, то, во всяком случае, препятствием на пути к лидерству. Наиболее откровенное высказывание на эту тему принадлежит З. Бжезинскому. Евразия, по его мнению, — «великая шахматная доска», на которой американцы будут разыгрывать свою игру, предоставляя остальным роли различных фигур, подвластных американской стратегии. При этом России он вообще не находит подходящей роли. Ей предрекается распад.

Зона «национальных интересов» США ассоциируется сейчас не только с территорией, на которой присутствует американский капитал или собственность американских компаний и граждан США, но и с зоной политических интересов, где предстоит насаждать «демократию» и вводить «рыночные отношения», понятые по-американски. В современных услови-

ях указанные процессы принимают глобальные масштабы и становятся серьезной угрозой стабильности в мире.

С 1993 года, когда ответственность по контролю за нераспространением средств массового уничтожения и ракетных средств их доставки была возложена на Министерство обороны США, они интерпретировали контроль как право инспектировать «подозрительные» объекты на территориях суверенных государств и даже наносить упреждающие удары для уничтожения таких объектов и средств.

Для обоснования санкций в отношении России используют дежурный набор аргументов: Россия больше не может следить за сохранностью своего оружия массового уничтожения, сохранностью потенциально опасных военных технологий, поскольку ведет в соответствующих российских вузах подготовку кадров для других государств; кроме того, не располагает достаточными экономическими и организационными ресурсами для осуществления контроля.

Что реально происходит в России? К сожалению, практически во всех сферах государственной жизни — в политике, экономике, оборонном комплексе — непоследовательность и противоречивость последних лет.

Хаотичная реальность порождает хаос в теории. В политологии, в военных дисциплинах — та же непоследовательность, отсутствие аргументированных ориентиров, некритичное смешение концепций и жанров. Одни придерживаются материалистических установок, и в чем-то они правы: важную роль экономического базиса в политике, в том числе в военной, сложно отрицать, как и возможность продолжения политики насильственными методами. Другие внедряют идеалистический подход, в основе которого заемное, прозападное понимание «национальных интересов», которые формулируются правящей элитой от имени населения страны. Представление о населении, в свою очередь, страдает отсутствием концептуальной выдержанности: оно объявляется то бесклассовым обществом россиян, то классовым обществом, обретающим класс крупных собственников, но все еще не имеющим средний класс — основу социальной стабильности. При этом в общественном сознании есть понимание истинных масштабов расслоения в России — имущественного, национального, конфессионального, профессионального.

Как в таких социально-экономических и политических реалиях выглядят конкретные «национальные интересы» политики могут объяснить не всегда. Только подчеркивается их значимость, высоким научным слогом излагается концепция, согласно которой «национальные интересы России — это категорический императив ее общественного развития, основа формирования стратегических целей и задач внутренней и внешней политики страны». Перечисление основных, «жизненно важных» и «приоритетных» «национальных интересов» России занимает несколько страниц текста, довольно бессистемного, не дающего представления о реальных приоритетах.

Следует задаться вопросом: как оперировать этими «национальными интересами»? Следуя американской схеме, их надо сопоставить с интересами других государств для выявления противоречий. Установив противоречия, явные «угрозы», а также посредством аналитического вскрытия предвосхитив неявные угрозы, или «риски», необходимо выработать и осуществить меры по парированию этих угроз и рисков. По крайней мере так принято в практике обеспечения национальной безопасности США. В России концептуальная неразбериха парализует все механизмы принятия действенных управленческих решений. Действительно, переплетение интересов России с интересами других современных государств носит запутанный характер. Противоречий не счесть. Неужели это должно интерпретироваться как засилие угроз и рисков, неизбежно ведущих к войне? Ниже будут изложены результаты исследования предполагаемой военной опасности для России, проведенного методом экспертных оценок.

В войне участвуют люди, оснащенные средствами вооруженной борьбы и направляемые военно-политическим руководством. Это руководство, придерживаясь собственного толкования «национальных интересов», вместе с тем не забывая о личной выгоде, амбициях, тщеславии и прочих эгоистических мотивах, всегда найдет высокие слова, способные воодушевить сограждан и даже польстить им. По воспоминаниям современников, немецкие военнослужащие, попавшие в плен во время Второй мировой войны, признавались, что их вдохновляли призывы нацистских идеологов к «высшей расе» отвоёвывать «жизненное пространство» у «недочеловеков», не умеющих им распорядиться, тем самым восстановить «историческую спра-

ведливость». Были варианты подобных призывов у рабовладельцев, собравшихся в поход за рабами, у крестоносцев, желающих покарать иноверцев. Во все времена находились слова, чтобы оправдать кровопролитие святой целью.

С высоты опыта XX века приходит понимание необходимости отказа от культа насилия в пользу культа компромисса.

Возможно, следует воздержаться от продолжения политики военными средствами, а остановиться на выявлении межгосударственных, межнациональных противоречий в интересах, взглядах, идеях, целях, после чего приступить к обсуждению и устранению разногласий.

Военная организация государства — структура, которая формируется годами и десятилетиями. Изменить ее в одночасье невозможно. Революционные изменения в этой сфере дорого стоят и грозят развалом, социальными и экономическими потрясениями. Попытка одним махом решить проблемы военного комплекса привела к фактическому провалу многих военных и конверсионных программ. Политические концепции — более подвижны, подвержены конъюнктуре: они создаются людьми, а потому более управляемы. С экономической точки зрения политические решения противоречий и разногласий любого уровня сложности дешевле обходятся, чем одно разворачивание мобилизационных ресурсов промышленности в случае войны. Это соображение необходимо учитывать уже на стадии формирования «национально-государственных» интересов страны, которые должны пройти путь взвешенного внутреннего и внешнего согласования, чтобы не стать камнем преткновения и возникновения противоречий в международных отношениях.

Реализация стратегии ядерного сдерживания — один из ярких примеров благоразумия, проявленного на уровне межгосударственных отношений, когда ядерные державы нашли возможность согласовать свои «национально-государственные интересы» и дать миру еще один шанс избежать ядерной катастрофы.

Другой пример относится к истории взаимоотношений СССР и КНР. После Второй мировой войны длительный период совпадения интересов и дружбы «на вечные времена» сменился в конце 50-х годов беспрецедентной напряженностью в отношениях, когда лидеры стран подвергли пересмотру свои

интересы. Возникшие противоречия породили угрозы, за ними последовали военные столкновения, гибель людей, разорительное для экономики наращивание группировок войск и военные приготовления. Затем СССР и КНР скорректировали свои политические устремления, и оказалось, что все противоречия возможно разрешить не на поле боя, а на дипломатическом поприще. В настоящее время идет речь о долговременном сотрудничестве в различных сферах, включая военно-техническую.

Пример недавнего игнорирования возможностей снятия противоречий в ходе переговорного процесса дают отношения России и Чечни. Некоторые факты, открывшиеся после возникновения военного конфликта в Чечне (достоверность их подтверждена опытом взаимодействия Федерального центра с другими регионами РФ), доказывают, что до ноября 1994 года в стране имелись реальные политические возможности снять антагонизм между громкими, но пропагандистскими по сути понятиями «величие» России и «свободолюбие» Чечни. Однако компромиссом пренебрегли.

Не доказывают ли эти примеры, как и сотни им подобных, что война при желании вовсе не является обязательным элементом современной истории?

Ведь смогли люди не только обратить внимание на глобальные техногенные экологические проблемы, но и повлиять на политику, технологии, сферы производства и потребления многих стран, снизить в большинстве регионов уровень техногенных загрязнений.

Проблема сохранения исчезающих видов животных и растений оказалась не столь неразрешимой, как представлялось еще лет двадцать назад. Человек привык охотиться. Это не менее древняя привычка, чем проявление агрессии к себе подобным. Но теперь это не препятствует разработке и введению норм и правил в этой сфере. Во многих странах, где браконьерство поставлено вне закона, где налажены эффективный мониторинг и контроль, добились существенных успехов.

Тысячелетиями чума, холера и многие другие болезни воспринимались людьми как неизбежность, религия преподносила их как кару Божию. Но разум человеческий победил и доказал свою способность бороться с этими недугами.

Перечисление такого рода побед разума и доброй воли можно продолжить, но и без того ясно: пора вывести войну (кроме

случаев защиты от агрессии) из перечня сфер деятельности, дозволенных нормами международного права. Начинать следует с формирования строгих внутрисударственных систем управления военной деятельностью. Здесь важно снова обратиться к механизму формирования и осуществления политических концепций вообще и «национальных интересов» в частности.

Идеалистичность подхода принятой в США практики формирования правительством «национальных интересов» явно преувеличена. Этот процесс с необходимостью предполагает стадии так называемого программирования и разработки бюджета, а также последующего исполнения бюджета, контроля и отчетности. Именно на этих стадиях реализуемость идей подвергается в США всесторонней серьезной оценке. Если же идеи не осуществимы или их осуществление экономически нецелесообразно, то происходит корректировка предложений правительства, в том числе корректировка заявленных «интересов». «Интересы» — не самоцель, законом является бюджет. На стадии исполнения бюджета происходит выделение соответствующих средств и расходование их на выполнение конкретных работ. В результате основа процесса военного строительства в США вполне материальна.

Руководство нашей страны даже в советское время использовало методологию диалектического материализма. Проводились съезды КПСС, утверждались концепция и основные направления развития (и в них формулировался некий аналог «интересов»), затем утверждался пятилетний план, исполнять который требовали как закон. Бюджет был во многом вторичным документом, из утвержденного плана. По мере приближения к концу пятилетки формировались идеи нового плана. Результатами пятилетних планов были индустриализация и коллективизация, восстановление народного хозяйства после Великой Отечественной войны, освоение ядерной энергетики и космоса. Однако жесткая плановость пятилеток и идеологических предначертаний иногда подрывала материальный базис всей страны и особенно ее военной экономики, которая более других экономических сфер должна гибко реагировать на изменения в международной обстановке и научно-технические достижения. Этот методологический недостаток советской системы и отсутствие

стратегических планов — одни из основных причин поражения СССР в холодной войне.

В современной России ситуация с обеспечением в стране военной безопасности стала существенно хуже, чем в СССР, хотя бы потому, что в 90-е годы ни один из федеральных бюджетов РФ, а значит, и ни один из государственных оборонных заказов не был вовремя принят и эффективно исполнен. Это похоронило многие перспективные идеи и замыслы, привело к подрыву материальной основы военной организации государства и военной экономики.

Остается надеяться, что очевидные последствия допущенных ошибок заставят изменить порочную практику.

О позитивных изменениях в финансировании военной сферы свидетельствуют некоторые факты последних лет. С 1999 года вступил в силу «Закон о федеральном бюджете РФ» — один из немногих, который одинаково трактуется теперь всеми ветвями российской власти в части усиления государственного внимания к повышению обороноспособности страны. Об изменении методологии экономической политики государства в оборонной сфере заявил и президент РФ в своем ежегодном послании.

В завершение имеет смысл остановиться на складывающейся в РФ **системе понятий, связанных с современными трактовками проблем войны и мира.**

Что же такое мир в современном восприятии? Формулировки могут быть разными. Однако можно надеяться, что представление о мире как временной паузе между неизбежными войнами, вынужденно наступающей после истощения сил (средств) и используемой для их накопления и подготовки к началу новой бойни, безнадежно устарело и уходит в прошлое.

За основу следует взять совсем иное построение системы понятий и их толкование: начинать не с термина «война», а с термина «мир». Недаром даже законченный милитарист Жорж Клемансо говорил: «Гораздо легче выиграть войну, чем мир».

Миром в этой системе понятий предлагается считать такой характер отношений между государствами и населяющими их народами, который основывается на взаимном учете и балансе интересов, проведении внешней политики ненасильственными методами и средствами, недопущении военных

столкновений (вооруженной борьбы), соблюдении норм международного права и международных обязательств.

Мир не обязательно означает полное единство взглядов и дружбу. Разновидность мирных отношений, называемая **мирным сосуществованием**, может быть между государствами с разными общественно-политическими системами. Такой мир не исключает идеологической борьбы, соревнования между политическими и конкуренции между различными экономическими системами — но только в рамках международного права.

При такой трактовке понятия «мир» следующим по важности становится понятие **«агрессия»**. Ее определение дано Генеральной Ассамблеей ООН в резолюции от 14 декабря 1974 года. Это международно-правовое понятие характеризует незаконное (нарушающее действующие правовые нормы) применение вооруженной силы одним государством (группой государств) против другого государства (группы государств, народа, нации) с целью его захвата, порабощения или насильственного принуждения принять нежелательные условия, нарушения суверенитета, территориальной целостности, политической и экономической независимости.

Именно **агрессия (факт применения вооруженной силы)** считается началом войны независимо от ее формы: ракетный или авиационный удар, вторжение сухопутных или военно-морских сил, военное применение будущих экзотических средств вооруженной борьбы и т. д.

Согласно ст. 5 Устава ООН, **агрессивная война считается тягчайшим преступлением против человечества и влечет за собой международно-правовую и материальную ответственность агрессора в форме репараций и реституций.**

Государство, подвергшееся агрессии, имеет **законное право на индивидуальную или коллективную самооборону** (ст. 51 Устава ООН). При этом **военные действия жертвы агрессии, даже если они станут наступательными, считаются оправданными.**

Никакие другие военные действия не считаются, таким образом, законными. Вопрос о «справедливых» и «несправедливых» войнах получает принципиально новую трактовку. Это уже серьезное изменение воззрений.

Тем, кто исповедует принцип «справедливости» войн, подход, утверждающий приоритет норм международного права, будет непривычен и малопонятен. Трудно будет согласиться

с ним и лидерам различных агрессивно настроенных военных организаций, существующих в современном мире. Однако компромиссному мышлению конца XX века нет альтернативы.

Распространение компромиссного мышления влечет за собой и корректировку отношения к применению средств вооруженной борьбы (возможны к применению только средства, не запрещенные нормами международного права), к мирному населению государств — участников конфликтов, к раненым, пленным. Даже в случае ведения войны в ответ на агрессию она должна соответствовать международным договоренностям. Законная война может быть только конвенциональной.

Совет Безопасности ООН полномочен рассматривать и учитывать все обстоятельства агрессии. При этом **никакие соображения политического, экономического и иного характера не могут служить оправданием агрессии.**

ООН обладает потенциально большими полномочиями по отношению к агрессору. По решению Совета Безопасности ООН могут применяться:

- невоенные меры (разрыв политических и экономических отношений, применение экономических санкций и т. п.);
- военные меры (вплоть до применения вооруженных сил ООН или вооруженных сил некоторых государств — членов ООН) и проведение соответствующих операций;
- временное ограничение суверенитета государства-агрессора;
- оккупация его территории;
- признание преступными его правительственных и военных организаций, политических партий и других объединений граждан, организовавших и осуществивших агрессию.

Руководясь перечисленными нормами, главное — не интерпретировать их в пользу агрессивных сил, которые руководствуются ложными представлениями о собственной значимости и миссии в мире, как это произошло в югославском конфликте. Международные объединения такого масштаба, как ООН, не должны находиться под гипнозом силы и авторитета кого бы то ни было, тогда буквальное и неукоснительное исполнение правил всемирного общежития не даст ни одного шанса желающим развязать войну.

Отход от основополагающих принципов ООН, провозглашенный США для борьбы с международным терроризмом,

может обернуться не только потенциальными угрозами мировому сообществу, но и реальными локальными войнами, ведущими к международным военным катастрофам. Трагические события в США в 2001-м в и России в последние годы требуют не только активного подавления национального и международного терроризма, но и разработки фундаментальных основ его анализа — экономических, политических, расовых, религиозных, этнических. Только военная борьба с терроризмом не может снять всей остроты этой проблемы, изменившей лицо мира в самом начале XXI века.

Война в новом понимании — это общественно-политическое явление, связанное с коренной сменой характера политических отношений между государствами и переходом сторон от ненасильственных форм и способов разрешения возникших между ними противоречий к прямому применению оружия и других насильственных средств и действий, направленных на достижение определенных политических, экономических и иных целей. Борьба во время войны может происходить в политической, экономической и иных сферах, но главной и решающей становится **вооруженная борьба**.

Естественно, что взгляд с этих позиций предполагает заинтересованность мирового сообщества в **предотвращении и прекращении войны**.

Предотвращение войны — это особый вид мирной деятельности государств и международных организаций, направленный на срыв приготовлений к агрессии, погашение начавшихся военных конфликтов. Военная сила во время предотвращения войны может быть задействована только для демонстрации потенциальному агрессору серьезности намерений мирового сообщества и, главное, для проведения миротворческих операций; такой метод в последние годы становится все более популярным и эффективным.

Деятельность по **прекращению** войны может в соответствии с Уставом ООН включать в арсенал используемых средств **также и военную силу**.

Изложенная позиция рождает и новое понимание соотношения понятий «война» и «политика».

Возникая как продолжение политики, все войны когда-нибудь заканчиваются, даже «столетние». В настоящее время в процессах погашения войн задействованы авторитетные междуна-

родные организации. Их усилия способствуют прекращению военных действий, но что означает прекращение войны, если вернуться к формуле К. Клаузевица? Только то (как отметил в своих исследованиях В. Цымбал), что **во время войны меняется сама политика** — либо у одной из воевавших сторон, потерпевшей поражение, либо у обеих. И наступает мир, являющийся «продолжением» нового, послевоенного сочетания двух «политик», где каждый по-новому трактует свои «национальные интересы».

Это относится и к способам предотвращения войны как к деятельности, осуществляемой, как правило, многими силами (потенциальной жертвой агрессии, ее союзниками, международными организациями и мировым сообществом, а также теми миролюбивыми силами, которые практически всегда существуют и действуют внутри государства — потенциального агрессора) и имеющей благородную и единственную цель: **так изменить в мирное время и мирными средствами реальную политику потенциального агрессора, а значит, так изменить и ее концепцию, чтобы естественным продолжением политики стала не война, а мирные инициативы, направленные на разрешение возникших противоречий в рамках международного права.**

В этом смысле **предотвращение войны по своему результату оказывается эквивалентным самой войне: оно ломает политику, ведущую к войне.**

Эта деятельность неоднозначна, сопряжена со многими трудностями и компромиссами. Она требует не только знаний, но и искусства, отказа от многих стереотипов и заблуждений конфликтного сознания, разумного признания, что иного пути нет.

3.2. История предотвращения войн, парирования военных угроз и гуманизации военных действий

История как наука могла бы стать свидетельством торжества человеческого разума и прогресса. Но главное место в ней занимают войны и насилие. Именно им отведены самые яркие и запоминающиеся страницы исторических повествова-

ний. Ошибаясь, творя намеренное и ненамеренное зло, увлекаясь ложными идолами, человечество дошло до того предела, за которым только пустота и забвение. Теперь каждая новая война, каждый новый всплеск агрессии может стать роковым шагом в пропасть. Наступило время анализировать и принимать решения.

Существует целая ветвь исторической науки — военная история, в рамках которой можно найти ответ на вопросы «какими были войны?», «в чем их отличие друг от друга?», «чем руководствовались их участники?», чтобы понять и оценить перспективы человечества в решении проблемы предотвращения войн.

Военная история изучает войны, развитие военного искусства, вооруженных сил, военной техники, а также опыт военной деятельности государств, армий и военачальников. Военными историками накоплен огромный фактический материал, разработано множество гипотез и теорий. Как и всякая наука, военная история структурирована и традиционно включает в себя следующие дисциплины: история войн, история военного искусства, история строительства вооруженных сил, история развития оружия и военной техники, история военной мысли, история воинских частей, военная историография, военно-историческое источниковедение, военная археология, военная архивография и военная статистика.

Становится ясным, что до сих пор основным объектом изучения этой науки являются **состоявшиеся войны, а также исследование проблем, связанных с подготовкой к ним**. В противовес привычному утверждению «Никто не забыт и ничто не забыто» сформулирован вопрос «Что забыто в истории нашей страны?». Ответ обескураживает. Забвению, как правило, предаются те, кто пытался не допустить войны, предотвратить их, выступал с требованиями гуманизации военных действий и запрещения особо опасных видов вооружения.

В свою очередь, в методологии военной науки осталось невостребованным главное: благодаря каким стратегическим разработкам, дипломатическим и политическим усилиям удалось предотвратить перерастание разногласий и конфликтов в войну. Более того, конкретным фактам просчетов в парировании военных угроз, легкомысленного отношения к возможной агрессии находились исторические оправдания,

которые препятствовали их трезвому осмыслению и оценке. Войны выигрывались ценой невероятных затрат и жертв. Но это ничего не прибавляет к строгой военной теории, конечная цель которой не доводить до необходимости эксплуатации патриотических чувств и энтузиазма народа ради сокрытия чьих-то ошибок.

Беспристрастный анализ взаимоотношений пропагандистских мифов и запросов реальности способствует устранению методологических пробелов. Появляются новые дисциплины, например конфликтология, в рамках которых возможно разрешить спорные вопросы военной науки вне привычного идеологического контекста.

Вопросы войны и мира — та область, которая часто подвергалась намеренным политическим искажениям. Методология войны — относительно неплохо разработанная часть этого комплекса проблем. Однако следует вспомнить о самом важном — методологии мира. Необходимо обратиться к поиску и анализу исторических фактов, связанных с погашением начавшихся войн и военных конфликтов, ограничением форм и способов разрешенных военных действий и в конечном итоге с предотвращением войн. Задачей этого анализа является обобщение опыта, раскрытие тенденций в развитии именно миротворческих процессов и деятельности по обеспечению безопасности в мире. Мировая история способна поставить фактический материал не только военным историкам традиционного типа. Она полна примеров мирного разрешения межгосударственных противоречий, достижения политических целей мирными средствами.

Каждый конкретный конфликт обладает историческим, региональным, социокультурным своеобразием. Военная драма разыгрывается в специфических условиях времени и места, а потому результаты изучения истории одного противостояния нельзя некритично экстраполировать на другие, какие бы внешние параллели и исторические совпадения ни прельщали. Цель исследования военных конфликтов — выявление логики возникновения и развития противоречий, а также их преодоления, их общих качественных и смысловых характеристик.

История свидетельствует, что поиск мира не был спонтанным или сугубо эмоциональным действием, естественной защитной реакцией здорового рассудка. Как и война, мир

во многих случаях мотивированная, стратегически и тактически выверенная операция, со своими закономерностями, принципами и хрестоматийными иллюстрациями.

Например, один из принципов предотвращения войны — опережающая демонстрация силы: в некоторых случаях потенциального агрессора достаточно недвусмысленно информировать о решительности и масштабности ответных действий, чтобы он отказался от своих намерений. Этим принципом руководствовались еще наши предки, доводя сведения о своей силе до агрессора и демонстрируя решимость ее применить. Известное грозное предупреждение «Кто к нам с мечом придет, тот от меча и погибнет!» — не реальное высказывание, оно принадлежит герою кинофильма. Однако по сути оно соответствует действительности — есть правда смысла — и является художественным развитием известного изречения «Иду на вы!». С этим предупреждением — открытым, смелым и бесхитростным — свидетельством уверенности в своей военной силе и справедливости намерений выступали наши предки, когда требовалось осуществить акцию возмездия за подлые набеги и разбой.

Китайский полководец и военный теоретик Сунь Цзы (VI—V в. до н. э.) рекомендовал в отношениях с вероятным противником действовать более изощренным, поэтапным способом:

- 1) попытаться сорвать его замыслы;
- 2) если не удастся первое, попытаться разрушить его союзы;
- 3) если не удалось сделать ни первое, ни второе, применить против него войска.

Конечно, эта система действий направлена не только и не столько на сдерживание агрессии. Но о **приоритетности срыва замыслов** врага сказано определенно.

Освобождение от татаро-монгольского гнета — один из важнейших этапов в истории нашего Отечества. Военные историки ключевым событием в связи с этим считают Куликовскую битву 1380 года. Недавно отмечалось ее 600-летие. Но не все помнят, что сама по себе победа русских войск в этой битве не принесла политического успеха. После нее гнет продолжался еще 100 лет! Для окончательной военно-политической победы понадобилось Стояние на Угре в октябре-ноябре 1480 года. Так принято называть демонстративные военные действия, а точнее умелые маневры русских войск,

под предводительством великого князя Ивана III, против войск Большой Орды, ведомых ханом Ахматом с целью принудить Русское государство платить ежегодную дань. Во время этих маневров русские войска сумели воспрепятствовать форсированию ордынцами реки Угры (левого притока Оки), а главное — показали свою военную силу, искусное управление войсками и готовность к сражению. Демонстрация силы оказалась по политическим последствиям значительнее битвы — Россия стала независимым государством. На месте Куликовского сражения ныне мемориал. Вклад в освобождение от татаро-монгольского гнета тех, кто стоял на Угре, отмечен только в памяти. Таким образом, исторические события следует оценивать не только по внешнему эффекту, но и по эффективности.

Известно, что Кутузов придерживался осторожной, взвешенной тактики, руководя военными действиями российской армии против войск Наполеона. Он неоднократно подвергался критике за свои действия в начальной стадии войны, но нашел в себе силы для мудрого, дальновидного решения о сдаче Москвы после сражения под Бородино. Блестящая концовка войны подтвердила правильность его действий, и Отечественная война 1812 года дала военным историкам беспрецедентный материал, обогативший военную науку. Тем не менее это был опыт правильного ведения и умелого завершения уже начавшейся войны, а не опыт ее предотвращения.

Предотвращения войн давались человечеству с огромным трудом. Нормы международного права стали фактором урегулирования межгосударственных разногласий только в XIX веке, поначалу только в связи с «негуманными» военными акциями — уничтожением раненых и пленных, с появлением отдельных видов оружия, которые причиняли «излишние» человеческие страдания.

Но сам факт влияния международного права на развитие вооружений, а не только на вооруженные столкновения оказался исторически знаменательным событием. В результате появилась юридическая база для вмешательства и предотвращения особо опасных войн с применением оружия массового уничтожения. Эта тема заслуживает особого внимания.

Первый из широко известных документов международного права в военной области — Женевская конвенция 1864 года.

Она поставила под защиту международного права раненых и больных. К сожалению, эта Конвенция неоднократно нарушалась, но как правовой прецедент в целом сыграла весьма значительную позитивную роль.

В дальнейшем **международное право** вышло за рамки способов и форм ведения войны, **распространилось на средства вооруженной борьбы** и способы их применения. Кроме мотивации гуманистического характера в расширении сфер действия международного права сыграли роль и сугубо прагматические соображения, важные для специалистов, занимающихся вооружением. Необходимо знать правовые рамки развития средств вооруженной борьбы. Это важно и с технической, и с экономической точки зрения. Создание и совершенствование химического оружия стоило немалых затрат, не меньше средств ушло и уходит на его уничтожение. Это должно послужить уроком последующим поколениям.

Первая волна интереса к проблеме ограничений, которые целесообразно наложить на развитие некоторых видов оружия, пришла на конец XIX столетия, вторая — на последнюю четверть XX века. Неравномерность продвижений в этом процессе свидетельствует о немалых трудностях, которые стоят на пути инициаторов гуманизации военных процессов в мире.

Впервые международные правила и нормы в области вооружений были сформулированы в Санкт-Петербургской декларации 1868 года. На Гаагских мирных конференциях 1899 и 1907 годов были приняты соответствующие конвенции. Эти и последовавшие за ними международные конференции продолжили движение в заданном направлении и сыграли большую иницирующую роль в деле международно-правовой регламентации правил разработки некоторых видов оружия и способов ведения войны. Однако с самого начала пришлось столкнуться с нежеланием многих участников этих конференций, особенно Германии, связывать себя обязательствами по ограничению или сокращению вооружений.

Разумеется, принятые документы отражали уровень развития военной техники, достигнутый к тому периоду. Однако их значение для современности обусловлено неизменностью главного принципа — гуманизации военных действий.

В зарубежной печати не уделяется должного внимания именно Санкт-Петербургской декларации 1868 года. Так, например, даже сборник международной организации СИПРИ 1997 года начинает исторический экскурс в рассматриваемую проблематику с Гаагских конвенций и деклараций 1899 и 1907 годов. Такой же позиции придерживались и придерживаются военные историки не только советского периода, но и современной отечественной истории, которые не замечают **приоритета России** в этом процессе.

Соблюдение исторической справедливости и научной корректности заставляет обратиться к анализу самого раннего документа по ограничению вооружений — Декларации об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль, подписанной 29 ноября (11 декабря) 1868 года в Санкт-Петербурге.

В тексте (извлечении) этой Декларации сказано:

«...По предложению Императорского Российского Комитета военная международная комиссия была собрана в Санкт-Петербурге с целью обсудить возможность запрещения употребления во время войны между цивилизованными народами известного рода снарядов, и, по определению этою Комиссиею, на основе взаимного согласия, технических границ, в которых потребности войны должны остановиться перед требованиями человеколюбия, нижеподписавшиеся уполномочены разрешениями их Правительств объявить нижеследующее.

Приняв во внимание,

что успехи цивилизации должны иметь последствием уменьшение по возможности бедствий войны;

что единственная законная цель, которую должны иметь государства во время войны, состоит в ослаблении военных сил неприятеля;

что для достижения этой цели достаточно выводить из строя наибольшее по возможности число людей;

что употребление такого оружия, которое по нанесении противнику раны без пользы увеличивает страдания людей, выведенных из строя, или делает их смерть неизбежною, должно признавать не соответствующим упомянутой цели;

что употребление подобного оружия было бы противно законам человеколюбия,

договаривающиеся стороны обязуются в случае войны между собой отказаться взаимно от употребления как сухопутными,

так и морскими войсками снарядов, которые при весе менее 400 граммов имеют свойство взрывчатости или снаряжены ударным или горючим составом.

Договор этот обязателен только для договаривающихся сторон или сторон, которые пристанут к нему впоследствии в случае войны между двумя или несколькими из них; он необязателен в отношении сторон, не подписавших Договора или которые приступили к нему впоследствии».

Следует отметить, что эту исторически знаменательную Декларацию подписали многие ведущие государства того времени: Россия, Австрия, Франция, Северо-Германский союз, Пруссия, Турция, Швеция, Греция и др. Это послужило сдерживающим фактором при создании и применении средств борьбы, которые по своим конструктивным характеристикам были бесчеловечными. В результате действия этой Декларации довольно продолжительное время государства, подписавшие ее, не применяли в войнах пули, обладающие свойством «взрывности» или «снаряженные ударным или горючим составом», — вплоть до Англо-бурской войны 1899-1902 годов.

Англия, не принимавшая участия в международных конференциях по данной проблеме и не подписавшая Декларацию, в ходе Англо-бурской войны впервые в мире оснастила свою армию винтовочными патронами с пулями «дум-дум», которые формально не в полной мере отвечали требованиям Декларации: они не были снаряжены «ударным» составом, но обладали свойством «взрывчатости». Такие пули имели крестообразный надрез в головной части. Попадая в человеческое тело, они разрывались, причиняя тяжелые ранения. В ранах, полученных от пуль «дум-дум», выходное отверстие было значительно больше входного.

Спустя много лет после того, как была подписана Декларация в Санкт-Петербурге, на 1-й Мирной конференции в Гааге, **созванной по инициативе России в 1899 году**, была принята новая международная декларация, на основании которой применение пуль типа «дум-дум» было запрещено. Однако разрывные пули в последующее время совершенствовались и применялись армиями, в том числе и германской (хотя Германия и подписала Декларацию), в Первой и Второй мировых войнах.

Напомним основные документы Гаагской конференции 1899 года, на которой было принято несколько деклараций, в частности:

1) Декларация о запрещении на пять лет метания снарядов и взрывчатых веществ с воздуха или иными аналогичными новыми способами;

2) о запрещении снарядов, имеющих единственной целью распространение удушливых или вредных газов;

3) о неупотреблении легкоразворачивающихся или сплюсчивающихся пуль.

Первая из принятых на этой конференции деклараций была рассчитана всего на пять лет, поэтому в современных условиях практического интереса не представляет. Впрочем, даже в тот период она также не сыграла заметной роли в сдерживании темпов развития и масштабов боевого применения против наземных объектов нового вида вооруженных сил — авиации: к тому времени ведущие державы мира уже вели работу в этой области, а в 1911 году авиационные бомбы были впервые применены итальянцами в ходе Итало-турецкой войны.

Тем не менее деятельность по международному нормированию развития вооружений продолжалась. Следует сказать, что усилия, предпринятые на рубеже XIX–XX веков правительствами ведущих промышленных держав мира в области ограничения применения вновь разрабатываемых средств вооруженной борьбы, давали в основном политический эффект. Зачастую они обеспечивали лишь выигрыш во времени, давали возможность привести собственный уровень вооружения в соответствие с уровнем других держав, реализовать передовые технические проекты в этой области. Но прогресс в отношениях брал свое, и постепенно выработывалось уважительное отношение к международному праву. Факты нарушения международных норм, использования их в целях военно-стратегического соперничества (это часто проявлялось то в затягивании процесса ратификации данной декларации, то в отказе от ратификации и т. д.) не уходили от внимания общественного сознания и готовили его к более продуктивным и решительным действиям.

Более продолжительная жизнь была уготована второй из упомянутых выше деклараций.

«Нижеподписавшиеся Уполномоченные Держав, принимавших участие в Международной Конференции мира в Гааге, получив надлежащее для сего полномочие своих Правительств, вдохновляемые чувствами, нашедшими себе выражение в Санкт-

Петербургской Декларации 29 ноября (11 декабря) 1868 года, объявляют:

Договаривающиеся Державы обязуются не употреблять снаряды, имеющие единственным назначением распространять удушающие или вредоносные газы...»

Данная декларация была оставлена в силе как международно-правовой акт 2-й Гаагской конференции, созванной по инициативе США и поддержанной Россией и проходившей с 15 июня по 18 октября 1907 года. В работе конференции принимали участие 44 государства: все участники конференции 1899 года, а также 17 государств Центральной и Южной Америки.

Соблюдение принятых конвенций с точки зрения международного права объявлялось обязательным, оно считается таковым и поныне, а несоблюдение расценивается как преступление, подлежащее уголовному наказанию.

Большинство стран мира признало конвенции и декларации, принятые на Гаагских конференциях, хотя и с некоторыми оговорками. Россия ратифицировала документы 1-й конференции в 1900 году, а 2-й (за исключением трех конвенций: «Об установке автоматических контактных подводных мин»; «О некоторых ограничениях в пользовании правом захвата в морской войне»; «Об учреждении Международного правового суда») — в 1909 году.

Советское правительство в 1942 году заявило, что будет соблюдать Гаагские конвенции на основе взаимности, а в 1956 году признало ратифицированные Россией конвенции и декларации 1899 и 1907 годов в той мере, в какой они не противоречат Уставу ООН, а также если они не были изменены или заменены последующими международными соглашениями, участником которых является СССР.

Став правопреемницей СССР по большинству его обязательств, современная Россия, очевидно, должна следовать и этим заявлениям.

Международно-правовые нормы войны, разработанные на Гаагских конференциях 1899 и 1907 годов, получили дальнейшее подтверждение и развитие: сначала в 1925 году, когда в Женевском протоколе была расширена прежняя Декларация по вопросам запрещения химического и бактериологического оружия, а затем — в Женевских конвенциях 1949 года.

Так сложилась первая серьезная система международных норм и правил, касающихся не только войны, но и подготовки к ней (развитие вооружений, подготовка личного состава вооруженных сил и населения).

Конечно, с момента появления этих норм, как это бывает и с внутригосударственными нормами, предпринимались попытки их обойти, допускались правонарушения. Игнорирование норм международного права проявлялось в разных формах: либо наглое и неприкрытое, либо строго засекреченное, либо под прикрытием благовидных лозунгов и обоснований. Но в отличие от внутригосударственных правонарушений нормы международного права игнорировались главным образом **правительствами**, а также отдельными лицами (организациями) с ведома этих правительств. Лица, находящиеся у власти, несут персональную ответственность за свои действия. Им требовалась большая осторожность при совершении таких правонарушений. Любой неосмотрительный шаг в этой области мог стоить как минимум карьеры и репутации. Так что постепенно мысль об обязательности соблюдения норм международного права стала укореняться не только в общественном сознании, но и в сознании правящей элиты разных стран, тех, кто брал на себя смелость и ответственность формулировать и отстаивать национальные интересы.

Много позже появилась и стала укрепляться в общественном сознании мысль о том, что **вообще, по мере возрастания разрушительной силы оружия может наступить момент, когда война с применением такого оружия станет бессмысленной**. Некоторые ситуации делали очевидной мысль, что разрушения и потери для воюющих сторон (а главное — для агрессора) заведомо превышают возможный «выигрыш от победы». Об этом говорил изобретатель динамита и учредитель международной премии Альфред Нобель, В.И. Ленин и другие исторические личности. Представляется особенно убедительной фраза из речи бывшего премьер-министра Великобритании Артура Невилла Чемберлена, произнесенной незадолго до начала Второй мировой войны: «Какая сторона ни объявила бы себя победителем, в войне нет выигравших, но все — проигравшие».

Важно обратиться от военно-технической, материальной стороны военного дела к политическим аспектам, истории усилий по предотвращению и погашению военных конфликтов.

Общеизвестно, что после 1945 года человечество не раз оказывалось на грани мировой войны, которой все же смогло избежать. Однако этот период отмечен значительной военной активностью: региональные, локальные и гражданские войны, военные конфликты различной интенсивности. Всего за рассматриваемый период историки насчитывают **около 20 ограниченных войн средней интенсивности и более 200 локальных военных конфликтов**. При этом объектами агрессии чаще всего оказывались молодые государства, провозгласившие независимость после изгнания захватчиков (например, Индонезия), народы колоний, добивавшиеся независимости (например, Мадагаскар, Кения, Филиппины, Алжир и др.), полуколонии и зависимые страны, стремившиеся выйти из-под опеки своих хозяев-колонизаторов.

К фактам изначально не подавленной агрессии в этот период можно отнести вмешательство Англии, а затем и США в третью гражданскую войну в Греции (1946–1949), вмешательство войск США в гражданскую войну в Китае (1946–1949), вооруженную агрессию Англии, Франции, Гоминдановского Китая, затем Франции и наконец США — против Вьетнама. Несмотря на «оправдательные» заявления западных политиков, к актам агрессии можно отнести сравнительно недавние акции США в Гренаде, Панаме, Гаити. Исторически ошибочными, если их анализировать в традиционном российском духе, оказались и те мотивы, которыми руководствовалось советское правительство, вводя войска в Чехословакию, а впоследствии — вступив в Афганистан.

Наиболее значительными из войн второй половины XX столетия считаются война в Корее 1950–1953 годов, война во Вьетнаме 1959–1975 годов, войны на Ближнем Востоке между Израилем (с союзниками, а также без них) и арабскими государствами в 1956, 1967, 1973, 1982 годах, Англо-аргентинская война 1982 года, Советско-афганская война 1979–1989 годов, война в зоне Персидского залива 1990–1991 годов, агрессия НАТО в Сербии в 1999 году, военные акции в Афганистане 2001–2002 годов.

Эти войны велись с применением только обычного, но все же достаточно мощного оружия. Правда, есть одно исключение, которое только подтверждает правило, — непосредственно воюющие стороны действовали при прямой или косвенной под-

держке либо США и других стран НАТО, либо СССР и других стран Варшавского договора. Иначе говоря, два противостоявших друг другу военных блока, не отваживаясь на прямое военное столкновение, действовали через посредников.

Обычно в этих войнах противоборствующие стороны лишь частично достигали поставленных целей, после чего наступал **слом прежней политики**, которая потребовала кровопролития. **Продолжением новой политики была уже не война, а мир:** стороны шли на компромисс.

Однако в глобальном политическом измерении эти войны не разрушали «базу» своего возникновения — блоковое противостояние непримиримых социально-политических систем, а поэтому неизбежно приводили к усилению международной напряженности и новому витку холодной войны. Постоянное противодействие требует совершенствования, и эти войны способствовали развитию вооружений, форм и способов военных действий.

Попытки «погашения» этих войн в большинстве случаев носили характер запоздалых, вторичных усилий, когда мировое сообщество и непосредственно заинтересованные государства начинали предпринимать шаги для разрешения острых политических конфликтов, затрагивающих интересы сторон, в период, когда те уже получили развитие в военной сфере. Тем не менее и здесь история преподавала мировому сообществу важные уроки, анализ которых будет предпринят на материале англо-франко-израильской агрессии против Египта и войны 1956—1957 годов, а также других конфликтов.

Есть в послевоенной истории и опыт предотвращения войн между ядерными державами. Самый значительный — Карибский кризис 1962 года. В актив миротворческого процесса специалистами относится и недавнее предотвращение крупного военного конфликта (возможно, даже с ограниченным применением ядерного оружия) между Индией и Пакистаном. На нашей памяти в течение ряда лет предпринимались усилия по «погашению», хотя и не всегда честными приемами, гражданской войны на территории бывшей Югославии. Постепенно входят в ранг «погашаемых при участии международных организаций» и военные конфликты на территории бывших республик СССР. Есть значительный опыт силового пресечения международного терроризма.

Однако агрессия НАТО против Югославии показала и то, каким кропотливым и аккуратным должно быть миротворчество извне. В противном случае масштабы кровопролития и «гуманитарной катастрофы» при неумелом использовании военной силы «в мирных целях» намного превосходят негативные последствия ее прямого действия.

Исторический материал по данной теме весьма обширен. Для его упорядочения понадобились методологические основания. Традиционная классификация войн не всегда корректна и соответствует политическим и социально-экономическим реалиям. При анализе материала можно использовать следующие классификационные признаки:

- 1) состав политических сил, инициировавших войну, ставших ее вдохновителями и зачинщиками;
- 2) дестабилизирующие факторы, активизация которых привела к началу войны (конфликта); структура и основные компоненты механизма разжигания и эскалации войны («механизма агрессии»);
- 3) стабилизирующие факторы, своевременная активизация которых предотвратила переход к военной фазе кризиса либо (после начала военных действий) погасила их; структура и основные компоненты «механизма сдерживания»;
- 4) роль мирового сообщества, международных организаций в предотвращении и погашении войн.

В результате исследований были *выявлены факторы, повлиявшие на развитие конфликтной ситуации, предотвращение либо развязывание войн, их ход и исход.*

В соответствии с результатами анализа исторических данных ведущее место в кризисной военно-политической ситуации, чреватой войной, принадлежит экономическим и политическим факторам. Упомянутая ранее знаменитая формула Клаузевица о том, что война является естественным продолжением политики (добавим — «агрессивной политики»), остается практически действующей и признается всеми специалистами независимо от их политической ориентации. Именно борьба за власть и властные полномочия (в экономике, ресурсах, торговле и даже в религиозном воздействии на людей) является чаще всего «движителем» агрессии.

Кроме того, весьма значимыми оказываются **психологические факторы**. Их важность сохраняется как в период войны, так при сдерживании агрессии.

Значение психологических факторов в войне в свое время проанализировал еще Л.Н. Толстой в эмоциональных и глубоких по знанию предмета работах. Р. Макнамара в книге «Путем ошибок к катастрофе» дал развернутый, содержательный анализ психологических аспектов ядерного сдерживания в период холодной войны.

В конце 80-х годов наблюдался феномен усиления действия психологических факторов, когда наступил период серьезного осмысления политическими лидерами многих стран результатов научного анализа возможных последствий всеобщей ядерной войны, в частности «ядерной зимы», а Чернобыльская катастрофа убедительно подтвердила реальность теоретических расчетов.

Выявились два основных психологических мотива сдерживания потенциального агрессора:

- 1) негативные последствия для государства-агрессора, его вооруженных сил;
- 2) негативные последствия для всего мирового сообщества, включая агрессора.

Под негативными последствиями здесь понимается то, что возможный выигрыш от агрессии окажется существенно меньше проигрыша (немедленных потерь и долговременных последствий). Этот вопрос стал предметом подробного рассмотрения при анализе концепции сдерживания.

Итоги международного Нюрнбергского трибунала 1945–1946 годов, осудившего военно-политическое руководство фашистской Германии, прогресс в области совершенствования норм международного права, а также развитие средств вооруженной борьбы (дальнобойность, точность и дозированность удара возмездия) способствовали актуализации еще одного мотива: особенно значимые негативные последствия грозят даже не кому-то конкретно и не всему мировому сообществу, а непосредственным организаторам и зачинщикам агрессии.

Мотив не новый, но иначе осмысленный и проявивший себя как в сдерживании от войны, так и в сдерживании от актов государственного терроризма.

Жизнь показала, что мотивация такого рода весьма действенна. Так, например, война между Ираком и Ираном в 80-х годах (не самая яркая или поучительная по части стратегии, оперативного искусства или тактики) длилась более семи лет.

Причем потери воюющих сторон мало волновали военно-политическое руководство обоих государств до тех пор, пока в их распоряжении не оказались достаточно эффективные средства для ударов по столицам, по объектам, угрожающим интересам (и даже жизни) руководящих кланов. Этот фактор и стал определяющим при принятии решения о прекращении войны.

Аналогичная ситуация складывалась и в вопросе предотвращения государственного терроризма. Первоначально теракты, как считают некоторые эксперты, инициировались руководством ООП и Ливии до тех пор, пока ответные действия, реализованные адресно, с помощью высокоточного оружия, не затронули самих инициаторов. Разумеется, поскольку международного суда не было, указанные обстоятельства не имеют силы юридического доказательства. Но здесь важно другое — существование психологического механизма воздействия на вдохновителей и организаторов террористических актов, то, чего так не хватает нынешней России для формирования и проведения эффективной политики на Кавказе.

Рассмотренные составные психологической мотивации, конечно, не универсальны. Фанатизм отдельных деятелей превышает порой силу инстинкта самосохранения. Кроме того, любое оружие не может быть совершенным, и существующие средства поражения, даже высокоточные, зачастую бьют не только по виновным, но и чаще по невинным. Нет определенности и в правовом обеспечении такого возмездия. Но сбрасывать со счетов его эффективность в обеспечении сдерживания было бы нерационально.

Ниже конкретно рассмотрены исторические примеры погашения и предотвращения войн. Из многочисленных конфликтов в определенном смысле представительными (и поучительными) являются такие, как агрессия против Египта в 1956 году, Карибский кризис 1962 года и война в зоне Персидского залива 1990–1991 годах. При системном наблюдении всего разнообразия условий и мер противостояний, анализе динамики миротворчества возможно сформировать целостный взгляд на проблему — противодействие войне как средство решения политических проблем.

Агрессия против Египта в 1956 году в советской историографии именуется «англо-франко-израильская агрессия против

Египта». После военного переворота в 1952 году, осуществленного организацией «Свободные офицеры» во главе с Г. Насером, Египет начал постепенно укреплять свою политическую независимость, а с 1956 года, после того как Насер стал президентом Египта, — и экономическую самостоятельность.

Это не устраивало прежде всего Великобританию, которая еще в 1882 году оккупировала эту страну, с 1914 года вынужденно объявила Египет своим протекторатом, а с 1922 года, опять-таки вынужденно, — независимым королевством. Однако поступиться экономическими интересами Великобритании не могла ни при каких режимах.

Франция, постепенно терявшая свои права колониальной державы на африканском континенте, не хотела мириться с утратой своих политических и экономических позиций.

Третьим в коалиции агрессоров оказался Израиль, который стремился и к территориальным приобретениям, и к военному сокрушению Египта, входившего в число стран, не одобрявших само появление на карте нового еврейского государства.

Ведущие военные державы — США и СССР — оставались в стороне от назревавшего конфликта, только формально. США неявно попустительствовали агрессии, рассчитывая укрепить свои позиции на Ближнем Востоке. Скорее политические, чем национально-государственные интересы СССР заключались в том, чтобы расширить масштабы национально-освободительной борьбы на Ближнем Востоке, а затем и на африканском континенте, укрепить свое влияние на арабский мир.

Поводом для начала войны послужила объявленная 26 июля 1956 года национализация компании по эксплуатации Суэцкого канала, что являлось важнейшим шагом на пути укрепления политической и экономической независимости страны. Замысел агрессоров, как показали события, был достаточно хорошо продуман и для египетской стороны явился неожиданностью.

Израильские войска должны были внезапно напасть на Египет на Синайском полуострове, сковать египетскую армию и стремительным наступлением выйти в зону Суэцкого канала; Англия и Франция — вторгнуться на египетскую территорию и захватить Суэцкий канал.

Соотношение сил было в пользу агрессоров. Для участия в интервенции Англия, Франция и Израиль выделили 229 тыс. солдат и офицеров, 650 самолетов и свыше 160 боевых кораблей, в том числе 6 авианосцев.

Регулярная египетская армия к началу войны насчитывала около 90 тыс. человек, сведенных в 16 пехотных, бронетанковых и артиллерийских бригад. Из 128 самолетов лишь 30 истребителей и 12 бомбардировщиков находилось в состоянии боеготовности. Из 30-тысячной группировки египетских войск, сосредоточенных на Синайском полуострове, только 10 тыс. — регулярные части, остальные — представляли собой ополчение, добровольческую армию.

Войска Израиля по численности превосходили египтян в полтора раза; войска англичан и французов, высадившиеся в районе Порт-Саида, имели более чем пятикратное превосходство над египетскими. Это обусловило военный успех агрессоров: израильские войска к исходу 5–6 ноября (в течение 7 дней) овладели Синайским полуостровом; после этого началось вторжение англо-французских войск, которые, захватив плацдармы, стали готовить наступление на Каир.

Египетское правительство отказалось принять ультиматум Англии и Франции о передаче под их контроль зоны Суэцкого канала. Его воодушевляла поддержка мирового сообщества. Однако решающую роль в пресечении агрессии сыграло официальное заявление Советского Союза от 5 ноября, в котором была однозначно выражена решимость использовать свою военную мощь для восстановления мира на Ближнем Востоке. Следует отметить, что государства-агрессоры были хорошо информированы о наличии у СССР и ядерного оружия, и средств его доставки (для данного конфликта это самолеты Ту-4, аналогичные американским В-29, и баллистические ракеты, причем дальность действия как самолетов, так и ракет заведомо охватывала территории агрессоров). Отрезвляла пережитая трагедия Хиросимы и Нагасаки, подвергшихся атомной бомбардировке американцами. Не оставляла сомнений и готовность советского военно-политического руководства перейти от слов к действиям.

В результате этого заявления 7 ноября военные действия были прекращены, а к 22 декабря 1956 года Англия и Франция, к 8 марта 1957 года — Израиль вывели войска с захвачен-

ных территорий. Вдоль демаркационной линии перемирия на территории Египта с согласия его правительства были размещены вооруженные силы ООН.

С точки зрения военной эффективности достижение успеха в агрессии обеспечивалось внезапным развязыванием военных действий на сухопутной части ТВД превосходящими силами армии Израиля и последующим вторжением крупных сил Англии и Франции на территорию Египта.

Миротворческий опыт пополнился недвусмысленным примером: если бы Советский Союз не предпринял решительных мер по прекращению агрессии, Египту вряд ли удалось отразить нападение в одиночку. В то же время было бы совершенно неправильно объяснять положительный исход исключительно демонстрацией военной угрозы Советским Союзом. Немаловажную роль здесь сыграли дружеские арабские государства, прогрессивные народы всего мира, конструктивная позиция ООН.

Ярким примером реализации принципов стратегического ядерного сдерживания является **Карибский кризис 1962 года**.

Ему предшествовало вначале постепенное, а потом резкое обострение международной военно-политической обстановки.

Начало процессу было положено США, которые разместили на территории Турции баллистические ракеты средней дальности, оснащенные ядерными боеголовками. Это означало резкое изменение так называемого подлетного времени, в течение которого может быть нанесен внезапный удар, что лишало советское руководство возможности оперативного принятия решения на ответные действия.

Мотив правительства США был очевиден: оно с тревогой относилось к проникновению социализма на американский континент. В это время правительство Кубы приступило к преобразованиям в своей экономике, что негативно отразилось на интересах американских монополий. США организовали военную и экономическую блокаду Кубы и ряд военных провокаций с постоянным нарушением границ этого государства. Ввиду усиливающейся угрозы прямой интервенции кубинское правительство обратилось к правительству СССР с просьбой оказать помощь в укреплении обороноспособности страны.

Для решения этих проблем — восстановления военно-стратегического паритета с США (по возможности нанесения

ракетно-ядерных ударов) и обеспечения обороноспособности Кубы — СССР заключил с кубинским правительством соглашение о размещении на острове ракетного оружия. Никакие нормы международного права при этом не нарушались, но вся подготовка велась скрытно. С помощью средств воздушной разведки противной стороне удалось обнаружить секретные приготовления.

В сентябре 1962 года сенат США предоставил президенту полномочия на мобилизацию в армию 150 тыс. резервистов. Для нападения на Кубу намечалось использовать до 100 тыс. американских солдат и офицеров. В Карибское море к кубинским берегам были направлены крупные соединения американских ВМС (свыше 180 кораблей, 85 тыс. человек). Была установлена морская блокада острова. В воздухе несли постоянное боевое дежурство самолеты стратегической авиации США (около 20% от общей численности).

В боевую готовность были приведены также американские войска в Европе, 6-й и 7-й американские флоты. Такие действия США привели в октябре 1962 года к возникновению острого международного кризиса, угрожавшего перерасти в мировую ядерную войну.

Действия СССР прежде всего были направлены на парирование угрозы суверенитету Кубы, на воспреещение вторжения на остров. Кроме того, были проведены подготовительные действия военного характера: как стратегических сил, так и оперативно-тактических, в частности в Группе советских войск в Германии.

Одновременно к кризису было привлечено внимание мировой общественности, в частности ООН. При объяснении своих действий США делали акцент на скрытном размещении на Кубе ракетного оружия СССР, и позиция СССР, с самого начала построенная на отрицании очевидных фактов, представлялась невыигрышной.

Можно не останавливаться на деталях подготовки к переговорам, а также процесса осознания высшими руководителями двух сверхдержав меры ответственности перед своими народами и человечеством — это хорошо описано. Важно главное — чувство ответственности оказалось сильнее амбиций. 28 октября 1962 года в Нью-Йорке начались советско-американские переговоры при участии представителей Кубы

и Генерального секретаря ООН, в ходе которых стороны договорились об урегулировании кризиса.

Советский Союз вывез с Кубы ракетное оружие, а 20 ноября 1962 года президент США объявил о снятии морской блокады Кубы. Из Гуантанамо, американской военной базы на территории Кубы, были убраны введенные туда во время кризиса войска, проведена демобилизация резервистов, прекращены проводившиеся во Флориде военные приготовления. США взяли обязательство не нападать на Кубу. Непосредственная угроза вторжения была ликвидирована.

Вскоре были выведены из Турции и американские баллистические ракеты. Тем самым была устранена и эта причина военной напряженности, а высшие руководители ядерных сверхдержав, на деле убедившиеся в необходимости личного участия в уточнении обстановки и принятии стратегических решений, договорились о создании «горячей» линии связи.

Третий показательный пример — **война в зоне Персидского залива 1990–1991 годов**. В этой войне переплелись интересы большого числа государств. Жертва агрессии, Кувейт, был заинтересован в сохранении своего статуса экономически богатого государства, приобщающегося к ценностям развитых стран современного мира, к западным «стандартам» жизни.

Правительство Ирака стремилось к превращению Кувейта в одну из своих провинций и к укреплению своей роли на Ближнем Востоке в качестве ведущей державы не только в военном, но и в экономическом отношении. Правительство Ирака не учло сути политических перемен, происшедших в конце 1980-х годов: оно полагало, что договор о дружбе с СССР застрахует его от вмешательства США и других великих держав, было уверено, что арабский мир также не станет возражать против усиления Ирака.

Действия Ирака против несоизмеримо более слабого в военном отношении Кувейта в начале августа 1990 года с военной точки зрения выглядели вполне успешно. Но они поставили под угрозу экономические (нефть!) и политические интересы многих государств как на Западе, так и на Востоке. Выяснилось также, что в арабском мире нет единства, зато есть поводы для военных конфликтов.

Мирлобивые силы с удовлетворением отнеслись к решению Организации Объединенных Наций восстановить статус-

кво в регионе и ликвидировать результаты агрессии. Уместно вспомнить содержание резолюции Совета Безопасности ООН № 678 от 30 ноября 1990 года. Она, как известно, уполномочила «...государства-члены, сотрудничающие с правительством Кувейта, если Ирак к 15 января 1991 года или до этой даты не выполнит полностью обязательства, указанные в пункте 1 вышеупомянутой резолюции, использовать все необходимые средства, чтобы поддержать и выполнить резолюцию № 660 (1990 г.) Совета Безопасности и все последующие резолюции и восстановить международный мир и безопасность в этом регионе».

Неконкретная формулировка важнейшего пункта резолюции, содержащего рекомендации об «использовании всех необходимых средств», была воспринята некоторыми сторонниками саддамовского режима как своеобразный карт-бланш для стран антииракской коалиции. Они сочли, что в документе сформулированы правовые основания для вооруженного нападения на Ирак, разрушения экономического потенциала страны и ликвидации политического влияния Ирака на арабские страны.

Однако военно-политическая задача заключалась вовсе не в том, чтобы напасть на Ирак. Принципиально важным было однозначно продемонстрировать необратимость возмездия и этим вынудить Ирак освободить Кувейт. Разумеется, достижение стратегической цели глобального масштаба было крайне трудным делом для одной, даже сверхмощной, державы, к тому же удаленной на огромное расстояние от этого региона. Потребовались крупные группировки вооруженных сил, сосредоточение их в короткий срок в районе предстоящих боевых действий, переброска в больших количествах материальных средств, необходимых для ведения войны и всестороннего обеспечения личного состава.

Около 30 государств Европы, Азии и Африки выделили свои войска для контингента многонациональных сил, численность которого к началу военных действий составила 732 тыс. человек, 3673 танка, 1740 боевых самолетов, 147 боевых кораблей. Всего в зоне Персидского залива противостояли друг другу более 2,5 млн военнослужащих.

Отметим, что готовность к силовому решению проблемы в зоне Персидского залива проявилась еще до того, как Совет

Безопасности принял известные резолюции. Подтверждение тому — принятие буквально через несколько часов после нападения Ирака на Кувейт 2 августа 1990 года решения о начале военной операции «Щит пустыни», общее руководство которой взяли на себя Соединенные Штаты. Поскольку ни политическое давление мирового сообщества, ни экономическая блокада Ирака не привели к желаемому результату, 17 января 1991 года после отказа руководства Ирака вывести свои войска с территории оккупированного Кувейта в районе Персидского залива начались военные действия. Известно, что они завершились победой многонациональных сил, поскольку их военно-техническое превосходство и военное мастерство оказались значительно выше. Территория Кувейта была освобождена, его суверенитет полностью восстановлен.

Что же принесла война народу Ирака? В результате военных действий разрушена большая часть промышленных предприятий, коммуникаций, жилищ. Погибло до 120 тыс. иракских солдат, 300 тыс. получили ранения, жертвами войны стало около 15 тыс. мирных жителей, 5 млн потеряли кров и работу, 64 тыс. иракских солдат и офицеров находились в плену. Потери усугублялись негативными экологическими последствиями: на кувейтских нефтяных промыслах пылало более 500 скважин...

Произошло обострение внутривнутриполитической ситуации. Против режима Саддама восстали курды на севере и шииты — на юге. Под их контроль перешло 40% территории страны. Однако вскоре восстание было подавлено. Полтора миллиона курдских беженцев устремились в Турцию и Иран, десятки тысяч из них погибли в пути. Стало очевидным, что курдская проблема приобретает глобальный характер, угрожая полной дестабилизацией региона, серьезно затрагивая интересы Турции (10–12 млн курдов), Ирана (5–6 млн) и Сирии (1 млн). В случае победы в Ираке шиитов и их блокировки с Ираном под лозунгом антиамериканизма и исламской революции создавались неблагоприятные перспективы и для США, а именно угроза их влиянию в этом богатейшем нефтеносном регионе земного шара.

Оценка военного аспекта победы многонациональных сил в зоне Персидского залива дает однозначное понимание того, что разгромить основную группировку вооруженных сил Ира-

ка и республиканскую гвардию им не удалось. Здесь нет цели подвергать сомнению сообщения высокопоставленных официальных лиц Пентагона о том, что многонациональными силами выведены из строя 42 дивизии противника. Однако следует напомнить, что в первом эшелоне группировки вооруженных сил Ирака в Кувейте, о разгроме которых, видимо, идет речь, находились соединения, укомплектованные в основном резервистами.

В целом военная операция по освобождению Кувейта не помогла решить крупные политические проблемы на Ближнем Востоке. Поэтому с прекращением боевых действий в зоне Персидского залива 28 февраля 1991 года страны Запада активизировали усилия по мирному урегулированию ближневосточной проблемы.

Надо отметить, что у каждого государства было свое видение путей достижения мира и стабильности в регионе. Великобритания поддержала предложения группы арабских стран, входивших в антииракскую коалицию, о создании межарабских сил по сохранению мира в регионе. Правда, она не предполагала включать в этот военный контингент свои войска на постоянной основе. Однако англичане не исключали своего участия в развитии вооруженных сил государств Персидского залива путем поставок им оружия и военной техники.

Франция считала, что после окончания войны с Ираком Соединенным Штатам удалось овладеть инициативой в процессе урегулирования ближневосточной проблемы, и выразила намерение поддерживать действия США в этом регионе. Одновременно Франция активно ищет пути улучшения отношений с арабскими странами, обещая им политическую и экономическую поддержку.

В Японии была создана специальная рабочая группа для проведения анализа боевых действий в зоне Персидского залива с целью возможной корректировки планов строительства национальных вооруженных сил.

На протяжении многих лет Бонну удавалось избегать участия в конфликтах на Ближнем Востоке. Но в ходе событий в зоне Персидского залива эта традиция была нарушена. Правительство Германии без колебаний оказывало Соединенным Штатам и их союзникам по антииракской коалиции военную и экономическую помощь: направило в Израиль ракеты

«Пэтриот», предложило финансовую помощь Египту, Иордании и Сирии. Прямому участию войск Германии в войне с Ираком помешало добровольно взятое обязательство, закрепленное в Конституции, не использовать вооруженные силы за пределами территории НАТО, даже по мандату ООН.

Сирийское правительство высказывалось за созыв конференции по Ближнему Востоку, за нормализацию двусторонних отношений с Израилем при условии возвращения Голанских высот и вывода израильских войск из южных районов Ливана. При этом сирийцы выразили готовность совместно с ливанской армией освободить юг Ливана от вооруженных отрядов палестинских и экстремистских мусульманских организаций, гарантировав Израилю безопасность его северных границ. В то же время руководство САР прямо заявило, что без проведения международной конференции по Ближнему Востоку урегулировать арабо-израильские противоречия не представляется возможным. Сирия согласилась с предложениями президента США о созыве региональной мирной конференции по ближневосточным проблемам под председательством США и СССР и при участии ООН.

В Саудовской Аравии и других арабских государствах региона высказывались опасения, что на волне хаоса и анархии к власти в Ираке может прийти правительство проиранского толка. Поэтому было признано целесообразным содействовать ослаблению как правительства Ирака, так и антисаддамовских группировок проиранской ориентации.

Главы государств Магриба подтвердили свое намерение продолжать оказывать поддержку палестинскому восстанию на оккупированных Израилем арабских землях под руководством ООП.

Израиль под различными предлогами возражал против участия ООН в ближневосточной мирной конференции, а также был против и периодического возобновления такой конференции. Он добивался, чтобы после первого пленарного заседания конференции ее работа приняла форму прямых переговоров между участниками конфликта. Фактически Израиль отверг компромиссные предложения США. Однако приветствовал согласие Сирии с американскими предложениями.

Соединенные Штаты Америки в связи с завершением войны против Ирака уточнили планы поставок оружия и военной

техники бывшим союзникам по антииракской коалиции в регионе Ближнего Востока. Одновременно согласовали вопросы, связанные с военным присутствием в регионе. Видимо, президент США и его администрация сочли приоритетными проблемы мирного урегулирования ближневосточной проблемы и созыва мирной конференции, предложив делегировать на конференцию представительство ООН и проводить ее под председательством США и СССР. Общие заседания на конференции было решено проводить через каждые полгода — для подведения итогов двусторонних переговоров. Активные усилия США по решению данной проблемы осуществлялись параллельно с действиями, направленными на стабилизацию политической обстановки в Ираке, крайне осложнившейся в связи с неудавшимся восстанием курдов и шиитов, необходимостью их защиты, выводом войск союзников с территории Ирака, а также с принятием реальных мер, направленных на выполнение Ираком требований ООН о ликвидации ядерного потенциала, изъятии и обезвреживании под международным контролем химического и бактериологического оружия, всех относящихся к ним подсистем и компонентов, обслуживающих и научно-производственных объектов.

Таким образом, война в зоне Персидского залива оставила сложные социально-политические проблемы и не полностью устранила те причины, которые обусловили агрессию против Кувейта. Это служит еще одним аргументом в пользу утверждения: альтернативы мирному решению проблем международных отношений нет.

Результаты войны заставили мировое сообщество извлечь уроки на будущее, повысить ответственность политических руководителей и правительств за благополучие и судьбы народов. Анализ итогов данного конфликта располагает к серьезным выводам.

Во-первых, блокирование мирных инициатив Советского Союза, направленных на предотвращение военной акции против Ирака, было ошибочным и недальновидным. Известно, что президент СССР М. С. Горбачев обращался к президенту США с предложением путем прямых контактов с Саддамом Хусейном добиться вывода иракских войск из Кувейта, но не нашел должного понимания.

Во-вторых, для прекращения уже разгоревшегося конфликта целесообразно использовать любые возможности. В данном случае имелись все предпосылки. В результате советско-иракских контактов в Багдаде открывалась перспектива перевода конфликта на путь политического урегулирования, что способствовало бы уменьшению человеческих жертв и разрушений. Однако и в этом случае не было проявлено стремления использовать появившийся шанс: согласие Ирака получено 22 февраля, а прекращение огня вступило в силу окончательно лишь в апреле.

Между тем история свидетельствует, что во второй половине XX века вполне реальным и наиболее сильным оказывалось именно ядерное сдерживание, поскольку в нем задействованы все перечисленные нами психологические мотивы сдерживания.

В войнах с применением только обычного оружия до последнего времени мотивы сдерживания проявлялись более слабо. Это одна из причин продолжения этих войн, хотя эффективность сдерживания заметно возрастает и, надеемся, вскоре станет столь же значительной, как при ядерном сдерживании.

В итоге следует остановиться на общих выводах, сделанных на основе анализа данных о всех войнах и военных конфликтах, происходивших после 1945 года. Многие из них сформулированы известным военным специалистом И. С. Лютовым в 10-томнике «Военной истории России».

Ни в одном из почти 200 исследованных кризисных случаев не удавалось предотвратить военный конфликт вмешательством мировых общественных сил, если заблаговременно не были вскрыты экономические и политические причины создававшегося напряжения, сущность противоречий сторон, не сделаны шаги по привлечению внимания военно-политического руководства стран — участниц конфликта и мировой общественности к опасному развитию событий, не создавались механизмы предотвращения.

Очень часто конфликт переходил в военную фазу только потому, что было упущено время для мирного урегулирования проблемы. Об опасности военного конфликта политики начинали говорить слишком поздно, когда кровопролитие состоялось, нанесены разрушительные удары по экономике, нет пу-

ти к восстановлению минимального доверия друг к другу. Ра- зумеется, в такой ситуации говорить о каких-либо превентив- ных мерах практически нет смысла, и запоздавшие миротвор- ческие усилия оказываются малоэффективными, уже не отвечают требованиям сложившейся ситуации, не обеспечи- вают установления подлинного компромисса с соблюдением национальных интересов сторон. С другой стороны, в исто- рии современного общества есть немало примеров, когда ост- рые политические проблемы между суверенными государст- вами решались путем предварительных переговоров, поиском компромиссов, демонстрацией готовности к взаимным уступ- кам с тем, чтобы избежать силового решения.

В ответ на военную угрозу все государства, ощущавшие се- бя потенциальными жертвами агрессии, стремились (и зачас- тую им это удавалось) использовать не только собственную военную и экономическую мощь, но и мобилизовать потен- циал военно-политических, деловых и иных связей с государ- ствами-соседями и союзниками.

Реальная сила военных коалиций редко была идентичной сумме потенциалов ее участников, поскольку интересы союз- ников совпадали не в полной мере. Эту закономерность заме- тил еще Клаузевиц, который писал: «...Мы никогда не встре- тимся с таким случаем, чтобы одно государство, выступающее в интересах другого, относилось к ним столь же серьезно, как к своим собственным. В европейской политике давно вошло в обычай, что, заключая оборонительные и наступательные со- юзы, государства взаимно обязуются оказывать друг другу под- держку. При этом, однако, вражда и интересы одного союзника не становятся обязательными для другого; поддержка состояла лишь в том, что государства, не обращая внимания ни на объ- ект войны, ни на усилия противника, обещают друг другу в по- мощь определенную, обычно умеренную, военную силу».

Все большее значение в современном мире приобретает общественное мнение. Изменившийся мир отторгает милита- ризм как идеологию и как форму существования. Ограниче- ние политических возможностей применения военной силы становится объективной закономерностью. Но ограничение вооружений само по себе не уничтожает всеисилие силы, если остается милитаризм в сознании. На него работают «механиз- мы агрессии» — против него «механизмы сдерживания». Мож-

но декларировать, что человечество должно преодолеть милитаризм в сознании, расстаться с догматами силы, добиться всеобщего признания приоритета разумной политики над военно-силовыми началами. Но достигнуть объявленных целей только декларациями невозможно.

И наконец, один из важнейших выводов: накопление все большего количества оружия не страхует его обладателя от военных угроз и негативных в военном отношении последствий. **Гонка вооружений**, даже ограниченная, даже находящаяся под контролем за распространением вооружений, сама по себе **чревата войной, но может послужить и ее предотвращению. История показывает, что все зависит от здравого смысла и общей культуры народов и их правителей, а также от мирового сообщества и международных организаций.**

Известные последние события в Югославии, США и Афганистане лишний раз продемонстрировали, что перечень политических, экономических, а главное, гуманитарных проблем, связанных с военным делом, далеко не исчерпан. Выходит, рано убирать знак вопроса в конце фразы «Никто не забыт и ничто не забыто?». Уроки истории усваиваются пока без энтузиазма.

Как отмечалось выше, принципиально новой в начале XXI века оказалась ситуация с применением военной силы в ее классическом понимании, когда ведущие в военном отношении мировые державы — США и Россия — оказались незащищенными от мощных актов терроризма. Они поставили под сомнение саму стратегию обеспечения национальной и международной безопасности силами и средствами, доминировавшими в мире во второй половине XX века.

3.3. Современные военные опасности, риски и угрозы

Сегодня Россия переживает не лучшие времена своей истории. Многие сферы общественной жизни поражены тяжелым кризисом, что порождает значительные смещения в приоритетах и ценностных ориентациях общественного со-

знания. Каждый день большинство людей в России решают проблемы не только жизни, но выживания. Возможная безработица, низкий материальный уровень, отсутствие ясной, позитивной перспективы — эти проблемы часто заслоняют от россиянина мысль о возможности военной угрозы и внешней агрессии. В генетической памяти народа война осталась самым страшным бедствием. Но одним из психологических эффектов кризисного сознания является притупление восприятия проблем глобальных в пользу проблем сиюминутного выживания.

Война, кроме того, стала фактом культуры и, растиражированная средствами массовой информации, уже органично вплетается в ткань повседневности. В кризисном восприятии человека меняются ее смысловые характеристики: война связывается не только с потерей близких и реальными бедствиями, она начинает рассматривать как способ наживы и ухода от проблем. В обществе сформировался целый пласт потенциальных рекрутов, психологически готовых к войне. Это те, кто прошел через горнило боевых действий в Афганистане, Таджикистане, Чечне, Косово и других регионах планеты и сделали войну своей профессией. Это те представители «нового потерянного поколения», которые предпочтут реализоваться в войне, чем прозябать в нищете и бесперспективности повседневной жизни.

Между тем война, подобно раковой опухоли, расползается по миру, подбирается к каждому дому. Войны совершенствуются, расширяется арсенал боевых средств, задействованных в конфликтах, — от стрелкового оружия, включая всемирно известный автомат Калашникова, до самых современных средств поражения — управляемых крылатых ракет, использующих интеллектуальные системы управления и наведения, целеуказания от спутников, комплексы радиоэлектронной борьбы и др. Тысячи людей потеряли родных в горячих точках, сотни людей испытали на себе все превратности плена, захваченные бандитами с целью получения выкупа или обмена на других лиц, в основном чеченцев, отбывающих сроки наказания в учреждениях пенитенциарной системы Российской Федерации. Чеченский конфликт держит в напряжении уже не только жителей приграничных с Чечней территорий. Появились первые случаи захвата заложников в других реги-

онах России. Не чувствуют себя в безопасности и жители центральных областей РФ, особенно после взрывов многоэтажных жилых домов в Москве, Волгодонске, Каспийске и других городах России, повлекших многочисленные жертвы среди населения. Как расценивать отсутствие безопасности в этом случае — как военную или криминальную опасность? В определении характера войны в Чечне нет ясности: можно считать ее гражданской (внутрироссийской), можно — межгосударственной (между Россией и Ичкерией), и тогда это военная опасность. Российское руководство оценило действия чеченцев в Буденновске, Первомайском как бандитские вылазки, а такого рода угрозы относят к криминальным. Есть немалый разброс в мнениях и оценках характера военной опасности.

С позиций целостности России названные опасности можно отнести к разряду внутренних. Сегодня уровень реальности таких опасностей для россиян необычайно высок. На этом фоне внешняя угроза кажется не столь актуальной. В обществе принято думать, что вероятность развязывания крупномасштабной войны или войны с применением ядерного оружия сегодня значительно меньше, чем во времена СССР. Однако ни трактовка, ни условия обеспечения внешней военной безопасности России не изменились.

Переход к анализу внешних военных угроз России, состояния и перспектив международных отношений России с другими странами, возможных мер по снижению степени военной опасности в случае возникновения реальных угроз (рисков) втягивания РФ в крупный вооруженный конфликт, в целях оптимизации восприятия информации необходимо предварить рассмотрением некоторых формализованных представлений о военной опасности и безопасности, а также связанных с ними понятий. При анализе и прогнозировании развития международных отношений, выявлении возможных очагов напряженности и при разработке рекомендаций по рациональным мерам политического, экономического и военного характера, направленным на снижение военной угрозы как в отдельных регионах, так и во всем мире специалистами используются определенный понятийный аппарат, формализация межгосударственных отношений, различного рода модели и методики. Для указанных целей существуют и продол-

жают создаваться модели различного типа, однако из-за большого количества факторов, оказывающих влияние на характер и развитие межгосударственных отношений, формализация их затруднена. Основными методами, используемыми для анализа, оценки и прогнозирования военно-политических ситуаций, по-прежнему остаются логико-эвристические и экспертные.

В области основных понятий одним из ключевых является термин *«международные отношения»*. По одному из определений международные отношения — это совокупность экономических, политических, идеологических, правовых, дипломатических, военных связей и взаимоотношений между народами, между государствами, системами государств, между основными социальными, экономическими и политическими силами и организациями, действующими на мировой арене. Данное определение можно принять за основу, однако сколько людей — столько и мнений. Различные специалисты могут дополнить его, расширив диапазон отношений между людьми, включив в определение культурные, религиозные, этнические различия.

Государства — непосредственные участники международных отношений. Они играют ведущую, активную роль, создают правовые рамки, определяют (в основном) направления и характер взаимоотношений всех участников внешнеполитических, внешнеэкономических процессов и во многом определяют условия развития всех форм негосударственных отношений. Поэтому основу международных отношений составляют *«межгосударственные отношения»* (МГО). Основные характеристики МГО — их состояние и динамика развития. Состояние МГО может быть отмечено такими качественными характеристиками: *«союзнические»*, *«дружественные»*, *«нейтральные»*, *«напряженные»* отношения, а также состояния *«конфронтации»*, *«конфликта»*, *«войны»*. Для характеристики изменения состояния МГО (динамики) есть два определения — стабильные или нестабильные.

Под **международной (межгосударственной) стабильностью** принято понимать такое состояние МГО, которое характеризуется практической неизменностью на определенном временном интервале степени военной опасности. Межгосударственная стабильность или нестабильность может прояв-

ляться во всех видах (или типах) отношений — экономических, политических, военных и т. п. **Стабильность** военных отношений называют **стратегической**. Стабильность может обеспечиваться либо за счет динамического баланса стабилизирующих и дестабилизирующих факторов, либо за счет устойчивости состояния МГО к воздействию изменяющихся — в определенных параметрах — дестабилизирующих факторов.

Межгосударственные отношения, как и их стабильность, могут различаться по их территориальной масштабности: глобальные, региональные (субрегиональные), коалиционные (групповые) и двусторонние. По другим признакам, которые должны учитываться при оценке стабильности, МГО могут быть классифицированы как отношения сотрудничества, соперничества, войны и мира, отношения господства и подчинения, отношения равноправные и неравноправные, временные и длительные и т. п.

Для характеристики межгосударственных отношений существует и такое понятие, как *международная безопасность*, то есть такое состояние системы международных отношений, при котором исключается (ограничивается) возможность взаимных посягательств на интересы, территориальную целостность, независимость и суверенитет государств, обеспечивается их мирное сосуществование, существенно снижается или полностью устраняется вероятность межгосударственных (коалиционных) военных столкновений, а также непреднамеренных или преднамеренных катастроф.

Международная безопасность может быть глобальной (всеобщей) или региональной (обособленной). *Региональная безопасность* в качестве составной части международной безопасности подразумевает такое состояние отношений государств региона между собой и с государствами других регионов мира, при котором их существованию и независимому развитию (суверенитету) не угрожает военная или какая-либо иная опасность. Соответственно различают европейскую, азиатско-тихоокеанскую, ближневосточную, африканскую, центрально-американскую и южно-американскую безопасность.

Международная (региональная) безопасность реализуется через международную (региональную) систему безопасности,

представляющую собой совокупность норм международного права и созданных на их основе органов, институтов и механизмов взаимодействия с целью обеспечения безопасности двух или более стран. Аналогично можно определить, используя принцип иерархии, безопасность государства и его систему безопасности.

Приведенные выше определения, понятия и их классификация носят условный характер и говорят о многоаспектности МГО. Необходимо отметить, что состояние МГО определяется многими объективными и субъективными факторами как быстро меняющимися, так и инерционными, потому оценивать их следует применительно к конкретной ситуации. При исследовании МГО главное — объективная оценка состояния отношений и определение причин (факторов), направленных на стабилизацию или дестабилизацию этих отношений. Для решения этой задачи следует тщательно проанализировать потребности, интересы и цели субъектов государства и участников межгосударственных отношений.

Для такой сложной системы, как международные отношения, в перечень факторов в принципе может быть включено неоправданно большое количество свойств, характеристик, параметров, элементов и т. п. В ряде научных работ, посвященных исследованию МГО, рассматривается до 600–700 факторов, сгруппированных в несколько десятков классов. К основным классам и группам факторов, оказывающим влияние на стабильность МГО, относятся территориальные, демографические, экономические, социальные, научно-технические, экологические, национальные, военные, дипломатические, правовые, идеологические, религиозные и некоторые другие. Характер действия факторов зависит от конкретной ситуации: они могут оказывать стабилизирующее и дестабилизирующее влияние. Например, экономические блокады, ограничения в торговле и тому подобные действия, предпринятые в отношении государства, создающего угрозу международной безопасности в регионе, могут послужить мощным стабилизирующим средством, точнее средством, способствующим снижению степени военной опасности. В иных же условиях экономические санкции сами по себе могут стать причиной политического или даже военного конфликта.

Необходимо сделать замечание относительно терминов «стабилизирующий», «дестабилизирующий», «стабильный», «нестабильный» применительно к факторам, состояниям МГО. Существует некоторое противоречие, неоднозначность в понимании этих терминов с точки зрения науки и в их обиходном толковании. Обычно использование терминов «стабилизирующие факторы» и «стабильность» предполагает, что речь идет о тенденции снижения международной напряженности и, следовательно, повышении безопасности. Специалисты же связывают термин «стабильность» с практической неизменностью параметров каких-либо процессов и состояний в течение некоторого периода времени. При такой трактовке стабильными могут быть длительно враждебные отношения государств (например, Китая и Тайваня), а факторы, способствующие сохранению таких отношений на прежнем уровне, будут называться с научной точки зрения стабилизирующими. Хотя в общепринятом смысле их следует интерпретировать как дестабилизирующие. Точно так же постоянно дружеские отношения между двумя и более государствами следует определять как стабильные, подобно факторам, способствующим поддержанию в течение некоторого времени таких отношений. Аналогичные определения можно дать применительно к нестабильности МГО и дестабилизирующим факторам. Так, факторы, направленные на дестабилизацию недружественных МГО в сторону их улучшения, то есть снижения вероятности военной опасности, следует отнести к положительным дестабилизирующим факторам. Те же факторы, способствующие ухудшению враждебных МГО, повышению вероятности возникновения военного конфликта, следует отнести к дестабилизирующим как с научной точки зрения, так и с обиходной. Чтобы избежать разночтений, договоримся в дальнейшем под стабилизирующими факторами понимать такие из них, которые направлены на снижение военной опасности (угрозы). А факторы, способствующие ухудшению МГО, повышению вероятности возникновения вооруженного конфликта между государствами, будем называть дестабилизирующими.

Таким образом, факторы, определяющие противоречия, притязания, противостояние, конфронтацию, несовпадение интересов, действия в ущерб другим, идеологическое давление обычно являются дестабилизирующими, а факто-

ры, содействующие сотрудничеству, взаимопониманию, информированности, как правило, стабилизируют межгосударственные отношения.

Из всех возможных состояний МГО, которые были определены выше, обратимся к двум основным, предельным: мир и война. Состояние МГО в мирный период времени будем исследовать и оценивать по уровню «удаленности» состояния мирных отношений между государствами от состояния войны. Отношения между государствами в мирный период могут отличаться большим разнообразием: от союзных, федеративных, конфедеративных, дружественных до отношений противостояния, конфронтации, враждебности. Потому необходимо все возможные формы межгосударственных отношений в мирное время проранжировать (в зависимости от степени опасности возникновения войны), а всю совокупность характеристик взаимоотношений государств свести к одной, обобщенной характеристике — степень военной опасности. Союзные, дружественные отношения государств при этом будут характеризоваться значениями военной опасности, близкими к нулю, в то время как для противостоящих, враждебных отношений государств — близкими к единице. Таким образом, степень военной опасности теперь поддается количественной оценке, которая определяется возможностью (вероятностью) возникновения войны в какой-то период времени и изменяется от нуля до единицы.

Для начала рассмотрим введенный показатель степени военной опасности применительно к двум государствам. Поставим задачу оценить степень военной опасности, угрожающей одному государству (назовем его Б) со стороны другого государства (А), иными словами, состояние МГО между этими государствами, и на основании такой оценки с учетом как стабилизирующих, так и дестабилизирующих факторов определить вероятность (возможность) нападения в рассматриваемый период времени государства А на государство Б. Для этого необходимо выявить все существенные факторы, влияющие на МГО этих государств. Однако их число так велико, а влияние настолько многообразно, что на практике не удается использовать формально строгие количественные методы оценок, потому задачи такого типа от-

носятся к числу неформализуемых. Корректным представляется использование специально разработанных групп методик и процедур, объединенных названием «методы экспертных оценок». Экспертные методы исследования как основной инструмент изучения МГО сами по себе имеют много разновидностей.

Допустим, что с помощью одного из них мы сумели оценить вероятность агрессии государства А против государства Б. Понимая под безопасностью отсутствие опасности, степень безопасности государства Б можно определить по простейшим формулам теории вероятности — через найденную вероятность нападения А на Б.

Аналогично можно оценить и вероятность обратной ситуации — государство Б нападет на государство А. Это позволяет вывести значение вероятности возникновения в заданный период времени войны между государствами А и Б.

Подобный метод можно использовать и для определения вероятностей возникновения войны между всеми парами государств, входящих в конкретный регион (мир). С помощью известных математических методов можно получить количественные оценки ряда показателей безопасности в регионе (мире). К ним относятся:

- степень военной безопасности одного государства, определенная как вероятность того, что в рассматриваемый период времени на территории этого государства войны не будет;
- степень оборонной безопасности одного государства, определяемая как вероятность того, что в рассматриваемый период это государство не станет объектом агрессии со стороны других государств региона (мира);
- степень международной безопасности в регионе (мире), определяемая как вероятность того, что в регионе (мире) в рассматриваемый период не будет никаких войн между государствами региона (мира), и др.

Полученным показателям безопасности соответствуют показатели степени военной опасности (угроз).

Продолжая тему формализации и научного определения общепринятых понятий в области военной опасности и угроз, введем в обращение еще ряд обиходных терминов, таких как «стабильность» и «устойчивость». Как уже говорилось, степень военной опасности, а следовательно, и безопасности за-

висит от большого количества факторов, которые можно разделить на стабилизирующие и дестабилизирующие.

Для постоянства значений степени военной опасности (или безопасности) необходимо уравнивание как тех, так и других факторов. Введем еще один термин — **«военно-политическое равновесие»**, под которым будем понимать такое состояние МГО, когда совокупность факторов (сил), потенциально направленных на развязывание войны (дестабилизирующих), уравнивается совокупностью факторов, направленных на ее предотвращение (стабилизирующих), в результате чего сохраняется мир, а степень военной опасности (следовательно, и военной безопасности) остается постоянной. Термин «военно-политическое равновесие» в отличие от «военного» или «военно-стратегического», используется, когда необходимо подчеркнуть зависимость равновесия не только от военных факторов, но и от политических, экономических, дипломатических и др.

В системе МГО, как и в любой системе, равновесие может быть как устойчивым, так и неустойчивым. **Военно-политическую устойчивость** определим как особое свойство отношений между государствами, при котором изменение в некоторых пределах уровней (значений) показателей отдельных факторов, характеризующих эти отношения, либо не меняет сущности отношений, либо их изменение приводит к изменению других, связанных с ним факторов, компенсирующих изменение предшествующего состояния таким образом, что степень военной опасности остается практически на прежнем уровне. Диапазон изменения характеристик указанных факторов, при котором степень военной опасности остается постоянной, определяется как область устойчивости.

Одно из самых сложных понятий — «благоприятный (неблагоприятный) исход». Для его понимания введем еще один термин — показатель: **«военно-политическая мощь»** государства.

В отличие от общепринятых понятий «военная мощь», «военно-экономический потенциал» комплексный показатель «военно-политическая мощь» характеризует все материальные и нематериальные возможности отдельного государства. Это могут быть, например, абсолютные значения численности населения, валового национального продукта, общих военных расходов, производства отдельных видов продукции, чис-

ленности вооруженных сил и т. д. Однако для оценки степени военной опасности иногда более важны соотносительные военно-политические характеристики сравниваемых государств, определяющие степень превосходства одного из них над другим. При этом соотношение военно-политической мощи можно оценивать либо покомпонентно, полагая военно-политическую мощь вектором, либо по некоторому обобщенному скалярному показателю.

Понятие «военно-политическая мощь» может облегчить специалисту-эксперту оценку вероятности благоприятного исхода войны для государства-агрессора А: изменение показателей военно-политической мощи в результате войны сравнительно с довоенными либо изменение соотношения показателей военно-политической мощи государства-агрессора А и противостоящего государства — жертвы агрессии Б. Эксперты по результатам моделирования войны могут определить, насколько благоприятны с точки зрения реализации национальных интересов государства-агрессора возможные исходы войны, и с учетом этого оценить целесообразность, а следовательно, и вероятность нападения государства А на государство Б.

На формирование внешнеполитических устремлений государств, которые часто являются мотивацией различных акций, проявлений напряженности, конфликтов, кризисов, как уже не раз говорилось, оказывают существенное влияние факторы разной природы, структуры и содержания. Чтобы понять механизм возникновения военных опасностей и перерастания их в военные угрозы, необходимо провести анализ основных факторов.

На *рис. 3.1* дана примерная структура классификации факторов. Разумеется, перечень факторов здесь далеко не полон, а классификация — достаточно условна. Однако даже в таком виде схема дает представление о сложности и взаимозависимости различных факторов и их влиянии на состояние и динамику МГО. Ниже рассмотрен пример описания некоторых из них. Так, одним из факторов, влияющих на состояние МГО, является современное состояние военно-политических коалиций в мире.

В настоящее время помимо ООН в мире действует около 65 международных политических, экономических, военных и общественных организаций. Наиболее влиятельны в миро-

вом сообществе следующие военно-политические международные организации.

В Европе:

Организация Североатлантического договора (НАТО) создана по инициативе США в 1949 году. В настоящее время в состав НАТО входят (с учетом Польши, Венгрии и Чехии) 19 государств: США, Великобритания, Франция, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Канада, Италия, Португалия, Норвегия, Дания, Исландия, Греция, Турция, ФРГ, Испания. Однако Франция (в 1966 году) и Греция (в 1974-м) вышли из военной организации НАТО, но остаются в составе ее политической организации, а Испания сразу при вступлении в НАТО ограничилась участием только в политической организации. На территории Франции нет военных баз и вооруженных сил НАТО, однако она активно участвует в работе Комитета военного планирования и в Группе ядерного планирования НАТО, а также в учениях, проводимых ОВС НАТО. На территориях Греции и Испании на основе двусторонних соглашений размещены военные базы США. Авиация, осуществлявшая бомбардировки иракских объектов, взлетала с турецких аэродромов.

Штаб-квартира НАТО — г. Брюссель, Бельгия.

Западно-Европейский союз (ЗЕС) основан в 1955 году и тесно связан с НАТО, поскольку члены ЗЕС (Великобритания, Франция, ФРГ, Италия, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Испания, Португалия) являются одновременно членами НАТО.

Место пребывания руководящих органов ЗЕС — г. Париж, Франция.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР):

АНЗЮС (аббревиатура из первых букв названий государств) действует с 1952 года на основании Договора о безопасности, подписанного Австралией, Новой Зеландией и США; предусматривает «координацию по коллективной обороне».

АЗПАК (Азиатско-Тихоокеанский совет) создан в 1966 году Австралией, Новой Зеландией, Таиландом, Филиппинами, Южной Кореей и Тайванем. Хотя ни одна из стран НАТО формально в АЗПАК не входит, однако в учениях ВС блока (проводились регулярно два раза в год) активное участие принимали ВС США, Великобритании, Японии, Канады и Малайзии;

АСЕАН (Ассоциация государств Юго-Восточной Азии) образована в 1967 году в составе Индонезии, Малайзии, Сингапура, Таиланда и Филиппин. В 1984 году к ним присоединился Бруней;

АНЗЮК — блок известен так же, как и «пятистороннее соглашение об обороне», создан в 1971 году. Члены: Великобритания, Австралия, Новая Зеландия, Малайзия и Сингапур.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе на основе двусторонних соглашений и договоров на территориях Японии, Южной Кореи, Пакистана расположены военные базы США.

В зоне Персидского залива:

Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) образован в 1981 году с целью координации действий и интеграции стран — членов Совета, укрепления связей и сотрудничества в таких областях, как экономика, политика, безопасность, культура, образование. Члены ССАГПЗ: Бахрейн, Катар, Кувейт, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия. Созданы объединенные вооруженные силы «Щит полуострова» (10 тыс. человек), разработана оборонная стратегия. На основе двусторонних соглашений в Саудовской Аравии размещены военные базы США.

Штаб-квартира ССАГПЗ находится в г. Эр-Риад, Саудовская Аравия.

На американском континенте:

Организация американских государств (ОАГ) — основана в 1948 году в составе США, Канады и 31 латиноамериканского государства. С 1971 года в качестве наблюдателей аккредитованы Бельгия, Гайана, Израиль, Испания, Италия, Нидерланды, Пакистан, Финляндия, Франция, ФРГ, Швеция, Япония. Для содействия в вопросах военного сотрудничества создан Консультативный комитет обороны (местонахождение — г. Вашингтон, США).

Если взглянуть на карту, то можно констатировать, что Россия и ее союзники по СНГ находятся как бы в кольце военно-политических организаций и государств, с ними связанных. НАТО тесно сотрудничает с союзами и блоками АТР, в двух из них (АНЗЮС и АНЗЮК) непосредственными участниками являются США и Великобритания, в трех блоках (АЗПАК, АНЗЮС и АНЗЮК) участвует и является связующим звеном Австралия, в двух (АЗПАК и АСЕАН) — Филип-

пины и Таиланд. К тому же и США, и Великобритания принимают активное участие во всех военных учениях блоков Азиатско-Тихоокеанского региона. В ССАГПЗ ни одна из стран — членов других военных блоков и союзов не входит, однако в Саудовской Аравии имеются военные базы США, развернутые там в соответствии с двусторонним соглашением. Поэтому можно утверждать, что в большинстве региональных военно-политических союзов так или иначе присутствуют США. В Европе НАТО, где США играют основную роль, можно рассматривать как главную силу, представляющую западноевропейские (а теперь и частично восточноевропейские) государства на международной военно-политической арене.

Из этого следует, что перспективы военно-политического положения России в большинстве регионов мира будут во многом определяться состоянием ее отношений с США. Там, где наши внешнеполитические интересы будут совпадать, можно ожидать конструктивной работы по поддержке мира и международного сотрудничества. И напротив, там, где США будут игнорировать интересы России, возможно возникновение напряженности в межгосударственных отношениях с вероятным перерастанием в вооруженные конфликты.

С учетом сказанного следует вернуться к анализу внешних угроз России. Для этого необходимо провести оценку и прогноз военно-политической обстановки в мире с учетом тех факторов, о которых упоминалось выше. Существует достаточно много материалов, посвященных этой теме: официальные документы — например, в Концепции национальной безопасности Российской Федерации; публикации в изданиях разной степени солидности, независимости и информированности. Ввиду большого количества факторов, влияющих на военно-политическую обстановку, а также понятного субъективизма авторов, оценки ситуации носят порой сиюминутный характер и не отличаются аргументированностью. Общая оценка внешних угроз России в различных источниках разнится — от утверждения, что у России в настоящее время нет врагов (в официальных документах), до ощущения, будто современное положение нашей страны и международная обстановка сравнимы с временем накануне Первой мировой войны. Однако практически все аналитики едино-

Рисунок 3.1

Схема классификации факторов, характеризующих отношения между государствами

душны в оценке общей тенденции к изменению ситуации в мире после распада СССР. Они также сходятся во мнении, что после окончания холодной войны структура международных отношений в мире принципиально изменилась, и не в пользу России.

Прекратилось биполярное противостояние двух сверхдержав, определявшее в течение всего послевоенного времени стратегический баланс сил в мире и создававшее довольно устойчивую систему международных отношений. Стратегический паритет, который базировался на силе, обеспечивал мировую стабильность и безопасность от возникновения мировых войн (как ядерных, так и безъядерных). После крушения биполярной системы наблюдается процесс формирования новой устойчивой системы международных отношений, которая скорее всего будет многополярной. Этот процесс как всякий переходный период характеризуется кризисными ситуациями — резко возрастает число региональных, локальных войн и вооруженных конфликтов. Такие войны и конфликты обусловлены экономическими, территориальными, этническими, конфессиональными и другими противоречиями между государствами, а также различными группами людей внутри государств.

В мире сейчас происходит своеобразная переоценка ценностей, формирование новых глобальных и региональных центров силы (экономических, военных, политических), которые в будущем, возможно, смогут бросить вызов единственной пока сверхдержаве, претендующей на лидерство в мире. Наблюдая сегодня за международными акциями США в Ираке, Афганистане, Югославии, можно сказать, что военные действия «мирового лидера» создают реальную угрозу миру. Монополярная система международных отношений, к которой стремятся США, не может быть рациональной и, следовательно, устойчивой по определению, так как в отсутствие оппонентов лидеру не возникает подкрепленных силой (военной, экономической, политической) альтернативных решений международных проблем.

Локальные войны и вооруженные конфликты, как происходящие в настоящее время, так и ожидающие своего исхода, представляют угрозу миру и безопасности России в тех случаях, когда имеется вероятность «втягивания» ее на той или

иной стороне. Проведем краткий анализ возможных угроз России по регионам вдоль ее границ.

На Западе интересы России, занимающей центральное место на евразийском континенте, объективно не могут полностью совпадать с интересами некоторых государств, и прежде всего США, с их открыто декларируемыми глобальными экономическими, политическими и военно-стратегическими устремлениями, имеющими целью закрепить свое лидирующее положение в мире, не допустить восстановления политической и военной мощи России, роста ее влияния в странах СНГ, Европе и в других регионах мира.

В системе обеспечения своих национальных интересов США традиционно отводят важное место военно-силовому методу. Нет гарантии того, что он не будет применен против России и ее союзников. Подтверждением тому служат события в Югославии. В аналитических центрах США прорабатывались планы и сценарии ввода на территорию России вооруженных сил НАТО под эгидой международных организаций — для охраны ядерных и других ключевых, но потенциально опасных объектов под предлогом «международного контроля» за ними в условиях нестабильности в стране и ее вооруженных силах.

Другие возможные причины для обострения обстановки в Европе — территориальные. В Польше имеются силы, которые могут «обосновать» территориальные претензии к Беларуси (на часть Гродненской, Брестской и Минской областей) и к Украине (на часть Львовской и Волынской областей). Кроме того, к Украине возможны территориальные претензии со стороны отдельных кругов в Словакии (на территорию так называемой Подкарпатской Руси), со стороны Венгрии (на районы компактного проживания венгров в Закарпатской области — Мукачевский, Береговский, Виноградовский), со стороны Румынии (на Бессарабию, Северную Буковину, округа Герца, Хотин и остров Змеиный). Несмотря на подписание и ратификацию большого Договора между Россией и Украиной, немалое число россиян продолжает считать несправедливой передачу Крыма и Севастополя Украине.

Обострение названных территориальных противоречий может привести к острому конфликту между этими государст-

вами и вовлечь в него Россию (даже без учета проблемы Крыма и Севастополя).

Кроме этого при определенных условиях может возникнуть конфликт между Россией и Финляндией из-за части Карелии; между Россией и Норвегией — из-за проблемы разграничения континентального шельфа в Баренцевом море.

Не в полной мере разрешены проблемы наших западных границ со странами Балтии. Не исключено, что после укрепления экономических позиций в Калининградской области Германия может предъявить на нее территориальные претензии.

Перечисленные и некоторые другие территориальные проблемы являются для России источником военной опасности, которая при определенных условиях может перерасти в военную угрозу.

На Юре национально-государственные интересы России вступают в явное противоречие с турецкими. Турция пытается распространить свое влияние на зону жизненно важных интересов нашего государства, предпринимая ряд шагов экономического, политического и другого характера, для втягивания некоторых тюркоязычных республик бывшего СССР в зону своего влияния. Например, стремясь оторвать Азербайджан от России, Турция пыталась нарушить традиционную схему поставки оттуда нефти по российским нефтепроводам и далее по Черному морю в европейские порты, ограничить проход нефтеналивных судов через Босфорский пролив. Известно, что усилиями Турции, а также других стран нефтяного консорциума решено тянуть новую ветку нефтепровода в обход России, хотя это экономически менее выгодно.

Но не только нефть Каспия представляет для России интерес в Кавказском регионе. Здесь проходят пути с Запада на Дальний Восток, а также длинная, проницаемая и уязвимая граница с соперником — тюрко-иранским мусульманским миром. Бывшие советские республики Азербайджан и Грузия строят совместные планы по добыче и транспортировке нефти и газа из Казахстана и Туркмении, хлопка — из Узбекистана, к ним собирается присоединиться и Украина. Такие региональные объединения могут оформиться организационно, а экономическая заинтересованность придаст жизнеспособность новой возможной структуре в отличие от тихо

умирающего СНГ. Эти новые тенденции поддерживаются США, объявившими Закавказье зоной своих «жизненно важных интересов».

В Центральной Азии с победой сначала моджахедов, а затем талибов уже в начале XXI века создались условия для втягивания Таджикистана в зону интересов Афганистана, Ирана и Пакистана в ущерб интересам России. В связи с этим формировался узел противоречий между Россией и основными исламскими государствами. В случае падения союзного России режима в этой стране на очереди могли оказаться Узбекистан, а затем и южные (мусульманские) районы Казахстана. При этом вспомогательную роль могло играть давление со стороны мусульманских районов Закавказья и Северного Кавказа, которые определенными кругами в Турции уже сейчас рассматриваются как зона турецкого влияния. Возможность наступления исламского фундаментализма (несмотря на резкое изменение ситуации в Афганистане в 2002 году) — через бывшие советские среднеазиатские республики, с одной стороны, мусульманские регионы Закавказья и Северного Кавказа — с другой, а далее вверх по Волге через российские регионы с мусульманским населением — представляет собой потенциальную опасность в ближайшем будущем.

На Востоке имеется несколько очагов напряженности, чреватых вооруженными конфликтами.

По оценкам экспертов, через 10–15 лет Китай может оказаться на пороге серьезного демографического и сырьевого кризиса. Поэтому возрастает его заинтересованность в территориях и сырьевых ресурсах Сибири и Дальнего Востока. Уже сейчас ощущается мощное демографическое давление Китая — нелегальная миграция китайцев, оседающих в стратегически важных районах Забайкалья, Хабаровского края и Приморья. Это привело к тому, что в некоторых приграничных районах Приморья численность китайцев в полтора-два раза превышает численность русскоязычного населения.

По мере усиления миграционного потока из Китая и образования обширных районов компактного проживания китайцев на территории российского Дальнего Востока территориальная проблема может обостриться.

Другой потенциальной причиной конфликта является нерешенная в российско-японских отношениях проблема южных островов Курильской гряды. Опираясь на сырьевую базу Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии, Япония до последнего времени ставила территориальные претензии выше взаимовыгодного экономического сотрудничества с Россией. Однако экономический кризис и опасение, что свободная ниша выгодного партнерства на российском Дальнем Востоке может быть занята кем-либо другим, заставили Японию смягчить свои территориальные требования и наладить экономическое сотрудничество с Россией. Тем не менее при определенных условиях не исключается возможность обострения отношений из-за территориальных претензий и даже включение в «спорные территории» других островов Курильской гряды вплоть до Сахалина.

Территориальные разногласия между Россией и Японией могут быть усугублены вмешательством США на стороне Японии, что создаст потенциальную угрозу миру в этом регионе.

Еще одной причиной напряженности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, способной повлиять на безопасность России на ее восточных рубежах, является далеко не мирное сосуществование двух Корей. Кончина Ким Ир Сена, прекращение советской и китайской поддержки (экономической, военной, политической) создало неоднозначные проблемы для Северной Кореи, а продолжающееся сокращение американского военного присутствия в мире может затронуть и 37-тысячный контингент ВС США, размещенный в Южной Корее. В этих условиях возростала вероятность попытки Пхеньяна военным путем реализовать идею воссоединения Корей по своему сценарию. Однако последние мирные инициативы Северной и Южной Кореи смягчили опасное развитие обстановки на полуострове.

Другой регион международной напряженности в Восточной и Центральной Азии, где может быть применено оружие для решения спорных вопросов, — Индокитайский полуостров. Процветающий и бурно развивающийся Таиланд ведет экономическое наступление на рынки своих соседей: Бирмы, Лаоса, Кампучии и Вьетнама. Следует упомянуть проблему двух Китаев, разделенных Тайваньским проливом,

и, наконец, Индостанский полуостров. Там давнее вооруженное противостояние Индии и Пакистана усугубилось взаимной демонстрацией наличия ядерного оружия, что увеличивает опасность перерастания вооруженного конфликта, в случае его возникновения, в войну крупного масштаба с применением ядерных боеприпасов.

Завершая краткий обзор возможных очагов международной напряженности, где при определенных условиях могут вспыхнуть вооруженные конфликты, в которые возможно втягивание России, можно подвести некоторые итоги. Потенциальные угрозы России в нынешних условиях могут быть объяснены следующими причинами:

- стремление некоторых государств (их коалиций) к установлению своего лидерства, военно-политического, торгово-экономического или религиозного доминирования как в отдельных регионах, так и в мире в целом. Эти государства стремятся реализовать свои претензии в основном с помощью военной силы или путем силового давления на другие государства ради достижения односторонних торгово-экономических и военно-стратегических преимуществ. Агрессия против Югославии является ярким тому подтверждением. Такой конфликт чреват войной мирового масштаба;

- попытки вмешательства со стороны некоторых государств во внутренние дела России, дестабилизация внутривнутриполитической обстановки в ней, а также в союзных с ней странах СНГ;

- рост тенденций к территориальным претензиям и пересмотру границ, сложившихся после Второй мировой войны. Указанные претензии возрастают по мере военно-экономического усиления одних государств и ослабления позиций других. Это, в свою очередь, приводит к ужесточению борьбы за передел сфер влияния или сфер «жизненных интересов». Борьба за «жизненные интересы» предполагает подключение всего арсенала средств вплоть до ВС;

- существующие и потенциальные очаги локальных, региональных войн и вооруженных конфликтов в непосредственной близости от границ России и ее союзников;

- опасность вовлечения вооруженных сил РФ в составе миротворческих сил в долгосрочные региональные вооруженные конфликты;

— возможное расползание новых видов оружия, включая оружие массового поражения и возникновение угрозы международного (в том числе ядерного) терроризма и шантажа и др.

Заключения и оценки, как уже говорилось, часто носят субъективный характер. Для устранения этого недостатка применяются экспертные методы. Ниже указаны результаты некоторых экспертиз, проведенных в 1994–1997 годах.

В одной из анкет экспертам предлагалось оценить вероятность развязывания войны (конфликта) между различными странами и вероятность участия России на стороне агрессора или на стороне жертвы. Обработка экспертных оценок проводилась с помощью методов прикладной статистики, реализованных на персональной ЭВМ.

По результатам обработки данной анкеты была определена вероятность того, что в мире до 2005 года будет хотя бы одна война. Оценка этой вероятности (по годам проведения экспертиз) выглядит следующим образом:

- в 1994 году — около 0,95;
- в 1995 году — около 0,994,
- в 1997 году — около 0,98.

Иными словами, возникновение войны в этот период эксперты считали практически неизбежным. Жизнь подтвердила эти прогнозы.

Оценка военных угроз для России со стороны Запада экспертами оценивалась так:

- в 1994 году — около 0,51;
- в 1995 году — около 0,85;
- в 1997 году — около 0,31.

Оценки 1995 года зеркально отражали напряженность отношений с НАТО в тот период, успешно преодоленную с помощью дипломатии.

Оценка тех же вероятностей и угроз для России с Юга выглядела так:

- в 1994 году — около 0,90;
- в 1995 году — около 0,93;
- в 1997 году — около 0,95.

Эти цифры — еще один аргумент в пользу предположений аналитиков, появившихся в печати, о более высокой военной опасности для России с Юга.

В другой анкете экспертам предлагалось определить стабилизирующие и дестабилизирующие факторы, влияющие на развитие военно-политической ситуации. Среди стабилизирующих факторов основными были названы:

- сохранение баланса стратегических ядерных сил;
- прекращение идеологического противостояния между Россией и Западом.

Остальные стабилизирующие факторы выглядели достаточно слабо.

Среди дестабилизирующих факторов эксперты выделили следующие:

- исторически сложившиеся противоречия;
- экономические трудности переходного периода в России и других странах СНГ.

К менее значимым факторам эксперты отнесли:

- политические амбиции лидеров государств;
- экономическое противоборство (конкуренция, борьба за ресурсы и рынки сбыта).

В последней (1997 год) экспертизе факторов были выдвинуты и разного рода предложения относительно рациональных мер, которые необходимо применить, чтобы предотвратить войну. Здесь мнения экспертов оказались неоднозначными. Так, рассмотрев наиболее вероятные конфликты, они сделали вывод, что возможности их предотвращения только экономическими мерами ниже, чем только военными. Иначе говоря, наиболее эффективными мерами сдерживания от любой угрозы оказались военные. Однако в конкретных условиях эффективными могут оказаться и политические и экономические меры.

Таковыми были основные взгляды на обеспечение безопасности в последние полвека после Второй мировой войны.

Вместе с тем конференция неправительственных организаций в ЮАР, серия террористических актов во многих странах мира (США, Россия, Израиль, Индонезия и др.), заседания комитетов НАТО, Совета Безопасности ООН выявили необходимость кардинального изменения политики мирового сообщества в вопросах регулирования и обеспечения безопасности. Такого рода изменения будут несомненно касаться и России.

3.4. Механизм и формула безопасности в современном мире

Неотвратимость военной катастрофы не так бесспорна. Во все времена человечество находило в себе силы и потенциал разумного, жизнеутверждающего действия во имя самосохранения и развития. Совершенствовались не только методы и средства войны, но и формы установления и поддержания мира.

Из стремления к согласию и взаимному учету интересов в 1945 году в городе Сан-Франциско родилась Организация Объединенных Наций — ООН. Именно ей была определена роль гаранта мира в послевоенном мире. В Устав ООН включено положение, предписывающее всем государствам-членам воздерживаться в международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости государств, так и каким-либо иным образом, несовместимым с целями ООН.

Создание ООН, постоянным местом нахождения которой стал Нью-Йорк, — по существу, вторая попытка мирового сообщества создать глобальный механизм, обеспечивающий безопасность в мире. До нее была небезызвестная Лига Наций, просуществовавшая с 1919 по 1946 год (по официальным документам). На практике через ее посредничество реализовывались планы ведущих западных стран (США, Великобритании, Франции и др.) по переделу мира после Первой мировой войны и при подготовке ко Второй мировой войне. Смысл существования Лиги после выхода СССР из ее состава в 1939 году был, по сути утрачен.

Как сложится судьба ООН в новом столетии? Постигнет ли ее незавидная участь предшественницы? Сегодня, когда ООН существует более полувека, можно констатировать, что она зарекомендовала себя как самая авторитетная в мире международная организация, членами которой являются практически все государства планеты. Благодаря деятельности ООН был предотвращен не один вооруженный конфликт.

Однако не все решения ООН являются бесспорными, не все государства их поддерживают, порой даже союзники по военно-политическим блокам не могут найти согласия по не-

которым вопросам. Десятки государств, разбросанных по разным материкам, с различными общественно-политическими системами, историей, культурой вряд ли могут иметь одинаковое политическое мировоззрение и проявлять единомыслие при решении спорных международных проблем.

В данном случае тревожит даже не отсутствие единогласия, а совершенно другое. Как в свое время в Лиге Наций, тон в ООН сегодня задает одна группа стран во главе с единственной сверхдержавой — США, используя свой экономический и военный потенциал, Соединенные Штаты пытаются, и порой небезуспешно, использовать авторитет ООН для пропаганды и реализации своих планов построения нового миропорядка. Такие действия США, подкрепляемые вооруженными акциями в Ираке, Югославии и Афганистане, вызывают озабоченность ряда стран, в том числе и России. Тем более что официальные лица США и стран — их союзников угрожают применять военную силу даже вопреки или не дожидаясь решения «непослушного» в последнее время Совета Безопасности ООН, как это было при обсуждении ситуации в Косово. Мало того, на юбилейной сессии НАТО в апреле 1999 года было официально заявлено о возможности применения силы без санкции ООН. Бомбардировки Югославии и военные приготовления против Ирака стали зловещим подтверждением этого заявления.

Во многом это служит причиной все более активного использования многосторонних механизмов региональной безопасности для поддержания мира. В Европе эту функцию выполняет созданная в 1975 году международная организация ОБСЕ, призванная обеспечить общеевропейскую безопасность. В Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, который подписали 33 европейских государства, США и Канада, были сформулированы 10 важных принципов мирного сосуществования и сотрудничества европейских стран, достигнута договоренность о мерах доверия и контроля.

Необходимо отметить принципиальную разницу между многосторонними механизмами региональной безопасности типа ОБСЕ и системами коллективной безопасности типа НАТО. Военно-политические организации, подобные НАТО, предполагают наличие общего врага, а также определенную

централизацию и дисциплину после принятия согласованных решений по обеспечению безопасности. Кроме того, страны, входящие в такие организации, как правило, предоставляют свои территории для постоянного или временного базирования континентов иностранных армий — обычно «старших братьев» по военно-политическому союзу. Но не всех «младших братьев» положение устраивает, так как это не может не ущемлять их суверенитет. Вспомним, например, как Турция в январе 1999 года пригрозила США запретом использования своих аэродромов в случае продолжения бомбардировок Ирака. Затем Греция не поддержала военную акцию НАТО против Югославии. Германия и Франция активно противодействовали военным планам США в Ираке в 2002 году.

Нельзя не заметить, что все большее число государств предпочитает использовать механизмы коллективной безопасности, базирующиеся на принципах сотрудничества, предполагающих политическое и дипломатическое взаимодействие при обеспечении военной безопасности в регионе на базе существующих международных институтов, отдаст предпочтение методам превентивной дипломатии — многосторонним переговорам и консультациям.

Можно отметить еще одну характерную тенденцию в развитии многосторонних механизмов международной безопасности и сделать это на примере формирования таких структур в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Попытки создать в АТР региональную структуру международной безопасности по образцу европейской ОБСЕ велись с середины 80-х годов. Однако из-за серьезных различий в экономических интересах, в исторических и национальных традициях не удалось выработать общерегиональные подходы к решению проблем безопасности. Отчетливо проступает и различное восприятие потенциальных угроз в странах Юго-Восточной Азии (ЮВА), что в значительной мере обусловлено существенными различиями между господствующими в этих субрегионах религиями.

Так, в соответствии с конфуцианской этикой, доминирующей в странах Северо-Восточной Азии (СВА), общественные интересы ставятся выше личных и групповых, что определяет большую внутреннюю стабильность конфуцианских обществ и отличает эти страны от большинства стран ЮВА, порождая

различие в подходах к решению общих проблем. Кроме того, мешает объединению стран АТР различное отношение к роли США при решении проблем регионального сотрудничества.

В то же время на субрегиональном уровне, в масштабах ЮВА, СВА и Южно-Тихоокеанского субрегиона, достаточно успешно действуют многосторонние механизмы безопасности. К достижениям в области обеспечения безопасности субрегиона, безусловно, следует отнести и такие акции, как провозглашение в 1971 году странами — членами АСЕАН Зоны мира, свободы и нейтралитета; принятие в 1984 году участниками Южно-Тихоокеанского форума Декларации о создании зоны, свободной от ядерного оружия, и подписание в 1986 году Договора о безъядерной зоне в южной части Тихого океана. В дальнейшем последовали и другие шаги (конференции, форумы, семинары и др.) на региональном и субрегиональном уровнях, направленные на укрепление военного доверия между странами региона, сотрудничество в области военной безопасности, урегулирование конфликтных ситуаций между странами региона. Можно сказать, что в настоящее время в АТР, в частности в СВА, заложены основы формирования системы взаимосвязанных и взаимодействующих режимов безопасности.

Указанные меры безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе находят поддержку в России, что официально оформлено в различных государственных документах. В Концепции национальной безопасности РФ отмечается, что внешняя политика России должна быть ориентирована на создание модели обеспечения безопасности на глобальном, региональном и субрегиональном уровнях на принципах равенства и неделимой безопасности для всех. Особое внимание следует обратить на утверждение, что безопасность в современном мире неделима, не может быть безопасности одного государства: она неразрывно связана с безопасностью всех остальных. Кроме того, в современных условиях ни одно государство не способно обеспечить свою безопасность с помощью только собственных сил и средств. Поэтому Россия активно подключается к азиатско-тихоокеанскому режиму безопасности. Основные задачи России в этой сфере — защита нынешних геополитических пространств и обеспечение собственной соответствующей роли и места в мировой поли-

тике. Отсюда и основные направления во внешней политике Российской Федерации — интеграция ее в международные политические, экономические и военные организации в различных регионах планеты, расширение партнерских связей и добрососедских отношений со всеми странами.

Необходимость участия России в международной системе безопасности можно объяснить, выстроив наглядную логическую цепочку: обеспечение военной безопасности — защита национальных интересов — интересы России велики (соответственно ее геополитическому пространству) — недостаток ресурсов для защиты своих интересов в одиночку. Отсюда вывод как основа для формирования стратегии внешней политики: необходимость участвовать во всех субрегиональных, региональных и глобальных системах международной безопасности. Понятно, что одной из ключевых в этой цепочке является проблема формирования национальных интересов России, причем таких, которые соответствовали бы ее нынешним военно-политическим и финансово-экономическим возможностям. Именно на этих интересах должна базироваться концепция внешней политики страны и военная доктрина РФ. Точнее сказать, и интересы, и концепция, и доктрина являются взаимосвязанными и должны находиться в динамическом равновесии как между собой, так и с интересами, концепциями и доктринами других стран. Это в идеале, но на практике определение сбалансированных интересов России — непростая задача, если учесть множество существенных факторов: большая протяженность границ и евроазиатское положение России; кризисное состояние ее экономики и ВС; недавнее значимое положение как одной из двух сверхдержав и связанные с этим ностальгические амбиции, причем подобная ностальгия присуща не только военно-политической элите страны, но и большей части населения.

В связи с этим интересными представляются результаты социологического опроса руководящих работников правительственных учреждений, депутатов Федерального собрания, политических лидеров и ученых, проведенного Московским бюро Фонда Фридриха Эберта в 1996 году. Так, каждый четвертый из опрошенных высказывался за возвращение России статуса сверхдержавы, при этом больше половины были за то, чтобы страна стремилась к положению одной из пяти великих

держав. Знаменательным является и результат другого опроса: две трети сторонников преимущественной ориентации внешней политики России на Азию утверждали, что у России в то время не было основательной внешнеполитической доктрины, а ее внешняя политика формируется в зависимости от запроса ситуации.

Далее, более половины респондентов сочло, что Россия как евроазиатская страна должна иметь свою, особую внешнюю политику. Интересно, что в сравнении с предыдущим опросом в 1993 году доля тех, кто утверждал необходимость для России следовать тем же путем, что и развитые западные страны, уменьшилась с 51% до 41%. Четверо из пяти респондентов высказывались за обеспечение военной безопасности России на основе участия в многосторонних механизмах безопасности.

Стремление России использовать системы международной безопасности реализуется на практике, хотя и не в полной мере. Это относится к участию России в антитеррористической борьбе 2001–2002 годов и к развитию ее контактов с НАТО в свете новых геополитических реалий мира. Однако такой стране, как Россия, целесообразно исповедовать осторожный и продуманный подход в этом вопросе: нельзя строить защиту своих национальных интересов и богатств только с расчетом на зарубежных «миротворцев», уповая на их доброту и бескорыстие.

Мир динамичен, одни государства находятся на подъеме, другие останавливаются в своем развитии или деградируют. Истории известны примеры быстрого упадка прежде экономически развитых, богатых и влиятельных стран в глобальном процессе распада империй, равно как и мощного прогресса прежде слабых государств. Различия в динамике и уровне политического, экономического и военного развития государств являются значимым дестабилизирующим фактором. Геополитика как наука утверждает, что каждая историческая эпоха характеризуется балансом сил в мире, который определяет границы государств и зоны их влияния. Согласно этой науке, всем государствам свойственно стремление к расширению и освоению геополитического пространства и установлению над ним контроля — военного, политического, экономического, религиозного и пр. Зачастую

это действительно определяет геополитические запросы государств соответственно их изменившимся экономическим, военным и политическим потенциалам. Именно это является основной причиной появления очагов международной напряженности. Именно так — неравномерностью развития государств — объясняла причины войн и марксистско-ленинская военная теория.

Как следствие, в каждый конкретный исторический период в отдельных регионах планеты создавались специфические условия взаимодействия тех факторов, о которых мы говорили в предыдущей главе. Причинами возникновения международной напряженности становились неурегулированные ранее или вновь появившиеся проблемы в различных сферах жизнедеятельности государств, личностные особенности и амбиции их лидеров, аристократических, финансово-промышленных, военных, партийных и иных элит, а также другие факторы. Однако всегда существуют и сдерживающие войну факторы. Их баланс или дисбаланс определяет степень военной опасности, угрозы развязывания вооруженного конфликта или войны. Так, в Европе на протяжении более полувека сохранялся баланс между дестабилизирующими факторами — идеологическим противостоянием и противостоянием общественно-экономических систем — и мощными стабилизирующими факторами в виде противостоящих вооруженных группировок, осознанной опасности возникновения новой мировой войны и др.

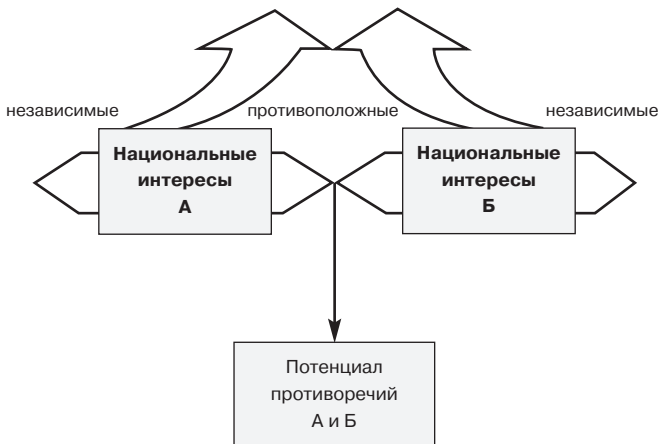
Как определить условия, снижающие опасность войны? Какие факторы необходимо усилить, чтобы обеспечить устойчивый баланс стабилизирующих и дестабилизирующих факторов на достаточно низком уровне военной опасности? Чтобы найти «формулу безопасности» для всего мира, регионов и отдельных государств в нем, необходимо определить общие закономерности процесса развития международных отношений. Основные философские постулаты диалектики говорят о том, что процесс познания идет по спирали: от частного к общему и наоборот. Важно проанализировать общий геополитический процесс. Предположим, что на мировой арене в каждом регионе в каждый период мирного времени имеется динамический баланс, равновесие между силами (факторами), направленными на нарушение этого баланса, и силами,

противодействующими им. На простом, формальном уровне это выглядит (рис. 3.2) как процесс противостояния двух государств: государства А и государства Б. Каждое из них имеет свои национальные интересы. Понятие «национальные интересы» было подвергнуто тщательному рассмотрению в первой главе. Здесь можно абстрагироваться от фактического содержания понятия «национальные интересы», имея в виду лишь его теоретический смысл.

Среди национальных интересов обеих стран есть общие или совпадающие интересы в различных областях, где они могут сотрудничать, к ним могут относиться проблемы охраны окружающей среды, развития коммуникаций и др. Интересы обеих стран могут быть сугубо внутренними, не затрагивающими ни в коей мере интересы соседних стран. Наконец, третий тип интересов — противоречивые, то есть такие, которые по мере реализации приносят пользу одному государству и ущемляют интересы другого. Именно такого типа интересы являются причиной обострения отношений между странами. Как правило, это территориальные, экономические, идеологические и религиозные интересы. Их совокупность, точнее ту их часть, которая является предметом разногласий между государствами,

Рисунок 3.2

Схема противостояния двух государств

можно определить как потенциал разногласий или потенциал противоречий.

Напомним, что каждое государство имеет набор различных средств и возможностей для защиты своих интересов — военных, политических, дипломатических, экономических и, возможно, иных. Совокупность таких средств и возможностей определяется его военно-политической мощью, о чем уже упоминалось. Там же отмечалось, что если некоторые составляющие (компоненты) военно-политической мощи, такие как численность населения, численность вооруженных сил, экономический уровень, можно измерить количественно, то не существует математически точных методов для определения комплексного показателя военно-политической мощи. Предположим все же, что каким-либо образом, используя экспертные методы, нам удалось приблизительно оценить значения и соотношение военно-политической мощи государств А и Б.

Состояние межгосударственных отношений имеет смысл поставить в зависимость от потенциала разногласий и соотношения военно-политической мощи государств А и Б (рис. 3.3). В этом случае для неизменности состояния МГО должно сохраняться динамическое равновесие между ее аргументами, то есть потенциал разногласий государств должен уравниваться соотношением их военно-политической мощи.

Рисунок 3.3

Схема поддержания состояния равновесия

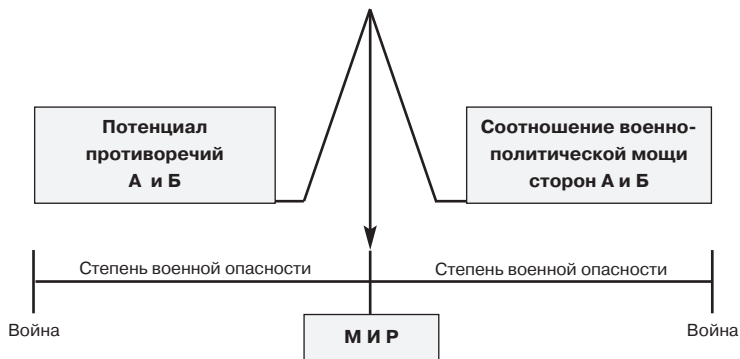
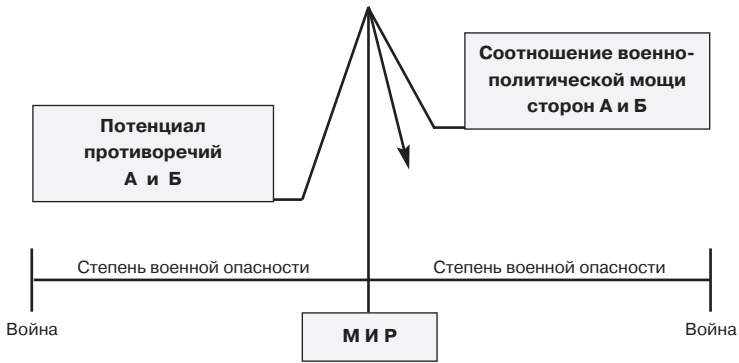

Рис. 3.4.

Схема возникновения военного конфликта

Со временем это равновесие может быть нарушено вследствие неравномерности развития государств. Тогда у одной из сторон может появиться искушение пересмотреть спорные проблемы в свою пользу. Из-за несогласия другой стороны с результатами такого пересмотра между государствами возникнет очаг напряженности. Способы разрешения проблемы могут быть различными: политико-дипломатическими, экономическими и другие, включая использование международных структур коллективной безопасности. В качестве крайнего средства могут быть применены военные способы разрешения конфликта. Было бы естественно предположить, что в качестве агрессора может выступить государство, более динамично развивающееся в экономическом и военном отношениях. Потому сделаем допущение, что для сдерживания возможной агрессии со стороны государства А государство Б не сможет применить эффективные экономические или военные меры. Если политико-дипломатические меры государства Б также не принесли желаемых результатов, государство-агрессор по-прежнему стремится разрешить конфликт с помощью силы. Еще одно допущение: международные структуры безопасности не смогли эффективно сдерживать потенциального агрессора. В таком случае государству Б либо придется поступиться частью своих национальных интересов, либо готовиться к вооруженному разрешению конфликта (рис. 3.4).

Результат исхода вооруженного конфликта между А и Б, даже в случае военной победы государства А, может оказаться неблагоприятным для победителя. Цена победы окажется для А неизмеримо большей, нежели приобретения. Прогноз относительно такой пирровой победы должен сдерживать руководство государства-агрессора, предотвратив развязывание войны против государства Б.

Однако точно определить, каким может быть исход войны между государствами А и Б, как неоднократно повторялось, далеко не просто. Ведь именно из-за недооценки многих решающих факторов и соответствующих практических ошибок были проиграны развязанные агрессорами две мировые войны в прошлом столетии и Отечественная война 1812 года. Напротив, в войне с Ираком в 1990 году США со своими союзниками имели возможность разгромить полностью ВС Ирака, войти в Багдад и свергнуть режим Саддама Хусейна, но не сделали этого из-за возможных серьезных политических последствий — резкого ухудшения отношений с арабскими странами, дружественными им режимами.

Таким образом, указанная схема состояния отношений между двумя государствами позволяет нам определить условия, вывести «формулу безопасности» или мирного сосуществования. Очевидно, одним из самых простых вариантов таких условий является практическое отсутствие потенциала разногласий, то есть отсутствие противоречивых интересов, спорных межгосударственных проблем. В этом случае нет необходимости более слабым в экономическом, военном и других отношениях соседям стремиться усилить свою военно-политическую мощь для защиты интересов или для уравнивания потенциала разногласий. Между государствами вполне могут сложиться дружеские, союзнические или нейтральные отношения. В качестве примера служат отношения США и Канады, США и Великобритании, Швейцарии со своими соседями...

Для двух государств, имеющих противоречивые интересы или потенциал разногласий, необходимым условием мирного сосуществования является наличие у каждого такой военно-политической мощи, чтобы соотношение между ними уравнивало потенциал разногласий. Этот тезис требует некоторых пояснений. Ранее говорилось, что

условием постоянства показателя военной опасности, то есть условием мирного сосуществования, является паритет всех стабилизирующих и дестабилизирующих факторов. Представляется целесообразным суммарный вектор дестабилизирующих факторов определить как потенциал угрозы, имея в виду его стимулирующую роль в иницировании угрозы агрессии. В свою очередь, суммарный вектор стабилизирующих факторов следует определить как потенциал сдерживания агрессии (или просто потенциал сдерживания). Тогда общим условием мирного сосуществования государств, имеющих противоречивые интересы, будет равенство или превышение потенциала сдерживания над потенциалом угрозы.

Смысл политики сдерживания как одного из самых эффективных способов обеспечения мира заключается в том, что государство — вероятная жертва агрессии априори угрожает в случае развязывания войны неблагоприятным для потенциального агрессора исходом войны, то есть неприемлемыми для него последствиями либо от самой войны, либо от ответных мер обороняющейся стороны. При этом в отличие от военных действий на полях сражений тактика сдерживания предполагает обеспечение возможного агрессора полной информацией о предполагаемых на случай агрессии ответных мерах и их последствиях.

Для сохранения мира в рамках отдельного региона или на глобальном уровне суть «формулы безопасности» остается неизменной, но формы и способы мирного сосуществования государств с различными культурами, традициями, формой правления и прочими особенностями, разумеется, являются специфичными. В регионах большую роль играют коалиционные связи, военные потенциалы коалиций, союзов, и потому в потенциал разногласий некоторые страны включают в качестве приоритетной задачу борьбы за военно-политическое и экономическое главенство в регионе. Как на региональном, так и на глобальном уровне все большее значение приобретают нормы международного права.

Необходимо отметить, что сдерживание всегда являлось одним из самых действенных средств сохранения мира. С древних времен в качестве политических мер сдерживания применялись одностороннее удержание или обмен высокопо-

ставленными заложниками, посольствами, в состав которых также входили знатные сановники. Угрозу разрыва дипломатических отношений с государством-агрессором также следует отнести к политическим средствам сдерживания. В качестве мер экономического характера применялись угрозы введения ограничений на торговлю вплоть до полной экономической блокады страны-агрессора в случае нарушения мира и т. д.

Наконец, в качестве военных мер сдерживания использовались вооруженные силы государств, которые в ответных действиях могли нанести агрессору определенный ущерб, причем не обязательно его вооруженным силам, а чаще — объектам экономики, экологии, информатики и т. п. В зависимости от уровня ущерба и «чувствительности» агрессора к такому ущербу эффективность сдерживания будет разной. Для стран, находящихся на различных уровнях цивилизованности, степень неприемлемости ущерба может сильно различаться. Так, людские потери США в войне с Ираком в 1990 году насчитывали около 150 человек, и американцы сочли их для себя чрезмерными. Между тем потери Ирака исчислялись десятками тысяч...

Следует отметить, что силовое сдерживание в сочетании с политико-дипломатическими, а иногда и экономическими мерами являлось и продолжает оставаться (по крайней мере до настоящего времени) наиболее эффективным средством сдерживания вероятных противников от развязывания вооруженных конфликтов и войн. Тем самым во многом подтверждается правота известного афоризма: хочешь мира — готовься к войне. Вообще, силовое и политическое сдерживание — явления неразделимые и взаимодополняющие. Подробно о силовом сдерживании с использованием как ядерных, так и неядерных вооружений будет сказано дальше.

Сейчас, возвращаясь к рассмотрению особенностей безопасности России, надо отметить составляющие специфики этой проблемы: во-первых, геополитическое местоположение, в соответствии с которым Россия должна участвовать в региональных режимах безопасности как в Европе, так и в Азии; во-вторых, нынешнее сложное экономическое положение, что, несомненно, негативно сказыв-

вается и на военно-экономическом потенциале, и на политическом положении страны в мире. У России много проблем, касающихся спорных территорий, сложных вопросов в области экономики, экологии и целом ряде других, решение которых зависит от отношений с соседними странами и в той или иной мере затрагивает наши национальные интересы. Здесь уместно заметить, что интересы России как правопреемницы СССР изменились не в такой мере, в какой сократились возможности по их защите.

Нет идеологического противостояния, снизилась опасность глобальной ядерной войны, но для обеспечения мирной жизни этого оказалось недостаточно. Потенциал угрозы возможных противников России растет пропорционально снижению боевых возможностей ее Вооруженных Сил. Основу потенциала сдерживания страны составляют ее Стратегические ядерные силы, обеспечивающие угрозу нанесения любому вероятному агрессору неприемлемого ущерба в ответных действиях. Другими словами, имеющийся потенциал сдерживания пока превосходит потенциал угрозы на глобальном уровне и практически гарантирует в ближайшем будущем безопасность России от мировой или крупномасштабной войны с применением как ядерных, так и обычных вооружений. Однако, по мнению специалистов, существует вероятность участия России в региональных и локальных конфликтах различной интенсивности. В этом прогнозе многое определяется боевым потенциалом российских ВС, состояние которых оставляет желать лучшего и не дает оснований для оптимизма в обозримом будущем. Уже к концу XX века в частях Сил общего назначения доля современных вооружений не превышала 10% против 70% у стран НАТО. В соответствии с решениями российских властей переоснащение наших ВС начнется лишь в первом десятилетии XXI века. Этот важнейший для боевых возможностей ВС показатель при сохранении тенденций конца прошлого века может составить к 2005 году только 5%. По этой причине будет соответственно снижаться российский потенциал сдерживания вероятных агрессоров на региональном и локальном уровнях. Правда, в России еще остаются Стратегические ядерные силы, определяющие высокий

потенциал сдерживания. Однако реальность их использования в региональных и локальных конфликтах весьма проблематична. Степень ответственности за применение первыми ядерного оружия в ответ на локальную агрессию с применением обычного оружия бесспорно высока. Кроме того, в действовавшей военной доктрине утверждалось, что Россия не применяет ядерное оружие против неядерных стран. Что касается глобального сдерживания, то остается неясным, каким образом пойдет процесс дальнейшего сокращения стратегических наступательных вооружений после нератификации и нереализации Договора СНВ-2 (о сокращении стратегических наступательных вооружений) и после выхода США из договора по ПРО. Их дальнейшее радикальное сокращение наряду с решением о создании и развертывании противоракетной обороны в США может значительно снизить потенциал ядерного сдерживания, а при определенных условиях — и вовсе свести его на нет.

Каким образом в данной ситуации можно обеспечить безопасность России сегодня и в ближайшее (5–10 лет) будущее? Какие составляющие российской «формулы безопасности» надо подвергнуть коррекции? Какие действия для решения этих проблем надо предпринять в условиях тяжелого экономического положения страны?

Ответ может быть один: необходимо повышать потенциал сдерживания наших Стратегических ядерных сил на глобальном уровне и искать новые, доступные по затратам пути, реализация которых обеспечит российским ВС способность сдерживать агрессора на региональном и локальном уровнях. В противном случае придется снижать потенциал угрозы со стороны возможных противников за счет уступок части своих национальных интересов. При решении задачи обеспечения оборонной безопасности России следует помнить о необходимости сбалансированного развития военной и невоенной сфер экономики страны, чтобы избежать ошибок СССР, который допустил непосильную для государства милитаризацию экономики и не смог к началу 90-х годов XX века на гребне холодной войны эффективно и целенаправленно воспользоваться своими выдающимися военно-техническими достижениями (мощ-

ными ядерными ракетно-космическими системами с разделяющимися головными частями, уникальными атомными подводными лодками, многоразовой системой «Энергия — Буран», экранопланами, новейшими летательными аппаратами).

В заключение уместно раскрыть содержание «формулы безопасности». Международная оборонная безопасность обеспечивается динамическим поддержанием *баланса* трех групп факторов:

- компромиссным сочетанием национальных интересов государств;
- согласованным ограничением уровней их военной мощи;
- нормами международного права и механизмом его осуществления.

Какое бы государство ни попыталось нарушить в свою пользу сложившийся баланс интересов военными методами, надо искать возможность противопоставить ему заведомо эффективные силы и средства силового сдерживания, а также комплекс политических, экономических и иных невоенных мер международного воздействия, делающих последствия силовых актов расчетливого агрессора невыгодными для него. В случае пренебрежения предпринятыми шагами с необходимостью должны следовать акции возмездия, останавливающие агрессию и служащие уроком не только для конкретного агрессора, но и для его возможных последователей.

Смещение в самом начале XXI века угроз из сферы прямого военного противостояния государств и группировок в сферу развертывания террористических угроз может создать новые конфигурации в международной системе обеспечения безопасности. При этом они в значительной степени будут определяться взаимодействием России с ООН, НАТО, США и СНГ.

Механизм предотвращения войн

4.1. Новые средства стратегических вооружений

В своем развитии человечество достигло того уровня, когда оно имеет все менее прав и возможностей ошибаться. XX век жестко отмел все сомнения в том, что каждый неверный шаг теперь способен не только повернуть ход истории вспять, но и поставить род человеческий на грань полного уничтожения. Ответственность перед собой и перед потомками заставляет обратиться к анализу содеянного, чтобы определить по возможности бесконфликтные пути позитивного развития.

Однако нет уверенности, что человеческий разум вполне осознал свою особую роль на планете: он преуспел в познании природы, но не самого себя. Великий ученый В. И. Вернадский предупреждал, что деятельность людей на земле стала по энергетическим и иным параметрам соизмеримой с действием сил глобального и даже космического масштаба, она может стать глобально опасной, поэтому оцениваться должна на таком же глобально-космическом уровне. За последние 100 лет энергетическая мощность мирового хозяйства выросла более чем в десять раз, численность населения — в пять раз. Экологически земля перенагружена.

Но это только часть проблемы. **Человеческая изобретательность, любопытство, стремление к совершенству — все, что могло когда-то человеку стать человеком, давно поставлено на службу войне. В результате сегодня на планете накоплены огром-**

ные запасы оружия. По оценкам экологов, его хватит на то, чтобы убить каждого жителя планеты около 200 раз. О количественной корректности этого заявления можно спорить. Для небытия человеку достаточно умереть однажды. Развитие вооружений продолжается.

В новейшей истории был момент, когда военные расходы ведущих военных держав пошли вниз. Это произошло после распада Варшавского договора, а затем и СССР, и длилось недолго. Резкий спад (более чем на порядок) производства вооружений произошел только на территории бывшего СССР. Он был результатом не столько осознанного снижения потребностей новых государств в оружии, а главным образом последовал за развалом их экономик. Правда, некоторый спад военных расходов отмечен и в других странах, не испытавших экономического краха. 1988 год считается в мире рекордным по производству оружия. В сравнении с этим уровнем в 1998 году военные расходы США, Великобритании и Франции сократились соответственно на 46, 33 и 25%. Однако это сокращение коснулось в основном содержания вооруженных сил. Производство вооружений сократилось в значительно меньшей степени, а расходы на некоторые статьи НИОКР даже возросли. За два финансовых года (1997–1998) Пентагон закупил оружия более чем на 100 млрд долл. Это вдвое превышает закупки оружия во всех остальных европейских странах — членах НАТО.

В дальнейшем военные расходы снова стали расти. В 1999 финансовом году США запланировали увеличить общую сумму военных расходов на 15 млрд долл. Значительная часть этой прибавки, которая превышает весь военный бюджет России на 1999 год, пошла на НИОКР и закупки оружия. После войны в Югославии и Афганистане эти планы были подвергнуты коррекции только в сторону увеличения. Сравнить военные расходы США с российскими просто нет смысла: они достигли в 2001–2002 годах отметки 380–400 млрд долл.

Одновременно уже сейчас запасов оружия США хватит на то, чтобы многократно уничтожить население планеты, даже без учета оснащения союзников. Это странно в ситуации отсутствия серьезных военных угроз, не считать же таковыми «угрозы» со стороны Ирака или Северной Кореи.

По расчетам, проведенным совместно советскими и американскими учеными еще до распада СССР, запасов только ядерного оружия каждой из этих стран (теперь ядерное оружие СССР находится в РФ) достаточно для уничтожения жизни на планете.

Основных причин продолжающегося развития вооружений две. Первая — экономическая, а точнее сказать коммерческая. Производство и торговля оружием оказались весьма прибыльным делом, особенно при умелой его постановке. Американские бизнесмены всегда славились практичностью и деловой хваткой, чего бы это ни касалось. Объемы продаж военной продукции таких концернов, как *Lockheed Martin* и *Boeing*, уже к концу XX века приблизились к 20 млрд долл. у каждого. Теперь перед ними маячила новая бюджетная прибавка.

Вторая причина — военно-техническая и связанная с нею военно-политическая. Новым видам оружия присущи принципиально новые свойства, которые позволяют их обладателю вести военные действия на более совершенном уровне, соответственно осуществлять иную военную политику и стремиться к новым политическим целям.

Небезынтересным представляется краткая справка о направлениях развития военно-технической мысли, а также предназначении этих достижений. Первое — от научно-технических достижений, изобретений и материальных основ — к новому оружию, а от него — к новым концепциям, формам и способам военных действий. Этот путь развития военного дела обосновывал в свое время Ф. Энгельс. Второе — от концепций, стратегических замыслов и военных задач — к разработке новых знаний, технологий, а затем образцов вооружения и военной техники. Этот путь находит обоснование у сторонников программно-целевых методов управления развитием военного дела.

На самом деле развитие происходит в обоих направлениях. Они стимулируют и подпитывают друг друга, а споры о том, что является первичным, непродуктивны и бесперспективны. Главное, что цель развития вооружений — и по первому, и по второму пути — определяется агрессивными государствами одинаково как военно-политическое господство, удовлетворение собственных политических интересов.

Как известно, тон военным приготовлениям уже много лет задает одно государство — США. Они же являются инициаторами создания многих новых военно-технических концепций. Эти концепции непрерывно развиваются, уточняются. Из новых поступлений в этой области в последние годы наибольший интерес военных специалистов вызвали следующие американские военно-технические концепции:

- 1) нелетальное (несмертельное) оружие;
- 2) силовые средства и способы борьбы с распространением оружия массового поражения (ОМП);
- 3) интеллектуализация обычного оружия;
- 4) информационная война.

Концепция **оружия нелетального воздействия** (ОНЛВ) официально провозглашена в 1990 году командованием боевой подготовки армии США в связи с тем, что *«часто возникают ситуации, в которых США не могут добиться своих целей, поскольку в результате будут убиты, нанесен вред окружающей среде, разрушены памятники культуры, существует большой риск сделать врагами США тех людей, которые до этого ими не являлись. ОНЛВ дает в руки ВС США действенный инструмент вмешательства в конфликт, которое было бы нежелательно с использованием обычного оружия»*.

Многие из этих средств не всегда соответствуют традиционным представлениям о средствах вооруженной борьбы, выглядят даже экзотически.

Самые «нелетальные» на первый взгляд так называемые **биотехнические средства** созданы на основе генной инженерии. Прежде всего речь идет о новых бактериальных штаммах и других микроорганизмах, эффективно разлагающих нефтепродукты. Попадание их тем или иным способом в хранилища горюче-смазочных материалов лишает противника запасов топлива, попадание в работающие двигатели — к их заклиниванию, в системы подачи топлива — к закупорке и т. д. Созданы микроорганизмы, способные воздействовать даже на твердое ракетное топливо.

Другое направление ведущихся в США биотехнических изысканий и работ — выявление, искусственное создание и размножение микроорганизмов и насекомых, способных за весьма короткое время разрушить электроизоляцию, вывести из строя элементы микроэлектроники и электротехники.

Несмотря на все международные соглашения о прекращении работ по созданию любых видов **химического оружия**, исследования в этой области продолжают: иногда — под флагом противохимической защиты, иногда (и в этом известная новизна концепции **химического ОНЛВ**) под предлогом создания «безвредных» для человека средств, якобы способных привести только к временной потере сознания, утрате способности двигаться, применять оружие и т. д. Однако международное право все-таки старается препятствовать производству и применению таких средств.

В этих условиях активизировались работы по созданию **химических средств поражения техники**, а не личного состава. Появились вещества, попадание которых с воздухом в двигатель внутреннего сгорания нарушает режим их работы, а порой и выводит из строя. Есть и вещества, разрушающие резинотехнические изделия, конструкционные материалы.

Появились химические составы, резко снижающие трение. Если их распылить, например, с воздуха, то в результате становится невозможным движение колесного транспорта по горным дорогам, посадка самолетов на аэродромы. Другие вещества, получаемые на основе клеев, наоборот, сковывают движение за счет обволакивания трущихся поверхностей механизмов.

Интенсифицируются и работы по созданию средств поражения элементов электронной техники на основе **генераторов поражающих электромагнитных излучений**. Такие генераторы могут действовать импульсно или длительно, быть средствами разового действия (расходуемыми как боеприпасы) или многократного применения. Эти средства поражения военной и гражданской техники могут быть весьма эффективными и особенно опасными для стран с высоким уровнем технологического развития. Появились даже проекты получения супер-электромагнитных излучений (ЭМИ) на основе «перекачки» энергии ядерного взрыва на больших высотах в такие излучения, которые могут вывести из строя все изделия электронной техники в радиусе на многие сотни километров, электроэнергетические системы и т.д. В последнее время эти средства рассматриваются также и в концепции «информационные военные действия».

По аналогии с химическим оружием не прекращаются попытки создать новые средства электромагнитного воздействия и на человека, которые способны вывести его из строя только на время. Прежде всего, это лазерные и некогерентные источники либо ослепления человека, либо незаметного нарушения его психики через органы зрения с помощью специальных световых импульсов.

Вновь разернуты исследования, имеющие целью использовать тепловые и иные эффекты воздействия проникающего СВЧ-излучения на внутренние органы и психику человека. Как аргумент в пользу этих исследований используется благое намерение найти порог нелетального воздействия. Но кто может запретить переступить этот порог?

Продолжаются попытки реанимировать работы, которые активно велись в 60-70-е годы XX века, по созданию **генераторов направленного инфразвукового излучения, поражающего людей**. Только теперь это делается под предлогом изобретения ОНЛВ.

Необходимость создания ОНЛВ, как правило, обосновывается в рамках решения исключительно тактических задач. Однако попытку ограничить размер конфликта, не привести его к «обычной» войне (тем более партизанской) является решением уже не тактической, а стратегической задачи, определяющей характер войны, а не операции. Кроме того, известны ссылки на необходимость использования ОНЛВ в миротворческих операциях. Однако практика проведения таких операций американцами не дала существенных подтверждений целесообразности этих действий. Для «наказания непослушных» в ход идет в основном ударное оружие: ракеты, бомбы, снаряды. И угрозы имеют тот же военно-технический подтекст.

Главная ложь в другом: декларируемое как специфически нелетальное оружие, вызывающее только временный выход из строя личного состава, только повреждения техники, **на самом деле может и зачастую будет означать летальный исход**, особенно если речь идет об операторе или экипаже, управляющих любой боевой и гражданской техникой. Ведь временно ослепший или потерявший сознание пилот боевого самолета — это реальная угроза жизни как для экипажа, так и для тех, на кого машина может рухнуть.

В наборе средств ОНЛВ рассматриваются и такие, которые при действии, к примеру, против мобильных ракетных комплексов могут резко снизить их подвижность, живучесть и саму способность к решению стратегических задач в войне. Соответственно, если речь идет о средствах сдерживания, они способны предоставить агрессору, применяющему ОНЛВ, возможность безнаказанно осуществить свои агрессивные замыслы.

Так что «красиво» преподнесенная идея создания ОНЛВ включает в себе смертельную угрозу людям, подвергшимся воздействию этого оружия. С военно-политической точки зрения это оружие имеет дестабилизирующий эффект и может привести к новым формам гонки вооружений.

Также заслуживает внимания одна из новых зарубежных концепций. При решении военно-политической задачи борьбы с распространением ОМП (подробно о концепции — ниже), с тех пор, как эта миссия возложена на министерство обороны США, существенно изменились взгляды на используемые для этого средства. Теперь их разделяют **на рациональные и дозволенные**. В 1993 году министром обороны США были названы **средства силовой борьбы с распространением ОМП**, с помощью которых они собираются «противостоять угрозе» не только применения ОМП, если таковое окажется в распоряжении «плохих», по мнению США, государств (государств-изгоев), но и априорно «угрозе» попадания таких средств в распоряжение этих государств. С военно-технической точки зрения среди «новых» средств борьбы с распространением ОМП не было названо ничего нового. Это усовершенствованные неядерные проникающие боеприпасы для борьбы с подземными сооружениями, «средства охоты за мобильными ракетными установками» — по сути сугубо наступательные виды оружия. И только вслед за ними министром обороны США были названы средства перехвата баллистических ракет, более известные в качестве фактора, дестабилизирующего ситуацию.

Казалось бы, с технической точки зрения принципиальной новизны в перечисленных средствах нет. Между тем был дан сильный импульс к развитию качественных характеристик оружия. По существу концепция развития якобы новых средств и способов борьбы с распространением ОМП была

сведена Пентагоном в 1993 году к уточнению некоторых направлений развития неядерных средств вооруженной борьбы. Краткое замедление разработок сменилось их ускорением и наращиванием производства, особенно в США, высокоэффективных видов оружия, к которым американцы добавляют слово *smart* (на русский язык оно обычно переводится как «умный»).

И в этом смысле различные военно-политические концепции (силовая борьба с распространением ОМП и **интеллектуализация оружия**) сомкнулись на едином военно-техническом направлении, определяющем переход к принципиально новой стадии в развитии управляемых средств поражения (УСП) — «высокоинтеллектуальному оружию» (ВИО). Многие российские специалисты, не замечая разницы, по-прежнему пользуются уже прижившимся у нас термином «высокоточное оружие» (ВТО).

Считаем необходимым обратиться к работам специалиста в области этого оружия В. Цымбала. Он напомнил, что первый всплеск внимания профессиональных военных и политиков к ВТО наблюдался еще в 70-е годы XX века, после успешного (в военно-техническом смысле) применения американцами управляемых авиабомб во Вьетнаме. Именно тогда установились некоторые термины: жаргонный *smart bomb*, более строгий и широкий *precision-guided weapon (PGW)*, его русскоязычный эквивалент ВТО. Затем в обиход для обозначения боеприпасов был введен термин *precision-guided munition (PGM)*, который в нашей стране также был переведен как ВТО. Используемое в зарубежных публикациях определение рядом со словом *precision* должно было подчеркнуть: речь идет о любом УСП (не только бомбе), которое обладает вероятностью прямого попадания более 0,5 во всем диапазоне дальностей пуска (стрельбы) по типовым целям. В качестве целей рассматривались конкретные подвижные и неподвижные объекты: танк, корабль, мост, радиолокационная станция (РЛС) и т. п.

Успехи применения ВТО в 70-е, а затем и в 80-е годы XX века инициировали расширение типажа УСП и условий их боевого применения. УСП, которые состояли на вооружении и до появления *smart bomb*, например противотанковые, противокорабельные и противосамолетные зенитные и авиаци-

онные ракеты, применялись главным образом для поражения контрастных целей на однородных фонах (небо, море). Новые разновидности систем наведения ВТО позволили поражать **слабоконтрастные цели на сложных фонах**. Этому «прорыву» способствовали большие научно-технические достижения в области электроники, сенсорной техники, технической кибернетики.

Логическим развитием таких средств ВТО стало создание в США систем с неядерными ракетами морского базирования большой дальности *Tomahawk*. Успешное применение этих ракет, а также других новых УСП меньшей дальности (не только американских) в Персидском заливе, затем и на территории бывшей Югославии и в Афганистане снова «подогрели» интерес к ВТО.

Сейчас в результате нестрогости отношения к терминологии сложилась такая ситуация, когда к понятию «высокоточное оружие», несмотря на имеющееся четкое определение в новом издании российской «Военной энциклопедии», различные авторы относят и само ВТО, и ракеты типа *Tomahawk*, и всевозможные разведывательно-огневые комплексы (системы).

Необоснованное расширение любого термина — непродуктивно в смысле практическом и некорректно — в научном. Ключевым в понятии ВТО является прилагательное «высокое», но строго обосновать норму высокой точности едва ли возможно: какую точность следует считать высокой? Между тем в практике оценок эффективности традиционно считалось, что если вероятность поражения типовой цели при ее обстреле находится в диапазоне 0,7...0,8 и при этом расходуются не более двух боеприпасов, то оружие является достаточно эффективным. Этим приблизительным представлениям вполне соответствует названное ранее число 0,5 и более, означающее вероятность поражения цели одним выстрелом (пуском) образца ВТО; тогда вероятность поражения цели двумя выстрелами, если они будут независимыми, как нетрудно подсчитать, превысит 0,75.

На современном этапе развития военной техники таким уровнем точности обладают многие образцы УСП (ракеты, снаряды, бомбы, мины, торпеды), а также перспективные образцы лучевого оружия, прежде всего лазерного.

Однако разработки УСП и средств, обеспечивающих их применение, продолжают. Есть необходимость доопределить те новые качества, которые позволят говорить о наступлении **принципиально новой стадии в развитии оружия — о создании высокоинтеллектуального оружия (ВИО).**

Во-первых, уровень точности, соответствующий вероятности попадания в цель 0,5, во многих системах уже преодолен. И поэтому высокую способность «совершенного» оружия попадать в цель следует определять другим, более жестким критерием, например превышением вероятности прямого попадания в цель выражаемой известным иррациональным числом $Z = 0,62\dots$, связанным с так называемым золотым сечением. Происходит это число от используемого с древних времен в строительстве правила, когда какой-либо исходный размер (длину) приходилось делить на две части так, чтобы отношение меньшей части к большей было равно отношению большей части к целому. Это правило позволяет построить гармоничный ряд все более мелких отрезков длины, подчиняющихся общему соотношению. Конструкция оказывается удобной с технической точки зрения и, кроме того, обладает эстетическим совершенством. Термин «золотое сечение» ввел в конце XV века Леонардо да Винчи, чтобы подчеркнуть его соответствие интуитивным представлениям о прекрасном.

Применительно к средствам поражения правило «золотого сечения» означает, что вероятность непопадания в цель реального УСП так относится к вероятности его попадания в цель, как эта вероятность — к вероятности попадания «идеального» средства поражения, то есть к единице. Кстати, в последнее время находят все новые подтверждения того, что правило «золотого сечения» согласуется с представлениями о рациональности и гармонии в самых разных областях живой и неживой природы.

Но главное здесь не уровень точности. Главным становится то, что внедрение в системы управления и наведения УСП новинок сенсорной и компьютерной техники, все более сложных алгоритмов обработки информации, современного программного обеспечения и других достижений информатики и кибернетики делают возможной такую «интеллектуализацию» оружия, которая позволяет человеку-оператору, выстрелив в район цели, «доверить» средству поражения выполнение

ряда действительно интеллектуальных функций — таких как поиск цели, обнаружение ее на сложном фоне и в полевой обстановке, выбор направления, с которого следует заходить на цель, и наиболее уязвимого фрагмента сложной цели, оптимизацию условий подрыва боевого снаряжения и т. п.

Такие представления о новых качествах и новой стадии развития оружия позволили ранее названному автору сформулировать **определение высокоинтеллектуального оружия**, соответствующее современной трактовке качеств, вкладываемых в англоязычное словосочетание *smart* или даже *super smart*: **ВИО — совокупность УСП и некоторых других образцов оружия, способных выполнять человекоподобным образом ряд интеллектуальных функций, связанных с поиском цели, наведением на нее и оптимизацией условий наведения и поражения с вероятностью, превышающей 0,62, во всем диапазоне дальностей стрельбы (пуска этих средств), во всех расчетных условиях их боевого применения.**

Исключительно важно, что, начиная с некоторого порога точности, который в последнее время успешно преодолен, ВИО приобретает уникальные эффективные характеристики при действии по особо прочным целям. Традиционно (при прежних низких уровнях точности) считалось, что увеличить близкое к нулю значение вероятности поражения особо прочной цели одним выстрелом (или пуском) за счет увеличения количества выстрелов (пусков) практически невозможно. Так вот, современные образцы ВИО преодолели этот порог точности либо путем распределения точек удара на уязвимых фрагментах сложной цели, либо за счет создания специальных законов поражения. Например, при нанесении серии ударов в одну точку (продолбливании) происходит так называемое накопление ущерба, срабатывают различные кумулятивные эффекты, особенно при последовательном применении различных поражающих факторов (бронебойного, фугасного, зажигательного и т. п.), и наряд средств ВИО может оказаться приемлемым даже при ударе по самым высокопрочным и самым защищенным объектам. В войне 1991 года против Ирака журналисты окрестили один из вариантов такого применения средств термином «багдадский экспресс»: первая ракета с телевизионным передатчиком изображения наводилась опера-

тором в определенное место на железобетонной цели и выдалбливала в ней выемку, вторая ракета наводилась в эту выемку... и так далее, до проникновения внутрь цели и уничтожения ее.

Следующим весьма важным моментом при оценке оружия традиционно является анализ зависимостей точности и эффективности от дальности стрельбы (пуска). Если при использовании УСП помимо боезаряда приходится доставлять к цели еще и аппаратуру системы наведения, то масса заряда, доставляемого УСП, меньше массы заряда неуправляемого средства поражения при той же стартовой массе. С другой стороны, точность многих УСП (и особенно ВИО) практически не зависит от дальности, в то время как у неуправляемого оружия она резко падает с увеличением дальности. В результате этого вероятность поражения цели на максимальной дальности у неуправляемых средств поражения мала, а УСП даже при пуске (стрельбе) на большую дальность остаются высокоэффективными. Таким образом, ВИО позволяет комплексам, которые оснащаются таким оружием, обеспечивать **результативный обстрел целей на значительной территории или в пределах значительной зоны эффективной стрельбы.**

Этим достоинства современного ВИО не исчерпываются. Полет интеллектуально совершенных УСП на предельно малой высоте, с использованием складок местности, на большие дальности (тысячи километров) и по таким маршрутам полета, которые в отличие от баллистических не позволяют вычислить точку пуска средства поражения по траекторным наблюдениям, снижает вероятность поражения как самих УСП, так и их носителей. Кроме того, при внезапном ударе затрудняется быстрое принятие правильного решения об ответных действиях.

Этим в числе других причин объясняется большое внимание к ракетам, которые в СССР были названы «крылатыми» (по конструктивному признаку), а в США — *cruise*, то есть «бродячими» (по траекторному признаку).

Отметим еще один весьма существенный фактор, объясняющий влияние высокой эффективности ВИО на характер современных операций. Он состоит в **резком ускорении процесса истощения сил** противостоящих сторон. Возрастание точности и оперативности ударов, особенно при использова-

нии ВИО, приводит к увеличению «эффективной скорострельности». Как следствие — каждый бой с применением такого оружия оказывается скоротечным. Соответственно ускоряются операции войск (сил). Количество участвующих в боевых действиях средств и сил быстро убывает до предельно низкого значения либо у обеих сторон, если обе были оснащены ВИО, либо у одной стороны, имеющей менее совершенное оружие. Об этом свидетельствует опыт учений и опыт боевых действий, в частности в арабо-израильских конфликтах на Ближнем Востоке.

Важно также, что указанные эффективностные характеристики образцов ВТО появляются только при достаточно высоком уровне информационного обеспечения (разведка, передача данных, боевое управление), включая создание хотя бы локального, в зоне применения ВТО, информационного превосходства над средствами радиоэлектронной борьбы противника. Но более совершенные средства ВИО, «принимая» часть интеллектуальных функций на себя, в некоторых случаях могут снизить требования к качеству обеспечения их применения непосредственно в бою, хотя и требуют более тщательного и заблаговременного насыщения их информацией.

Популярности ВИО способствуют и военно-экономические оценки. Расчеты, выполненные для типовых ситуаций, показали, что даже в тех случаях, когда повышение эффективности средства поражения (переход к категории ВИО) сопровождается более чем десятикратным увеличением стоимости каждого образца, **суммарные затраты на поражение заданного числа целей снижаются**, причем весьма заметно. Это объясняется не только снижением расхода самих средств поражения, но особенно снижением потерь, а значит, и сокращением количества их носителей.

Наконец, еще один аргумент в пользу ВИО, к тому же имеющий бесспорное психологическое значение, — сокращение потерь личного состава (экипажей, боевых расчетов), применяющих ВИО.

Опыт боевых действий с применением ВТО, а в последнее время и ВИО, полностью подтверждает как военно-техническую, так и военно-экономическую целесообразность создания таких средств и оснащения ими вооруженных сил.

Речь не идет о всеобщем переходе к ВТО или ВИО. Проанализировав объемы производства оружия в ведущих странах мира, следует отметить лишь все возрастающую долю производства управляемого оружия в общем объеме средств поражения.

Оснащение более совершенным оружием в числе других факторов, позволило многонациональным силам ООН добиться победы над вооруженными силами Ирака в 1991 году. В предыдущих военных конфликтах последних лет хорошо зарекомендовали себя лишь отдельные типы ВТО (противокорабельные ракеты в районе Фолклендских (Мальвинских) островов, противорадиолокационные ракеты и управляемые авиабомбы — в Ливане). Но в войне против Ирака, в Югославии и Афганистане ВТО и ВИО использовалось беспрецедентно широко. Эти виды оружия сыграли решающую роль. Противорадиолокационные ракеты авиации и крылатые ракеты ВМС в сочетании со средствами радиоэлектронной борьбы в Ираке обеспечили господство в воздухе и снижение потерь авиации до исключительно низкого уровня: порядка 0,5% в начале войны и менее 0,1% — во второй ее половине. Это позволило авиации применять оружие с высокой эффективностью, как на полигоне. Там, где требовалась точность и угрожала ПВО, использовалось ВТО и ВИО. Там, где высокая точность не требовалась, при подавлении боевых порядков войск Ирака в условиях полного господства в воздухе успешно применялось неуправляемое оружие. В выполненных боевых вылетах ориентировочно могло быть израсходовано от 30 до 50 тыс. УСП, что позволило практически уничтожить военный потенциал Ирака и предопределить исход войны до перехода в наступление наземных войск. Более того, можно утверждать, что без ВТО и ВИО эта война выглядела бы совсем иначе. Возможно, США и не рискнули бы ее развязать даже под флагом ООН. Все перечисленные достоинства ВИО подтвердились в Югославии и Афганистане.

С военно-экономической точки зрения применение ВТО и ВИО также оказалось рациональным, отнюдь не разорительным для стран, вошедших в коалицию многонациональных сил. Экономические возможности стран НАТО таковы, что для восполнения того же количества ВТО, какое,

по оценкам, было применено против Ирака, до прежнего уровня требуется менее года. Это можно сказать и по поводу восполнения запасов ВИО после завершения военных действий НАТО. Косвенная информация о намерениях США довести боезапас новейших образцов ВИО до 10 тыс. и даже более того вполне правдоподобна.

В военно-стратегическом аспекте поначалу ВТО рассматривалось только как средство поражения, применяемое в военных действиях и имеющее оперативно-тактический эффект. Но вскоре анализ военно-политической роли ВТО показал двойственность его возможного стратегического предназначения: одновременно как средства нападения и средства сдерживания.

В заявлении Президиума Верховного Совета РФ «О приоритетах военной политики РФ» 1 апреля 1992 года было сказано следующее: «Основным фактором, сдерживающим от развязывания крупномасштабных конфликтов и локальных войн против России и других государств — членов СНГ, должны стать силы, обладающие высокоточным оружием и средствами его доставки», а в совместном заявлении двух академий наук (Национальной АН США и Российской АН), утвержденном президентами академий 1 апреля 1994 года, дальнобойное ВТО было однозначно отнесено к стратегически опасным видам вооружений.

В реальности оказалось, что именно США не только оснастили свои вооруженные силы ВТО, но также в настоящее время активно развивают неядерное стратегическое ВИО, опережая на этом поприще не только Россию, но и все другие страны. ВИО нужно Пентагону не только для сдерживания, но и для реализации других, агрессивных концепций. Возможно, поэтому **политические руководители США, оценивая стратегическую роль современного ВИО, «не видят» его двойственный характер, а отмечают только качества неядерного сдерживания.**

Сегодня в США не меньшей, чем ВТО и ВИО, популярностью пользуется **концепция информационной войны (ИВ) и соответствующие ей средства.** Рассчитывая на свой научно-технический потенциал, тон в этой области развития вооружений сегодня задают именно США. России в ее экономических условиях приходится разрабатывать собственное

отношение к новым средствам и свою концепцию ИВ с вынужденной ориентацией на лидера.

В этой области развития вооружений рассматриваются два типа действий и соответственно две совокупности средств.

Первая совокупность средств связана с ИВ как специфическим видом противоборства, не относящегося к традиционным военным действиям и происходящего в особой сфере, называемой инфосферой. При этом в ходе противоборства затрагиваются все компоненты информационного потенциала стран:

- официальная государственная информация, ее информационные носители, центры сосредоточения информации;
- информационный ресурс научных и всех других кадров — создателей и творческих потребителей информации;
- технические средства сбора, переработки, накопления, хранения и передачи информации;
- программно-математические средства;
- инфраструктура всевозможных систем управления;
- административные органы управления информационными ресурсами государства.

Хотя такая «война» будет вестись (и, впрочем, уже ведется) в основном не вооруженными силами, а специальными структурами, в ней есть значительный **военный аспект**, поскольку возможны последствия, снижающие боевые возможности ВС в частности;

- блокирование системы управления ракетно-ядерным оружием и другими стратегическими системами военного назначения;
- нарушение работы систем управления военно-транспортными перевозками, обеспечения ВС материалами, энергией и т. п.;
- резкое ухудшение морально-политической обстановки в ВС, среди призывников (резерва) и снижение боевого духа личного состава вследствие дезинформации, нарушения систем обеспечения жизнедеятельности, дезорганизации систем управления и т. д.

Судя по специальным публикациям, в числе наиболее важных новых средств ИВ оказались всевозможные математические, программные средства типа «вирусов» и «закладок», средства дистанционного стирания информации, записанной

на магнитных носителях, генераторами электромагнитных импульсов, средства неконтролируемого включения в закрытые информационные сети и т. п.

В более узком смысле слова информационная война становится одной из разновидностей настоящих военных действий — информационных военных действий (ИВД), либо важнейшей фазой непосредственной подготовки к ним. ИВД предполагается вести вооруженными силами. Для этого в их составе уже созданы специальные организационные структуры. Особенности ведения войны с применением средств ИВД обучаются все военнослужащие. Руководством министерства обороны США официально используется следующее определение для ИВД: «действия, предпринятые для достижения информационного превосходства в интересах национальной военной стратегии и осуществляемые путем влияния на информацию и информационные системы противника при одновременной защите собственной информации и своих информационных систем».

С военно-технической точки зрения основными составными частями ИВД следует считать интегрируемые воедино, ранее считавшиеся самостоятельными следующие виды военных действий/противодействий:

- разведка/противодействие разведке противника, включая маскировку и дезинформацию;
- РЭБ/обеспечение помехозащищенности, помехоустойчивости собственного вооружения от средств РЭБ противника;
- связь, передача данных/нарушение систем связи и обмена данными противника;
- автоматизированное управление войсками и оружием/противодействие автоматизированным системам управления противника;
- опознавание государственной принадлежности объектов военного назначения, их идентификация/противодействие противнику в решении аналогичных задач;
- навигационное обеспечение своих войск (сил) и средств/срыв навигационного обеспечения противника;
- психологическое обеспечение собственных войск (сил)/психологическое подавление противника.

Задачи этих традиционных видов военной деятельности теперь рассматриваются не только в рамках соответствующих

систем, но и в интегрированной «**системе систем**», становятся задачами ИВД. Интеграция же является не только и даже не столько организационной, сколько технической. «Системы систем» появляются не сами по себе, а за счет новых средств: защищенного обмена данными, их программного обеспечения, усовершенствования стандартов на условия сопряжения (совместимости) систем. Возможно, не все современные пользователи Интернета знают, что эта сеть создана по заказу министерства обороны США и при всестороннем участии его специалистов. Рядовым пользователям предоставлена далеко не лучшая ее часть и далеко не все ее возможности. Использование Интернета только разведывательными органами США давно окупило расходы на создание, теперь он приносит чистый доход.

Но материальные основы ведения ИВД не ограничиваются только перечисленными системами и средствами. Информатизация и автоматизация проникают практически на все уровни войсковой иерархии и практически во все системы современного оружия. **Принципиально новым в военной деятельности в последние годы стало создание и использование баз данных и баз знаний, соответствующего математического (программного) обеспечения. Одновременно создаются и используются средства защиты собственной информации и средств АСУ от воздействия противника, а также средства разрушения аналогичных баз данных (знаний), сетей, программного обеспечения противника.**

В связи с этим разрушение информационной среды противника, включая встроенную в оружие микропроцессорную технику, их аппаратную и программную части, средства обмена данными, сети, а также защита собственной компьютерной информационной среды стали одними из важнейших новых задач ИВД, далеко выходящих за рамки традиционных задач РЭБ, маскировки и т. д.

Надо сказать, что новые средства вооруженной борьбы — отнюдь не конкуренты. Они будут дополнять друг друга в арсенале боевых средств возможных войн XXI века. Даже прилагательное *smart*, которое раньше присоединялось только к «умному» оружию, все чаще теперь относят к иным средствам. Например, появилось словосочетание *smart targeting*, которое было переведено как «умное целеуказание». При этом

отмечается не только традиционное умение «системы искусственного интеллекта» при целеуказании найти цель и обеспечить попадание в нее, но также «определить важность целей для противника». Это действительно интеллектуальная задача, прежде решавшаяся только военными специалистами, причем высшей квалификации.

Отныне в США компьютер включается в стандартный комплект боевого оснащения бойца-профессионала, становясь его незаменимым помощником в бою, — пока, правда, только в элитных подразделениях. Но предполагается, что, по крайней мере в XXI веке это должно стать нормой. Есть сведения о планах комплексного (последовательного или одновременного) применения в войсковых операциях всех названных выше новых средств вооруженной борьбы. Например, проведение операции ВМФ США мыслится в три этапа выполняемыми последовательно следующими задачами:

1) подавление воли военно-политического руководства (ВПР) противника, принуждение его к изменению намерений, для чего используются средства и способы ИВ, не смертельное оружие и (выборочно, демонстративно) ВТО и ВИО;

2) нанесение ударов по военной инфраструктуре и оборонному потенциалу противника вначале с помощью ВИО и ВТО, а затем и неуправляемым оружием;

3) разгром противника на поле боя; только на этом этапе в действие должна вступить морская пехота; и тоже сначала применяется ВТО и ВИО, затем — неуправляемые средства поражения.

В итоге изложенного следует задаться вопросом: действительно ли эти экзотические средства вооруженной борьбы являются эффективными средствами сдерживания?

Их роль не безусловна. Особо эффективным является высокоинтеллектуальное, высокоточное оружие, дающее возможность осуществить строго дозированное возмездие агрессору. Но это справедливо только при определенных условиях их применения и в рамках «формулы безопасности». Нет сомнений, что для сдерживания возможной агрессии эти средства лучше оружия массового уничтожения, как для тонкой хирургической операции скальпель определенно лучше, чем топор.

Но вместе с тем практически все новые средства, на первый взгляд предназначенные только для сдерживания, могут быть и стратегически опасным оружием. Как его использовать и с какой целью — зависит от человека, его воли и разума.

Не оружие причина войн, не может оружие, каким бы совершенным оно ни было, стать и гарантом мира. Оно может служить только материальной основой для этого.

Испокон веков оружие вызывает противоречивые чувства — уважение, восхищение, страх. Все зависит от того, кто его использует и с какой целью. В стремлении к совершенному оружию человек должен сначала взглянуть на себя и в себя. Возможно, вечный кантовский вопрос окажется более достойным предметом для приложения усилий? «Звездное небо — над нами и нравственный закон — внутри нас».

4.2. Силовое неядерное сдерживание

Все идет к тому, что человек в своем стремлении совершенствовать оружие почти достиг предела. Очевидно, предел — относительная граница, за которой начинается иное качество. Так в каком направлении будет развиваться военно-техническая мысль?

Совершенствование оружия идет параллельно с развитием средств противодействия и средств защиты от него. На данном этапе уровень развития средств защиты отстает от уровня развития средств нападения. Построение эффективной системы защиты требует значительно больших затрат, чем создание аналогичной по эффективности системы нападения. На этот счет у человечества всегда наготове афоризм: лучшим способом обороны является нападение.

О том же говорится и в древней китайской стратагеме. Древнее китайское искусство достижения военных, политических и иных целей, или китайское искусство хитроумия, было некогда сформулировано в виде 36 стратагем. Стратагемы — это и есть неординарные пути к достижению целей в различных областях деятельности человека. Смысл одной из страта-

гем тот же, что и в афоризме: лучшим способом защиты от нападения на свои интересы сильного противника является создание угрозы нападения на его жизненно важные интересы. Тогда противник будет вынужден отказаться от нападения. Во многом принцип ядерного сдерживания представляется современным прочтением китайской стратагемы, вобравшей в себя многовековой опыт военного искусства.

Эффективность политики ядерного сдерживания доказана событиями всей послевоенной истории. Эта политика обеспечила мирное сосуществование двух сверхдержав, противостоящих как общественно-экономические системы в области идеологии, образе жизни, мировоззрении, сферах влияния и др. Ценой такого противостояния, сформулированной в понятии «неприемлемый ущерб», который может быть нанесен агрессору в ответных действиях, являлось само существование государства как такового. Ведь неприемлемый ущерб — это подавление способности государства выполнять свои основные функции: обеспечивать минимальные потребности личности, общества и самого государства. Использование ядерного оружия как средства сдерживания в условиях такого жесткого противостояния обосновывалось тем, что альтернативой победы в противоборстве являлась гибель самого государства. На первый взгляд с падением СССР в условиях перестройки экономической и общественно-политической системы России основные аспекты противостояния США, Западной Европы и России во многом нивелировались. Соответственно и цена противостояния в новых условиях должна быть адекватно снижена, как и уровень неприемлемого ущерба.

Однако даже в условиях реализации положений о сокращении ядерных вооружений стороны могут иметь в боевых составах СЯС по 3000—3500 ядерных боеголовок. Как отмечалось выше, по расчетам ученых, для экологической катастрофы на Земле достаточно 1000 боеголовок. Есть необходимость дальнейшего сокращения ядерных потенциалов сторон, поскольку между Россией и США не осталось более таких противоречий, из-за которых стоило бы рисковать существованием государства, а возможно, и самой жизнью на Земле. Однако дальнейшее глубокое сокращение стратегических ядерных вооружений может привести стороны к состоянию

неустойчивого равновесия. Речь в данном случае может идти только об адекватном снижении уровня неприемлемого ущерба.

Необходимо вернуться к рассмотрению понятия «неприемлемый ущерб» в современных условиях. Неприемлемым он должен быть для вероятного агрессора, если иметь в виду предполагаемые выгоды, на которые он может рассчитывать, нанося удар первым. Значит, ущерб должен быть равным или превышающим возможные выгоды от агрессии. Угрозой нанесения такого ущерба можно сдержать разумного противника от агрессии, а для оценки величины неприемлемого ущерба необходимо знать возможные цели агрессии и цену тех выгод, которые может получить агрессор, к тому же цели агрессии могут меняться. Самым «серьезным» целям будет соответствовать самый большой неприемлемый ущерб, по которому и должен быть определен рациональный (видимо, минимальный) уровень группировки СЯС каждой стороны для обеспечения состояния устойчивого равновесия. Задача нахождения максимального уровня неприемлемого ущерба в современных условиях еще ждет своего решения. А вот меньшие уровни, соответствующие спорным, до сих пор не решенным другими (несиловыми) методами международным проблемам, могут быть не столь велики, и для нанесения неприемлемого ущерба в этих рамках нет смысла применять ядерное оружие даже ограниченно. Другими словами, применение и даже угроза применения ядерного оружия в качестве инструмента для разрешения международных споров является в большинстве случаев неадекватной мерой. Требуются средства, способные реализовать угрозу нанесения вероятному агрессору неприемлемого ущерба меньшего уровня, адекватного «цене» конфликта.

Чтобы угрожать и иметь реальную возможность нанести определенный ущерб потенциальному агрессору в ответных действиях, необходимо прежде решить две взаимосвязанные задачи: выбор объектов, представляющих для страны-агрессора определенную ценность, угроза поражения которых способна с большой степенью уверенности (вероятностью) сдержать военно-политическое руководство страны от агрессии, и выбор (создание) собственно боевых средств, способных реализовать такую угрозу.

Задача выбора объектов поражения сложна и зависит, с одной стороны, от неопределенности оценки их важности для страны-агрессора. С другой — существует опасность «перебора в дозировке» ущерба в ответ на угрозу определенного масштаба. Иначе говоря, трудно определить потребный ущерб, адекватный угрозе. Оценка важности объектов поражения и вероятность сдерживания агрессора угрозой их поражения определяются экспертным путем. В этом вопросе возникает необходимость в рекомендациях специалистов — страноведов, хорошо знакомых с системой ценностей страны-агрессора. Что касается оценки адекватности планируемого ущерба масштабу угрозы или адекватности последствий от возможной агрессии ущербу в результате удара возмездия, то здесь представляется целесообразной тактика ступенчатого наращивания уровня угрозы с отслеживанием реакции противостоящей стороны на эти угрозы.

При выборе возможных объектов поражения в интересах реализации сдерживания проявляется еще одно принципиальное отличие сил и средств сдерживания от сил и средств ведения войны. Традиционно в качестве объектов поражения сил и средств вооруженной борьбы первыми в ряду всегда были военные объекты. Их поражение вело к достижению военного превосходства над противником, а в дальнейшем и к достижению победы. Попутно в ходе боевых действий разрушались населенные пункты, объекты экономики, инфраструктуры. Однако само по себе поражение этих объектов не являлось целью боевых действий. Вследствие милитаризации экономики развитых стран целями для ударов все чаще назначаются объекты военно-экономического потенциала государств.

Выбор объектов поражения для сдерживания потенциального агрессора определяется не по принципу наибольшего снижения боевого потенциала вооруженных сил противника, а по степени сдерживающего воздействия. В свою очередь, степень сдерживающего воздействия, или эффективность сдерживания, определяется по влиянию последствий возможного ущерба от ударов возмездия на общественное сознание, на государственную элиту и лиц, принимающих решение об агрессии или оказывающих существенное воздействие

на принятие такого решения. Нестрогая классификация таких объектов может выглядеть так:

- объекты экономики;
- объекты финансовой деятельности государства;
- объекты информатики;
- объекты, опасные в экологическом отношении;
- объекты индивидуальных ценностей государственной элиты;
- объекты обеспечения высокого уровня цивилизации.

Объектами экономики прежде всего являются нефте- и газоперерабатывающие заводы, нефтехранилища и другие топливонасыщенные и электроэнергетические предприятия, транспортные коммуникации и т. п. Их поражение неизбежно нарушит функционирование химической, нефтехимической промышленности, а также вызовет большие сложности в других отраслях экономики. К объектам финансовой деятельности государства следует отнести банковские сети, биржи, их базы данных, вычислительные центры. Нарушение финансово-экономической системы государства может стать причиной организованного финансового и экономического кризиса в стране. К объектам информатики относятся системы государственной, военной и коммерческой связи, телекоммуникаций, разрушение которых повлечет за собой дезорганизацию связи и управления различными сферами деятельности государства. К экологически опасным объектам можно отнести крупные плотины и водохранилища — их разрушение приведет к серьезным экологическим последствиям, не считая экономического ущерба. Словосочетание «индивидуальные ценности» государственных элит означает объекты личной собственности, банковские счета, недвижимость, контролируемые ими предприятия и организации, поражение которых окажет влияние непосредственно на первых лиц государства или лиц, имеющих на них прямое или косвенное воздействие. К объектам, обеспечивающим соответствующий уровень цивилизации, относятся предприятия электроснабжения и связи, объекты бытовой электроники, компьютерных сетей, инфраструктуры, радио и телевидение. Их поражение может снизить уровень бытового и культурного обеспечения населения на порядок и более.

Очевидно, что для различных стран выбор объектов поражения в интересах сдерживания будет разным. Так, в странах с тоталитарным, авторитарным режимом правления наиболее эффективным с точки зрения сдерживания представляется поражение объектов индивидуальных ценностей государственных элит. Для экономически развитых государств — объектов экономики, информатики, а также объектов, обеспечивающих высокий уровень цивилизации и бытовой культуры.

При выборе объектов поражения необходимо исходить из критерия «эффективность — стоимость», что означает: при выборе объектов следует учитывать не только сдерживающий эффект или эффективность сдерживания, но и стоимость поражения тех или иных объектов. Поэтому в процессе выбора предпочтение следует отдавать ключевым объектам, определяющим успешное функционирование базовых отраслей промышленности, но при этом выделяя те из них, которые могут быть эффективно поражены разумным нарядом боевых средств.

Основу механизма неядерного сдерживания составляют военно-технические средства, включающие как собственно боевые средства поражения, так и средства обеспечения их боевых действий. Рассмотрим теперь возможные боевые средства, способные эффективно поражать указанные классы объектов.

Коль скоро неядерные средства сдерживания по решаемым задачам в определенной степени являются «последователями» СЯС, их «меньшими братьями», то представляется целесообразным оценить возможность использования тех же технических средств для доставки неядерных средств поражения к объектам удара. Необходимо начать с наземного компонента СЯС — межконтинентальных баллистических ракет. Однако оснащение таких ракет неядерным боевым зарядом вряд ли можно признать целесообразным. Во-первых, старт такой ракеты может быть воспринят за старт ракеты с ядерной боеголовкой, что увеличивает риск перерастания неядерного конфликта в ядерный. Во-вторых, число баллистических ракет в рамках подписанных договоров о сокращении стратегических наступательных вооружений оговорено, а создание группировки стратегических неядерных средств за счет сокращения СЯС явно не увеличит сдерживающий потенциал России. Вместе

с тем полностью исключать такую возможность нельзя с учетом того, что для дифференциации старта ядерных и неядерных ракет могут быть выбраны и согласованы с соответствующими международными органами специальные районы базирования.

Баллистические ракеты на подводных лодках существенно отличаются от наземных: район базирования как основной отличительный признак для ядерных и неядерных средств здесь не годится. Однако в качестве носителей крылатых ракет морского базирования могут быть использованы надводные корабли и подводные лодки. Надо иметь в виду, что надводные корабли обладают невысокой живучестью или, как говорят моряки, боевой устойчивостью в условиях уже начавшихся боевых действий. В свою очередь использование подводных лодок повышает стоимость группировки неядерных средств. Использование авиационных носителей для доставки неядерных средств поражения к объектам удара является, видимо, наиболее рациональным вариантом в создании группировки неядерных средств. Самолеты — носители крылатых ракет уже имеют опыт эксплуатации, в том числе с ядерными боеголовками. Подтверждением целесообразности использования авиационных носителей для этих целей служит и американский опыт применения крылатых ракет в Ираке, Югославии и Афганистане. Правда, здесь следует отметить, что использование высокоточных неядерных средств поражения в Ираке и Югославии проводилось не в интересах сдерживания, а для решения совсем других задач — возмездия, давления. Применение этих средств в указанных целях не принесло желаемых результатов тем, кто их применял. Однако сам опыт их использования должен быть учтен при создании группировки стратегических неядерных средств сдерживания.

В результате наиболее реальными в настоящее время средствами для доставки неядерных боеприпасов к целям можно считать самолеты — носители крылатых ракет, а также надводные корабли и подводные лодки.

Целесообразно обратиться непосредственно к неядерным средствам поражения. Очевидно, что для каждого типа объектов существуют наиболее эффективные средства поражения и средства их доставки. Для одних объектов требуются боеприпасы с большой разрушительной силой, для других —

обладающие зажигательными свойствами, для третьих — с электромагнитными импульсами большой мощности. Что же касается средств доставки, то поскольку в основном речь идет о поражении объектов в глубине территории противника, необходимые средства должны обладать большой дальностью полета и высокой точностью наведения. Кроме того, эти средства должны отличаться высокой автономностью в отсутствие, как правило, возможности их сопровождения и наведения с помощью внешних средств, скрытностью и помехоустойчивостью, так как их основной полет предполагается над чужой территорией. Очевидно, таким требованиям отвечает высокоточное интеллектуальное оружие. Именно такое оружие применялось американцами в войнах с Ираком и Югославией. По сути, они использовали эти войны как полигоны, проверив «в деле» свои крылатые ракеты и системы обеспечения их боевого применения. То, что представляется как средство сдерживания и предотвращения войны, используется ныне для агрессии, для навязывания своей воли странам, обладающим значительно меньшим боевым потенциалом. Отсюда следует еще один вывод относительно сил, средств и самой концепции сдерживания. Сдерживание потенциального агрессора возможно и эффективно лишь тогда, когда обе противостоящие стороны обладают сдерживающим потенциалом, который способен обеспечить возможностью нанесения противной стороне неприемлемого ущерба. При ином раскладе стороны попадают в зону неустойчивого равновесия или преимущества одной из сторон, что было продемонстрировано в Ираке и Югославии. Отсутствие эффективных сил и средств сдерживания у одной из сторон становится мощным дестабилизирующим фактором.

Вместе с тем нельзя не отметить достаточно высокий уровень американского высокоточного оружия, что позволило наносить выборочные точечные удары по объектам в многонаселенных городах и поселках. Именно такие средства должны в основном находиться в составе группировки стратегических неядерных средств сдерживания, а вот в качестве инструмента агрессии, средства достижения целей агрессии они оказались малоэффективными.

В рамках концепции неядерного сдерживания эффективное поражение объектов информатики и объектов, обеспечи-

вающих высокий уровень цивилизации (теле-, видео- и радиоэлектронные и электрические бытовые приборы, современные системы управления и связи, компьютеры и другая оргтехника, транспортные средства и т. п.), возможно с применением генераторов поражающих электромагнитных импульсов, включая аналогичные приборы с ядерной накачкой, для получения больших мощностей в импульсе, увеличивающих радиус разрушительного действия. О таких технических средствах, способных выводить из строя электронную технику, уже упоминалось, когда речь шла о средствах информационной войны. Очевидно, что в качестве неядерных средств поражения могут быть использованы и другие существующие и перспективные типы боеприпасов и иных средств.

Следует отметить, что помимо традиционных видов обеспечения боевых действий сил и средств сдерживания в систему обеспечения должен входить аналитический комплекс. Его задачи — прогнозировать военные угрозы России, оценивать степень военной опасности со стороны отдельных стран, моделировать последствия применения неядерных средств по различным жизненно важным объектам и т. п. Предвидеть последствия поражения некоторых объектов — наиболее ответственная задача, поскольку они могут затрагивать интересы третьих стран. При этом имеются в виду последствия как политического, так и экологического, экономического, демографического и иного характера. Например, при бомбардировках Югославии одним из плохо продуманных последствий стало бегство албанцев из Косово в приграничные страны.

Еще одна важная функция стратегических неядерных сил — деэскалация начавшегося военного конфликта или войны, если миротворческие усилия и угроза ответных действий не привели к положительным результатам. В этом случае группировка стратегических неядерных сил должна нанести удары по заранее объявленным жизненно важным объектам, последовательно наращивая при необходимости уровень ущерба стране-агрессору. Удары должны сочетаться с мероприятиями дипломатического и политического характера. Задачей комплекса аналитических средств группировки неядерных средств в этом случае является оценка последствий предыдущих ударов по объектам агрессора, анализ реакции

руководства и общественности страны-агрессора, оценка собственного ущерба в результате продолжающейся агрессии и выработка рекомендаций для очередного удара по объектам агрессора, последствия от поражения которых были бы адекватны собственному ущербу и даже превышали его. При выборе средств поражения и средств их доставки к объектам удара следует учитывать варианты противодействия сил агрессора и предполагаемые потери своих средств. Действия сил сдерживания должны продолжаться по нарастающей, до прекращения боевых действий агрессором и начала переговорного процесса.

Надежды на разум не всегда оправдываются. Как быть, если фанатичное или нерасчетливое руководство страны-агрессора не прекращает агрессию несмотря на понесенный ущерб?

Для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть связь ядерных и неядерных сил и средств сдерживания. Но прежде еще раз надо вернуться к проблеме создания специальной группировки стратегических неядерных сил, к оценке ее необходимости. Возможно, достаточно имеющейся группировки СЯС? Допустим, что на последний вопрос получен утвердительный ответ: в случае любой достаточно серьезной агрессии с применением обычных вооружений Россия использует свой ядерный потенциал сдерживания. При возникновении конфликтной ситуации с сильным в военном отношении противником (например, с одной из стран НАТО), перешедшим в вооруженный конфликт, который не удастся погасить несилowymi методами, необходимо принять решение: применять ли ядерное оружие или вести войну с заведомо более сильным противником, используя лишь обычное вооружение. Слишком большая ответственность за применение ядерного оружия первыми и опасность ответного ядерного удара могут не позволить руководству страны решиться на первый ядерный удар. Высокий ядерный порог эскалации конфликта можно не переступать, используя для этого средства неядерного сдерживания. Ущерб от поражения объектов на территории агрессора средствами неядерного сдерживания может изменяться в широких пределах — от разрушения отдельных объектов экономики до нанесения ущерба, сравнимого по последствиям с применением ядерного оружия. Поэтому «достройка» ядерного «порога» не-

ядерными «ступенями» может привести к двойственным результатам. С одной стороны, для сдерживания потенциального агрессора и деэскалации начавшейся агрессии может быть использован широкий арсенал средств, позволяющий наращивать силу (угрозу) ударов вплоть до применения ядерного оружия. В этом случае действенность сил и средств неядерного сдерживания значительно возрастает, так как начало их применения может в определенных условиях привести к ядерному конфликту. С другой стороны, создание группировки средств неядерного сдерживания и объединение ядерных и неядерных сил и средств сдерживания в единые силы стратегического сдерживания как бы размоет «ядерный порог», что само по себе опасно для человечества. Таким образом, наличие неядерной составляющей в комплексе сил сдерживания России позволит повысить стабильность международных отношений в мире за счет повышения сдерживающего потенциала России. Для США вопрос о создании неядерных высокоточных средств не стоит — они уже обладают такими средствами, постоянно наращивают их количество и непрерывно совершенствуют. Однако применяют вовсе не в качестве средств сдерживания.

В России есть подобное оружие. Уровень развития отечественной научно-технической и производственной базы позволяет ей иметь необходимую группировку таких средств. Но возникают новые вопросы: какое количество средств неядерного сдерживания требуется сегодня и не начинается ли новый виток гонки вооружений? Это может стать непосильным грузом для нашей, мягко говоря, «нездоровой» экономики. Видимо, следует уже сейчас говорить о необходимости ограничить количество высокоточных неядерных средств поражения разумными пределами и соответствующем международном контроле. Однако что может заставить американцев сесть за стол переговоров, если они заявляют претензии на мировое лидерство? Договоры об ограничении и сокращении стратегических наступательных вооружений были подписаны в условиях ядерного паритета США и России. Причины, заставившие их пойти на этот шаг, были в основном не экономические. Просто наличие в огромных количествах запасов ядерных зарядов угрожало как Америке, так и всему живому на земле. Неядерные средства тоже опасны, хотя и обладают

высокой точностью. Если ядерное оружие опасно из-за огромной энергии, освобождающейся в результате ядерной реакции, а также из-за вторичных долговременных последствий в виде радиационного заражения, то опасность высокоточного оружия заключается в последствиях поражения тех или иных объектов. Можно небольшим нарядом крылатых ракет принести стране, подвергшейся удару, ущерб даже больший, нежели от взрыва ядерного боезаряда: например, удар по атомной электростанции или по плотине крупной гидроэлектростанции. Опасность таких средств возрастает многократно, если они попадут в руки фанатичных руководителей государств или государственных террористов. Быть может, эта опасность заставит американцев пойти на переговоры об ограничении распространения технологий производства таких средств и торговли ими. Кроме того, последовательно принять решение и о количественных ограничениях на запасы и производство этих средств в отдельных странах. Параметры паритета по средствам неядерного сдерживания надо устанавливать не только исходя из количества тех или иных средств, но учитывая также степень их совершенства, эффективность, дальность, живучесть и пр.

Вопрос о готовности Америки сегодня вести переговоры о паритете с Россией открыт. Несомненно, у России есть все необходимое для создания (или увеличения) группировки высокоточного оружия. Но соревноваться с США в этой области при современном финансово-экономическом положении страны как минимум неразумно. Для технического обеспечения применения высокоточного оружия необходимы космические системы разведки и целеуказания, навигации, радиолокационные или оптические карты местности и др. Все это требует больших затрат, чего наша страна сегодня позволить себе не может. Необходимы другие решения и прежде всего несиловые — меры политического, экономического сдерживания и т. д. В любом случае надо учитывать обязательную взаимосвязь силовых и несиловых мероприятий, направленных на сдерживание потенциальных агрессоров.

Это был взгляд на основные элементы механизма неядерного сдерживания, включающего средства поражения, средства их доставки к объектам удара и средствам технического и аналитического обеспечения. Вместе с тем механизм не-

ядерного сдерживания должен включать еще один важный компонент. Речь идет о комплексе мероприятий дипломатического, информационного и другого характера, направленных на демонстрацию возможности применения неядерных средств сдерживания и решимости руководства страны применить их в случае необходимости, на доведение до руководства и общественности страны-агрессора наглядных и убедительных материалов, подтверждающих катастрофический характер последствий поражения объектов в ответном ударе. В указанный комплекс мероприятий должна входить опубликованная концепция стратегического сдерживания, где были бы заявлены основные принципы, формы и способы применения средств сдерживания. Следует также довести по дипломатическим каналам информацию о целях и направленности новой концепции и, вероятно, новый вариант военной доктрины с изменениями в концепции сдерживания. К необходимым мероприятиям относятся также демонстрационные и испытательные пуски и учения с применением таких средств, открытые для средств массовой информации.

Опираясь на материалы, рассуждения и предложения, представленные в настоящей главе, можно сформулировать основные цели, задачи и принципы концепции применения стратегических неядерных сил и средств.

Создание достаточно крупной группировки таких средств продиктовано необходимостью поддержания стратегической стабильности в мире и безопасности России с опорой не только на ее ядерный потенциал сдерживания. Задача такой группировки — предотвращение и деэскалация вооруженных конфликтов и войн с применением обычных боеприпасов.

Возможность создания достойной группировки неядерных средств, основу которых должны составлять высокоточные средства поражения, вполне обеспечена имеющимся у России научно-техническим и производственным потенциалом.

Приведенный анализ позволяет охарактеризовать основные принципы концепции неядерного сдерживания.

Прежде всего — **неотвратимость возмездия** в ответ на агрессию. Это означает, что группировка неядерных средств сдерживания должна включать такие военно-технические средства, применение которых не может быть предотвращено вероятным агрессором. Для реализации их целей группировка

должна обладать высокой живучестью в местах базирования, высокой помехоустойчивостью и не нести больших потерь при боевом применении.

Следующим важным принципом концепции применения неядерных средств следует назвать **избирательность**, понимая под этим способность наносить точечные удары по выбранной цели, не принося ущерба другим, возможно, рядом расположенным объектам.

Принцип **дозирования** также относится к категории обязательных для рассматриваемых средств поражения. Принцип означает, что при решении задачи деэскалации начавшегося вооруженного конфликта, постепенное — адекватно складывающейся обстановке — наращивание силы ударов и увеличение ущерба, вплоть до достижения результата.

Для оперативной реакции на действия противника в процессе деэскалации конфликта, что является необходимым условием успешности и эффективности средств сдерживания, естественно потребовать от них способности действовать в реальном масштабе времени, то есть все элементы системы неядерных средств должны обладать высоким быстроедействием.

Принцип **гласности**, или открытости, означает информированность населения своей страны и мировой общественности о целях, задачах и возможных результатах боевого применения таких средств, публикацию в открытой печати концепции стратегического сдерживания на основе неядерных средств.

Наконец, группировка таких средств должна быть вполне приемлемой по средствам, вписываясь в реалии современного экономического положения страны, дабы избежать непомерных расходов на ее содержание и боевое применение.

Следует признать, что высокоточные неядерные средства, созданные и испытанные в боевых условиях в конце XX века, изменят характер возможных вооруженных конфликтов и войн в новом столетии. Само их появление обусловлено стремлением, во всяком случае развитых стран, к ведению боевых действий с минимальным количеством человеческих жертв (как правило, со своей стороны). Как показали результаты последних боевых действий, при огромном ущербе военным объектам и объектам экономики людские потери (особенно со стороны НАТО) относительно невелики. Однако

использование только высокоточного оружия не обеспечило войскам НАТО достижения целей агрессии. Войну закончили политики. Если бы у Югославии были аналогичные средства, способные поражать в ответных действиях объекты на территориях хотя бы европейских стран НАТО, агрессия вряд ли бы состоялась. Она могла бы быть пресечена ответными ударами высокоточного неядерного оружия. Возможно ли на этом основании сделать заключение, что высокоточные неядерные средства более эффективны при решении задач сдерживания? Хотелось бы в это верить. Будущее покажет. В любом случае государства, обладающие такими средствами, вобравшими в себя последние достижения мировой научно-технической мысли, будут иметь значительно больший потенциал сдерживания для обеспечения своей оборонной безопасности.

Таким образом, изменившийся в результате распада СССР военно-стратегический баланс сил в мире, тенденция к усилению напряженности в межгосударственных отношениях России и угрозы со стороны некоторых государств требуют принятия дополнительных мер по обеспечению обороноспособности нашей страны.

Одним из приоритетных направлений военной политики России в этих условиях должно являться развитие (в дополнение к ядерному потенциалу) стратегических неядерных сил и средств для сдерживания потенциальных противников от агрессии с применением обычных средств поражения, направленной против России и ее ближайших союзников. Соответствующая научно-техническая и производственно-технологическая база в России имеется.

Использование стратегических неядерных средств сдерживания должно быть возможным при следующих условиях:

- основной формой боевого применения сил и средств неядерного сдерживания должны быть ответные действия;
- основные удары средств неядерного сдерживания в ответных действиях должны быть направлены на объекты экономики, информатики, объекты индивидуальных ценностей правящей элиты государства-агрессора и объекты, обеспечивающие высокий уровень жизни;
- концепцию применения средств неядерного сдерживания, формы и способы их боевого применения следует сделать

достоянием общественности во всех странах — участницах конфликта, опубликовав ее в средствах массовой информации.

Кроме того, неотъемлемой частью механизма сдерживания должен быть комплекс внешнеполитических мероприятий, направленный на формирование у руководства и общественности страны-агрессора представления о возможности, неотвратимости и высокой эффективности применения неядерных средств, а также решимости их применить.

Способность сил и средств неядерного сдерживания нанести агрессору в ряде случаев ущерб, сопоставимый по последствиям с применением ядерных боеприпасов, как бы размывает границу «ядерного порога», что, в свою очередь, приближает указанные средства по эффективности сдерживания к СЯС.

Стратегические неядерные силы и средства должны совместно с СЯС составлять единые силы стратегического сдерживания, что позволит военно-политическому руководству страны при необходимости достаточно плавно наращивать уровень ущерба агрессору в ответных действиях — от демонстрационного применения одиночных неядерных средств до (теоретически) массированных ядерных ударов.

Рассмотренный выше подход к формированию и реализации военной политики России в ближайшие годы и на перспективу должен быть скорректирован в соответствии с новыми вызовами ее национальной безопасности (военными, политическими, экономическими, террористическими, демографическими, территориальными, ресурсными, экологическими).

4.3. Современные формы устранения военных угроз

Катастрофические последствия двух мировых войн XX столетия привели человечество к осознанию необходимости создания мирового наднационального органа для поддержания

и решения международных проблем мирными, политическими средствами. Как отмечалось выше, Организация Объединенных Наций эффективно функционировала более пятидесяти лет. Основными принципами международных отношений стали невмешательство во внутренние дела суверенных государств и признание границ, сложившихся в результате Второй мировой войны.

Создание ООН можно расценивать как торжество разума над силой, признание приоритета несиловых методов решения спорных международных проблем. Весь послевоенный период мировое сообщество существовало и развивалось в основном в соответствии с тем миропорядком, который был определен Уставом ООН. Развитие регионов в мире и отдельных государств по различным причинам происходило неравномерно. Сформировался биполярный мир, наращивались военные потенциалы сторон. Накапливающиеся противоречия порой выливались в периферийные неядерные вооруженные конфликты локального масштаба. Процесс мирного сосуществования двух противостоящих систем, определяемый еще как состояние холодной войны, закончился поражением одной из них и сломом станового хребта системы — СССР, причем «победа» другой стороны была завоевана не в результате войны с применением средств вооруженной борьбы, а в результате использования других, несиловых методов противоборства. Этот пример, неприятный для нас и, думается, негативный для всего мирового сообщества — в отношении стратегической стабильности в мире, убедительно свидетельствует об эффективности несиловых методов разрешения межгосударственных противоречий. Что сыграло в этом случае решающую роль? Это не была победа разума. Возможно, что силовой вариант разрешения противоречий был чреват экологической катастрофой планетарного масштаба. Не будь на вооружении противостоящих сторон ядерного оружия, мировая война могла бы разразиться и значительно раньше. С другой стороны, человечество сумело оценить опасность вооруженного разрешения противоречий двух сверхдержав и не допустило ядерной войны. Однако и развал СССР по своим масштабам и последствиям для всего человечества можно рассматривать как глобальную катастрофу с ущербами, сопоставимыми с ущербами от военных столкновений.

Известные события сначала в Ираке и Чечне, затем в Югославии и США свидетельствуют о реальной неоднозначности исхода борьбы за стабильный мир, о хрупкости грани между добром и злом. Разумное начало вновь отступило, и решение проблем было отдано на откуп силе. Ее не стало больше, просто в мире нарушился баланс. Былая биполярная равновесная система превратилась в монополярную с единственным центром силы, который не скрывает своей цели быть лидером в мире — одновременно и судьей, и судебным исполнителем. Мир снова оказался в ситуации, когда всем управляет сила, а не разум. Пока не сформируется мировое «ополчение» или новый центр силы, способный дать отпор самопровозглашенному мировому лидеру и установить справедливый миропорядок, который устроил бы подавляющее большинство суверенных государств, недостаточно сильным в военном отношении государствам следует по отдельности или в коалиции с себе подобными пытаться противостоять амбициям потенциальных агрессоров.

О силовом сдерживании было сказано выше. Однако для повышения эффективности сдерживания силовые меры, как показала практика, целесообразно применять в сочетании с другими, невоенными. Это могут быть политико-дипломатические меры, направленные, например, на раскол противостоящей военно-политической коалиции, экономические меры, совместные усилия, направленные на формирование неблагоприятного для агрессора общественного мнения. В Югославии это касалось, в частности, проблемы беженцев из Косово и других районов страны.

Невоенные меры сдерживания могут применяться самостоятельно и быть вполне результативными.

Наиболее действенными и часто используемыми мерами несилового характера являлись экономические санкции против государства, нарушающего нормы международного права. Так было с Ираком и Ливией, которая уступила-таки требованиям мирового сообщества и передала в руки правосудия своих граждан, подозреваемых в организации террористического акта, приведшего к гибели сотен невинных людей. Эффективными дипломатическими мерами сдерживания от совершения каких-либо незаконных действий отдельными странами по отношению к другим могут стать официальные заявления го-

сударств с угрозой применить силовые меры к нарушителям. Так, например, угроза США, объявленная ими официально, о нанесении ударов по территориям стран, подозреваемых в поддержке терроризма, а также демонстрация решимости реализовать такую угрозу (удар по Ливии в апреле 1986 года) привели к реальному снижению числа террористических актов против граждан и объектов Америки за пределами ее территории, но это не устранило нанесения террористических ударов по Нью-Йорку и Вашингтону 11 сентября 2001 года. Примером политического сдерживания вероятных агрессоров явилось отсутствие подтверждения со стороны России в официальных документах принципа неприменения ядерного оружия первыми.

Можно, очевидно, привести еще немало фактов, иллюстрирующих эффективность применения невоенных мер сдерживания. Однако нельзя не отметить, что большинство примеров так или иначе связаны с угрозой применения силы в случае несрабатывания политических мер, которые являются своего рода несиловым этапом, предшествующим применению силы. Другие эффективные меры связаны с неблагоприятными для страны — потенциального агрессора последствиями экономического, экологического, демографического и другого характера. При этом эффективность мер напрямую связана с реальной способностью страны, применяющей их, реализовать такую угрозу. Это значит, что реальным потенциалом сдерживания обладают, в основном, те страны, которые имеют реальную военно-политическую мощь. Все компоненты этой военно-политической мощи, будь то военный, экономический, политический или какой-либо другой потенциал (сдерживания), должны обладать способностью каждый в отдельности или комплексно причинить любому вероятному агрессору ущерб, близкий к неприемлемому.

Таким образом, снова, но, возможно, в другом аспекте, рассматривая возможность применения невоенных или комплексных мер для обеспечения оборонной безопасности, приходится вернуться к «формуле безопасности» в регионе (мире). В соответствии с этой формулой для обеспечения оборонной безопасности государства необходимо, чтобы его потенциал сдерживания был не меньше потенциала угрозы. При этом миротворческий потенциал мирового сообщества

также рассматривается как одна из составляющих комплексного потенциала сдерживания возможного агрессора. Величина этого потенциала определяется через соответствующие элементы военно-политической мощи страны — вероятной жертвы агрессии, включая степень политической, экономической или иной значимости данного государства для мирового сообщества. Например, возможность нападения на Швейцарию вряд ли выглядит реальной. Это объясняется ее ролью международного банковского центра, где сосредоточены интересы многих государств мира и представителей их элит. Другие небольшие страны также имеют свою «нишу» на мировом рынке производства, торговли и услуг, угроза разрушения которой задевает интересы многих стран. Именно это и является гарантией для данной группы стран от вооруженной агрессии со стороны других стран. Таким образом, в мире существует равновесие, баланс интересов, угроз интересам и потенциалов сдерживания. Мир динамично развивается, и балансы могут нарушаться, расти потенциалы угрозы. При возникновении отдельных напряженностей, связанных с возможностью перераспределения интересов между государствами, включается механизм реализации потенциалов сдерживания начиная с применения несиловых (политических, экономических и иных) мер, а в случае необходимости — и военных мер сдерживания как крайнего способа отстаивания своих интересов от посягательств агрессора.

Какие уроки извлекло для себя человечество из тысяч войн, самые разрушительные из которых были пережиты в ушедшем столетии? Насколько справедливо утверждение, что военное противостояние — это некий закон природы и постижение его недоступно человеческому разуму? Возможно, вся история земли, как и наше будущее, заранее predeterminedены и управляются извне?

В попытках ответить на эти и подобные им вопросы можно представить себе гипотетическую ситуацию, при которой существует возможность безошибочно предсказать или просчитать исход и все последствия будущего конфликта. Очевидно, это привело бы к исключению войн из жизни людей. Действительность отрезвляет. Развитие цивилизации отчасти предоставило людям возможность просчитывать результаты вооруженных столкновений в зависимости от соотношения боевых

потенциалов сторон, боевых задач, решаемых вооруженными силами противостоящих сторон, условий боевых действий и т. д. Развитие компьютерной техники, методов моделирования и прогнозирования способствует повышению точности прогнозов относительно исходов возможных вооруженных конфликтов и войн, а современные системы связи позволяют довести результаты расчетов до заинтересованных сторон. Однако количество факторов, влияющих на ход и исход такого сложного общественно-политического явления, как война, слишком велико, чтобы их могла учесть даже самая совершенная вычислительная техника. Поэтому результаты расчетов носят, как правило, вероятностный характер, и лишь в случае очевидного преимущества одной из сторон можно с большой достоверностью предсказать исход войны или вооруженного конфликта. Видимо, это является тем самым дестабилизирующим фактором и в определенной мере способствует развязыванию войн.

И все же возможностей предотвратить войну в наше время значительно больше, нежели раньше. Сегодня государства и народы, их населяющие, оказались в тенетах многочисленных и разнообразных связей — политических, экономических, этнических, семейных и многих других, став, образно говоря, добровольными заложниками мира. Нежелание нарушить эти связи на государственном, общественном или межличностном уровне из-за угрозы войны является мощным сдерживающим фактором от развязывания вооруженных межгосударственных конфликтов. Большое влияние на потенциал сдерживания такого характера, особенно в странах с демократическими формами правления, оказывает общественное мнение. В свою очередь общественное мнение формируется под воздействием средств массовой информации. С возникновением межгосударственной напряженности одной из важнейших мер сдерживания является информационное давление на общественное мнение страны — потенциального агрессора ради формирования резко негативного отношения к возможной агрессии. Этому в значительной мере способствуют идеи гуманизма, имеющие широкое распространение среди населения цивилизованных стран мира. Вместе с тем две мировые войны XX века подготавливались и начинались такими странами, странами высокой европейской

культуры и цивилизации, странами капиталистического уклада в экономике.

Взаимозависимость государств в политической, экономической и иных областях повышает соответствующие потенциалы сдерживания агрессоров. Их использование в качестве несиловых мер является началом процесса сдерживания агрессора от нападения. Коль скоро указанная взаимозависимость между странами со временем усиливается, роль несиловых мер сдерживания также возрастает. Есть надежда, что более совершенные методы оценки последствий войн, а также повышение роли общественного мнения при принятии решений о войне и мире могут привести к снижению удельного веса силовых методов при разрешении межгосударственных споров. До сих пор, как свидетельствуют результаты анкетирования, силовые меры являются более предпочтительными, за ними следуют меры политические, затем экономические. Правда, чаще всего отдается предпочтение комплексу разнородных мер. Конечно, в каждом конкретном конфликте приоритеты могут различаться. Говоря о приоритетности мер, в первую очередь необходимо учитывать экономический аспект. Наиболее эффективные меры могут быть экономически невыгодными для того, кто их использует. То есть последствия от реализации таких мер могут принести стране большие убытки. Так, например, случилось с Россией, когда она присоединилась к санкциям мирового сообщества в отношении Ирака, Ливии, Югославии.

Есть еще один важный аспект рассматриваемой проблемы — целесообразная последовательность применения разнородных мер сдерживания. Она определяется, очевидно, степенью ущерба потенциальному агрессору и реакцией последнего на эти меры. В любом случае военные меры как крайние и наиболее серьезные следует применять в последнюю очередь. В первую очередь должны быть использованы политико-дипломатические меры сдерживания, переговоры, компромиссы, с привлечением — при необходимости — международных организаций. В случае их неэффективности должны последовать более жесткие меры, связанные с материальными и экономическими потерями для агрессора: торговые санкции, блокада и т. п. Иными словами, степень ущерба агрессору от применяемых санкций должна поэтапно

возрастать. При этом основанием для усиления давления на потенциального агрессора является его реакция на предыдущие меры.

Есть смысл рассмотреть возможную схему применения мер сдерживания потенциального агрессора от нападения и способности деэскалации начавшегося вооруженного конфликта в гипотетической системе обеспечения оборонной безопасности страны.

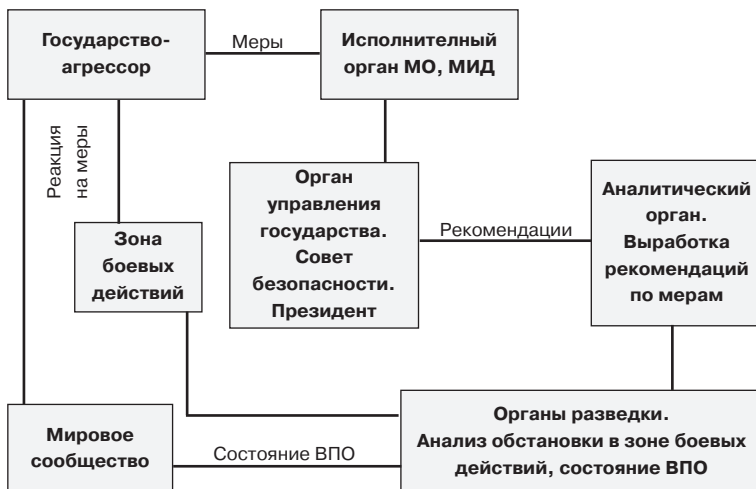
Система обеспечения оборонной безопасности страны представляет собой замкнутую последовательность информационных, аналитических, управляющих и исполнительных процедур и является одной из подсистем системы управления государством. По информации о военно-политической обстановке (ВПО), поступающей по всем официальным и разведывательным каналам, в аналитическом звене производится перманентная оценка военных угроз и степени военной опасности для страны. Полученные значения степени военной опасности сопоставляются с предельными ее значениями, определяющими конкретную военную угрозу со стороны определенного государства. Если степень военной опасности оказывается меньше уровня военной угрозы, органы государственного управления продолжают функционировать в обычном режиме мирного времени. При превышении степени военной опасности предельных, допустимых в условиях мирного времени значений, система обеспечения оборонной безопасности, как и вся система управления государством, переводится в режим функционирования в угрожаемом периоде. С этого момента соответствующие звенья системы обеспечения оборонной безопасности начинают выработать рекомендации по комплексу политических, экономических и иных мер, направленных на снижение межгосударственной напряженности. Военные меры, рекомендуемые для применения в этот период, должны носить характер демонстрации боеготовности, боеспособности, высокой боевой мощи (учения, боевые стрельбы и пр.). Указанные рекомендации поступают в органы государственного управления (Совет безопасности), оцениваются и отбираются с учетом имеющейся на этом уровне информации, а затем в виде управляющих решений поступают в исполнительные органы государства: МИД, МО и другие политические, экономические, силовые

ведомства. Процесс повторяется до тех пор, пока степень военной опасности не снизится до приемлемых значений, или — при недостаточности мероприятий по сдерживанию, до начала боевых действий. В этот период используется и миротворческий потенциал мирового сообщества.

Если в угрожаемый период не удалось снизить напряженность между государствами и агрессия состоялась, система обеспечения оборонной безопасности (как и все государство) переводится в режим функционирования в условиях военного времени (рис. 4.1). Угроза применения военных мер приводится в исполнение. Степень ущерба в ответных действиях, в ударах возмездия должна определяться по реакции агрессора на предыдущие силовые акции, а также с учетом того ущерба, который наносит агрессор обороняющейся стороне. В случае продолжения агрессии степень ущерба агрессору должна нарастать. Система обеспечения оборонной безопасности функционирует с целью скорейшей деэскалации вооруженного конфликта. При этом наряду с силовыми используются меры политического, международного и иного характера. Как указано в схеме, через органы информации и разведки в аналитические органы передаются исходные данные об обстановке

Рисунок 4.1

Схема государственной системы обеспечения оборонной безопасности страны в условиях военного времени

в зоне боевых действий, о реакции агрессора на удары сил сдерживания, о реальных ущербах сторон и другие данные. На основании этих данных вырабатываются рекомендации по дальнейшим мерам деэскалации конфликта и производятся расчеты по возможным последствиям их применения. Вся информация, как и прежде, поступает в органы управления государством, которые готовят решения для исполнительных органов. Наличие обратной связи в контуре управления системой обеспечения оборонной безопасности позволяет контролировать эффективность принимаемых мер, внося необходимые коррективы в управляющие команды (меры) по результатам оценки эффективности предыдущих команд (мер). Следует подчеркнуть, что, хотя здесь представлена схема обеспечения безопасности применительно к силам и средствам комплексного сдерживания, не исключено ее использование и для сил общего назначения при деэскалации начавшегося вооруженного конфликта.

Описанная схема реализации концепции комплексного сдерживания предполагает также использование международных инструментов, прежде всего для предотвращения международных конфликтов. Так, одним из первых таких инструментов можно считать создание в 1963 году «линии прямой связи» между руководителями СССР и США, предназначенной в первую очередь для предупреждения возникновения ядерного конфликта вследствие неправильной или ошибочной оценки действий противостоящей стороны для оперативного обмена информацией, намерениями и согласованными решениями. Линии прямой связи, или «горячие линии», как их еще называют, используют кабельные и спутниковые каналы связи, работают в круглосуточном режиме и обеспечивают стороны взаимной информацией о любых запланированных пусках ракет за пределы страны и вообще о любых других событиях, которые могут, будучи неверно истолкованными, стать причиной возникновения ядерной опасности.

Если линии прямой связи предназначены для непосредственного контакта лидеров стран, то для предупреждения острых ситуаций, требующих вмешательства руководства стран, в 1988 году были организованы в Вашингтоне и Москве Национальные центры по уменьшению ядерной опасности. Через эти постоянно действующие международные центры

идет обмен специально оговоренной технической информацией по специальным каналам связи: конкретные сведения о состоянии и изменениях в состоянии ядерных вооружений или в их отдельных элементах в определенный период. В частности, центры должны заблаговременно информировать друг друга о любых планируемых пусках баллистических ракет наземного и морского базирования; районах запуска и планируемом районе падения ракет, о проведении крупных учений стратегических сил с участием тяжелых бомбардировщиков, состоянии и изменениях в состоянии стратегических наступательных вооружений (в соответствии с договором СНВ-1), предстоящих инспекциях, предусмотренных договором, и т. п. Со временем на Национальные центры по уменьшению ядерной опасности стали возлагать обязанности, связанные не только с ядерной опасностью, в частности передачи уведомлений о ликвидации химического оружия (после ратификации соответствующего Соглашения), но и информационный обмен в рамках Договора об обычных вооружениях в Европе.

Еще одной мерой, направленной на укрепление доверия между государствами и предотвращение межгосударственных конфликтов, явилось заключенное в 1989 году и вступившее в действие в 1990 году Соглашение о предотвращении опасной военной деятельности. Под опасной военной деятельностью в мирное время понимаются такие случаи, как вхождение в пределы государственной территории другой стороны в силу непредвиденных обстоятельств, применение технических средств (лазеров) таким образом, что в результате возможен ущерб персоналу или военной технике другой стороны, создание помех сетям управления и другие виды деятельности. В соответствии с этим соглашением обмен необходимой информацией осуществляется на нескольких уровнях (командующие группировками войск, командиры кораблей, самолетов, наземных военно-технических средств) на специально выделенных частотных диапазонах.

Еще одной попыткой создания координации действий по обеспечению международной организации для обеспечения региональной военной безопасности стало создание государствами — участниками Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в 1990 году Центра по предотвращению

конфликтов (ЦПК). Основной целью создания ЦПК являлось укрепление доверия и безопасности в Европе. Центр проводит постоянные консультации, ежегодные обмены военной информацией, совещания по мерам укрепления доверия и т. п.

Рассматривались и другие предложения по повышению степени безопасности на региональном и глобальном уровнях. Не отрицая положительной роли перечисленных организаций, чья работа направлена на поддержание мира и недопущение применения вооруженных способов разрешения спорных международных проблем, следует отметить, что универсальных и эффективных механизмов предотвращения войн и вооруженных конфликтов без использования силовых мер пока не создано. И подтверждением тому являются события в Ираке и Югославии. У этих стран возможность применения ответных силовых мер по объектам агрессора практически отсутствует. Помощь других стран, в частности России, может привести к эскалации конфликта. Этот пример еще раз подтверждает, что неадекватное применение силовых мер сдерживания опасно и может привести к противоположному результату. Агрессия НАТО против Югославии, кроме всего прочего, заставит, возможно, некоторые страны пересмотреть свои взгляды на режим нераспространения оружия массового поражения. Без собственных средств силового сдерживания, как это показали события в Ираке и Югославии, невозможно гарантировать оборонную безопасность государства в современных условиях монополярного мира. В свою очередь расчет на помощь союзников чреват разрастанием конфликта.

Россия имеет мощный потенциал сдерживания в виде стратегических ядерных сил, однако их применение может быть несоразмерным в ответ на ограниченную агрессию. Поэтому представляется совершенно очевидной необходимость развития группировки неядерных средств сдерживания большой и межконтинентальной дальности. При этом в свете последних событий начала XXI века политика военного сдерживания должна быть дополнена новыми элементами адекватного реагирования России на подготовку и реализацию резко возросших внутренних и внешних террористических угроз.

Формирование военной политики России

5.1. Сущность и содержание военной политики России в современном мире

Право определять военную политику государства и осуществлять ее в процессе руководства всей военной организацией обычно принадлежит главному руководящему органу или главе государства. Воздействие общественного мнения на эту политику носит постепенный характер и имеет накопительный эффект. События в политике происходят слишком быстро, самые важные из них часто незримы для масс, а направленная пропаганда может дезориентировать общество, лишит его необходимой для выработки адекватного отношения информации. Так что многие важные оперативные решения и действия в военной политике зависят от правящей элиты и ее лидера.

Формально история военной политики новой России ведет отсчет с конца 1991 года, когда произошел развал СССР. Но, строго говоря, многие ее положения были выработаны много раньше. Об этом свидетельствуют опубликованный проект и принятая в 1991 году Конституция РФ. Еще до распада СССР было заявлено, что Россия будет иметь собственные Вооруженные Силы. За поддержкой и реализацией новых идей стояли достаточно влиятельные силы как внутри страны, так и за ее пределами. Их действия подчинялись сложной, противоречиво ориентированной мотивации, которая не всегда соответствовала интересам поступательного экономического и политического развития страны. По всей видимости,

никогда нельзя сформировать обоснованную систему взглядов на рациональную, ориентированную в будущее военную политику современной России, если не извлекать уроков из прошлого.

Следует напомнить основные военно-политические события, сопровождавшие начало мирного наступления СССР.

1986 год. Успешное завершение Стокгольмской конференции по мерам укрепления доверия, безопасности и разоружению в Европе. В выработке соглашения участвовало 33 европейских государства, а также США и Канада. Итог конференции — подписание действительно важного и, как подтвердила история, полезного документа.

1987 год. Договор между СССР и США о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Соглашение между СССР и США о создании Центров по уменьшению ядерной опасности. Принят специальный Документ о военной доктрине государств — участников Варшавского договора, ставший противовесом действовавшим на тот момент в НАТО американским концепциям «всеобщей обычной войны» (1982 год), «воздушно-наземной операции» (1983 год) и концепции НАТО по борьбе со вторыми эшелонами вероятного противника. Поспешное сокращение ракет средней и меньшей дальности оказалось односторонне более полезным для стран — членов НАТО, а что касается обычных вооружений, то политический лозунг «оборонной достаточности», не подкрепленный серьезными военно-техническими мерами, во многих отношениях только дезориентировал военных специалистов.

1988 год. Предложение СССР, выдвинутое на III сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению, об ограничении продажи и поставок вооружений. На внеочередной сессии НАТО приняты Брюссельская декларация, направленная на резкое изменение политического лица Европы, и Заявление НАТО по обычным вооружениям. Национальные военные доктрины государств — участников Варшавского договора приведены в соответствие с документом 1987 года. Как показали дальнейшие события, силы НАТО заметно окрепли, а Варшавский договор вскоре распался.

1989 год. Соглашение между СССР и США о предотвращении опасной военной деятельности. На сессии Совета НАТО принята Всеобъемлющая концепция управления вооружениями и разоружением, что опять-таки укрепило НАТО — уже

в военно-техническом отношении. Вывод советских войск из Афганистана (как военная операция) был хорошо организован и выполнен.

1990 год. Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии. Договор между СССР и ФРГ об условиях временного пребывания и планомерного вывода советских войск с территории Германии. Соглашение между СССР и США об уничтожении и непроизводстве химического оружия и мерах по содействию многосторонней конвенции о запрещении химического оружия. На сессии Западноевропейского союза утверждена Платформа европейской безопасности. Совместное советско-американское Заявление по вопросам нераспространения ядерного и химического оружия, боевых ракет, способных нести такое оружие, и некоторых других боевых ракет и ракетных технологий. Решение глав государств и правительств 22 стран – участниц совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) о создании рабочего органа СБСЕ – Консультативного комитета и Центра по предотвращению конфликтов (ЦПК). Парижская встреча глав государств – участников процесса СБСЕ ознаменовала окончание холодной войны. Были подписаны Парижская хартия для новой Европы, Договор об обычных вооруженных силах в Европе и Документ по мерам укрепления доверия и безопасности. В последовавшие затем годы НАТО фактически проигнорировало положительный потенциал этих решений.

1991 год. Война в Персидском заливе. Упразднение и прекращение деятельности всех структур, созданных в рамках Варшавского договора. Подписание 31 июля Договора между СССР и США о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1). В США принята концепция «войны четвертого поколения», а в НАТО – Новая стратегическая концепция. На международном семинаре в Вене (октябрь) проанализированы военные доктрины основных государств Европы. Представители СССР выступили с изложением военной доктрины Союза. Однако вскоре произошла ликвидация СССР. Стратегический баланс сил в мире оказался подорванным. Создание Содружества Независимых Государств (СНГ) компенсировать этот военно-политический дисбаланс сил уже не могло.

Направление, выбранное в 80–90-е годы СССР и Россией с абстрактной точки зрения, выглядело правильным. В реальности руководство Советского Союза проявило политическую поспешность и совершало непродуманные, опережающие сокращения вооружений там, где другая сторона явно не спешила. Под одобрительные и поощрительные отклики западных политиков было совершено немало ошибок.

При сокращении ракет средней и малой дальности СССР уничтожил гораздо больше собственных ракет, чем США в аналогичных действиях. Целый класс ракет морского базирования, стоящих на вооружении США, ушел при этом от внимания наших политиков и военных стратегов. При установлении баланса стратегических сил у политического руководства страны не было даже попытки рассчитать его с включением всех сил как ядерных, так и неядерных. Ведь уже в те годы было ясно, что именно неядерные вооружения «делают погоду» в современном военно-политическом климате. Не было секретом также, что именно в неядерных силах США имеют решающий перевес.

Сокращения обычных вооружений, вывод войск с территории бывшей ГДР и стран Восточной Европы, ликвидация ОВС стран Варшавского договора — эти шаги были предприняты без учета обеспечения в перспективе принципа непрерывной балансировки сил в Европе: опасное расширение НАТО не было предотвращено. После ударов НАТО по Югославии в 1999 году бывший президент СССР М. С. Горбачев в позднем прозрении произнес со странной для политика такого уровня простотой: «Запад меня обманул». Наивность, которая может выглядеть симпатичной в обывателе, но непростительна руководителю страны, так как слишком высока ее цена.

Из-за недалекости руководства страны, одержимого перестроечным энтузиазмом, «мирное наступление СССР», подкрепленное указанными выше реальными достижениями СССР в военно-технической сфере, обернулось реальным политическим и военным проигрышем. Оборонная и военная безопасность США и стран НАТО возросли. Потенциальная угроза ядерного удара со стороны СССР (теперь — России) упала до отметки, близкой к «нулю». Считавшаяся реальной угрозой вторжения ОВС стран Варшавского договора

в Западную Европу и вовсе перестала существовать вместе с Договором.

Подписанные в те годы международные соглашения поставили государства в неравное положение. Оценки возможности военной опасности для государств, образовавшихся на территории СССР, менее оптимистичны. Опыт Югославии уже заставляет осознать возникшие новые контуры безопасности.

Об этом следует говорить вновь и вновь, так как до сих пор далекие от реальности оценки и прогнозы становятся основой для военно-политических документов доктринального характера, заявлений некоторых руководителей РФ. Уроки недавней истории страны говорят о пагубности безоглядной веры в добрые намерения зарубежных политических деятелей. В межгосударственных отношениях все далеко не так просто и однозначно. К сожалению, старая истина до сих пор в силе: в политике нет друзей, есть только интересы. **Необходимо взвешивать шаги сторон на путях разоружения, многовариантно прогнозировать возможные последствия как для международной безопасности, так и для обороноспособности собственного государства в особенности; документально закреплять достигнутые договоренности.**

Постсоветский период также отмечен опрометчивыми заявлениями и практическими шагами российского руководства в военной области. Во многих отношениях прежняя линия на преимущественно одностороннее разоружение, на подрыв сложившегося в мире баланса была не просто продолжена — она стала доминирующей на определенном отрезке времени.

В январе и феврале 1992 года в ходе визита Б. Н. Ельцина в США между ним и президентом США была достигнута договоренность, что основой отношений между двумя государствами становится **принцип партнерства**. Он был зафиксирован в Кемп-Дэвидской декларации, изложен в выступлении президента РФ в ООН, а впоследствии раскрыт министром иностранных дел РФ А. В. Козыревым в следующих тезисах (цитируется по журналу «Международная жизнь», июль 1992 года):

1) «Россия и США отошли от «традиционного» порядка вещей, при котором соглашения в области сокращения вооружений были обязательной предпосылкой улучшения политического кли-

мата и экономических связей. Естественная для взаимоотношений между главными военными и политическими соперниками такая логика, однако, не применима к партнерам. Россия и США сначала приняли решение отказаться от конфронтации, договорились строить отношения по-новому и уже на этой основе вышли на качественно новые договоренности в области сокращения вооружений»;

2) для этого стороны договорились выйти — на такие уровни и структуру СНВ каждой из сторон, которые отвечают следующим основным параметрам:

- обеспечение стабильности стратегической ситуации;
- исключение стимулов для нанесения первого ядерного удара;
- фиксирование равенства безопасности».

За этими словами последовали действия. Недолго просуществовавшие Объединенные ВС СНГ вскоре были расформированы, и Россия приступила к созданию собственных ВС РФ. Так же поступили и остальные государства — члены СНГ: кто-то раньше, кто-то одновременно с РФ, а кто-то немного позже. Российским руководством было объявлено, что ядерные силы Объединенных ВС СНГ должны принадлежать только одному из государств, образовавшихся на территории СССР, а именно — России. США это устраивало. Поскольку Договор СНВ-1 оставался нератифицированным из-за распада СССР, Россия объявила, что в качестве правопреемницы СССР это сделает она. 17 июня 1992 года президент России Б. Н. Ельцин ускорил процесс, подписав совместно с президентом США Дж. Бушем так называемую рамочную договоренность (основу будущего СНВ-2) — о дальнейших существенных сокращениях СНВ.

С. А. В. Козыревым был солидарен и министр обороны РФ П. С. Грачев. В интервью 22 июня 1992 года он подчеркнул продуманность шага от СНВ-1 к СНВ-2 и значение принципа партнерства: «Ключевым на российско-американских переговорах оставался вопрос: США — партнер или соперник? Мы должны были убедиться, что Вашингтон, заботясь об обеспечении безопасности своей страны, не стремится при этом добиться преимуществ по отношению к России».

Видимо, США удалось убедить Россию в своей приверженности принципу партнерства: произошла ускоренная ратифи-

кация договора СНВ-1 Верховным Советом РФ 4 ноября 1992 года. Уже 3 января 1993 года состоялось подписание договора СНВ-2.

Анализировать смысл, содержание и возможные последствия таких событий в политике лучше до того, как они происходят. Нет уверенности, что это было сделано на должном уровне. Существует известная формула Уинстона Черчилля, согласно которой «политик способен предсказать, что произойдет завтра, через неделю, через месяц и через год, а потом объяснить, почему этого не произошло». К закономерному прозрению российское руководство пришло почти десять лет спустя. Агрессия НАТО в Югославии многое расставила по местам. Обращение Президента РФ к главе США как к своему «стратегическому партнеру» и даже «другу» было фактически проигнорировано последним.

История «партнерства» России и США отмечена и показательными казусами. Весной 1992 года в штаб-квартиру НАТО было отправлено письмо за подписью Президента РФ, в котором говорилось, что Россия изучает вопрос о своем вступлении в НАТО. Такая экстравагантность повергла выдавшее виды руководство блока в смятение. Однако вскоре на их недоуменную реакцию последовало ответное разъяснение с российской стороны — при написании письма произошла техническая ошибка, которая исказила смысл заявления. Следовало понимать, что Россия не изучает вопрос о своем вступлении в НАТО или изучает, но вовсе не вопрос о вступлении. В таких случаях принято говорить: без комментариев.

Этот исторический анекдот тем не менее свидетельствует об изначальной двойственности, непоследовательности и наличии многих неясностей в концепции военной политики, строительстве ВС России. В этом процессе отсутствовали уверенные военно-политические действия. Одновременно ряд преобразований в Министерстве обороны РФ, связанный с превращением прежних военных структур СССР (СНГ) в новые российские, содержание Закона «Об обороне» 1992 года говорят о курсе на заимствование опыта США при управлении военным строительством, механическом перенесении его в РФ.

Само по себе заимствование чужого опыта, особенно в области права, не может быть однозначно отрицательным

или положительным явлением. Другое дело, что все заимствования должны быть критичными, учитывать российские традиции и специфику. Например, известно, что успехи государственного управления военным строительством в США в значительной мере определяются уважительным отношением **к исполнению** законов всеми ветвями власти этого государства. Открытое игнорирование или искаженное прочтение законов невозможно — это не в традициях американской бюрократии. Российское отношение к законам до сих пор характеризуется формулой: «Строгость российских законов компенсируется необязательностью их исполнения».

В качестве яркой иллюстрации к сказанному можно привести пример отношения исполнительной власти к опубликованному 1 апреля 1992 года Заявлению Верховного Совета РФ «О приоритетах военной политики РФ». Этот документ, подготовленный в соответствии с действовавшей в то время Конституцией РФ, в отличие от двусмысленного «партнерства» провозгласил в области обороны стратегическую концепцию силового сдерживания, причем сдерживания **не только ядерного, но и неядерного**. По нормам правового государства это заявление должно было бы стать основой для действий в соответствии с указанными приоритетами. Но летом 1992 года был опубликован проект военной доктрины РФ, концептуально не совпадавший с политикой, декларируемой Верховным Советом РФ. Министр обороны и вовсе двинулся в своем направлении.

Теперь можно только сожалеть об отсутствии единства в российской власти в вопросах обеспечения военной безопасности. На разработке и реализации военной политики сказались реальные противоречия в политической элите тех лет. Оставшиеся со времен СССР кадры в управлении военным строительством были носителями серьезного опыта и традиций, но по взглядам, воспитанию и приоритетам они были привержены «социалистическим ценностям» и не могли не оказывать скрытого или явного сопротивления начавшимся преобразованиям. В свою очередь отношения решающих сил на высших уровнях российской власти находились в кризисном состоянии. Верховный Совет РФ настойчиво заявлял о своей направляющей политической роли в государстве. Президент РФ, его окружение, администрация и правительст-

во РФ не желали с этим мириться: они отстаивали свои интересы и амбиции, не желая выступать в роли исполнителей. Эти противоречия усугублялись финансово-экономическими обстоятельствами и социальной напряженностью в стране. Противостояние разрешилось трагическими событиями 3–4 октября 1993 года.

Сразу после этих событий в ноябре 1993 года Президентом РФ была утверждена новая военная доктрина РФ и опубликованы ее основные положения. Во многих отношениях это серьезный и обстоятельный документ, однако грешит большим количеством несоответствий, особенно между заявленными военно-политическими целями и экономическими возможностями государства. Эта доктрина не могла не подвергнуться всесторонней критике — и во многом справедливой. Разработанные в соответствии с ней планы военного строительства и программы вооружения оказались нереалистичными.

В 1994 году вопреки доктрине и политическим заявлениям руководства начались военные действия в Чечне. Ошибочность политического решения об их проведении вскоре стала очевидной. Сослаться в данном случае на техническую ошибку, заявив, что идет **не** война, а всего лишь усмирение бандформирований, — не удалось. Игры кончились.

Медленную деградацию Вооруженных Сил РФ, всей военной организации государства не могли остановить призывы Президента РФ, с которыми он выступал в ежегодных посланиях, — военная реформа затягивалась. Только в середине 1997 года началось реформирование ВС РФ, а в 1998 году — реформа всей военной организации, включая высшие государственные органы управления ею.

Сегодня на формировании военной политики пагубно сказываются все те же внутренние факторы:

- разрушение прежних государственных структур, преждего «правового поля» в отсутствии реалистичного и энергичного формирования новых структур и нового права;
- катастрофическое падение производства и снижение жизненного уровня основной части населения и военнослужащих, имущественное расслоение в обществе;
- политическая нестабильность и непредсказуемость результатов реформ;

- вспышки социальных, этнических и религиозных конфликтов;
- криминализация общества;
- ухудшение социального самочувствия населения страны, отсутствие позитивной перспективы, рост экстремистских настроений.

Ссылки на то, что дезинтеграционные процессы на территории бывшего социалистического лагеря — явление не только российское, перестают что-либо объяснять и оправдывать. Некоторые социалистические страны, прежде всего Китай, сумели не только устоять, но и уверенно продолжить успешное развитие, противопоставить разрушению организованное и рациональное, дозированное внедрение достоинств «рыночной экономики» при сохранении руководящей роли государственного управления в ключевых отраслях экономики. Другие страны, среди которых Польша, пошли по пути рыночных реформ, довели их до стройной системы и также создали политически стабильные, во многих отношениях энергично развивающиеся государства, в том числе в военном отношении.

Для стран, которые ранее относили к капиталистическому миру, победа в холодной войне была отнюдь не однозначна по результатам. С одной стороны, их позиции в современном мире упрочились. С другой — появились новые дестабилизирующие факторы, вызванные глобальным нарушением баланса сил. Дестабилизирующие последствия несло в себе и опьянение победой. Для НАТО и его лидера США вопрос о собственном лидерстве в мире в качестве вершителей судеб целых государств и регионов стал практически не обсуждаемым. Была даже сформулирована задача *«сделать историю своей служанкой»* — такое пожелание появилось в одном из военно-политических документов США. Кардинальное изменение в сложившуюся к концу XX века ситуацию внесли события 11 сентября 2001 года в США.

Для тех стран, которые раньше относились к «третьему миру», изменения в соотношении сил актуализировали необходимость искать новые точки опоры для обеспечения безопасности собственного развития.

В изменении картины мира свою роль играют и другие проблемы, приобретающие в исследованиях специалистов

статус глобальных: распространение оружия и средств массового уничтожения, вынужденная миграция населения вследствие экологических катастроф и военных конфликтов, демографический взрыв, распространение наркомании. Однако их возведение до уровня военных угроз часто является намеренной акцией. Это дает лишние аргументы в пользу активизации распространения влияния и наращивания военной мощи такой державы, как США. Многие страны и даже регионы материально зависят от НАТО и боятся остаться «безработными». Чтобы не потерять средств к существованию, они склонны поддержать что угодно. В утверждении новых «угроз» миру заинтересован военно-ориентированный бизнес, который не хочет расставаться со своими сверхприбылями. Действующие военачальники и разработчики систем оружия рассчитывают на апробацию новых методов ведения войны и испытания техники в условиях, приближенных к боевым. Для них существование «угроз» служит поводом и также несет определенные выгоды.

Все многообразие указанных военно-политических, социально-экономических, психологических и экологических факторов предстоит учитывать при разработке военной доктрины в рамках политических концепций, а также при осуществлении рациональной военной политики РФ.

России предстоит действовать в постконфронтационном пространстве: в результате происшедших в мире событий завершился период противостояния двух военно-политических систем. Принципиальное отличие нового периода состоит в том, что ведущие страны мира не делятся более на два противостоящих блока. Стратегическая стабильность не определяется более балансом сил между ними. Потеряло смысл говорить о тех государствах, которые не присоединились к противостоящим блокам, как о странах третьего мира.

Как назвать новый мир — многополюсным или однополюсным — предмет дискуссии. Однако превосходство одной державы над другими в этом мире, даже если оно порой выглядит или объявляется «доброжелательным», не может не встретить открытого или подспудного сопротивления. Формирование противовеса неизбежно: если эту роль не примет на себя Россия, произойдет активный процесс формиро-

вания новых «полюсов» — в Западной Европе, в Азии или в Тихоокеанском регионе.

Еще в августе 1991 года президент США Дж. Буш, формулируя стратегию национальной безопасности, заявил: *«Америка не может стоять в стороне от мировых проблем. Мы должны не только защищать наших граждан и наши интересы, но и помогать создавать новый мир, в котором наши фундаментальные ценности не только бы выжили, но и процветали. Мы должны работать с другими, но мы должны быть лидерами»*. Анализ действий руководства США в последние годы говорит о полном соответствии американской политики положениям этой «формулы». Пожалуй, политика США даже ужесточилась. Появился термин «геополитический управляющий»: в таком качестве американские политики видят в будущем себя.

Ни сильная Россия, ни монолитное СНГ, ни прогрессирующий Китай, ни даже единое и мощное западноевропейское государство, которое пытается создать Европа, Соединенным Штатам не нужны.

Наиболее целесообразным в этой ситуации представляется придерживаться следующей военно-политической линии: **бороться за упрочение роли ООН и региональных организаций (в Европе это ОБСЕ, в Азии — АТЭС), проведение миротворческой политики и миротворческих операций только под их эгидой; специально готовить к этому и активно использовать в составе миротворческих сил российских военнослужащих.**

Осуществлению такой политики может способствовать то обстоятельство, что сегодня взгляды большинства европейских стран на проблемы национальной безопасности сходятся или близки к тому, во всяком случае, **декларируемые** взгляды. Государства предпочитают в военной области сотрудничество, а не конфронтацию. Война отвергается как средство разрешения межгосударственных противоречий. Источники военной опасности планируется нейтрализовывать в первую очередь мирными средствами.

В этом смысле развертывание военных действий против Югославии и Афганистана и военная подготовка в отношении Ирака, инициированные в основном США, выпадают из рамок сложившихся тенденций в общественном мнении большинства стран, из норм международного права. Значит, **военная политика России должна быть направлена на разоблаче-**

ние вероломства, политики «двойных стандартов», а главное — на развитие и укрепление норм международного права и механизмов их осуществления.

В доктринах большинства современных государств исключено рассмотрение какого-либо конкретного государства в качестве вероятного противника. Основное внимание направлено на подготовку к отражению возможной агрессии. Поэтому оговаривается требование сохранять вооруженные силы на минимальном уровне, достаточном для обороны страны. Способы отражения агрессии могут быть различными, включая активные оборонительные, контрнаступательные и наступательные боевые действия. На это нацелена и соответствующая подготовка войск. Поддерживая эту тенденцию, следует добиваться на международном уровне осуждения практики США и некоторых других государств составлять и объявлять перечни «плохих» государств, государств-изгоев, осей зла, неугодных режимов и принципов внутригосударственного устройства.

В большинстве современных государств приоритетом является применение обычных видов оружия. Но некоторые страны (Франция, Англия) признают фактор ядерного сдерживания как компонент минимально необходимого военного потенциала и рассматривают ядерное оружие в качестве необходимой составляющей стратегической стабильности. **Представляется важным официально заявить о возможности применения Россией ядерного оружия первой в ответ на явную агрессию, если она будет осуществлена с применением современных средств поражения, включая самые новые — неядерные, но высокоэффективные, и если их применение агрессором таит в себе стратегическую угрозу для России и/или ее союзников.**

Новый подход необходимо выработать России и в ее отношении к неядерному сдерживанию, которое и в США интерпретируется теперь иначе. **Не отрицая в принципе партнерства с США, следует настаивать на вытекающем из него принципе равной безопасности и разоблачать отжившие агрессивные замыслы, которые скрываются за разговорами о новых угрозах.**

Последние заявления руководства США о переносе политики в сферу глобализации экономики и борьбы с международным терроризмом служат многим отечественным

политологам основанием для вывода: все новые американские средства сдерживания, а по существу — средства вооруженной борьбы, которыми будут оснащаться ВС США, направлены не против России, холодная война с которой (точнее, с бывшим СССР) уже закончилась, а против «третьих» стран. Россия как ядерное государство рассматривается в качестве гипотетического противника только в стратегическом плане и только в связи с наличием у нее ядерного вооружения. Но проблемы в этой области решаются существующими договоренностями, а значит, оснований для столкновений больше нет. Однако тщательный анализ составляющих новой «глобальной угрозы» и сопоставление ее с небезосновательными (порой) претензиями мирового сообщества к России приводят к противоположному выводу.

Значительная часть региональных, этнических и национальных конфликтов возникала и продолжает возникать не только за пределами национальных интересов России, но и в центре ее интересов: на территории бывшего СССР и в самой России. Существует угроза распространения оружия массового поражения с этих территорий. Но даже когда их явно нет, не оставляются попытки преувеличений и обоснований других «угроз». Россию и страны СНГ представляют неким заповедником международного терроризма и преступности, откуда эта «зараза» распространяется, угрожая миру и спокойствию в других странах. Нельзя сказать, что эти представления не имеют оснований в реальности. Через страны СНГ и на их территориях происходит и распространение, и производство, и торговля наркотиками. Загрязнение окружающей среды — традиционный грех отечественного производства. Но удивляет, что США считают себя в праве рассматривать Россию в качестве одного из источников глобальной угрозы. Декларации двух руководителей ядерных держав о «дружбе» между государствами смотрятся все менее убедительно на фоне постоянно звучащих предупреждений о непредсказуемости российской политики.

В военном отношении США считают Россию дважды опасной: это единственное в мире государство, все еще способное уничтожить США своим ракетно-ядерным оружием, и одновременно один из источников новых «угроз». В российской политике не все в порядке, но и США России не судья.

Руководство США также упоминает о неких «новых» рынках. Очевидно, что оно имеет в виду не рынок на территории США и союзников. В бывшем третьем мире у США также стабильны «старые» позиции. Речь скорее всего идет о рынках бывшего социалистического лагеря, стран СНГ и России: на их открытие рассчитывают США в своей экономической экспансии. Это и есть планируемая территория столкновения с Россией. Вытеснение ее высокотехнологичной продукции с мировых рынков уже фактически началось.

Экспорт, о поддержке которого говорят в США, скорее всего подразумевает наиболее выгодную его статью — экспорт вооружений. С учетом небезуспешных попыток России вернуть свое законное место на мировом рынке оружия возможно предполагать, что и в этой области Россия и США входят в режим серьезного противостояния.

Логична постановка вопроса: какими средствами США предполагают осуществлять сдерживание объявленных «новых», неядерных угроз?

Военно-политическое руководство США, сохраняя внимание к стратегическому ядерному сдерживанию (от традиционной ядерной угрозы), заявляет, что *«в будущем наибольшее внимание следует уделять гарантированному сдерживанию обычными средствами» от указанной выше «появившейся глобальной угрозы».*

Для военного строительства в США это означает весьма значительный рост роли ВМС при традиционно высоком значении ВВС. В Национальной военной стратегии США перед ВМС ставятся три фундаментальные задачи:

- господство на море;
- перенос военной мощи за пределы континентальной части страны;
- сдерживание (в обоих отмеченных выше смыслах) от ядерной и «новых» угроз.

Новый носитель ВТО морского базирования, названный «корабль-арсенал», оснащается 500 унифицированными подпалубными ПУ для вертикального пуска ракет различного класса (или типа *Tomahawk*, или БР СД, или ЗУР — в зависимости от обстановки). Конструкция корабля предусматривает комплекс мер по снижению его заметности, включая технологии, примененные ранее в авиации и ракетостроении, а также

прием морской воды в специальные баллоны и переход в полупогруженное состояние. Размеры (250х32 м), количество членов команды и стоимость такого корабля оказываются существенно меньшими, чем у авианосца, а предполагаемая эффективность — более высокая.

Новые модификации КР, входящие в категорию высокоинтеллектуального оружия, призваны обеспечить поражение не только стационарных, но и мобильных целей. Для групповых целей предусматривается вариант с кассетной БЧ, вследствие чего возможное количество поражаемых точечных целей в одном залпе с такого корабля может возрасти с 500 до 4–5 тыс.

Есть сведения, что в XXI веке на вооружении ВМС США будет до шести таких ракетноносных кораблей. Соответственно суммарный боевой потенциал значительно возрастет. Наверное, США смогут сдерживать в будущем любую из третьих стран, действуя по отношению к ним так же, как к Ираку в 1996 и 1998 годах и к Югославии в 1999 году, то есть нанося удары даже тогда, когда государство решает внутригосударственные проблемы на своей территории.

В отечественной политологии распространено мнение, что все эти средства предназначены не для России. Надо думать, они необходимы для сдерживания от «этнических конфликтов» вождей, племен и соединений воинов. Ведь это у них есть сложные системы сбора информации и боевого управления, которые будут выводиться из строя средствами «информационной войны» и «информационных военных действий». Это они располагают мобильными комплексами ракетного вооружения, которые надо выявлять средствами «умного целеуказания» и поражать с помощью «умного» оружия. Это в противовес их средствам борьбы с кораблями ВМС США пришлось снижать радиолокационную заметность кораблей, от их противокорабельных ракет — отбиваться с помощью зенитного вооружения.

Здравый взгляд, сопоставляющий это количество ракет, а также неядерных средств поражения, размещенных на других (морских и авиационных) носителях, с общим количеством стратегических ракетных комплексов РФ (помня о намеченном и грядущих сокращениях), а особенно с возможной группировкой ее стратегических неядерных сил, вынужден

оценивать их суммарный боевой потенциал не только и не столько как потенциал сдерживания, но и как **потенциал разоружающего удара**. По отношению к РФ его применение может означать (исходя из оценок инициаторов агрессии) снятие сразу всех возможных угроз, которые США могут заподозрить в России. Ясно, что подлинный смысл и предназначение этих средств по вполне объяснимым причинам не будет ими афишироваться, хотя формально оно не противоречит международным конвенциям, ограничивающим развитие и применение оружия.

Более того, вынос таких средств за пределы территории США, размещение их на ракетносцах повышает безнаказанность удара. Но именно эти качества нового оружия могут сломать состояние стабильности, вызвать соблазн его применения. Последствия могут быть непредсказуемыми.

В начале XXI века в США (и наверняка не только у них) в результате ведущихся НИОКР появится новейшее вооружение, противостоять которому старыми средствами будет невозможно. И хотя адресовано оно на первый взгляд не России, которая пока может уповать на свой ядерный потенциал, но... сетовать на вероломность США смешно. Их недоверие к России объяснимо. Они думают о своей безопасности и своих интересах, но делают это, по доброй американской традиции, за счет интересов других государств. Из этого следует только то, что и России о своих интересах следует позаботиться самостоятельно.

Для формирования военно-политической стратегии это означает, как отмечают исследователи данной проблемы, что необходимо недвусмысленно заявить о следующей концепции: **Россия не считает США своим врагом. У России нет оснований наверняка говорить об агрессивных намерениях США. Но это не исключает необходимости заявлять о военно-технических возможностях этой страны. Они таковы, что вскоре в принципе позволят нанести разоружающий удар по стратегическим силам и средствам России, что лишит ее сколько-нибудь существенной возможности нанести ответный удар по объектам, расположенным на территории США, или по другим объектам, с которыми США могут связывать свои жизненно важные интересы.**

Использование нового оружия может сломать состояние стратегической стабильности по крайней мере в двух ситуациях:

– возникновение соблазна применить это оружие стороной, монополюльно им владеющей, и тем самым «сразу решить все проблемы»;

– проявление акта «отчаяния» другой стороной, вдруг осознавшей нарушение баланса сил и катастрофическое падение своей роли.

Сомнения быть не может: нарушение баланса стратегических сил может вызвать совершенно непредсказуемые и катастрофические последствия.

В практической военной политике эта ситуация предполагает ряд конкретных действий, а именно: **при проведении дальнейших переговоров в области разоружения и ограничения вооружений нельзя более рассматривать стратегическую стабильность только как функцию ядерных вооружений даже во взаимоотношениях сверхдержав. Необходимо учитывать общий (ядерный и неядерный) потенциал агрессии, ядерный и неядерный потенциал ответного удара. И на этой основе добиваться поддержания стратегической стабильности в современном мире.**

Имея преимущество в неядерных стратегических вооружениях, США скорее всего не пойдут на их сокращение. В этих условиях следует уточнить свою **военно-техническую политику**: использовать выполненные ранее разработки отечественных средств ВЮ, наладить их производство и оснастить ими Вооруженные Силы.

Создание даже небольшой группировки стратегических неядерных сил, достаточной для демонстрации решимости применить при необходимости еще и ядерные силы, посылить даже ослабленной экономике РФ.

Сознавая тот факт, что ограниченное количество неядерных стратегических средств поражения не может стать инструментом агрессии, но может оказывать сдерживающий эффект, **целесообразно рассмотреть отношение к режиму нераспространения этого оружия.** Все технологии, которые уже созданы и будут развиваться в РФ, относятся к категории высоких, экономически выгодных не только в сфере оружейного бизнеса, но и в гражданской сфере, поскольку часто имеют двойное назначение.

Принципиально важен вопрос о сроках. Может ли Россия и дальше затягивать военную реформу, не предпринимая конкретных шагов по укреплению своей обороноспособности

и стабилизации стратегической ситуации в современном мире? Последние события свидетельствуют, что запас времени уже исчерпан.

Симптоматичны высказывания в отношении России министра обороны США Уильяма Коэна в конце 1998 года: «Мы отнюдь не заинтересованы, чтобы такая страна, располагающая тысячами единиц ядерного оружия и хранящая много тонн расщепляющихся материалов в неохраемых лабораториях и на складах, стояла на краю пропасти. Все это добром не кончится. Возникнет риск распространения химических, биологических и ядерных материалов, а это по сути дела будет означать усиление дестабилизации во всем мире».

Угроза, соглашается Коэн, при этом исходит не от России как таковой, а из ситуации, при которой возможно попадание «неохраемого» (?) оружия в руки террористов. Далее следует настораживающая рекомендация: *«Поэтому методов сдерживания уже недостаточно, чтобы предотвратить применение такого оружия в будущем. И в связи с этим мы должны опираться на наши оборонные возможности. Мы должны применять методы военного вмешательства для защиты безопасности наших граждан как у нас в стране, так и за рубежом».*

И в завершение: *«...Чтобы противодействовать терроризму, наше общество должно действовать с опережением»* (см. «Российская газета» от 26 декабря 1998 года).

Как быстро можно ожидать активных действий со стороны США? Наиболее нетерпеливые в этой стране хотели бы ускорить процесс и для начала развалить Россию как единое государство. Затем снова заняться проблемой размещения на его «обломках» запасов оружия и добиться (как это было с лишением ядерного статуса Белоруссии, Казахстана и Украины) концентрации всего боезапаса на территории одного из регионов нынешней РФ. Совсем недавно известный политический деятель прошлого З. Бжезинский назвал в качестве прогнозируемого срока распада РФ начало нового тысячелетия. А в конце 1998 года в авторитетном зарубежном еженедельнике «Экономист» (перепечатка — «Российская газета» 13 января 1999 года) прогноз звучал так: *«1999 год станет годом дезинтеграции России».*

При этом вопрос о ее распаде *«будет решаться за пределами Кремля».* Далее есть оговорка: *на региональном уровне.* Но *«иностранное вторжение, хотя в мирном и благотворитель-*

ном виде, — это как раз то, чего действительно хотели бы российские регионы». О причинах: «Российскую дезинтеграцию питает не национализм, а экономика».

По сути речь идет о внутрироссийских проблемах, но пресловутый тезис о том, что «эти новые игры затеваются среди большого количества опасных игрушек — десятков тысяч ядерных боезарядов и дюжины изношенных атомных реакторов», не забыт.

Таким образом, реальные и практически важные военно-политические проблемы переплетаются с проблемами военно-экономического противоборства, которые тоже стоят отдельного анализа.

В завершение главы важно ответить на вопрос: кто, когда и как должен объявить адекватную нынешней ситуации военно-политическую концепцию? В России до октября 1993 года (по Конституции 1991 года) основные направления военной политики утверждал Верховный Совет РФ, после (по Конституции 1993 года) — Президент РФ.

Для того чтобы граждане страны, особенно государственные служащие и, разумеется, военнослужащие, знали смысл, основные направления военной политики, и руководствовались ею, глава государства должен обнародовать эту политику: основные, долговременно действующие положения — в военной доктрине; более конкретные уточненные положения — в соответствующих разделах ежегодного послания, а также в других руководящих документах.

С 30 июля 1998 года в РФ действует специальный документ — Основы (Концепция) государственной политики РФ по военному строительству на период до 2005 года. Он не был полностью опубликован, но его изложение должностными лицами РФ (в частности, секретарем Совета безопасности и министром обороны) было весьма подробным.

Оперативные коррективы в военно-политическую концепцию вносит Президент РФ в своих ежегодных посланиях.

В Послании президент, к примеру, провозгласил: «Уже в начале следующего столетия Россия должна идти вровень с ведущими державами мира. Строить отношения с ними на самоуважении и партнерстве». **Партнерство?** Если самоуважение — односторонний акт, то партнерство требует встречных движений.

США недвусмысленно демонстрируют свои претензии на беспорочное лидерство. Какое партнерство может быть с безоговорочным лидером?

Американцы безапелляционно (хотя и бездоказательно) утверждают, что многополюсный мир в принципе не может быть стабильным. Следовательно, после резкого ослабления в двухполюсном противостоянии одной из сторон должен утвердиться однополюсный мир. Это положение находится в противоречии с позицией России. В Послании Президента РФ 1999 года отмечено: *«Интересам международной стабильности и устойчивого развития отвечало бы геополитическое переустройство мира на путях утверждения принципа многополярности. Его основы уже заложены».*

Продолжение цитаты из Послания президента оставляет вопрос о партнерстве открытым: «...Но какие бы перспективы это ни открывало перед Россией, ее дальнейшая судьба в решающей степени будет зависеть от нее самой...» Только следует уточнить: судьбы России сегодня в руках ее лидеров, от которых зависит формирование рациональной военной политики с учетом новой динамики внутренних и внешних угроз ее национальной безопасности, изменения сложившихся в мире к началу XXI века сил и средств обеспечения международной безопасности.

5.2. Финансово-экономические проблемы обеспечения военной безопасности России

Кроме морально-этического, политического, технического и прочих рассмотренных аспектов у войны есть и финансово-экономическая сторона — не менее важная, чем все остальные. И эмоции, и человеческие жертвы, и утрата материальных признаков цивилизованности — все поддается учету и контролю. К этому можно по-разному относиться и экзальтированно отказываться от установления цены жизни. Но реальность такова, что считать приходится. Этим занимаются и агрессоры, и потенциальные жертвы, когда они, с одной

стороны, сопоставляют свои расходы на военные цели с предполагаемыми приобретениями или выгодами, с другой — подсчитывают ожидаемый ущерб. Зачастую война — весьма продуманное с финансовой точки зрения мероприятие, как бы ни выглядела ее причина.

В марте 1999 года группировка вооруженных сил НАТО, основу которой составили ударные силы США, начала агрессию против суверенной Югославии. Было такое впечатление, что для большинства граждан США, которые одобрили действия своего правительства, эта война казалась чем-то вроде компьютерной игры. Первые протесты появились только после первых гробов, прибывших в США: столкновение с реальностью неизбежно.

В этой агрессии были попорчены основные нормы международного права, предан забвению исторический опыт, использованы новейшие виды оружия и военной техники, создававшиеся, и это подчеркивалось, как средства сдерживания, задействованы новейшие средства и приемы информационной войны.

Пропаганда НАТО обозначила цель акции как предотвращение *гуманитарной* катастрофы в одной из югославских, точнее сербских, провинций — Косово. В «гуманных» целях на головы мирных жителей полетели бомбы. «Миротворцы» провоцировали активность сначала косовских (албанских) сепаратистов, затем — сербских националистов, что привело к ожесточению действий и тех и других. В результате произошла реальная гуманитарная катастрофа — и для косовских албанцев, и для мирных жителей других национальностей.

Прямым следствием боевых действий стал колоссальный экономический урон, причем даже для территорий за пределами Югославии. Каждый день приносил страшные известия, в российских СМИ публиковались данные о потерях, информация о бомбардировке больниц, школ, телецентров.

Расходы агрессора выглядели значительными. Только за первый период воздушной операции было выпущено более пятисот крылатых ракет *Tomahawk*, совершено более тысячи самолетовылетов с применением авиационных ракет и бомб. При этом использовалось не обычное, а высокоточное, высокоинтеллектуальное оружие — весьма дорогостоящее. Цена *Tomahawk* приблизительно 1,5 млн долл. каждый,

не меньшие средства требуются на обеспечение их применения. Крылатые ракеты авиационного базирования стоят приблизительно столько же (стратегические) или всего в несколько раз меньше (оперативно-тактические).

В итоге расходы НАТО на войну превысили сумму в несколько тысяч долларов на каждого жителя Югославии, для жителей Косово эта сумма, видимо, больше. Среднемесячная зарплата в Югославии (приблизительно 20–30 долл.) не выдерживала сопоставления с этими цифрами. За такие деньги жители многострадального края, судьба которых так «беспокоит» НАТО, могли бы многое сделать для мирного разрешения межнациональных споров. Нет смысла отрицать, что многие их проблемы зачастую вызваны именно нехваткой средств для построения эффективной экономики, то есть решения действительно гуманитарных проблем.

Но разве кто-то собирался *им* давать *такие деньги*? Самим едва хватает на обеспечение сверхприбылей компаний, производящих оружие, на безбедное существование властной элиты — заказчиков этого оружия, на содержание руководства и многочисленного аппарата НАТО, планирующих военные действия и обеспечивающих им политическое обоснование. Более того, на волне успешного использования свыше тысячи крылатых ракет в Ираке, Югославии, Афганистане и некоторых других странах, а также других «израсходованных» средств поражения и их носителей фирмы-производители, несомненно, получают новый заказ и новые прибыли. О потерях Югославии данных пока мало. Однако представить их масштаб возможно, если вспомнить о других, уже завершённых операциях, таких как «Буря в пустыне» против Ирака. По оценкам специалистов, материальные потери Ирака и Югославии могут измеряться в пределах сотен миллиардов долларов.

«Приобретения» организаторов агрессии касаются не только и не столько личного обогащения. Речь идет об экономической эффективности мероприятий, осуществляемых для достижения глобальных целей агрессоров. Есть основания считать, что цель США — достижение глобального превосходства над всеми государствами **в однополюсном мире**. Ее реализация связана с созданием решающего превосходства над Россией в неядерных средствах и с созданием потенциа-

ла «разоружающего удара» по ее ядерным средствам. В связи с этим операция в Югославии могла иметь две главные задачи: испытать новые средства поражения и способы их применения в условиях противодействия ПВО российского производства, а также провести акцию устрашения для других стран. По крайней мере первая задача вполне поддается экономическому измерению. Испытание нового оружия не в Югославии, а, к примеру, на одном из полигонов в США, требует создания там соответствующей мишенной обстановки. Чтобы проверить, как ракета наводится на мост и разрушает его, необходимо сначала построить мост и «фон» вокруг него, а это может оказаться намного дороже ракеты. Чтобы проверить, насколько уверенно ракета может найти цель, например здание, расположенное в черте города, надо строить или как-то имитировать не только здание, но и город. Чтобы испытать в деле бомбы, излучающие электромагнитный импульс, проверить эффективность его воздействия на электронную технику и электротехнические системы, надо создать не только эту бомбу, но и цели для нее, причем такие, какие могут быть у «вероятного» противника. Чтобы увидеть, как отразятся на экономике, на боеспособности войск и на экологии удары по предприятиям нефтехимии и другим экологически опасным объектам, пришлось бы проделывать эти эксперименты на себе — дорого и страшно. Средства ведения информационной войны и вовсе можно проверить только в инфосфере, охватывающей достаточно крупные территории, с соответствующим уровнем развития инфраструктуры и цивилизации. Ирак для таких испытаний уже не пригоден. Оказывается, что для достижения указанной глобальной цели американцам экономически «выгодно» было развязать эту войну для проведения в ходе боевых действий «испытаний». Безнаказанность стала психологическим катализатором принятия решения об агрессии.

Процесс парирования возможной агрессии поддается экономической оценке так же, как подготовка к войне и ее ведение. Сегодня для России представляется актуальным именно этот аспект обеспечения военной безопасности.

Формирование системы экономического обеспечения военной и оборонной безопасности является важной составляющей частью рациональной военной политики России.

Для этого важно вспомнить о времени зарождения нового российского государства, когда к России после распада СССР перешла значительная часть его военной экономики: вместе с этим наследством Россия получила нерешенные проблемы и систему управления, далекую от эффективности в новых условиях.

Как отмечалось выше, атрибутами действовавшей в СССР административно-командной системы были программы, планы, принятые партией и правительством решения (постановления), которые надлежало выполнять. Эта система имела свои недостатки, но все-таки до определенного момента она действовала. Нельзя отрицать, что в военной области СССР был могущественной державой. Эта система много лет и весьма успешно обслуживала военно-промышленный комплекс СССР, создала огромные запасы вооружений, в том числе самого высокого класса. По имеющимся данным, новейший американский суперистребитель F-117 был сбит в Югославии именно ракетой советского производства.

Нынешняя Россия более десяти лет пребывает в перманентном переходе к рыночной экономике. Она все еще в процессе дорогостоящего поиска и экспериментов на пути к эффективным принципам управления военным строительством, применимых к отечественному варианту «капитализма». В ходе этих поисков и экспериментов военная организация РФ деградирует, военная экономика разваливается, научно-технический базис для развития современных средств вооруженной борьбы разрушается.

Предполагалось, что главными средствами управления российской экономикой, если она действительно задумывалась рыночной, должны стать отнюдь не команды, а финансы. Это было справедливо и для оборонной области. Любая идея, любое предложение по реформе Вооруженных Сил РФ и их дальнейшему военному строительству должны быть проанализированы не только с военной точки зрения, но и с финансово-экономической.

В известном смысле при распаде СССР России «повезло»: прежняя, действовавшая система управления оборонным строительством СССР практически целиком отошла к ней. Опора на эту систему могла дать импульс к дальнейшему развитию и совершенствованию всей военной отрасли.

Однако из-за простого соображения, что эта система не вписывается в концепцию «рыночной» экономики, ее начали активно ломать. В настоящее время многих элементов управления военной экономикой, задействованных на уровне принятия и осуществления основных решений в области военного строительства, давно нет. Однако взамен не создано ничего. Вряд ли рыночная экономика предполагает простое уничтожение. Трудно поверить, что в России не оказалось достойных умов, чтобы хотя бы скопировать какую-либо эффективную систему, скажем, принятую во Франции или Китае. За эти годы семь раз проходили «крупные» реорганизации управления российской оборонной промышленностью. Насколько эффективной может быть работа в режиме непрерывной реорганизации, никто не потрудился подумать. Так и не произошло серьезного анализа достоинств и недостатков прежней системы: военная сфера слишком дорогостоящая и сложная, чтобы так бездумно отказываться от всего.

Наивно предполагать, что новый «партнер» России США устоит перед искушением довести до конца разрушение военного потенциала бывшего СССР. В рамках официально объявленного курса на однополюсный мир и свое лидерство в нем это выгодно. Это обстоятельство должно постоянно учитываться Россией при всех стратегических и тактических планах создания нового взаимодействия России, США и НАТО в первую очередь.

Вопрос о критериях и принципах эффективной системы управления военной экономикой современной России связан с анализом и сопоставлением бывшей и новой, только формирующейся системы управления с теми, которые успешно действуют в других странах. Очевидно, требуется также привлечение средств и возможностей науки об управлении — кибернетики, научных представлений об оптимальности структур и параметров управляющих систем.

Большое преимущество и серьезный структурный недостаток существовавшей в СССР системы управления экономикой связаны с фетишизацией пятилетнего цикла, которому в постановлениях партии придавался статус закона. Структура промышленности, в том числе военной, была ориентирована именно на пять лет. Такой подход был экономически

оправдан и подтвержден историей накануне, в период и после Второй мировой войны.

Военно-политическая ситуация в современном мире меняется гораздо быстрее. Происходят события, часто не поддающиеся предсказанию, однако они также требуют оперативной адекватной реакции. Появляются революционные научно-технические достижения, не внедряя результаты которых означает отставание в развитии. Помимо пятилетнего программно-целевого контура управления даже сквозь старую структуру пробивался иной контур — оперативное управление. Вырабатывались и принимались оперативные управленческие решения (постановления). Однако намеченные работы, вошедшие в утвержденный правительством пятилетний план, обычно не отменялись, а лишь корректировались. В результате основная структура системы в соревновании с более оперативной иногда проигрывала.

В России несколько лет перестройки было затрачено на дискуссию о том, какими были фактические расходы на оборону в СССР — так и не определили. Долгие годы укрепление военной мощи СССР считалось делом настолько важным, что средств на это не жалели. Пафос лозунга Великой Отечественной войны «Все для фронта, все для победы!» в послевоенное время принял экономические очертания. Можно ли учитывать то, что тратится без меры. В отдельной, строго очерченной графе военные (оборонные) расходы СССР никогда не указывались, тем более — не публиковались.

Казалось, что в новой России рецепты первых шагов реформирования военной сферы экономики просты: устранить указанные дефекты прежней системы, отказаться от утверждения на самом высоком уровне нереализуемых планов, выстроить нормальный бюджетный процесс.

Но реформирование военной сферы началось по старым рецептам. Как когда-то генеральному секретарю, на сей раз президенту была представлена на утверждение Программа вооружения, расписанная на десять лет вперед. Позже выяснилось, что в бюджет она не укладывается. Были проигнорированы и другие необходимые для бюджетного процесса меры: анализ бюджетной заявки независимыми экспертами, строжайший учет всех расходов при исполнении бюджета. Очевидные требования рационализации системы управления

военной сферой были не поняты или отвергнуты управленцами новой формации.

Следующий структурный недостаток системы, наследованной от СССР, — показатели, используемые для оценки эффективности управления. В США **система решаемых оборонных задач** уточняется ежегодно либо через год. На ее основе рассчитывается бюджетная заявка. Затем по уровню решения этих задач судят о качестве действий тех органов, которые их осуществляют и получают на это средства из федерального бюджета. В СССР всегда был один критерий — обязательное выполнение планов пятилетки.

В практике новой России произошли существенные изменения.

Не нашлось места в структуре новой системы государственного управления и для независимой экспертизы подготавливаемых решений по военно-экономической политике, была снята с повестки дня сама идея планового государственного управления всей экономикой и военной сферой в особенности.

Не была создана и современная подсистема информационного обеспечения управленческой деятельности. Излишняя засекреченность работ внутри страны при неизбежном вынесении на международные переговоры с «вероятным противником» (потом — с «партнером») фактических данных о наших Вооруженных Силах создавали парадоксальную ситуацию: в СССР специалисты часто оперировали в общении между собой зарубежными данными. Это является отличительной чертой управленческой атмосферы и в новой России.

По сути, система управления военным строительством и развитием вооружений, сложившаяся в СССР и обеспечившая военный паритет с США, естественно, не вписалась в критерии и рамки экономики рыночной. Новая система должна была взять от старой следующее: четкое распределение сфер ответственности, отчетность ведомств, вневедомственный контроль, относительную свободу в выборе управленческих решений и обязательную обратную связь — от исполнителей к органам управления на этапе перехода. Не был предусмотрен единый ритм программно-целевого и оперативного управления, соответствующий графику

выделения ассигнований и отчетности за расходование средств.

Но больше всего трудностей и путаницы в истории новой России было, как отмечалось выше, в вопросе о военном (оборонном) бюджете.

Для военной экономики важными были события, которые произошли в 1998 году и были связаны с политической концепцией военного строительства и ее практической реализацией в системе государственного управления РФ. Президент РФ создал новую Государственную комиссию РФ по военному строительству, утвердил положение о ней и состав, а также основные направления деятельности Правительства РФ по обеспечению экономии государственных расходов. Из 12 мероприятий, намеченных в этом документе, три непосредственно, а остальные косвенно затрагивали военную организацию и военную экономику РФ. Саму Государственную комиссию возглавил председатель Правительства РФ, а министр финансов стал одним из пятнадцати ее членов. Вошли в состав комиссии также и все руководители силовых ведомств.

Именно этой комиссии Президент РФ поручил подготовить предложения по «совершенствованию системы формирования и исполнения федерального бюджета в части, касающейся расходов на оборону, правоохранительную деятельность и обеспечение государственной безопасности в военной сфере, а также по вопросам финансирования военной реформы и реализации военного имущества». Первой среди прочих задач комиссии была «подготовка решений Президента РФ в области военного строительства». Это представлялось логичным. Президент — Верховный главнокомандующий, на которого замыкаются все «силовики». Соответственно ему решать основные управленческие вопросы военного строительства, действуя при этом в рамках закона.

Президент РФ 30 июля 1998 года утвердил один из основополагающих документов, определяющих политические установки на проведение военной реформы, — Основы (Концепцию) государственной политики РФ по военному строительству на период до 2005 года.

Очерченная система установочных положений после устаревания некоторых противоречий (в частности, устарела

военная доктрина) могла составить упорядоченный верхний ярус системы управления военным строительством.

Многие из этих документов были рассчитаны на перспективу, но ежегодно (при разработке оборонного бюджета) необходимо их вновь подвергать экспертизе и принимать аргументированное решение либо о неизменности основных положений, либо о корректировке отдельных частей документа.

С точки зрения кибернетики на следующем уровне управления происходят оценки текущего состояния ВС и вооружений в сопоставлении с требуемым, а также составляются многоаспектные прогнозы, имеющие различную глубину прогнозирования.

Представляется целесообразным, чтобы циклы прогнозирования были унифицированными. В качестве образца подходит Бюджетный кодекс, где краткосрочный прогноз определен как прогноз на предстоящий финансовый год.

Среднесрочный прогноз (на срок до трех лет) должен использоваться для конкретизации целей военного строительства, планов оснащения ВС военной техникой. Этот же прогноз может быть применен при обосновании предложений по корректировке программы вооружения, а также некоторых планов, касающихся содержания ВС, поддержания их в состоянии боеготовности, переподготовки личного состава.

Прогноз на перспективу (до 7—10 лет) главным образом используется для определения целей полномасштабных ОКР по созданию новых образцов и их испытаниям. Долгосрочный прогноз (до 12—15 лет) актуален при определении направлений фундаментальных, поисковых, отчасти и прикладных НИР в интересах обороны страны, демонстрационных испытаний новых технологий, нововведений.

Как и в случае с краткосрочным прогнозом, неопределенность военно-политической ситуации уменьшает достоверность прогноза. Это справедливо и для прогнозирования в условиях ускорения научно-технического прогресса. Если сокращается инновационный период (время от получения научно-технического достижения до его внедрения), а также период освоения новых изделий в производстве за счет автоматизации и модернизационной гибкости, то соответственно меньшей становится требуемая глубина прогноза,

а НИОКР должны быть рассчитаны на более близкую перспективу.

Особого внимания в управлении военной экономикой заслуживает вопрос о планах и программах вооружения. Как выглядит их роль в государственном управлении, если управление будет осуществляться на основе ежегодной разработки и результатов исполнения оборонного бюджета? В Законе об обороне, как уже отмечалось, упоминается разработка государственных программ и планов развития ВВТ «в пределах выделенных средств», не говорится только, как их обосновывать и выделять. Вопрос не праздный, поскольку в соответствии с Законом об обороне все предприятия, учреждения и организации **обязаны** работать по государственному заказу **только в военное время**. В мирное время они должны выполнять добровольно принятые на себя договорные обязательства, а значит, **их надо привлечь к работе** на оборону с помощью экономических стимулов, а не ссылками на подпись президента, утвердившего программу вооружения.

Ясно, что чаще всего обе стороны (и заказчик — представитель МО, и исполнитель — предприятие промышленности) заинтересованы в долгосрочной стабильной программе работ. Первой стороне удобно «изымать» из утвержденной программы готовые «блоки» и делать на их основе годовые планы, а затем и проект бюджета, считая программные установки «требуемыми». Второй стороне программа дает возможность на много лет вперед организовать производство, вложить в него силы и средства, не беспокоясь о риске вложений. Но возводить это «удобство» в ранг закона вряд ли стоит. Сформулированное отношение к программам является вынужденным. Просто нам досталось жить в быстротекущем времени и переменчивом мире с его революционными новшествами в науке и технике, социальными катаклизмами. В большинстве случаев нет возможности эффективно работать по долговременным программам, не корректируя их. Исключение составляют лишь немногочисленные, крайне устойчивые перспективные программы, которые остаются актуальными при любых вариантах развития международной обстановки и при любом состоянии экономики страны.

Наверное, в их числе окажутся в ближайшие годы новые комплексы ядерного оружия, высокоинтеллектуальное не-

ядерное оружие с избирательными свойствами поражения, системы разведки, предупреждения, боевого управления, связи и радиоэлектронной борьбы. Следовало бы только уточнить, что приоритетность не может распространяться на всю номенклатуру таких средств, что **приоритет должен быть отдан только тем средствам, которые обладают высоким эффектом сдерживания**. Вторая группа работ, которые необходимо включить в долгосрочные программы вооружений, определяется международными обязательствами России.

Следует отметить еще одно обязательное условие действенности системы управления строительством ВС — автоматизированное информационное обеспечение всех элементов структуры. Без него оперативное управление, высококачественное научное обоснование решений в требуемом ритме просто невозможно реализовать. Давно нет всемогущих министерств оборонного комплекса. Образованным на их месте департаментам и агентствам предприятия не подчиняются. Связи между заказчиками работ и исполнителями будут прямыми. Вследствие этого количество контрактов, заключаемых ежегодно, может превысить несколько десятков тысяч. Появляется необходимость рассматривать автоматизацию в качестве обязательного атрибута системы управления.

Необходимо упомянуть о подсистеме, обеспечивающей научное обоснование управленческих решений государства в области обороны. Учитывая исключительную важность оборонного бюджета как главного средства управления военным строительством в новых условиях хозяйствования, следует поставить на научную основу обоснование всех статей этого бюджета. Безусловно, должна быть интенсифицирована производительность научного труда. поэтапная работа в рамках пятилетнего цикла должна смениться энергичной реализацией «скользящих» программ и планов с соответствующей глубиной прогнозов. Конечным результатом такой исследовательской деятельности должно стать высококачественное обоснование комплекса документов, определяющих военное строительство, а также всех статей и категорий оборонного бюджета.

Такая система управления военной экономикой обеспечит научную обоснованность **макроэкономических показателей военных и оборонных расходов**, соответствие их как задачам

военной безопасности, так и экономическим возможностям государства. Эта проблема требует более подробного рассмотрения.

Общие суммы всех военных расходов государства (S_v) и расходов на оборону страны (S_o) могут быть записаны в федеральном бюджете либо явно, либо «россыпью» в разных статьях. Но в любом случае без этих данных финансово-экономический анализ проблем обороноспособности страны невозможен.

Приходится признать, что в новой, демократической РФ, образовавшейся после распада СССР, прозрачность в вопросах, касающихся военных расходов, представляется еще более условной, чем это было в СССР. Как все-таки выглядят военные (или оборонные) расходы в современной России в сравнении с расходами других стран и с прошлыми расходами СССР?

Сравнение военных бюджетов различных стран в абсолютных величинах вызывает законные затруднения, поскольку вряд ли правомерно использование тех или иных валютных курсов при переходе к единой денежной единице. Действительно, как сопоставить ~ 78 млрд руб. военного бюджета бывшего СССР с ~ 300 млрд долл. в военном бюджете США того же года, хотя сопоставление последней цифры с ~ 180 млрд долл., суммой общего военного бюджета других стран НАТО, конечно, сделать легко. Несмотря на трудности, абсолютные цифры военных расходов использовались руководством МО СССР и экспертами, причем иногда это делалось и для анализа военных бюджетов различных стран (в один и тот же год), и для анализа военных расходов одной страны, но в различные годы. Так, в конце 1989 года было заявлено, что военные расходы СССР в 1990 году снижаются по сравнению с 1989 годом до 70,9 млрд руб. В основном этот прогноз оправдался. Но уже в 1991 году расходы на оборону в СССР были определены в размере 96,6 млрд руб. Означало ли это увеличение абсолютных расходов? Разумеется, не означало с учетом начавшихся инфляционных процессов. Заметим, что за рубежом инфляционный фактор учитывается обязательно.

В новой России ситуация усугубилась: с самого начала развернутых преобразований экономики инфляция при-

близилась к опасной черте, обозначаемой приставкой «гипер». Соответственно в абсолютном выражении оборонные расходы в бюджетах России начали расти, но по сути уменьшились.

Оперировать такими «галопирующими» цифрами крайне сложно. Пересчитывать в долларах или в иной стабильной валюте? Использовать коммерческий курс или так называемый паритет покупательной способности? Нет определенности. Невозможность сопоставления абсолютных величин расходов порождает идею перехода к относительным величинам. Из них чаще других используются следующие: доля военных (оборонных) расходов в валовом внутреннем продукте страны и доля военных (оборонных) расходов в общей сумме государственных расходов.

Величины становятся безразмерными, вопрос о валютных курсах отпадает. Однако сравнение военных бюджетов в относительных величинах также затруднено. Дело не только в значениях числителей, но и в знаменателях. В разных странах их определяют по-разному. Кроме того, за рубежом многие работы, особенно исследования оборонного характера, выполняются за счет частных фирм (действует заинтересованность в будущих прибылях от военных заказов).

Не было ясности с определением доли военных расходов и в СССР, о чем свидетельствует хотя бы разногласия в оценке военных расходов: цифры колебались от официальной в 4,4% от ВВП до 25% от ВВП, последняя «гуляла» в комитетах бывшего Верховного Совета СССР.

Это говорит только о том, что ни абсолютные, ни используемые относительные цифры военного бюджета не являются убедительными и не могут служить показателем достаточности военных расходов для обеспечения обороны страны в конкретной военно-политической ситуации.

Оценки после 1991 года были затруднены по другим причинам: сказывалось усиление инфляционных процессов, смена денежных единиц и просто общая неразбериха.

Официальных данных о военных расходах РФ крайне мало. Отчетов не было, по крайней мере в открытой печати. Первые опубликованные данные были полуофициальными. Из них, например, россияне узнали, что доля военных расходов РФ в 1992 году составила 5,2% от ВВП. Военных или,

что более правдоподобно, оборонных — понять из опубликованных интервью было трудно. Прозвучали заявления, также неофициальные, что в 1993 году уровень оборонных расходов остался приблизительно таким же, как в предшествующем.

Доля оборонных расходов в общих федеральных расходах Российской Федерации в бюджете 1992 года находилась на уровне 21,6%, а в 1993 году прошла сложный колебательный процесс, напрямую связанный с политическим кризисом: 16,7% значилось в первоначально утвержденном варианте бюджета; в середине года правительство пыталось понизить его до 16,1%, до 17,8% предложил увеличить Верховный Совет, а после его разгона в бюджете на четвертый квартал эта доля (в соответствии с указом Президента РФ) превысила 20%.

Сопоставим эти данные с теми, что были в СССР, а также с показателями других государств. Например, в США оборонные расходы в 1993 финансовом году составили 19,8%, затем понизились, а заявленное дальнейшее понижение намечено до уровня 14,5%. В большинстве стран этот показатель еще ниже.

Возвращаясь к вопросу об уровне военных расходов в РФ, следует отметить, что только в последнее время на смену «полуофициальным» пришли упорядоченные официальные статистические данные (на макроуровне). Например, так выглядели **расходы на национальную оборону** (рис. 5.1), представленные Институтом экономики переходного периода (ИЭПП) на основе данных Госкомстата и Минфина.

На рисунке отражены данные, относящиеся к периоду до начала реальной военной реформы в РФ и до начала «систематических секвестров», а что принесли секвестры наглядно показано на примере 1997 года (табл. 5.1). В абсолютном исчислении в бюджете на оборону было назначено 104,3 трлн руб. Бюджет предусматривал направить 47,1 трлн руб., или 46% всех выделенных ВС РФ средств, на содержание личного состава, вооружения, другой техники и имущества; 37,5 трлн руб., или 36,8%, на инвестиции в военную систему, а именно: 21 трлн руб., или 20,5%, на закупки нового вооружения, военной техники и имущества; около 11,6 трлн руб., или 11,3%, на опытно-конструкторские работы по созданию новейшего вооружения и проведение научных исследований (НИОКР) и почти 5 трлн руб., или 5%, на строительство

Показатели расходов России на оборону

Рисунок 5.1

Таблица 5.1

Финансирование инвестиционных военных расходов в 1997 году

Виды расходов	Первоначальный вариант бюджета	Скорректированный вариант бюджета	Фактическое выполнение (оценка)		
			трлн руб.	% от первоначального варианта	% от скорректированного варианта
Закупки вооружений	21	16,9	5,1	24	30
НИОКР	11,6	8,1	3,6	31	44

военных объектов и жилья. Кроме того, из общей суммы военных расходов целенаправленно выделялись средства на расходы, связанные с прошлой военной деятельностью: 11,6% — на выплату пенсий бывшим военнослужащим и членам их семей; 3,6% — на реализацию военной реформы, главным образом в части социального обеспечения увольняемых военнослужащих.

Такое соотношение расходов на содержание ВС и на инвестиции полностью противоположно прежней советской практике, где отдавался приоритет развитию вооружений. Надо сказать, что не только в России, но и в большинстве ведущих капиталистических государств сфере НИОКР уделяется большее внимание, а соответствующая доля расходов превышает 15%.

Как же выглядели расходы на оборону после секвестра? Было предложено сократить расходы: на закупку вооружения и НИОКР — на 30%, а по другим незащищенным статьям — на 55%. В этом случае расходы на национальную оборону составили бы 83,17 трлн руб. (3% ВВП). Но единства по этому вопросу между ветвями власти не было. Государственная дума приняла Закон об уточнении федерального бюджета на 1997 год, в соответствии с которым общая сумма расходов на национальную оборону должна была составить 95,4 трлн руб. (3,5% от ВВП), из них 93,3 трлн — Министерству обороны и 2,1 трлн — Министерству по атомной энергии. Расходы на выплату пенсий и проведение военной реформы вообще были вынесены из категории расходов на национальную оборону. Из оставшейся после вычета этих статей общей суммы военных расходов 92,3 трлн руб., которые предполагалось выделить Минобороны, на содержание ВС предназначалось 66%, на закупки ВВТ — 18%, на НИОКР — около 9%, на капитальное строительство — около 7%.

При исполнении бюджета в наибольшей степени были ущемлены именно инвестиционные военные расходы, точнее, расходы на закупки вооружения и НИОКР.

Столь скудное финансирование поставило оборонную промышленность, конструкторские и исследовательские организации страны в чрезвычайно тяжелое положение и фактически означало потерю существенной части научно-производственного потенциала оборонного комплекса.

Следующий, 1998 год оказался для военной экономики еще более сложным. Причем заложены эти трудности были раньше, а проявились на стадии формирования федерального бюджета на 1998 год. Практически до этого времени в истории СССР и новой России военные расходы были основной статьей расходов.

И вот 1998 год оказался переломным еще на стадии формирования бюджета: **впервые в нашей стране расходы на национальную оборону перестали быть главенствующими.**

Часто говорят, особенно в среде управленцев и в некоторых политических кругах России, что плохой бюджет 1998 года был порожден политическими играми фракций, заполнивших Государственную думу. Это верно лишь отчасти. Проект бюджета готовило Правительство РФ, затем оно участвовало в работе согласительной комиссии при корректировке окончательного варианта бюджета. После согласования он стал еще менее реалистичным, чем был, но не менялся радикально. Именно его отстаивал Президент РФ в конце 1997 года, прибыв для этого в Думу.

На первом месте по удельному весу в предусмотренных бюджетом общих расходах 1998 года стало «обслуживание государственного долга».

Такая структура расходов была заведомо ущербной для всей экономики страны, а тем более для военной экономики. Ведь в военном (оборонном) секторе экономики, кроме всего прочего, остались проблемы выплаты задолженностей за прошлые годы, которые государством и за долги-то официально не признавались. Под «обслуживанием государственного долга» подразумевались, главным образом, выплаты банкам (отечественным и зарубежным), а не бюджетникам или организациям, которые выполнили государственный заказ, но не получили своевременно за свою работу оплату, указанную в контрактах (договорах), заключенных от имени государства.

Справедливость оценки бюджета как ущербного полностью подтвердилась при попытке его исполнения. И никакие очередные попытки правительства предотвратить финансово-экономический крах уже не помогли, поскольку причины его отнюдь не в событиях, последовавших после 17 августа.

Фактическое исполнение, как оказалось, нереалистичного федерального бюджета 1998 года захлебнулось. В части дохо-

дов уже в первом полугодии государство получило только 128 млрд руб. вместо 183,8 млрд руб., на которые рассчитывали составители бюджета. В части расходов пришлось заниматься перераспределением средств. При этом Закон о бюджете был кардинально нарушен.

При анализе исполнения бюджета 1998 года возникает ряд очевидных вопросов, связанных с проблемой государственной роли в управлении военной экономикой. Основной вопрос: кто, на каком основании и как решал задачу перераспределения средств, то есть фактически осуществлял реальную, а не декларируемую политику в России?

Можно понять, что в условиях значительной нехватки средств правительство снизило социальные расходы на самых обездоленных россиян в меньшей степени, чем некоторые другие, — до 84% от суммы, предусмотренной бюджетом в первом полугодии, и даже повысило годовой уровень социальных расходов до 104%. Однако это «перевыполнение» по социальным выплатам не смогло компенсировать снижение уровня жизни людей, вызванное инфляцией. Странно, что в тех же условиях, когда задолженность рядовым гражданам страны только возрастала, долги государства банкам в первом полугодии были обслужены практически на 100%. Одновременно развитие таможенной системы профинансировано на 94%, государственное и местное самоуправление на 66%, а Минобороны только на 53,3%.

В конце второго полугодия 1998 года управленческие действия, предпринятые правительством, несколько изменили пропорции в распределении бюджетных средств. Но все равно не ясно, почему более других «похудели» средства, выделенные на поддержку гражданской промышленности, энергетики и строительства, а также на оборону — частично здесь должна была финансироваться промышленность, только уже военная. Ведь законодательно было закреплено в основном **пропорциональное** сокращение, а не произвольное перераспределение бюджетных ассигнований.

Продолжая разговор о распределении расходов РФ по основным статьям, можно отметить, что **при исполнении** федерального бюджета 1998 года **Россия впервые вышла на такой режим, когда расходы по обслуживанию государственного долга существенно превысили не только расходы на оборону, но и сум-**

марные расходы на оборону, правоохранительную деятельность и обеспечение национальной безопасности страны. Вряд ли это практика только одного года.

В середине 1998 года Президентом РФ были утверждены уже упоминавшиеся Основы, касающиеся вопросов военной политики. Ожидалось, что они послужат руководством и в военно-экономической области, поскольку в этом документе предопределен уровень военных расходов как доли от ВВП: 5,1% — на всю правоохранительную деятельность и обеспечение безопасности страны, в том числе 3,5% — на оборону.

Документ утвержден и должен быть принят к исполнению, но насколько он реалистичен? Сопоставляя указанные в нем уровни военных расходов с расходами 1998 года (доля военных расходов в ВВП), а также с предстоящими (по пометкам) в будущем, приходится признать, что попытки уверенно руководствоваться указанными суммами могут лишь вызвать конфликтные ситуации как при формировании, так и при исполнении бюджетов на предстоящие годы. Возможно ли в реальности согласовать предполагаемые военные расходы с доходами государства, а также с расходами на другие нужды, прежде всего с долгами государства, в которых Россия «погрязла», видимо, надолго?

Лишен однозначности и ответ на концептуальный вопрос, обозначенный как проблема «оборонной достаточности»: он касается определения критериев достаточности (исключающей заниженность или завышенность) расходов страны на обеспечение ее обороноспособности?

В СССР удельные расходы на оборону были очень высокими. Этого оказалось достаточно, чтобы предотвратить «горячую» войну, но не хватило, чтобы выиграть «холодную». В новой России абсолютные военные расходы резко сократились, относительные — тоже, хотя и в меньшей степени. И все же они оказались пока достаточными (об этом свидетельствует сама жизнь — пока), чтобы военные угрозы извне не стали реальностью.

Дискуссию о предельном уровне расходов на оборону часто сводят к такой логической цепочке: с увеличением этих расходов боевая мощь вооруженных сил непрерывно растет, но снижается невоенное производство и уровень жизни населения; и только это определяет тот «порог», предел, выше ко-

того военные расходы поднимать нельзя. Если народ «убедить» в необходимости определенных лишений ради обороноспособности страны, то уровень расходов можно приподнять. В реальности все гораздо сложнее, так как подчинено неочевидным зависимостям. Если оборонные расходы увеличивать, например, за счет расходов на образование, то в армию придет плохо подготовленное или даже неспособное освоить сложную военную технику пополнение. Это в свою очередь скажется на уровне боевой мощи. Аналогичную зависимость можно установить и при повышении военных расходов за счет здравоохранения. Менее нагляден, но не менее важен для качества обороноспособности страны культурный и духовный потенциал граждан. Эта сфера также требует заботливого отношения, а значит, и затрат со стороны государства. Так что ограничиться только простыми бюджетными показателями для характеристики отношения государства к вопросам обороны невозможно.

С другой стороны, военный бюджет определяет лишь малую долю приращения к накопленному боевому потенциалу вооруженных сил, а в части исследований и разработок — долю будущего возможного приращения, поскольку объективно действует эффект «запаздывания» в отдаче вложенных в оборону средств. Отсутствие прямой функциональной связи между военными расходами и неким «текущим уровнем оборонной достаточности» объясняется еще и этой причиной.

В результате оказывается, что для оценки общей суммы военного бюджета набором простых критериев не обойтись. Необходимо создавать современные компьютерные системы на основе «искусственного интеллекта», привлекая для пополнения их баз знаний «естественный интеллект» различных специалистов, независимых в том числе. Для подтверждения собственных оценок эксперты должны исходить из известных им математических моделей, имитирующих сложные экономические процессы и жизнедеятельность Вооруженных Сил в мирное и военное время, из методов решения упрощенных, формализуемых задач. В числе других «оптимизируемых» могут использоваться и обобщенные показатели военного бюджета (абсолютные и относительные).

Не менее актуален и такой вопрос: сознают ли политические деятели и экономисты, что осуществленное сокращение

военных расходов не привело автоматически к росту благосостояния граждан? В современном мире принято использовать рекомендованный ООН показатель — «индекс гуманитарного развития», в котором комплексно учитывается сумма показателей: ВВП; средняя продолжительность жизни населения; средний уровень грамотности и число лиц, имеющих университетское образование; количество обязательных лет обеспеченного образования в школах. На наших глазах произошло не только резкое сокращение военных расходов России, но, к сожалению, и одновременное снижение (вместо обещанного повышения) уровня жизни граждан. По указанному выше индексу СССР занимал 26-е место в мире, Россия в 1995 году заняла 54-е, а в 1998-м она уже скатилась на 72-е место; в последующие годы ее положение практически не улучшилось.

Ситуация 1998 года выявила актуальность еще одной военно-экономической и одновременно управленческой проблемы — стабильности, ритмичности финансирования. Именно из-за ее несоблюдения продолжение реформ военной организации, начатых в ВС РФ в середине 1997 года, в 1998 году оказалось особенно мучительным. Об этом свидетельствует **динамика исполнения бюджета** по разделу «Национальная оборона», представленная на [рис.5.2](#) (в миллионах денонмированных рублей). Верхний график построен по данным отчетов Минфина, нижний (Минобороны) — по данным регулярных публикаций в газете «Красная звезда» (1998 год).

По данным Министерства обороны, оно получило за год около 42 млрд руб. Сюда можно добавить еще 2380 млн руб., выделенных уже после наступления нового 1999 года, но в счет 1998 года. Тогда общую сумму поступлений финансовых средств в Минобороны за 1998 год можно считать равной 44,2 млрд руб. Но и в этом случае, даже без учета обесценивания выплат, поступивших в конце года, придется констатировать, что вся **«национальная оборона» профинансирована на 69,3%, а Министерством обороны получено за год лишь 55,7% от суммы, предусматривавшейся бюджетом.**

Негативные стороны имеет и динамика финансирования по отдельным видам расходов: на [рис. 5.3](#) (по данным ИЭПП) раскрывается укрупненное распределение средств на содержание ВС РФ и на инвестиции в оборону. Под учитываемыми инвестициями на оборону (график «Инвестиции

Рисунок 5.2

Динамика исполнения оборонного бюджета в 1998 году по месяцам

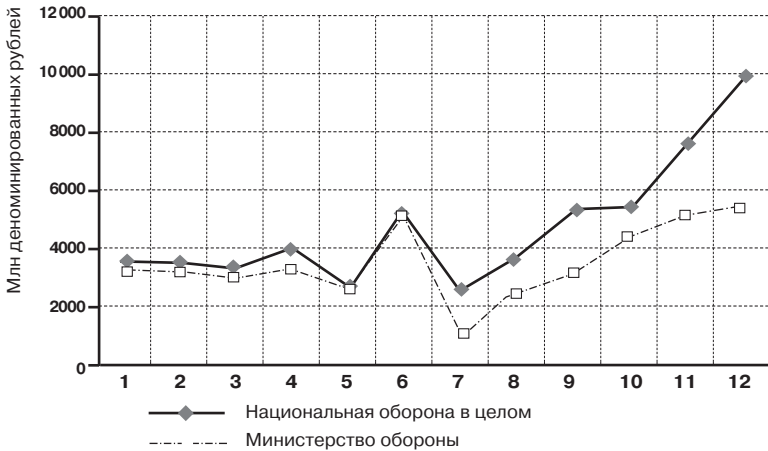
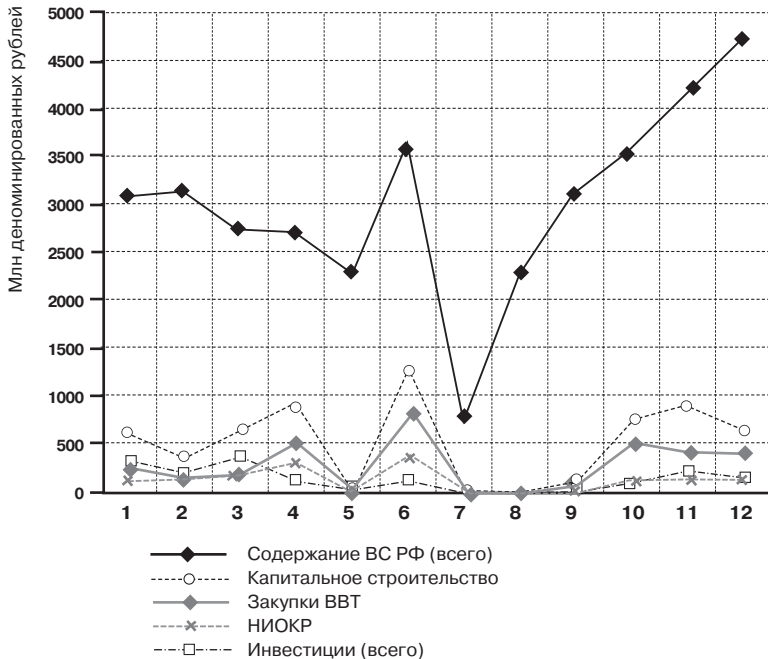

Рисунок 5.3

Динамика исполнения видов оборонного бюджета в 1998 году по месяцам

(всего)») понимались суммарные расходы на капитальное строительство, закупки ВВТ и НИОКР.

Из анализа этих графиков следует, что средства, ежемесячно выделявшиеся Министерству обороны, в основном (на 85% и более) уходили на содержание ВС РФ. Кроме того, в начале второго полугодия в финансировании военной экономики наблюдался разрушительный «провал».

Доля суммарных расходов на закупки ВВТ и на НИОКР не только не приблизилась к прогнозируемому уровню — 30%, но и снизилась по сравнению с прошлогодним, составив только 5,57% (из них 3,87% — на закупки ВВТ и 1,7% — на НИОКР) от предусмотренной бюджетом суммы, или 10,53% (7,32% — на закупки ВВТ, 3,21% — на НИОКР) от фактически выделенных средств. На капитальное строительство было выделено 1496 млн руб., или 1,88% от предусмотренного бюджетом, или 3,56% от фактически полученной суммы.

Таким образом, инвестиционная доля в фактических расходах Минобороны составила в 1998 году всего лишь немногим более 14%.

При таком финансировании проводить реформирование ВС РФ и одновременно с этим обеспечивать обороноспособность государства было непросто.

И все же Вооруженные Силы РФ «выстояли», а у министра обороны были все основания заявить в конце 1998 года, что основные задачи реформирования его ведомства так или иначе удалось решить за счет внутренних резервов и мобилизации всех сил.

Другое дело — не пришла ли пора уточнить эти задачи? И военная организация, и военная экономика России находятся и сейчас в кризисном состоянии. Их параметры далеки от оптимальных.

В целом ситуация характеризуется не только ослаблением обороноспособности страны и резким падением уровня безопасности граждан. Недореформированная и недофинансированная военная организация РФ, прежде всего ее Вооруженные Силы, обездоленные военнослужащие, не в перспективе, а уже сейчас создают проблемную ситуацию, связанную с безопасностью государства. Пока органам государственного управления военной организацией РФ удастся избежать такого поворота событий. Насколько их хватит?

Еще хуже обстоят дела в сфере оборонной промышленности. Состояние военно-промышленного комплекса РФ, как свидетельствовало Министерство экономики, к концу XX века было близко к краху. Вместо опрометчиво заявленного роста военной экономики произошло снижение объемов производства на 4,4%. Особо острой стала ситуация в военно-ориентированных НИИ и конструкторских бюро. Как следует из приведенных данных, **в течение нескольких месяцев средства на НИОКР вообще не выделялись**. Наверное, в какой-либо другой стране современного мира сфере НИОКР такого удара не пережить. Но наши разработчики, опираясь на ранее разработанные научно-технические идеи, продолжают удивлять мир уникальными разработками.

Тяжелым грузом на нашей военной экономике висела кредиторская задолженность предприятий ВПК — 105,6 млрд руб. Государственный долг этим предприятиям, составлявший в начале 1998 года 18,4 млрд руб., возрос к концу года до 25,5 млрд руб.

Специалистов серьезно беспокоил износ активной части производственных фондов ВПК: он приблизился к 75%.

Подводя итог макроэкономическим оценкам состояния российской военной экономики в конце XX века, следует признать, что деградация ее продолжалась, несмотря на отчаянные усилия как военнослужащих, так и работников ВПК.

В вопросе бюджета 1999 года было ясно одно: те 92,2 млрд руб., или приблизительно 4 млрд долл., которые выделялись на нужды обороны РФ, не только весьма скромная сумма, но и совершенно несопоставимая с расходами на оборону в 1999 финансовом году в США (250,5 млрд долл.) или, например, во Франции (35 млрд долл.). Вряд ли стоит гадать, в чем причина: то ли количество и риск военных угроз Штатам был выше, чем России, то ли россиянам оборонять больше нечего? Ответы на эти вопросы выходят за рамки экономики.

Возможен только вопрос: где выход из этой ситуации в наступившем новом веке? Очевидно в том, чтобы выделить и расходовать обоснованные государственные средства на оборону, по прямому назначению прежде всего на создание таких средств сдерживания (ядерных и неядерных), чтобы

ни у кого не возникло искушения проверить действие этих средств на себе.

Расходы, необходимые для решения этой задачи, вполне приемлемы даже для ослабленной России. Опыт боевых действий в Ираке, Югославии и Афганистане показывает, что удар 500 ракет по стране-жертве агрессии не дает гарантии победы, а угроза неотвратимого возмездия, то есть нанесения аналогичного удара по любому участнику агрессии, наверняка способна остудить горячие головы. Удивительно, но инициаторы агрессии всегда трепетно дорожат своими «жизненными стандартами», а их руководители — имиджем в глазах собственных граждан — потенциальных избирателей. Осуществить безнаказанную агрессию — могут, при неизбежном возмездии — сто раз подумают...

Стоимость одной ракеты (а такие, к счастью для России и ее союзников, уже разработаны) при организации ее производства в нашей стране с привлечением друзей из СНГ не превысит 25 млн руб. По 100 ракет в год — 2,5 млрд. При сопоставлении с общей суммой военных расходов задача выглядит посильной. Часть носителей для размещения таких ракет и доставки их в зону возможных пусков у России есть: и стратегические, и оперативно-тактические. Увеличение количества средств доставки также решаемая проблема. Напомним, что ракета типа *Tomahawk* в принципе может стартовать даже из торпедного аппарата. Разумеется, необходимо предусмотреть траты на систему обеспечения таких средств сдерживания информацией, необходимой для их пуска и эффективного поражения объектов агрессора в случае, если он не среагирует на наличие средств сдерживания и начнет военные действия.

Это вполне укладывается в бюджет России, но только при условии **сокращения расходов на те компоненты военной организации и те виды вооружений, которыми воевать можно, а сдерживать агрессора — никак нельзя.**

Видимо, иного пути сейчас просто нет. Как нет желания становиться в очередь бессловесных жертв агрессии — вслед за Ираком, Югославией...

Ни один россиянин, достойный своей страны, ни на секунду не может этого допустить. По своему духовному и материальному потенциалу, по своей геополитической судьбе

России предписана миссия утверждения общечеловеческих ценностей и безопасности в мире. Понимание этого, подтвержденное реальной промышленной и военной мощью, — такова стратегия полноправного возвращения России в число государств, определяющих будущее мирового сообщества.

Возвращение России равноправным партнером в мировое сообщество лежит на путях возрождения ее экономического и военного могущества. В решении этой стратегической задачи исключительно важную роль призван сыграть оборонно-промышленный комплекс страны, роль которого двояка.

Во-первых, оборонно-промышленный комплекс является непосредственной материальной основой военной мощи, ибо обеспечивает Вооруженные Силы новейшим оружием, техникой и всем необходимым для выполнения возложенных на них традиционных и новых задач по обеспечению защиты интересов государства военным путем.

Во-вторых, в сложившихся на данном этапе условиях он может выполнить роль своеобразного локомотива, выводящего экономику страны из глубокого кризиса, создающего условия для быстрого развития высокотехнологичного комплекса.

Именно поэтому все процессы, связанные с позитивным влиянием оборонно-промышленного комплекса России на экономику, высокотехнологичный комплекс и укрепление национальной безопасности должны находиться под пристальным вниманием государственных органов и исследователей данной проблемы.

Роль оборонно-промышленного комплекса (ОПК) России в решении проблем экономического развития страны

6.1. Экономическое и военное наследие России, его достоинства и пороки

Что бы ни говорилось о путях возрождения России (а таких разговоров много), какие бы кардинальные способы ни предлагались для этого, включая и опору на высокие технологии (о чем упоминалось выше), реализация этих замыслов и эффективность способов подъема экономики зависят от правильно выбранного и подготовленного фундамента, на котором Россия собирается возрождаться или строиться заново.

Этот фундамент советский, он был заложен в годы СССР и таковым по своей основе остается. Об этом приходится напоминать, особенно тогда, когда слово «советский» вызывает у многих не только положительные эмоции. Уже сейчас можно утверждать, основываясь не на домыслах, а на историческом опыте, что модели быстрого перехода от социалистической (советской) к «рыночной» экономике не сработали, как хотелось бы. И сам «переход» строился без четкого понимания цели, без ясного ответа на вопросы: куда, к чему идет Россия? У тех, кто стоял у истоков «перехода», не было понимания того, откуда мы отправляемся, на каких основах собираемся строить наш «рынок». Даже сейчас, спустя десятилетие после

начала преобразований, продолжают споры о ситуации в СССР, которая сложилась накануне его развала, перед началом нового этапа в истории России. Оценки разных специалистов противоречивы, а в ряде случаев и тенденциозны. Вскрываются новые и перетасовываются старые факты. Снимаются напластования прежних оценок и тут же возникают новые. По меткому выражению одного из наших сатириков, Россия — страна не только с непредсказуемым будущим, но и с непредсказуемым прошлым. История России переписывается вновь новой властью и под новую власть. Поэтому важно и поучительно взглянуть на прошлое страны без предубеждения.

Был ли СССР великой державой или сверхдержавой? Да, это так. И по формальному статусу в ООН, и по военной мощи, и по политическому влиянию в мире. К середине 80-х годов XX века позицию и политику СССР поддерживало и проводило около трети населения планеты. Лишь в последние годы советской эпохи, уже перед переходом страны в новое качественное состояние, положение СССР несколько пошатнулось. Ссылаясь на отставание в темпах экономического роста и уровне жизни населения, некоторые политики стали говорить о нашей стране менее уважительно. Например «железная леди» Маргарет Тэтчер в шутку позволила себе приравнять СССР к одному из третьеразрядных государств — западно-африканской республике Верхняя Вольта, уточнив при этом: «с ракетами». И эта добавка до сих пор многим западным и прозападным политикам не дает покоя. Они употребляют подобные характеристики теперь уже в отношении России, ставшей правопреемницей СССР по формальному положению в ООН и по реальному обладанию ракетно-ядерным оружием.

Совершенно очевидно, что Советский Союз по многим макроэкономическим показателям действительно входил в число ведущих стран мира. По выпуску металла, цемента, добыче топлива, выпуску сельскохозяйственных машин СССР был первым. Однако по объему валового внутреннего продукта (ВВП) сопоставления нашей экономики с зарубежной (когда рубли переводились в доллары по официальному курсу, который устанавливало само наше государство) породили скептицизм. Но никакой скептицизм не может

заслонить факты. Те же ракеты не могли появиться в третьеразрядной стране, как и успехи в освоении космических просторов или нобелевские лауреаты в области естественных наук и экономики. Да, пересчет прежних данных о ВВП по так называемому паритету покупательной способности (ППС) валют свидетельствует о необъективности политизированной статистики. Да, в последние годы существования СССР мы уступали не только США и Японии, но и некоторым другим странам. Но объективно — немногим. В десятку лучших СССР входил. А кроме того, сама методика пересчета ВВП по ППС настолько условна, что серьезные экономисты пользуются ее результатами крайне осторожно, с массой оговорок, имея в виду приблизительность таких сопоставлений.

Хуже выглядят макроэкономические показатели СССР, если не только пересчитать ВВП в единой валюте по ППС, но и соотнести их с численностью населения. США в 1990 году, накануне распада СССР, были первыми как по абсолютному значению ВВП, так и по относительному показателю «ВВП на душу населения». СССР же оказался позади не одного, а двух десятков стран. По сравнению с США мы производили на душу населения в денежном выражении почти в пять раз меньше продукции и услуг по сравнению с ФРГ, Канадой, Японией, Францией, Италией, Великобританией и даже с Финляндией — меньше в три с лишним раза. При этом расслоение общества по этому показателю в СССР было минимальным.

Следующий вопрос — о номенклатуре продукции. Экономика СССР была в состоянии произвести практически все необходимое государству и народу, но зачастую он уступал в качестве товаров и услуг, но далеко не всех, а по некоторым видам продукции СССР обогнал весь мир, владел уникальными технологиями и средствами производства. И это не завышенная самооценка. Ежегодно при обсуждении федерального бюджета в США Конгрессу представляется правительственный доклад, в котором отражается положение США в современном мире по важнейшим научно-техническим и технологическим направлениям. И неизменно в таких докладах вплоть до 1991 года специалисты США признавали мировое лидерство СССР по многим из этих направлений.

Но было и другое: в стране строили объекты или выпускали товары не первой необходимости или товары очень низкого качества. Лучшие и наиболее одаренные люди вовлекались в сферу военной экономики (как в саму военную организацию государства, так и в военно-промышленный комплекс). Самые передовые достижения советской науки и техники засекречивались и выводились из сферы гражданской экономики. Мы производили высококлассное оружие, его количество было иногда избыточным. Однако экономически выгодно продать не умели.

Конечно же, были объективные трудности: огромная территория и протяженность границ, требующих обустройства и охраны; суровые климатические условия, обусловившие значительные энергетические затраты на обеспечение жизнедеятельности населения. Как было показано в предыдущей главе, преодолевались эти трудности не самым эффективным образом.

И все же одним из основных недостатков СССР как государства в последние годы стало все возрастающее снижение качества управления экономикой страны. В результате, имея отдельные достижения, советская экономика в целом становилась малоэффективной. Так, произведя в 1987 году железной руды больше, чем США, в 4 раза, чугуна — в 2,5 раза, стали — почти в 2 раза и даже электроэнергии в 1,1 раза, мы выпускали готовых изделий в несколько раз меньше. Например, легковых автомобилей — в 5 раз меньше отдельных видов, чем США (при практически одинаковом производстве грузовых автомобилей). Об их качественных параметрах уже говорилось. Кроме того, не умели беречь созданное.

И в итоге граждане огромной страны — потенциально одной из богатейших в мире — не благоденствовали, но и не бедствовали, используя мощную государственную социальную поддержку в образовании, медицинском, транспортном и энергетическом секторах.

В том, что указанные недостатки государственного управления становились системным дефектом, а не определялись спецификой «русской души» или геополитическими параметрами типа «Восток — Запад», «Север — Юг» (очень модными, но ничего не объясняющими), можно убедиться, сравнив экономики некоторых стран, скопировавших нашу модель госу-

дарственного управления, с их аналогами в тех странах, где экономикой управляли иначе. Такое сравнение сделал, например, известный журналист и экономист Л. Лопатников на основе уже упоминавшихся расчетов А. Илларионова. Он сопоставил данные о ВВП на душу населения в странах, которые «стартовали» после Второй мировой войны приблизительно с равных экономических позиций и находились в примерно равных геофизических условиях, но управлялись по-разному. Ниже в *табл. 6.1* приведены резко ухудшившиеся данные по состоянию, соответствующему периоду распада СССР и ликвидации Организации Варшавского договора. Добавлены значения относительных показателей.

Преимущества экономик государств второго типа, если об этом судить по использованному в расчетах сопоставительному показателю П1/П2, по сравнению с экономиками государств первого типа кажутся очевидными, так же как и то, что география и национальные особенности в данном сопоставлении мало влияют на основной вывод (за исключением сопоставления СССР — США), а вот в трактовке такого рода оценок наблюдаются политизированные разногласия. Уже упоминавшийся Л. Лопатников называет эти данные доказательством того, что коренной является принадлежность стран к социалистической экономике, поскольку каждое государство, указанное в первом столбце, отстало от своего «близнеца» с иной экономикой, указанного в последнем столбце. Но социалистической ли была экономика СССР и государств того же типа? На этот счет люди, именующие себя социалистами, как правило, дают однозначно отрицательный ответ. Более то-

Таблица 6.1

Сопоставительный анализ ВВП на душу населения

Государства «Советского типа»	ВВП/ количество населения = П1 (\$/чел.)	П1/П2, %	ВВП/ количество населения = П2 (\$/чел.)	Сопоставляемое государство
СССР	5566	22,8	24 397	США
ГДР	11 076	53,0	20 908	ФРГ
Чехия	9100	48,4	18 784	Австрия
КНДР	640–2500	6,7–26,3	9507	Южная Корея
Эстония	5973	36,3	16 477	Финляндия

го, многие государства (наиболее показательна Швеция), где у власти продолжительное время находились социалисты и экономические отношения достаточно сильно регулировались государством, именно в этот период своей истории достигли весьма значительных и неоспоримых успехов. И в то же время большое количество современных государств, особенно в Латинской Америке и Африке, взявших себе за образец книжную модель рыночной экономики, успехами не блещут.

Важно вернуться к анализу причин, вследствие которых наша прежняя социально-экономическая система и в первую очередь политическое и государственное руководство страны (если помнить о политике КНР и КПК в последние 30 лет XX века, когда исходные экономические позиции в Китае были хуже, чем в СССР) проиграли экономическое соревнование, причем прежде всего в высокотехнологичном секторе. Они отчасти назывались в предыдущей главе. Во-первых, напомним, экономика страны была сверхмилитаризованной. Это проявлялось во многих отраслях, но особенно в машиностроении, которым советские люди так гордились. По данным за 1988 год, например, объем продукции, выпускаемой этой отраслью, если ее оценивать по ценам мирового рынка, в основном (свыше 60%) состоял из вооружения и военной техники. Более 30% приходилось на производство средств производства (опять же военного). Естественно, на производство чисто потребительских товаров оставалось менее 10%. Во-вторых, производительность труда была низкой, не на уровне отдельного рабочего. Здесь были яркие примеры высочайшего трудового мастерства. Но чем выше оказывался рассматриваемый уровень (бригада, цех, завод, отрасль), тем ниже оказывались показатели производительности труда по сравнению с мировым уровнем. В-третьих, крайне нерационально расходовались сырьевые и энергетические ресурсы. Несомненно также и то, что в условиях противоборства двух социально-политических систем усилия противостоящих государств были направлены на подрыв советской экономики извне и изнутри, особенно наиболее уязвимой ее части — технологической. Но в истории страны были и более тяжелые ситуации — в период голода 30-х годов, в период Великой Отечественной войны 1941—1942 годов, в послевоенный период 1945—1950 годов.

Руководство страны и народ находили выходы и вывели СССР на уровень сверхдержавы.

Причин случившегося распада на рубеже 80–90-х годов ушедшего века много, выбрать среди них главную трудно. Хотелось бы остановиться на одной из них, сославшись на мнение специалистов, анализировавших ситуацию с точки зрения науки об управлении — кибернетики. Именно кибернетики, а не информатики, ставшей особенно модной сейчас в связи с повальной компьютеризацией, созданием особой инфосферы и появлением в ней понятий «информационная война» и «информационная безопасность». Так, например, базируясь на методах, заимствованных из области сложных технических систем, и перенося их на экономику, некоторые специалисты не без оснований находят признаки именно кибернетического поражения СССР в закончившейся холодной войне и продолжения этого процесса в новой, «послевоенной» России. Кибернетического потому, что разрушена была именно система государственного управления. Исключительной особенностью этого разрушения было то, что оно было подготовлено и осуществлено самим партийным и государственным управлением, а не системой как таковой.

Вспомним, каким был механизм управления в СССР. В основе этого механизма, осуществлявшего командно-административное руководство всей жизнью общества, включая экономику, были программы и планы, всевозможные постановления и указания, а также перекрестный контроль: партийный, государственный, народный. Соответствующие системы контроля выполняли функции обратной связи, столь необходимой для управления чем бы то ни было. Это крайнее положение управления: без обратной связи оно становится невозможным.

Советская система, возможно, была далеко не самой лучшей в «кибернетическом отношении», но она была действующей системой. **Что же касается снижения эффективности управления, то это объяснялось наряду с другими причинами такими дефектами руководивших страной «верхов», как игнорирование экономических методов управления и неумение выявлять действительно главные цели государственного управления.** Формулировки цели типа «следующее поколение советских людей будет жить при коммунизме» без объяснения экономи-

ческого содержания лозунгов, конечно же, дезорганизовывали наше государство и народ.

К концу исторического периода, который именовался холодной войной, несмотря на достигнутые военную мощь и военный паритет США и СССР, в стране были разорваны обратные связи государственного управления и полностью дезорганизовано целеполагание. Образно выражаясь, **государство превратилось в корабль, на котором капитан и его ближайшие помощники перестали понимать, что происходит, и не могли определить, куда надо плыть и что делать многочисленной управленческой команде. Так называемый застой был дрейфом, движением по инерции, а перестройка — неупорядоченным переключением рулей, разгоном и стопорением судовой машины, а также большим шумом на палубе.**

Поэтому некоторые специалисты предложили расширить традиционный спектр опасностей и понимать под «кибернетической опасностью» не вымышленную фантастами угрозу человечеству со стороны вышедших из-под контроля машин-«киберов», а реальную опасность, грозящую государству в связи с принятием и претворением в жизнь ошибочных и опасных решений.

На практике кибернетическая опасность выражается в поражении государственных структур неким «системным заболеванием», при котором ни естественный интеллект отдельных добросовестных и умных управленцев, ни искусственный интеллект ЭВМ не в состоянии преодолеть пороки главных алгоритмов системы. Особенно чревато такое заболевание в сфере военной и государственной безопасности. Именно здесь системные изъяны принятия решений чрезвычайно болезненны и для государства, и для общества, и для отдельных граждан.

Спасает ли от «кибернетической опасности» информатизация? Опыт показывает, что не вполне. Еще на заре развития кибернетики один из ее родоначальников Н. Винер отмечал, что математизации (он пользовался именно этим термином в применении к программному обеспечению ЭВМ) равно поддаются как умные вещи, так и глупость, а опыт вынуждает нас добавить к этим словам следующее: и злонамеренные действия также.

Что же спасает от «кибернетической опасности»? Прежде всего — вовлечение в контур управления экономикой наиболее

перспективных моделей процессов общественного эволюционного развития, носителей, разработчиков и идеологов этих моделей, а также наиболее образованных, предприимчивых, энергичных и честных представителей общества, а не только государственных служащих. Именно эти показатели могут служить мерой политической культуры народа, а также механизмом самозащиты от всех вредных для него воздействий. В этом смысле во всех государствах, указанных в первой колонке приведенной выше таблицы, системы управления экономикой на поворотных моментах истории были узурпированы властью и оказались менее эффективными, чем у государств-«близнецов», указанных во второй колонке. Да, условно их относят к группе стран с рыночной экономикой. Но все они разные. И рынок — лишь одна из форм включения большого числа людей, их интеллекта в управление экономикой. Каждое из государств, учитывая национальные и географические особенности, выработало свои способы вовлечения государственных руководителей (Рузвельт, Эрхард, Вальдхайм, Брандт, Кекконен) и профессионалов в экономический процесс.

Заметим, что универсальность рынка как наиболее эффективного средства управления экономикой давно ставилась под сомнение и фактически отвергнута даже теми государствами, которые считаются образцами либерализма. В ошибочности формулы «рынок сам все устроит» люди убедились давно, как и в том, что без него организовать эффективный товарообмен практически сложно. Вопрос о том, надо ли оценивать экономическую ситуацию на государственном уровне и управлять макроэкономическими процессами, в последнее время серьезными специалистами даже не обсуждается. Положительный ответ очевиден, а разговоры о том, что «государство отомрет», присущие марксистской идеологии и идеологии глобализма, всерьез принять трудно. Что же касается общественного контроля над деятельностью администрации, то он приветствуется чиновниками всех государств лишь по отношению к зарубежным странам. Когда речь заходит о собственных правительственных структурах, среди них сторонников такого контроля мало. Чиновника можно понять: зачем ему контроль над собой со стороны «невежд»? Вот он ему и противится, а по возможности и разрушает любую систему контроля, вплоть до развала системы управления экономикой страны.

«Кибернетическая опасность» — проблема общая, относящаяся не только к странам бывшего социалистического лагеря. Кто лучше решает эту проблему, тот и побеждает в экономическом соревновании. Сейчас, например, с ней успешно справляется Китай. И России, учитывая собственный горький опыт, следует, конечно же, усвоить и положительный чужой.

Итак, если подвести промежуточный итог: **что же досталось России при распаде СССР в 1991 году?**

Во-первых, слегка потускневший и опороченный, но все же признаваемый мировым сообществом статус великой державы (в том числе по военно-техническим и по многим экономическим параметрам).

Во-вторых, огромные запасы природных ресурсов (в том числе освоенных и системно разведанных на многие годы вперед).

В-третьих, кадровые ресурсы, состоящие в своей основе из добросовестных, неприхотливых, самобытно талантливых работников в различных сферах экономики, избыточно сконцентрированных в военно-экономической сфере, но в принципе готовых приложить свои силы и знания в других областях.

В-четвертых, огромный научно-технический и технологический потенциал: опытные специалисты плюс сделанные ими открытия, изобретения, а также технологии, промышленные образцы изделий и материалов. Однако значительная часть этого потенциала, относящаяся к самым передовым достижениям, была отделена от мирной экономики завесой секретности.

В-пятых, уникальные технико-организационные системы государственного масштаба, не имевшие аналогов в мире, например единая электроэнергетическая система, единая транспортная система и т. д. Хотя они в последние годы не всегда эффективно использовались, но с системо-технической точки зрения были весьма важными.

В-шестых, огромная собственность, сосредоточенная в руках одного собственника — государства, делавшая его самым богатым в мире, и вполне ликвидная, если охарактеризовать ее в терминах рыночной экономики.

Этот перечень в основном положительного наследства можно продолжить, но не менее важен и другой багаж — уже

со знаком «минус»: **то, что определило немалые трудности на пути к экономическому развитию России.**

Во-первых, именно к России отошла малоэффективная система государственного управления, названная административно-командной и раскритикованная экономистами, но не утратившая своей привлекательности в глазах управленцев, система, способная противостоять реальным опасностям государства.

Во-вторых, партийно-административная номенклатура, давно тяготившаяся строгостями партийного, народного, государственного (гласного и негласного) контроля, морально развращенная практикой очковтирательства и привилегий.

В-третьих, гипертрофированная военная машина, которая нужна для сохранения статуса великой державы и в то же время совершенно не нужна в существовавшем виде дикому «рынку» и его новым субъектам.

В-четвертых, привнесенный извне страх окружающих государств перед военной мощью России. Отсюда естественное желание ликвидировать эту мощь, даже если для этого потребуется развалить само российское государство и организованные им союзы.

К названному следует присовокупить новые опасности России: разрушенные после распада СССР кооперационные связи, возросший государственный долг, отсутствие золотовалютных резервов, изношенные производственные фонды, особенно в отраслях, выпускающих предметы потребления, технологическую оторванность от высокоразвитых стран.

Конечно же, и этот перечень негативного наследства и приобретений не является исчерпывающим.

В целом экономическая ситуация к началу 1992 года была сложной и противоречивой. Названные выше негативные факторы предопределяли экономические трудности новой России на предстоящие годы. Но столь же верно и то, что шансы на успех преобразований имелись. Предстояло ими разумно воспользоваться — политическое и государственное руководство СССР и России те исключительные шансы не реализовало. Эта их нереализованность создала такие трудности для народов России, которых раньше не было. Для выхода из них руководством страны должны быть приняты и трудные решения, доведенные до народа и принятые им. В этом состоит основ-

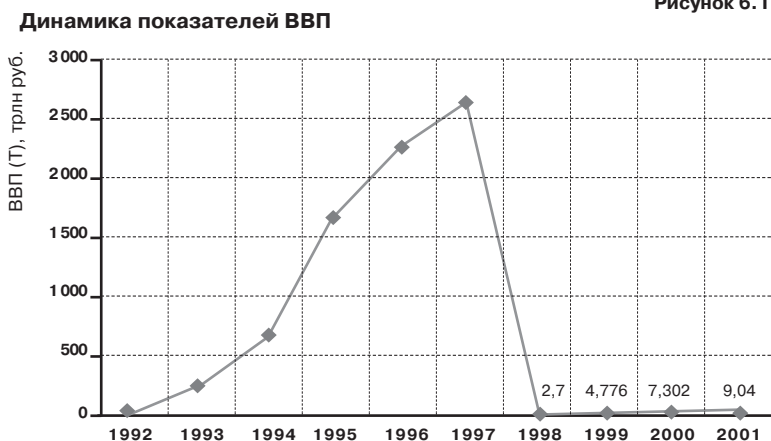
ная стратегическая задача обеспечения национальной безопасности Российской Федерации — сохранить народ, территорию страны и многовековой уклад жизни.

6.2. Некоторые особенности развития экономики России на рубеже веков

Если в предыдущем разделе анализировались стартовые условия развития российской экономики и обеспечения безопасности в новых обстоятельствах, то теперь можно подвести итоги прошедших лет и оценить экономическую ситуацию в нынешней России. Это важно с учетом наступивших нового века и нового тысячелетия.

Однако экономика современной России еще труднее поддается анализу, чем экономика СССР. **Во-первых**, потому что все свежо и до конца не осмыслено; **во-вторых**, сделанные различными исследователями и опубликованные оценки перемен в российской экономике еще более политизированы, чем во времена СССР.

Но некоторые параметры нашего развития считаются объективными. В частности, это относится к ВВП. Тут, казалось

Несмотря на то, что эти данные официальные, многие специалисты их оспаривают. О причинах, которые побуждают к этому и позволяют это делать, будет сказано ниже. Однако в вычленении основных этапов новейшей российской истории существует определенное единство мнений:

первый этап — с января 1992 года, когда страна круто повернула к «рынку», и до августа 1998 года, когда произошел грандиозный обвал финансово-экономической системы;

второй этап — с осени 1998 года.

Внутри этапов было много более мелких вех и точек отсчета, значимость которых оценивается по-разному.

Что касается определения этих этапов экспертами, то их можно сгруппировать, например, в зависимости от политической ориентации самих экспертов. Различен даже выбор показателей, используемых для характеристики экономических процессов (**Дввп** или **Иввп**). Все зависит от политических целей — ведь показатели построены на одних и тех же исходных данных. «Правые» сторонники преобразований предпочитают говорить о некотором плавном «спаде» ВВП на основе значений **Дввп** (Т), «левые» радикальные критики подчеркивают значимость интегрального спада российской экономики. Действительно, за семь лет произошло сокращение ВВП почти на 40% (по другим оценкам — до 50%). В любом случае это очень много, за пределами, которые определяют катастрофическое состояние экономики, редко переживаемое даже в годы крупных военных конфликтов.

Однако важно взвесить все мнения.

Вначале рассмотрим, как оценивают происшедшее сами реформаторы. Объемный (1113 страниц) труд, вышедший в 1998 году в Институте экономики переходного периода, называется «Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России 1991–1997». Имеются и иные публикации, излагающие, по сути, ту же позицию, но более популярно, — например, уже упоминавшаяся работа Л. Лопатникова.

Во-первых, эти авторы, естественно, констатируют предопределенность, неизбежность именно таких экономических реформ, которые начало правительство, возглавлявшееся Е. Гайдаром. Во-вторых, парируется мнение о том, что поворот к рынку был спонтанным, непродуманным. Утверж-

Сопоставительный анализ показателей экономики

Таблица 6.2

До реформ	Качественная характеристика	После реформ
Устанавливались централизованно Госкомцен	Цены на продукцию отечественных предприятий	Устанавливаются предприятиями
Распределялись централизованно	Производственные ресурсы	Право свободного выбора
Централизованное. Госснаб и его органы	Материально-техническое снабжение	Коммерциализация. Посреднические службы
Возможности выбора были крайне ограничены	Выбор производителями поставщиков сырья и получателей продукции	Право самостоятельной покупки сырья и сбыта продукции
Назначаемые централизованно, что приводило к образованию «дефицита» или «неликвидов»	Цены торговых предприятий	Договорные цены на все виды товаров и услуг
Монополия	Внешняя торговля	Право на свободную торговлю с некоторыми ограничениями
Государственная монополия	Банковская деятельность	Разгосударствление

дается, что программа преобразований была, но нетрадиционная. Ее вехи обозначены проектами указов Президента РФ и постановлений правительства, которые были сразу же пущены в дело.

Но должны же они объединяться единым замыслом, одной концепцией? Где, когда и кто сформулировал эту концепцию? Как утверждается в главе III упомянутого труда, программа экономических реформ существовала и называлась Программа-91. В ней, оказывается, был «концептуальный материал» о стратегии России в переходный период. Но в целом эта программа, как теперь выясняется, и не предназначалась для открытого обсуждения. В центре задуманных монетаристских реформ, конечно же, была денежная сфера. Понятно почему. Эта область — самая мобильная, и именно в ней реформаторы считали себя специалистами.

Гордятся ли реформаторы содеянным на первом этапе реформ? Да, конечно. Декларированные ими достижения представлены в *табл. 6.2*. И многие из этих достижений качественно впечатляют.

За прошедшие годы в России действительно много перемен, в том числе положительных. И самое главное — ощущение экономической свободы. К сожалению, количественно положительные перемены коснулись не всех.

В контексте проблем безопасности интересно другое. Как отразились проводимые реформы на высокотехнологичном комплексе страны? Что предпринималось? В упомянутом труде дан ответ: «В частности, ассигнования на закупку вооружений сокращались в 7,5 раза!» Это только в 1992 году. В последующие годы такая стратегия была продолжена и усилена.

Безусловно, сокращение военных расходов стало необходимым. Но сократили их без вдумчивого и взвешенного анализа последствий принимаемого решения. Ведь производство вооружений — это целая система: высокие технологии, кадры, владеющие этими технологиями, и соответствующая организация труда. Значит, **при нерациональном подходе** во имя некоторых финансово-экономических макропоказателей оказалась **подрубленной технологическая база возможного подъема мирного наукоемкого производства.**

Горы оружия России не были нужны. Но следует ли из этого, что вместо разумной конверсии надо было просто так, непродуманно и стремительно сокращать заказ высокотехнологичной продукции? Ведь такой путь ведет к превращению России во второсортное государство современного мира — поставщика сырья, дешевой рабочей силы и т. д. Прямая противоположность этому политика Китая.

Именно это обстоятельство и является сейчас одним из основных направлений критики происшедших преобразований, снизивших военную и экономическую безопасность России.

«Господствовавшие на Западе монетаристские модели они перенесли на российскую почву и начали их внедрение. Правительство В. Черномырдина по сути продолжило реформы Е. Гайдара, придав им еще более уродливый характер» (В. Матюшок).

Говорят специалисты и о другом: нельзя переносить критику рынка, построенного нашими реформаторами, на якобы выбранный ими прообраз — экономические основы развитых капиталистических стран. Там роль государства на деле выглядит иначе. **«Государство в благополучных капиталистических странах никогда не вело себя пассивно по отношению к собст-**

Таблица 6.3

Показатели внешнего долга России

Показатели	Годы				
	1993	1994	1995	1996	1997
Общая сумма долга, млрд долл.	145	153	168	200	235
Внешний долг, млрд долл.	112,7	120,0	120,4	124,2	130,8
Часть внешнего долга — новые заимствования, млрд долл.	9,0	11,4	17,4	23,4	33,0
Часть внешнего долга, оставшаяся от СССР, млрд долл.	103,7	108,6	103,0	100,8	97,8
Внутренний долг, млрд долл.	32,3	33,0	47,6	75,8	104,2
Внутренний долг, % ВВП	21,7	14,0	11,9	16,6	19,4
Обслуживание общего государственного долга, % ВВП	0,9	3,1	3,3	5,7	4,4

Выходит так, что наше государство в период перестройки и радикальных реформ, исключая последние два года, жило займы, а между тем одновременно с обнищанием большинства граждан и ростом государственного долга в стране образовался класс очень богатых людей, вывозящих капиталы за границу. Общий объем «сбежавших» за это время из России капиталов по разным оценкам различен, но все равно несообразно велик, поскольку укладывается в диапазон от 130 до 300 млрд долл. Его хватило бы, чтобы Россия смогла рассчитаться со всеми старыми долгами и не погрязнуть в новых.

Следующий объект анализа — структура производства товаров и услуг. В целом промышленное производство России (по данным Центра экономической конъюнктуры при Правительстве РФ) составило в конце 1998 года 35% от дореформенного уровня. Однако производство в ресурсно-сырьевых секторах пострадало существенно меньше: газовый сектор — менее чем на 10%, электроэнергетика ориентировочно — на 25%. На среднем уровне спада, в 30–40%, оказались угольная, нефтедобывающая и нефтеперерабатывающая промышленности. В то же время пищевая промышленность сократилась на 65%, машиностроение — на 85%, а легкая промышленность — почти на 90%!

За последующие пять лет изменение объемов производства произошло в незначительной степени; наблюдавшееся в отдельные годы их увеличение на 4–8% по сравнению с текущим периодом означало рост всего на 1–3% в сопоставлении с дореформенными годами. Конечно, это болезненно сказалось на большей части населения страны.

Однако самые серьезные ошибки, допущенные в предыдущие годы, судя по результатам, связаны со сферой высоких технологий и высокотехнологичного производства на их основе (рис. 6.3).

Важность этого показателя и его уточненные оценки будут специально анализироваться ниже. Здесь же следует привести

Рисунок 6.3

Доля НИОКР в ВВП России

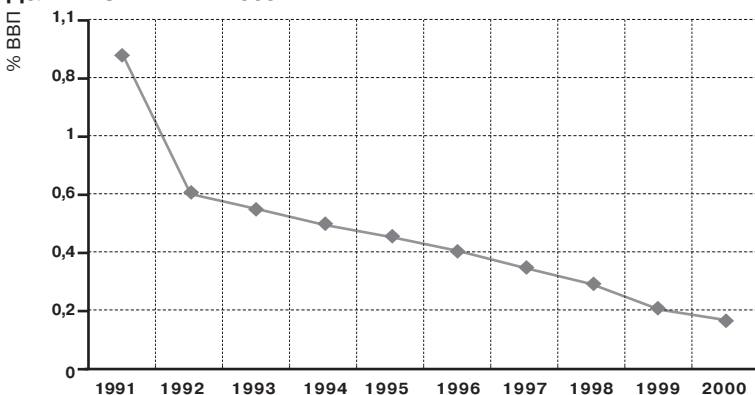
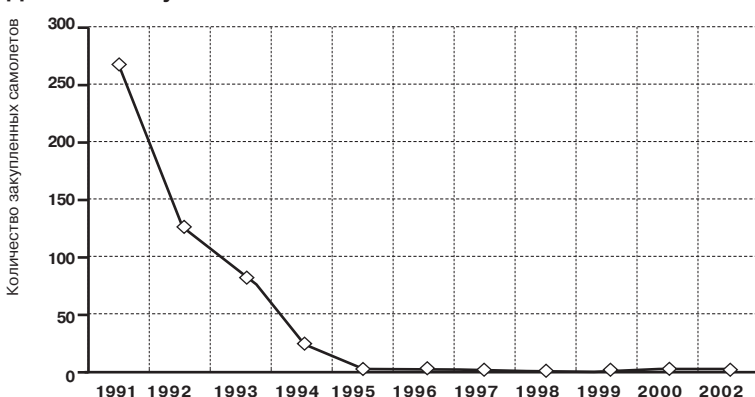

Рисунок 6.4

Динамика закупки самолетов

какие связи существуют между разновидностями ВВП и этими тремя экономическими показателями:

$$\mathbf{ВВПт = ВВПо \times Дт; \text{ ВВПв} = \text{Пдзп} / 2, \quad (6.3)$$

$$\begin{aligned} \mathbf{ВВПл} &= \mathbf{ВВВ0} - \mathbf{ВВПт}; \mathbf{ВВПрл} = \mathbf{ВВПл} - \mathbf{ВВПв}; \\ \mathbf{ВВПр} &= \mathbf{ВВПрл} + \mathbf{ВВПт}. \end{aligned} \quad (6.4)$$

При этом *Дт* задается экспертно, а то, что показатель **ВВПв** считается равным половине *Пдзп*, никак не объясняется, а устанавливается скорее всего без научного обоснования.

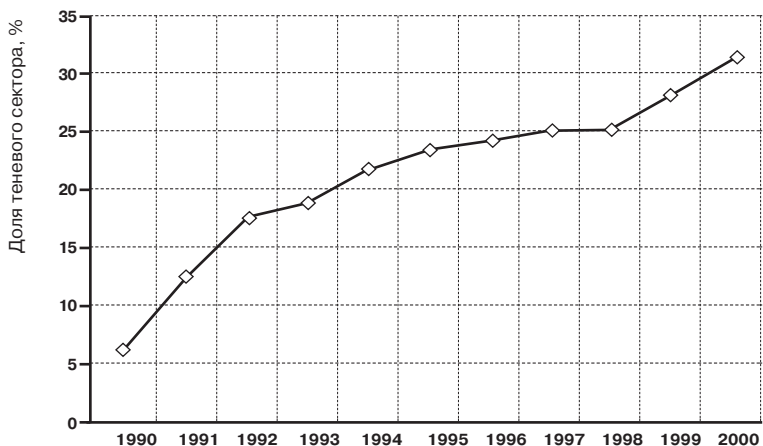
По мнению экспертов, доля «теневого» сектора, выраженная в процентах, росла за годы экономических преобразований в России так, как показано на *рис. 6.5*, начиная с 6%, которые были присущи советской экономике 1990 года.

Известны и иные оценки — теневой сектор достигал в РФ 50%.

Напомним, что в США, которые для многих остаются эталоном либеральной экономики, в «тени» находится около 7% ВВП. Но в США это связано, главным образом, с примитивным уклонением от налогов при расчетах с помощью неучтенных наличных средств. У нас же начиная с 1992 года отработаны и широко внедрены такие схемы, как «обналичивание» (перевод безналичных средств в неучтенные наличные) и, наоборот, «отмывание» (перевод неучтенных наличных в офици-

Доля теневого сектора в экономике России

Рисунок 6.5

альные безлиличные средства), налажена процедура быстрого создания и бесследной ликвидации «фирм-однодневок», с помощью которых «заметаются следы» финансовых преступлений. Более того, не установлены меры пресечения подобных действий и даже меры наказания виновных. Настораживает не только потеря средств, которые должны были бы поступить в бюджет и использоваться в интересах государства, но и образование громадных «черных» фондов для подкупа чиновников.

В связи с изложенным доверие к числовым показателям ВВП России оказывается невысоким. И стоит ли удивляться, что так много в стране разворовывается и так мало пойманных за руку, а тем более наказанных?

Критически относился к «перекосам» в экономической политике государства и академик А. Аганбегян, не скрывающий своих симпатий к лидеру реформаторов Е. Гайдару. Их невнимание к инструментам государственного управления экономикой, безусловно, было ошибкой. Справедливо порицая пропагандистский характер многих программных документов советского периода, А. Аганбегян тем не менее говорил о нашей новой эпохе следующее: «Когда мы стали двигаться к рынку, произошел перекося в другую сторону. Фактически прекратилось всякое планирование и прогнозирование, хотя многие западные страны — Франция, Япония — в тяжелой ситуации, например, для возрождения хозяйства, разрушенного войной, использовали наш опыт пятилетних планов». В частности, «поэтому, — считал академик, — в России имело место такое позорное явление, как секвестр бюджета»...

О серьезных ошибках в проведении экономических реформ в России прямо говорил академик Н. Федоренко в своей книге «Россия. Уроки прошлого и лики будущего» (М.: Экономика, 2001). «Основным из множества промахов, совершенных идеологами и практическими руководителями проводящихся в России радикальных рыночных реформ, и залогом многих ее неудач, думается, было отсутствие продуманной стратегии осуществления перемен, что абсолютно несовместимо с принципами теории оптимального функционирования экономики, основывающейся на системном подходе. Таким образом, главная беда заключалась в отсутствии руководства к действию, то есть, иными словами, не было научно обоснованной комплексной целевой программы реформ». Далее автор пишет: «Лучше

Таблица 6.4

Основные характеристики реформ для групп населения

Была до начала реформ	Роль человека в экономике	Стала
Человек работал главным образом на государство; основные стимулы были моральными; работа гарантировалась. Но только низкооплачиваемая	Производитель товаров, услуг	Человек стал работать на «хозяина», полагая при этом, что работает на себя; стимулы — сугубо материальные; в стране появилась безработица
В условиях дефицита вынужден был либо ловчить, «доставать», либо брать все подряд, впрок, отсюда неприязнительность, но был защищен государством	Потребитель товаров, услуг	Имеет возможность выбора товаров и услуг; слабо защищен от обмана; при сохранении общей численности произошло дифференциация уровня потребления
Предпринимательство «для себя» было запрещено; уходил в «теневой» сектор, взаимодействуя с криминальными элементами	Предприниматель — организатор «дела»	«На себя» стал работать не только сам, но и понуждать к этому других; прибыль делится неохотно, часто не чуждается криминала
Инвестиции в производство поступали только от государства, граждане вкладывали свои средства через Сбербанк, не получая явной прибыли	Инвестор , вкладывающий в «дело» деньги	Появился как официально признаваемый и претендующий на власть субъект экономики, получающий от общества не по труду, а по вложенному капиталу
Держался, главным образом, на системе моральных стимулов, плохо подкреплявшихся материально; в основной массе обкрадывался властью и чиновничеством; помощь со стороны государства в защите интеллектуальной собственности была слабой	Творец новых знаний, технологий, произведений искусства	Государством поддерживается крайне плохо; вынужден «зарабатывать на жизнь», угождая власть имущим и крупным собственникам; получил свободу слова, но не защищен от расправы; численность сокращается, эмигрирует, не популярен
Управлял всей экономикой страны, но зависел от партийного, государственного (гласного и негласного), народного контроля; был вынужден быть осторожным	Чиновник , участвующий в управлении государством	Получил расширенные права, зачастую бесконтролен; иногда взаимодействует с криминальным миром; численность возросла
Состоял на службе в государственных органах, был также и в криминальном мире	Охранник чьей-либо жизни, собственности, прав	Сохранил положение в государстве, обрел его в среде новых собственников; общая численность резко возросла
Официально входил в состав привилегированной части общества, но уровень материального благосостояния был низким	Защитник Родины	Утрачен престиж; уровень материальной обеспеченности крайне низок; численность сокращается

Особенно пострадала сфера науки, промышленного конструирования и высокотехнологического производства. Значительная часть кадров, особенно молодежь, эмигрировала, многие переключились на другие виды деятельности. К настоящему времени в НИИ и КБ оборонной промышленности средний возраст сотрудников перешагнул пенсионный рубеж, на заводах — приближается к пенсионному рубежу. Косвенным свидетельством утраты за рубежом интереса к нашей науке является свертывание деятельности ряда зарубежных фондов, а переориентация наиболее способных выпускников средней школы на овладение специальностями из области рыночной экономики не вселяет оптимизма по поводу перспектив нашей фундаментальной и прикладной науки.

И это обстоятельство может иметь гораздо более тяжелые последствия, чем снижение ВВП или уровня производства продукции в любых других сферах. Потому что это — **фундамент!**

Какими же могут быть перспективы? Эксперты типа З. Бжезинского предрекают распад России и, как следствие, выход ее из числа великих держав. Но надеются на это не все, даже за океаном. С. Сулакшин, например, приводит в одной из своих публикаций сведения о том, как видится дальнейшее развитие России в США. Ничего удивительного в этих данных нет, они очень похожи на некоторые наши собственные сценарии. Нам предрекают медленное увеличение ВВП всего в 2 раза (приблизительно от 1 до 2 трлн долл.), то есть мы достигнем дореформенного уровня ВВП 1990 года, причем не ранее 2015 года. Сами же американцы рассчитывают подняться по этому показателю за этот же период времени с 5 до 9 трлн долл. Но что самое интересное, они вынуждены признать, что экономика Китая поднимется с 4 до 8 трлн долл. Заметим, однако, что многие другие специалисты предполагают иное: **Китай вскоре обгонит США по этому показателю.** О России речь не идет даже в смысле приближения к нынешним экономическим показателям великих держав.

Косвенно об этом же свидетельствуют данные о том, куда сейчас направляются зарубежные инвестиции. По данным Мирового банка, **распределение инвестиций в 1989—1995 годах в некоторые государства бывшего социалистического лагеря было**

таково (в миллиардах долларов): в Китай — 121,7; Венгрию — 10,6; Польшу — 6,5; Чехию — 4; Россию — только 3,9. В настоящее время Китай по объему инвестиций превзошел США.

Вопрос об инвестициях (не только зарубежных) сейчас настолько важен, что заслуживает пристального рассмотрения, как нынешнего их состояния, так и динамики развития. В табл. 6.5 для каждого года из 7 лет приведены объемы инвестиций $I(T)$ в основной капитал, выраженные в ценах соответствующих лет (миллиардов рублей), доля инвестиций от ВВП соответствующего года $I(T)/ВВП(T)$, показатель динамики инвестиций по отношению к предыдущему периоду $I(T)/I(T-1)$ и интегральный показатель $I(T)/I(1991)$ динамики инвестиций T -го года по отношению к инвестициям в 1991 году, аналогичные показателям динамики ВВП, приводившимся выше.

Подводя итог, необходимо констатировать следующее. Исходя из реальной ситуации и из понимания того, что Россия в 1991 году уже не могла жить по-прежнему, предстояло радикальным образом перестроить экономику страны. Но из огромного разнообразия траекторий преобразования руководство страны выбрало не самую удачную, а скорее, самую неудачную. Управление реальной реформой оказалось и вовсе слабым. В середине 1998 года экономика обрушилась. Выбраться из-под обвала — проблема, которую оптимисты посчитали решаемой. Но на быстрое исправление ошибок, подобных тем, что были допущены в период 1991–1998 годов, ресурсов в стране уже нет.

Таблица 6.5

Динамика инвестиций

Показатели \ Годы	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998
Объем инвестиций, млрд руб.	2670	27125	108 810	266 974	375 958	408 797	402,4
И/ВВП, %	14	16	18	17	17	16	15
Динамика, %	60	88	76	90	82	95	93
Интегральная динамика, %	60	53	40	36	30	28	26

В связи с этим важно отметить, что в целом успешное исполнение федерального бюджета 1999 года, а главное — исполнение бюджета 2000 года с профицитом и заметный рост ВВП России (даже при определенном скептицизме относительно методов его расчета) усиливали надежды россиян. Однако предварительные показатели 2002 года указывали на малую вероятность реализации этих надежд.

Российская наука направила свои усилия на поиск рациональных путей нашего дальнейшего развития. И она находит эти пути. Не случайно книга, написанная группой авторов под руководством академика **Л. Абалкина** и вышедшая в канун XXI века, названа: «**Россия-2015: оптимистический сценарий**».

6.3. Возможные пути подъема российской экономики (оборонно-промышленная и технологическая составляющие)

Анализируя причины распада СССР и неудач экономических реформ в постсоветской России, выше была отмечена важность, наряду с другими, управленческого компонента: умения правильно оценить обстановку, своевременно принять верное решение, осуществить его и проконтролировать результат. Все это должно осуществляться непрерывно, в замкнутом контуре государственного управления и с обязательной обратной связью.

До недавнего времени **управленческий рейтинг** нашей страны, ее руководства как внутри, так и за рубежом оценивался крайне низко. Например, две независимые международные организации, занимающиеся такого рода оценками, а именно Всемирный экономический форум (WEF) и агентство IMD, проранжировали государства по такому комплексному показателю, как «действия правительства», с точки зрения их полезности для национальной экономики и обеспечения ее «конкурентоспособности» на международном уровне. Не вдаваясь в детали, отметим лишь, что эксперты в области между-

народной экономики (в основном из развитых) стран дали по обеим позициям приблизительно одинаковые оценки: первые места в списке заняли США и их стратегические партнеры, одно из последних — Россия, а вот социалистический, заметим, Китай оказался в середине обоих рейтинговых списков. Правда, сами китайские руководители, воодушевленные многолетним устойчивым подъемом своей экономики, снисходительно относятся к такого рода оценкам. Например, на вопрос о том, когда Китай обгонит США по ВВП, один из лидеров КНР ответил недавно примерно так: эти две страны идут совершенно разными дорогами, поэтому никто ни от кого не отстал и обогнать не может.

Вопрос о рациональном управлении российской экономикой со стороны государства сейчас как никогда актуален. После кризиса 1998 года появились статьи, сборники, монографии, посвященные этой проблеме и, более конкретно, путям выхода из кризиса. Это относится и к вопросам военной экономики и военно-технического сотрудничества, и к проблемам российского высокотехнологичного комплекса.

После множества невыполненных программ в начале 2000 года появилась новая, которую, есть надежды, собирались выполнять. Но она была рассчитана только на ближайший период. А какой все-таки должна быть стратегическая линия развития?

Важно остановиться на анализе возможных путей и мер подъема российской экономики. Центральная мысль в ответе на поставленный вопрос уже определилась: **какой-либо одной мерой не обойтись; для подъема российской экономики нужен комплекс мер.** Это признают многие. Определеннее других высказался Г. Клейнер. В предисловии к сборнику статей «Пути стабилизации экономики России» он заявил, что нашей стране нужен «комплекс целевых установок и мероприятий по их реализации, ориентированных на вывод экономики из состояния кризиса, прекращение социально-экономического спада и достижение устойчивых темпов развития экономики».

Однако, соглашаясь с этой общей установкой, далее экономисты расходятся в понимании относительной важности (главенства) мероприятий и очередности (приоритета) их проведения.

Что ставит на первое место группа экономистов, возглавляемая Е. Гайдаром? Если говорить коротко — деньги.

«Первым приоритетом является восстановление доверия

к национальной валюте и финансовая стабилизация» — с этого рекомендовали начать Е. Гайдар, М. Дмитриев, В. Мау, А. Улюкаев, Я. Уринсон и Е. Ясин.

Второе — ужесточить бюджетную политику, сократив бюджетные обязательства, консолидировав в бюджет все внебюджетные фонды, ликвидировать большинство целевых бюджетных фондов, заморозить большую часть целевых программ, полностью перейти на казначейское исполнение бюджета...

Следующее — «зафиксировать курс рубля по отношению к доллару на уровне, позволяющем в полном объеме покрыть денежную базу золотовалютными резервами Центрального банка России, сохранив возможности использования кредитов МВФ для выплат по внешнему долгу и стабилизации положения в банковском секторе».

Далее предлагался ряд иных мер:

- ввести в действие новую схему реструктурирования задолженности по ГКО;

- отказаться от моратория на выполнение российскими банками своих обязательств перед зарубежными кредиторами;

- для защиты сбережений своих граждан либерализовать доступ на российский банковский рынок крупнейших международных финансовых институтов;

- защитить права работающих в условиях коммерческого найма, введя в действие основы трудового законодательства;

- осуществить налоговую реформу, введя единую ставку подоходного налога, отменив все льготы и т. д.;

- для защиты внутреннего рынка от дезорганизации допустить нерезидентов в сферу банковских, пенсионных и страховых услуг;

- легализовать куплю-продажу земли.

Многое из перечисленного действительно надо было сделать и сейчас уже реализовано.

Представляется существенным (не только для автора книги) следующее замечание: в перечне рекомендуемых мероприятий почти не упоминается производственная компонента экономики, не говорится, даже косвенно, о высокотехнологичном производстве и категорически ничего — о сбережении и росте потенциала высоких технологий.

Иной порядок приоритетов был предложен, например, в Институте проблем рынка РАН (В. Перламутров). Он тоже

акцентирует внимание на гуманитарных аспектах, однако **первейшим делом** считает обеспечение страны **продовольствием собственного производства** за счет оказания помощи различным сельхозпредприятиям, выдачи кредитов под векселя с погашением за счет будущего урожая, установлением государственных закупочных цен и т. д.

Второе — государственное регулирование **спроса** на продукцию и услуги. Естественно, речь идет о «платежеспособном спросе населения, предприятий и государства». «Спрос жался — какое же может быть производство?» — этот резонный вопрос рассматривается как один из главных. А в результате ответа на этот вопрос следуют рекомендации по вмешательству государства в рыночную экономику: минимальный доход гражданина (зарплата, пенсия, стипендия) должен стать реальным, максимум доходов отдельных граждан — ограниченным. Автор этой рекомендации напоминает, что этим путем шли в свое время США (Ф. Рузвельт), что за соотношением минимальных и максимальных доходов следят правительства таких процветающих государств, как Швеция, Норвегия и Финляндия (там это соотношение поддерживается на уровне 1 к 4) и многих других стран. В них пресекаются попытки получения высоких доходов в обход налогообложения через фиктивные вклады, страхование и т. д.

Третье — жесткий контроль со стороны государства за ценами. «Его задача — обеспечить паритет цен по последовательным звеньям народного хозяйства, от угля и нефти до хлеба и обуви». В качестве аргументации приводятся ссылки на опыт самых передовых стран: «Во время нефтяного кризиса 1970-х годов президент США Р. Никсон дважды замораживал цены и доходы. Он называл это «периодом принудительной стабильности». Действительно, если стабилизация не устанавливается естественным путем, то приходится прибегать к принудительной. Остановить беспорядочный и бесконтрольный рост цен и мы можем лишь подобным образом. Но замораживание цен — мера временная». Хотя, если это целесообразно, то контроль над ценами может быть и не временным. «В Западной Европе и сегодня, без всякого кризиса, от 10 до 30 процентов цен устанавливает государство или надгосударство — Европейский союз».

Далее в качестве первоочередных мер В. Перламутровым названы следующие:

– государственная валютная монополия и определение реального курса рубля на объективной основе «корзины валютных товаров»;

– жесточайшие карательные меры по отношению к обману налогового ведомства, коррупции, рэкету вплоть до конфискации капитала, созданного обманным путем;

– управление инфляцией в интересах производства, а не в угоду демонстрации каких-либо принципов или показателей;

– налаживание оптовой торговли, использование положительного опыта синдикатов;

– всемерное развитие потребительской кооперации;

– регулирование государством внешней финансовой задолженности страны;

– замена мафиозных методов приватизации социально-рыночными;

– проведение денежной реформы в момент, когда **производство войдет «в устойчивый рост»**, в духе блестяще проведенных реформ графа Витте в 1897 году и Г. Сокольникова в 1922–1924 годах.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что по каждой из этих рекомендаций приводятся не только собственные доводы, но и ссылки на опыт высокоразвитых государств, в основном — рыночных.

При этом в рекомендациях не раз упоминается производство, но хотелось бы акцентировать внимание на том, что **в век научно-технической революции речь должна идти в первую очередь о высокотехнологичном производстве, а значит, и о создании, обновлении, развитии высоких технологий.**

Наиболее полно идеи по обоснованному выбору экономических механизмов выхода из кризиса были обоснованы в последние годы специалистами Отделения экономики РАН. Их подробный анализ приведен в заключительных главах первой части тома.

В качестве наиболее авторитетной фигуры, с этой точки зрения, выступает С. Глазьев. Он, во-первых, указывает на политику «двойных стандартов» Запада и его международных финансовых организаций в вопросе об участии государства в управлении экономикой, особенно в условиях научно-технического прогресса (НТП). Действительно, как пишет С.Глазьев, «несмотря на характерную для монетаризма широ-

кую либерализацию экономики, усиливалась государственная поддержка науки, образования, социальной инфраструктуры, расширились институты государственного стимулирования НТП. В то же время в большинстве развивающихся стран таких изменений не было — переход к монетаристской парадигме экономического регулирования сопровождался свертыванием институтов государственного регулирования «по всему фронту» согласно доктрине «вашингтонского консенсуса».

С. Глазьев исходит из того, что институты рыночного регулирования не должны замещать процессы рыночной самоорганизации, составляя с ней единое и гармоничное целое — систему.

Оценивая экономическую ситуацию в России как критическую, он тем не менее считает, что выход есть. **Предлагается наметить следующие параметрические ориентиры:**

- **рост ВВП — не менее 7% в год;**
- **инвестиционная активность — не менее 20% в год;**
- **инвестиции в наукоемкую продукцию и новые технологии — до 40% в год;**
- **рост заработной платы — 12% в год;**
- **рост эффективности производства — 10% в год.**

Для того чтобы добиться такого роста экономики, понадобится совокупность мер, осуществляемых на «принципах последовательности и системности». Какие же направления считаются главными?

Первое — подъем инвестиционной активности. Для этого необходимо:

- реорганизовать банковскую систему России, поставив во главе структурообразующих банков общенационального уровня регулируемый государством Сбербанк, аккумулирующий сбережения граждан России и передающий их в качестве пассивов Российскому банку развития, Росэксимбанку, Внеш-торгбанку и другим, операции которых гарантируются и направляются государством; аналогично должны быть построены структурообразующие банки отраслевого и регионального уровней;

- изменить политику валютного регулирования и контроля в целях пресечения нелегального вывоза капитала и вытеснения иностранной валюты из внутриэкономического оборота;

– стимулируя долговременные иностранные инвестиции, одновременно защитить внутренний рынок от «набегов» иностранного спекулятивного капитала.

Второе — оживление производственного потенциала. В этом направлении необходимо:

– снизить налоги на товаропроизводителя;
– снизить ставки процента по кредитам;
– одновременно (для компенсации «недополучения» налогов) ввести реальную государственную монополию на спирт, повысить акцизы на табак и некоторые другие товары;

– временно заморозить цены на энергоносители, сырьевые товары, продукцию и услуги естественных монополий;

– на этой основе подавить инфляцию;

– **всячески стимулировать конечный спрос на отечественные товары;**

– восстановить вклады граждан в Сбербанке СССР, обеспеченные в 1992 году, с покупательной способностью по состоянию на середину 1991 года, но с условием расходования их только на приобретение товаров длительного пользования отечественного производства, осуществления инвестиций в жилищное строительство или производство и оплату некоторых коммунальных услуг;

– **оздоровить основные институты нормальной рыночной экономики, активизировать антимонопольную политику, институт банкротства неэффективных предприятий;**

– наладить практику судебного разрешения хозяйственных споров.

Третье направление рекомендуемых мероприятий связано с совершенствованием управления развитием. Для этого, в частности, предлагается задействовать:

– индикативное планирование социально-экономического развития страны;

– процедуры выбора и реализации приоритетов экономической политики;

– механизмы стимулирования НТП и инновационной активности.

Кроме того, придется пересмотреть принципы формирования государственного бюджета. Приоритетными при финансировании должны стать работы, от которых зависит научно-техническое и социально-экономическое развитие страны.

Меры, предложенные С. Глазьевым, могут быть дополнены, в частности, на основе материалов Г. Красникова, генерального директора ОАО «Научный центр».

На примере такой высокотехнологичной отрасли, как электроника, он показывает, что идеального управления ее развитием не было ни в одной из стран современного мира. Более того, он утверждает, что из-за массы неопределенностей в процессе развития как научно-технической базы, так и потребительского спроса «получение идеального баланса спроса и предложения является математически невозможным», недостижимым ни при управлении с помощью «рынка», ни при вмешательстве государства. И все-таки весь мир занимается совершенствованием механизма управления экономикой на принципах комплексирования управленческих усилий и рынка, и государства, и межгосударственных, транснациональных корпораций. И отдает **безусловный приоритет высокотехнологичным отраслям**. Доходность капитальных вложений в высокие технологии составляет сейчас 20–40%, в то время как доходность ресурсодобывающих отраслей находится в пределах 3–5%!

Даже в электронике для России еще далеко не все потеряно. По данным И. Клебанова, в конце прошлого века ежегодный прирост экспорта российских сверхбольших интегральных схем (СБИС) составлял до 12%. Однако угроза потери высокотехнологичных производств может прийти с совершенно неожиданной стороны. Г. Красников показывает это на примере производства изделий из кварца. Соответствующие предприятия (главное из них — в городе Гусь-Хрустальный) не были отнесены к числу стратегически важных и вскоре оказались приватизированными. За спинами приватизаторов, как теперь выясняется, стояли американцы. И вот современное предприятие, оснащенное новейшим оборудованием, волей новых хозяев вдруг прекращает производство кварца. Отсутствие кварца спровоцирует прекращение работы многих других производств, потому что без него не могут быть изготовлены образцы электронной и медицинской техники и т. д. Такую же ключевую роль в выпуске многих электротехнических и иных изделий играет графит. Без свинца, например, остановится производство аккумуляторных батарей и т. д. Список может быть продолжен. Значит, нельзя относить

к стратегически важным для России только предприятия, выпускающие оружие, не задумываясь о производстве ключевых компонентов и материалов.

Многочисленные факты позволяют сделать вывод о том, что **принципиально важным направлением** подъема российской экономики должно стать **укрепление предприятий и отраслей управленческими кадрами высокой квалификации**, понимающими существо производства, а не только его финансово-экономическую сторону. Отсюда возникает неожиданное по нашим временам предложение: «В настоящее время требования к подбору кадров управленцев при безусловной их добросовестности должны включать в себя... наличие технического образования и опыта работы в промышленности».

Завершая характеристику мер в указанном направлении, Г. Красников констатирует: **«Главная проблема не в деньгах, дело упирается в людей, в качество управления»**.

Но и деньги, конечно же, тоже нужны. В связи с этим обстоятельством он выдвигает на первый план традиционное для экономистов направление деятельности, обусловленное необходимостью решения ряда экономических задач:

- подъем платежеспособного спроса населения и социальной стабильности общества;
- снижение налогов на товаропроизводителей;
- инвестирование капиталовложений в «продвинутые» отрасли промышленности (ракетостроение, авиационную, легкую, химическую);
- сохранение научно-технического потенциала как основы будущего развития страны;
- решение военно-экономических проблем;
- проведение протекционистской политики в отраслях производства, обеспечивающих потребности населения;
- минимизация влияния импорта на внешнюю и внутреннюю политику России;
- создание эффективных сельскохозяйственных производств различных форм собственности.

В завершающей части этой главы следовало бы особо остановиться на мнении лидеров отечественной экономической мысли. Не только потому, что они, конечно же, не были в стороне от обоснования путей выхода России из экономического кризиса, но и потому, что их рекомендации зачастую проник-

ноты особой философской глубиной, выходящей иногда за рамки традиционно понимаемой экономики.

Фундаментальными публикациями в этом смысле являются следующие: уже упоминавшаяся монография «Россия-2015: оптимистический сценарий» под общей редакцией академика Л. Абалкина, «Экономический манифест» и монографии академика Д. Львова, материалы обсуждения доклада академика А. Некипелова «О теоретических основах выбора экономического курса в современной России», состоявшегося 8 июня 2000 года. Они интересны тем, что при обсуждении доклада высказались большинство ведущих ученых, активно работающих в области российской экономики.

Академик Л. Абалкин обращает внимание на то, что «новое столетие уже не будет эпохой индустриализма. Это будет экономика, основанная на знании в самом широком его понимании. Наука и образование, высокие жизненные стандарты и приобщение к культуре, рациональные взаимоотношения с природой и растущая продолжительность жизни — вот отличительные черты нового века. Отсюда смена приоритетов как в экономической, так и в социальной политике».

Из положений, высказанных академиком А. Некипеловым, можно выделить следующие. Во-первых, вывод о том, что «в России сформировалась не рыночная, а квазирыночная хозяйственная система, функционирующая по законам, весьма существенно отличающимся от законов нормальной рыночной экономики». Во-вторых, утверждение о том, что в нынешних условиях нам нет никакого смысла стремиться к рынку, даже идеальному, поскольку «модель совершенного рынка, как известно, обеспечивает вывод экономики на границу производственных возможностей, и в этом, весьма узком смысле, она эффективна». Экономика XXI века гораздо богаче по содержанию, чем примитивная погоня за прибылью в процессе развития производства. И наконец, третье — а, по мнению академика А. Некипелова, это главное — возникла «проблема подчинения деятельности менеджеров интересам собственников капитала». Это становится характерным для всего мира (см. известный труд Я. Корнаи «Дефицит»), но в современной России проявилось наиболее рельефно. Зачастую менеджеры и «стратегические инвесторы» используют бесконтрольность своего положения, и их задачей становится

«не рост прибыли и увеличение чистой стоимости фирмы, а «скачивание» общего капитала в свой собственный карман». Из высказанных основных, а также ряда других положений доклада академика А.Д.Некипелова с неизбежностью следует, что в современных условиях даже фундаментальные положения об эффективности либеральной рыночной экономики должны быть пересмотрены.

Не оспаривая этот теоретический вывод, академик Н. Петраков вместе с тем подчеркивает, что нельзя валить вину за наши экономические беды, обусловленные стратегическими ошибками государства, на менеджеров, делать из них «стрелочников». «Я думаю, — однозначно высказался Н. Петраков, — что причина нашего кризиса все-таки в централизованной федеральной макроэкономической политике, которая в самом деле была порочной».

Предваряя доклад А. Некипелова на упомянутом заседании Отделения экономики РАН, академик-секретарь этого Отделения Д. Львов отметил: «Надо было пережить множество провалов, чтобы реформаторы начали хоть отдаленно осознавать, что Запад и в сфере научных знаний поставляет нам «изделия» отнюдь не «первой свежести», оставляя новые образцы наукоемкой продукции для своего внутреннего потребления».

Более того, российские экономисты (и ученые, и практики) не без оснований отмечали, что многие за рубежом (американцы, в частности) не заинтересованы в подъеме российской экономики до уровня других великих держав. Так что прав академик Л. Абалкин: «Важно изучить и выбрать все лучшее из мирового опыта реформ и преобразований и выработать свою, российскую модель подъема и последующего процветания страны. И готовить такую программу должны российские ученые и специалисты...»

Опора на интеллектуальные и духовные силы нации, на Магистеров — главное. Так считает академик Д. Львов. И поясняет: «Весь опыт послевоенного развития подтверждает, что на роль лидеров в социально-экономическом развитии всегда претендовали страны, имеющие наиболее высокий уровень образования, науки, здравоохранения и культуры и, конечно же, духовности. Поддержание и умножение этого потенциала обходится ныне крайне дорого, требует огромных

ресурсов. Но без него нет и не может быть инновационного общества, независимого государства, способного к быстрому саморазвитию в современной, весьма сложной геополитической и экономической обстановке».

Анализ возможных путей подъема российской экономики был бы неполным, если не коснуться самых последних научных рекомендаций, тем более что некоторые из них уже перешли в категорию осуществляемых. И об этом очень интересно рассказал академик А. Аганбегян, отмечая исключительную важность появления такого документа. В Программе социально-экономического развития России до 2010 года он подчеркивает то обстоятельство, что эта программа становится рабочим документом, ею руководствуются, о степени ее выполнения Минэкономразвития отчитывается перед Правительством РФ. Экономика России реально выходит на расчетные 5% годового роста ВВП. Здесь уместно напомнить об упоминавшихся выше иных, пессимистических параметрах нашего развития. Более того, появляется возможность не только сформулировать грандиозную цель экономического развития — войти в золотой миллиард цивилизации, но и в обозримой перспективе (порядка 30 лет) достичь этой цели. При этом А. Аганбегян, во-первых, рекомендует государству руководствоваться такими критериями, как ВВП на душу населения, а главное — индекс социального развития, учитывающий реальные доходы граждан, продолжительность их жизни, образование и здравоохранение. Во-вторых, следует обратить внимание на стимулирование внутреннего спроса. В-третьих, защитить экономику страны не столько таможенными тарифами, сколько валютным курсом рубля. «Если спрос растет и удовлетворяется в значительной мере за счет отечественного производства, нужно сохранять правильное рыночное соотношение курса рубля к другим валютам, которое предусматривает, что экспорт будет поощряться, а прибыль от импорта будет относительно низкой».

Особую заботу следует проявить об инвестициях, снять ненужные барьеры, уменьшить риски, позаботиться о защите всех видов собственности, в том числе частной. Инвестиционной нормой в России должен быть не нынешний уровень — 15% ВВП, а 27–28% — «как это было в Японии, когда она быстро развивалась». Далее А. Аганбегян подчеркивает, что ва-

жен не объем инвестиций как таковой, **инвестиции должны быть эффективными**. По его оценке, сейчас в стране около 40% собственников являются неэффективными. «Следует создать такие рыночные условия, когда или в гору, или под гору. Вы не можете остановиться, вы должны совершенствоваться», а это, естественно, предполагает и внимание к новейшим технологиям, и основанное на науке искусство управления экономикой на всех уровнях.

Обобщая анализ рекомендаций, высказанных отечественными экономистами, можно сказать следующее: **не столь важно с какой политической позиции («справа» или «слева») оценивается ситуация и ищутся пути решения возникших проблем — важнее понимание существа современного производства**.

Адекватное рассмотрение ситуации с неизбежностью приводит к ориентации экономики на знания вообще и на высокие технологии в частности.

6.4. Общемировые тенденции развития оборонно-промышленного комплекса

Изменения в геостратегической и военно-политической обстановке в мире после длительного периода холодной войны привели к некоторому ослаблению международной напряженности. Однако руководство ведущих стран Запада, несмотря на глубочайшие изменения в государствах бывшего Восточного блока, приведшие к резкому снижению их военного потенциала, предприняло активные меры по сохранению своей военной мощи (хотя и в несколько уменьшенных масштабах), признанной важным средством обеспечения собственной безопасности и защиты национальных интересов.

Так, согласно данным экспертов Стокгольмского международного института исследований проблем мира (СИПРИ), суммарные военные расходы стран НАТО при пересчете в сопоставимые цены сократились в последнее десятилетие XX века примерно на 25%, в то время как у России объем ассигнований на оборону был в 10,7 раза меньше, чем выделялось на

эти цели в масштабах всего СССР. И если к началу этого периода суммарные затраты на военные цели стран НАТО превышали военные расходы СССР в 2,3 раза, то к концу уже по отношению к России это преобладание достигло 18,7 раза.

Приводя эти показатели, не ставится вопрос о необходимости начала новой гонки за паритет в военных ассигнованиях между Россией и Североатлантическим альянсом. Просто данные факты наглядно свидетельствуют о более прагматичном подходе руководства стран Запада к вопросу реформирования оборонной сферы, нежели это отмечалось у советских руководителей времен перестройки, а затем — и у российских.

В итоге в современных условиях при отсутствии Восточного блока имеет место «однополюсное» усиление позиций США и НАТО в целом, стремящихся закрепить свое доминирование в мире и, как свидетельствуют кризис вокруг СРЮ и американские авиаудары по Ираку и Афганистану, обеспечить себе на правах самого сильного возможность любых действий без оглядки на устоявшиеся международные нормы.

В свете этого в странах НАТО наряду с экспансией продолжается процесс перевооружения армий на современные виды вооружений и военной техники (далее — ВВТ), приобретший на нынешнем этапе развития науки и техники новое качественное содержание.

Усиливают свои военные потенциалы и такие государства, как Япония, Китай, Индия, Южная Корея, Малайзия, Индонезия, Филиппины в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Чили, Бразилия, Аргентина, Перу в Южной Америке. Они не только энергично переоснащают свои армии, опираясь на динамично развивающуюся собственную экономику и сотрудничество с другими странами, но и интенсивно развивают собственную военную промышленность, все более активно предлагая ее продукцию к реализации на мировом рынке.

В связи с изменением масштабов и характера спроса на ВВТ, а также усилением конкуренции на мировом рынке военной продукции в странах Запада продолжается начатая в конце 80-х годов перестройка военно-промышленной базы, предусматривающая приведение ее в соответствие современным геостратегическим и экономическим реалиям. Вместе с тем во всех западных государствах поставлена цель сохранить эффективно действующую военную промышлен-

Таблица 6.6

Изменение объема продаж ВВТ рядом зарубежных компаний – ведущих производителей военной продукции

Компания – производитель военной продукции	Страна	Объем продаж ВВТ, млн долл.		Изменение объема продаж за 1993–1996 гг.	
		1993 г.	1996 г.	млн долл.	%
Компании с сокращающимися объемами продаж оружия					
Loral	США	3750	1500	-2250	-60
Westinghouse Electric	США	2180	640	-1540	-71
Rockwell International	США	3350	2220	-1130	-34
United Technologies	США	4200	3380	-820	-20
General Electric	США	2400	1800	-600	-25
GTE	США	1100	600	-500	-45
Raytheon	США	4500	4030	-470	-10
Gencorp	США	850	470	-380	-45
Dassault Aviation	Франция	1590	1230	-360	-23
Ae'rospatiale Groupe	Франция	2650	2310	-340	-13
General Motors	США	6900	6660	-240	-3
Kawasaki Heavy Ind	Япония	1130	910	-220	-19
Daimler-Benz	ФРГ	3540	3360	-180	-5
Israel Aircraft Industries	Израиль	1120	950	-170	-15
SNECMA Groupe	Франция	1060	910	-150	-14
Lucas Industries	Великобритания	390	290	-100	-26
Texas Instruments	США	1840	1770	-70	-4
Ishikawajima-Harima	Япония	840	800	-40	-5
CEA	Франция	1540	1510	-30	-2
Vosper Thornycroft	Великобритания	320	300	-20	-6
Компании с увеличивающимися объемами продаж оружия					
Northrop Grumman ¹⁾	США	4480	6700	+2220	+50
Lockheed Martin ²⁾	США	16 600	18 010	+1410	+8
GKN	Великобритания	200	1500	+1300	+550
GEC	Великобритания	3210	4460	+1250	+39
IRI	Италия	1840	2740	+900	+49
TRW	США	2470	3360	+890	+36
Mitsubishi Heavy Ind	Япония	2380	3030	+650	+27
McDormell Douglas	США	9050	9510	+460	+5
Rolls Royce	Великобритания	1580	2010	+430	+27
Mitsubishi Electric	Япония	820	1210	+390	+48
Thomson	Франция	4240	4570	+330	+8
FIAT	Италия	660	990	+330	+50
Thyssen	ФРГ	590	910	+320	+54
General Dynamics	США	3000	3310	+310	+10
Celsius	Швеция	930	1200	+270	+29
Boeing	США	3800	4000	+200	+5
Hunting	Великобритания	490	640	+150	+31
NEC	Япония	390	520	+130	+33
Toshiba	Япония	350	480	+130	+37
Avondale Industries	США	370	480	+110	+30
Siemens	ФРГ	990	1060	+70	+7
Litton	США	3170	3220	+50	+2
GIAT Industries	Франция	1300	1340	+40	+3
DCN	Франция	3440	3470	+30	+1

1) По 1993 году объем продаж ВВТ приведен только по компании Northrop, которая весной 1994 года приобрела компанию Grumman, после чего объединенная компания стала называться Northrop Grumman.

2) По 1993 году показан суммарный объем продаж ВВТ компаний Lockheed (10,1 млрд долл.) и Martin Marietta (6,5 млрд долл.), которые в марте 1995 года слились в одну компанию Lockheed Martin.

Источник: база данных СИПРИ по производству вооружений.

Таблица 6.7

Основные приобретения в военной промышленности США в 1995–1997 годах

Компания-покупатель	Компания-продавец	Характеристика приобретаемого подразделения		
		название	специализация	комментарии
Alliant Tech. Systems	Hercules	Сектор по выпуску авиаракетной техники	Авиационные двигатели и боеприпасы	В 1995 г. За 412 млн долл.
All lend Signal	Northrop Grumman	Отделение по выпуску высокоточной техники	Инерциальные системы	В 1995 г. Цена не известна (годовой объем продаж – 56 млн долл.)
Boeing	Litton Industries	Подразделение по выпуску посадочных механизмов	Вертолетные шасси и трансмиссии	В 1995 г. Цена не известна (численность занятых – 170 чел.)
Boeing	Rockwell	Военные отделения		В 1996 г.
General Dynamics	Prudential Insurance	Bath Iron Works	Надводные корабли	В 1995 г. За 300 млн долл.
Hughes Electronics	Carlyle	Magnavox Electronic	Военная электроника	В 1995 г. За 370 млн долл.
Litton Industries	Black & Decker	PRC Inc.	Информационные технологии	В 1995 г. За 425 млн долл.
Lockheed Martin	General Electric	Часть отделения GE по выпуску авиационных двигателей	Производство систем контроля за двигателями	В 1995 г. Меморандум о понимании – в октябре 1995 г. Конструкторские подразделения были приобретены ранее
Loral	Unisys	Военное отделение	Сборка военных электронных систем	В 1995 г. За 862 млн долл.
Lochheed Martin	Loral	Военные отделения	Электронная и ракетная техника	В 1996 г.
Northrop Grumman	Westinghouse	Подразделение электронных систем	РЛС и системы ПЛО	В 1995 г. За 3600 млн долл.
Raytheon	E- Systems	E- Systems	Электроника	В 1995 г. За 2300 млн долл.
Raytheon	Texas Instruments	Военные отделения	Электронная техника	В 1996 г.
Raytheon	Hughes	Военные отделения	Электронная и ракетная техника	В 1997 г.
Thiokol	Правительство США	Завод ВВС № 78	Двигатели для баллистических и тактических ракет	В 1995 г. На протяжении свыше 30 лет управлялся компанией Thiokol
Triton Services	ITT	Отделение электронных технологий	Электронные трубки	В 1995 г. Цена не известна
TRW	BDM International		Электронная техника	В 1997 г. Цена не известна
Newport News	Continental Maritime Ind. of San Diego		Корабельное оборудование	То же
General Dynamics	Teledyne Vehicle Systems	Некоторые подразделения	Оборудование техники СВ	В 1996 г. Цена не известна
General Dynamics	Ceridian Computer Devices		Электронная техника	В 1996 г. Цена не известна
Hughes	Alliant Tech. Systems	Marine Systems	Оборудование для кораблей и судов	То же
Carlyle Group (входит в FMC)	United Defense		Бронетехника средства и транспортные	То же

Источник: база данных СИПРИ по производству вооружений.

Таблица 6.8

Основные международные приобретения в военной промышленности различных стран (1994—1997 годы)

Компания-покупатель		Приобретенная компания			Комментарии
название	страна	название	страна	специализация	
1	2	3	4	5	6
CAE Inc.	Канада	Trislot System	Бельгия	Промышленные фильтры	Цена – 7 млн долл.
CAE Inc.	Канада	Ferranti Computer Systems (Aus.)	Австралия	Электроника	Переименована в CAE Electronics
CAE Inc.	Канада	MRad Pty Ltd	Австралия	Симуляторы полетов	Включена в Electronics (Aus.)
CAE Inc.	Канада	Invertron Simulated Systems	Великобритания	Системы симуляции	Цена – 6,3 млн ф. ст., из состава компании Alvis (Великобритания)
Thomson-CSF	Франция	Indra (пакет в 24,9%)	Испания	Информационные технологии	Цена – 25 млн долл., из состава компании Teneo
BOT	ФРГ	AIC Electronics	США	Ремонт авиатехники	Получено одобрение Федеральной авиационной ассоциации (США)
Mercedes-Benz	ФРГ	До 15% акций компании Oshkosh Truck и приобретение завода	США	Транспортные средства	Mercedes-Benz переводит часть своего производства военных транспортных средств на фирму Oshkosh
THC Group	Нидерланды	Swan Hunter	Великобритания	Кораблестроение	Цена – около 4,2 млн ф. ст.
Rolls Royce	Великобритания	Allison Engine	США	Авиаракетные двигатели	Цена – 525 млн долл.
Alien Bradley (Rockwell)	США	Alien Bradley Xiamen	Китай	Военные транспортные средства	Приобретено 100% бывшего СП с фирмой Xiamen
Hughes Electronics	США	CAE-Link	США	Системы симуляции	Приобретена у CAE (Канада) по цене 155 млн долл.
Lockheed Martin	США	FMA Fabrica Militar de Aviones	Аргентина		25-летний контракт на управление
Rockwell International	США	Часть ASTA (Aero-Space Technologies of Australia)	Австралия	Отделение по выпуску компонентов, оборудования и военных систем	Цена – 29 млн долл. Приобретена у правительства Австралии
IBM	США	Часть Tiltan Systems	Израиль	Автоматизированные устройства трехмерного отображения	51% акций

Продолжение Табл. 6.8

1	2	3	4	5	6
Matra Marconi Space (Matra Hachette/GEC)	Франция / Великобритания	Часть BAe	Великобритания	Космическая техника	Цена – 56 млн. ф. ст.; подразделение космической техники
Matra Marconi Space (Matra Hachette/GEC)	Франция / Великобритания	Часть Ferranti International	Великобритания	Спутниковые системы связи	У владельцев Ferranti International
Sextant Avionique	Франция	Mili-Com Electronics	США	То же	Будет переименована в Sextant Electronics
Thomson-CSF	Франция	Amper Programas	Испания	Средства связи, авионика	49% акций
Thomson-CSF	Франция	Redifon	Великобритания	Средства связи, навигационные системы	
Thomson-CSF	Франция	Redif-fusion Simulation (Hughes)	США	Системы симуляции	
Thomson-CSF	Франция	33% Elettronica	Италия	Электронное оборудование	
Matra BAe Dynamics	Франция / Великобритания	30% LFK, являющейся дочерним подразделением DASA	ФРГ	Ракетная техника	
GEC	Великобритания	60% военных отделений Italtel Увеличила свою долю в Marconi Alenia Communications до 95%	Италия	Средства связи	
Litton	США	Racal Marine	Великобритания	Радиоэлектронное оборудование и средства связи для кораблей и судов	

Источник: база данных СИПРИ по производству вооружений.

тойчивый баланс интересов в таких областях, как стратегическая политика, оборонная доктрина, социальные, промышленные и экономические проблемы. Цель — удовлетворить запросы государства в стратегической сфере и гарантировать

Таблица 6.9

Основные совместные предприятия в военной промышленности западноевропейских стран, образованные в 1994–1997 годах

Компании-учредители	Страны	Название совместного предприятия (компании)	Задачи
TDA (Thomson/ DASA) Diehl	Франция / ФРГ	RTG-Euromunitions	Совместная разработка высокоточных боеприпасов
Thomson-CSF DASA	Франция/ФРГ	TDA/TDW	Совместное производство вооружений и боеприпасов фирмы DASA
Thomson-CSF DASA	Франция/ФРГ	Bayern-Chemie/Protac	Совместное производство ракетных двигателей
Aerospatiale DASA	Франция/ФРГ	Euromissile Systems (EMSYS)	Совместное производство ракет
Hispano-Suiza (Snecma) ZF Luftfahrttechnik (ZF)	Франция/ФРГ	Aerospace Power Transmissions	Менеджмент по проекту создания трансмиссии транспортного самолета FLA
Messier-Bugatti (Snecma) Dowty (TI Group)	Франция/ФРГ	Messier-Dowty	Объединение усилий по созданию систем посадки; работа по проекту FLA
Thomson-CSF GEC-Marconi	Франция/Великобритания	Ferranti-Thomson Sonar Systemas	GEC-Marconi приобрела долю бывшей компании Ferranti
Redifon (Thomson-CSF) GEC Marconi	Франция/Великобритания		Кооперация в создании системы связи для фрегата CNGF
DCN Orizzonte GEC-Marconi	Франция/Италия/Великобритания	Horizon International Joint Venture Co.	Менеджмент по программе создания фрегата Horizon
Thomson-CSF Teneo	Франция/Испания	Indra Sistemas	Indra превратилась из подразделения компании Тепео в совместное предприятие
Thomson-CSF DASA GEC-Marconi	Франция/ФРГ/Великобритания		Совместная разработка системы управления огнем для истребителя следующего поколения
British Aerospace (BAe) Malra HT	Великобритания/Франция	Matra Bae Dynamics	Совместная разработка и производство ракетной техники
Thomson-CSF GEC-Marconi	Франция/Великобритания	Thomson Marconi Sonar	Совместная разработка и производство гидроакустических систем

Источник: база данных СИПРИ по производству

компаниям разумные прибыли. Такая политика привела к ситуации «сдержанной конверсии» — государство приложило все усилия для того, чтобы оттянуть конверсионные решения на возможно долгий срок.

Россия же, переживающая серьезные экономические трудности, связанные с переходом к рыночной экономике, вы-

терпеть изменения. Именно поэтому опыт стран, где соотношение оборонного производства и гражданской экономики позволяет обеспечить как эффективное развитие экономики в целом, так и надежную защиту национальных интересов, чрезвычайно важен для нас. Хотя для оборонного комплекса России не все из опыта других стран подходит и может быть использовано. У нас, безусловно, есть свои особенности и они должны быть учтены в выборе стратегии развития.

6.5. Особенности развития отечественного оборонно-промышленного комплекса

Оборонная промышленность СССР в целом до 1991 года составляла базовую основу промышленного потенциала страны и не уступала Западу в технологическом развитии, а по отдельным направлениям даже опережала его. В условиях жесточайшей блоковой конфронтации были созданы замкнутое технологическое пространство и централизованная система управления военным сектором экономики.

Научоемкий продукт создается продолжительное время. Для таких систем, как гражданский или военный самолет, космическая система, системы и средства ПВО, системы управления войсками, системы разведки, требуется не менее 10 лет от момента выработки концепции до выпуска конечной продукции, после чего они находятся в эксплуатации еще 20–30 лет и более. Поэтому, инвестируя средства в наукоемкую сферу производства вооружений, необходимо заглядывать на полвека вперед. Сложность систем оружия, их высокая наукоемкость потребовали создания специальной системы управления процессом их разработки и производства.

Как отмечалось ранее, начало этому было положено при создании ядерного оружия и ракетных средств его доставки, что потребовало концентрации усилий научных центров фундаментальной науки, создания специальных центров прикладной технологической науки, полигонов, сложных испытатель-

ных стендов, гиперзвуковых аэродинамических труб, сложных установок для исследования ядерных процессов и т. д. Были созданы крупные научные центры: Институт ядерных исследований им. Курчатова, ОКБ ракетной и авиационной промышленности. По мере усложнения оружия сухопутных войск, ВВС, ПВО, ВМФ создавались аналогичные инфраструктуры в соответствующих звеньях оборонного комплекса. В эту технологическую, научную и экспериментальную базу, которая созидалась десятилетиями, были вложены громадные средства, исчисляемые сотнями миллиардов долларов.

В процессе создания оборонно-промышленного комплекса сложилась и его своеобразная структура управления, отражающая интересы жесткой, централизованной, плановой системы. Военно-промышленная комиссия при Совете министров СССР по существу была штабом, где формировалась программа НИОКР в области вооружений и национальная политика создания наукоемких технологий. Возглавлял комиссию первый заместитель Председателя Совета министров СССР, ее аппарат подбирался из высококвалифицированных специалистов. При ВПК работал Научно-технический совет из ведущих ученых и инженеров, который рассматривал все принципиальные вопросы технических программ, привлекая научно-исследовательские институты различных отраслей промышленности. При этом комиссия, определяя финансирование НИОКР, обязательно учитывала затраты на развитие и содержание необходимой экспериментальной и технологической базы страны с учетом создания не только военного, но и гражданского наукоемкого продукта. Создание, например, гражданского самолета всегда опиралось на единые технологии с военным самолетом.

Финансирование НИОКР непосредственно через отрасли позволяло формировать ту мощную научную и технологическую инфраструктуру, которая дала возможность создать современные системы вооружения, по сей день пользующиеся спросом и конкурентоспособные на международных рынках оружия.

Общая численность работающих в оборонном комплексе СССР достигала многих миллионов человек, из них в НИИ и КБ — свыше 1,5 млн человек.

Следует отметить, что предприятия оборонных отраслей уже тогда не были чисто военными. Оборонный комплекс

Таблица 6.11

Показатели, характеризующие место оборонно-промышленного комплекса в структуре народного хозяйства СССР (1990 год), %

№ п/п	Показатели	Значение
1	Удельный вес основных производственных фондов в стоимости основных производственных фондов в целом по народному хозяйству	6,4
2	Удельный вес основных производственных фондов в стоимости основных производственных фондов в промышленности в целом	12,6
3	Удельный вес импортного оборудования в активной части производственных фондов:	
	в целом по народному хозяйству	22,2
	в ОПК	17,9
	в гражданском машиностроении	27,9
4	Потребление материальных ресурсов от их производства в стране в целом,	6,6
	в том числе:	
	прокат черных металлов	9,8
	в том числе ВВТ	5,6
	сталь листовая холоднокатанная, конструкционная	20,5
	в том числе на ВВТ	5,6
	трубы стальные	5,6
	в том числе на ВВТ	2,2
	алюминиевый прокат	53,3
	в том числе на ВВТ	23,6

не было поддержано самими этими «друзьями», занявшими в данном вопросе более прагматичную позицию. Так, если за период 1989—1997 годов объем военных расходов в сопоставимых ценах у России сократился примерно на 90% (если принять долю России в военных расходах СССР в 80%), то у США он понизился лишь на 31%, у ФРГ — на 27, у Великобритании — на 23, у Франции — на 10, а у Италии — на 5%.

Резкое сокращение военных расходов и, следовательно, оборонного заказа дополнялось возникновением новых проблем, связанных с началом в России процесса приватизации, который, надо сказать, проходил довольно стихийно, без должной разработки необходимой нормативно-правовой базы.

Согласно официальной статистике, из всех предприятий, НИИ и КБ, находившихся в ведении министерств оборонных отраслей к началу экономических преобразований в России (конец 1991 года), за годы массовой приватизации (к концу 1995 года) около 16% полностью сменили институциональную форму, вышли из государственного подчинения и перешли на выпуск

Таблица 6.12

Оборонные расходы (их доля в валовом внутреннем продукте) России в сопоставлении с основными странами Запада в 1989–1997 годах в млрд долл. в постоянных ценах 1995 г. и в %

Страны	1989 г.	1991 г.	1993 г.	1995 г.	1997 г.	Изменение 1989 г., %
СССР/ Россия	240,0 (14,2)	(.)	41,9 (5,3)	24,6 (3,7)	24,1 (.)	-90
США	373,6 (5,6)	313,6 (4,7)	313,8 (4,5)	278,9 (3,8)	259,0 (.)	-31
ФРГ	53,8 (2,8)	52,5 (2,3)	44,9 (2,0)	41,2 (1,7)	39,1 (.)	-27
Франция	52,1 (3,7)	52,2 (3,6)	50,0 (3,4)	47,8 (3,1)	47,1 (.)	-10
Великобритания	42,7 (4,1)	43,0 (4,2)	38,0 (3,6)	33,9 (3,0)	32,8 (.)	-23
Италия	22,8 (2,3)	22,3 (2,1)	21,8 (2,1)	19,4 (1,8)	21,6 (.)	-5
Пять основных стран НАТО в сумме	545,0	483,6	468,5	421,2	399,6	-27

Источник: база данных СИПРИ по военным расходам.

гражданской продукции; примерно 26% — преобразованы в акционерные общества, но продолжают координировать свою деятельность с органами государственного управления.

Процессы разгосударствления и приватизации продолжаются. В результате структурных и институциональных преобразований будет сформировано три примерно равных по объему выпуска производственных секторов: государственный, акционерный с участием государства и частный. Предприятия и организации — потенциальные исполнители оборонного заказа, деятельность которых координируется государственными органами, сохраняют свои мобилизационные мощности. Сегодня из них примерно четверть составляют НИИ и КБ, остальные — промышленные предприятия.

Предприятия ВПК размещены в абсолютном большинстве субъектов Российской Федерации, в половине из них находятся градообразующие предприятия. В федеральной собственности к концу XX века оставались такие крупные и всемирно известные предприятия и объединения, как экспериментальный машиностроительный завод им. В. М. Мясищева, вертолетный НТК им. Н. И. Камова, АНТК им. Ильюшина, АНПК «МиГ», НИЦ ЦАГИ, НПО «Композит», КБ им. Академика

Макеева, ПО «Арсенал» и НПО «Импульс», НПО им. Лавочкина, Московский приборный завод, завод «Микрон», НПК «Система», завод «Старт» (электронная промышленность) и др.

Общая численность занятых в оборонном секторе составляла несколько миллионов человек, из них четвертая часть — сотрудники НИИ и КБ. Зарботная плата здесь не превышала 65% от средней заработной платы в гражданских отраслях промышленности, а темпы сокращения кадров превышают аналогичные средние показатели промышленности: за годы экономических реформ уволилось около 1 млн человек. Наиболее значительно сократилась численность занятых в НИИ и КБ, на предприятиях электронной промышленности, промышленности средств связи, боеприпасов и спецхимии. Высококвалифицированные работники вынуждены работать на полставки, на временной работе, чтобы обеспечить необходимый минимум для существования.

Особенно тревожна проблема деградации научно-технического и технологического потенциала. Устойчивые тенденции свертывания производства вооружения и военной техники, финансирования программ оборонных НИОКР уже привели к необратимым потерям научно-технического и производственного потенциала, утрате передовых позиций по ряду научно-технических направлений, на воссоздание которых потребуются не менее 10—15 лет.

Практически прекратился процесс обновления основных производственных фондов оборонно-промышленного комплекса, капиталовложения на эти цели государством не выделялись, собственных средств у предприятий нет, поэтому коэффициент обновления основных производственных фондов в последние годы составлял 2—3%. Доля оборудования моложе 10 лет к середине 90-х годов уменьшилась до одной трети, тогда как в конце 80-х годов она значительно превышала половину, а доля морально устаревшего оборудования в возрасте более 20 лет поднялась с 10—20% до одной трети. Это означало, что для выпуска любой конкурентоспособной продукции на оборонных предприятиях надо кардинально менять станочный парк. Отечественными станкостроителями практически полностью прекращен выпуск высокоэффективных станков с программным обеспечением,

обрабатывающих центров и гибких производственных линий, оборонная промышленность попадает в зависимость от иностранных поставщиков.

Таким образом, военно-промышленный комплекс России на рубеже веков переживал свои не лучшие времена. От пика своего роста в бывшем СССР он проходит стадию резкого сокращения объемов производства, снижения финансирования оборонного заказа, оттока квалифицированных кадров. Вместе с тем он пока является единственной производственной системой, способной решать многие технологические задачи на уровне современных требований. Более того, ВПК был и остается на сегодняшний день единственной базой прорыва российских технологий на мировой рынок продукции. Предпринятые в 2001–2002 годах усилия по реформированию и стимулированию оборонно-промышленного комплекса дают определенные надежды на его восстановление.

6.6. Прогрессивная роль российского оборонно-промышленного комплекса

За десятилетия безудержной гонки вооружений публицисты и ученые приложили немало усилий для ее развенчания, в частности для выяснения отрицательных сторон милитаризации экономики. В результате в общественном сознании сложилось негативное отношение к военно-промышленному комплексу как чудовищу, высасывающему жизненные соки экономики, молоху войны.

Ни в коей мере не подвергая сомнению положение об отрицательном влиянии милитаризма на экономику, следует лишь напомнить о необходимости диалектического подхода к оценке роли военно-промышленного комплекса. Во-первых, вряд ли кто-нибудь рискнет утверждать, что нам не следует сейчас и в будущем беспокоиться об обеспечении собственной военной безопасности. Наглядными аргументами в этом плане служат продолжающийся кризис на Балканах и война в Афганистане, происходящие в непосредственной близости от границ России, а также война в Ираке.

И надо понимать, что безопасность страны (в нашем случае — России) без вооруженных сил и обслуживающего их оборонно-промышленного комплекса недостижима.

Во-вторых, влияние оборонно-промышленного комплекса на экономику неоднозначно. Нельзя сводить его лишь к отвлечению средств из экономики. В определенных условиях оно может быть положительным, прогрессивным. Сегодня российский оборонно-промышленный комплекс может сыграть весьма благотворную роль не только в обеспечении безопасности, но и в возрождении экономики России.

Сильная сторона оборонно-промышленного комплекса России, с которой сегодня связываются многие надежды, как это ни парадоксально, явилась следствием тех факторов, которые в свое время привели его к нынешнему кризисному состоянию: организационная замкнутость и информационная обособленность оборонных научно-производственных объединений и предприятий, отсутствие кооперации с зарубежными производителями аналогичной продукции. Но родившиеся в этих условиях многие отечественные научно-технические достижения являются уникальными, способными в сочетании с достижениями других стран вызвать качественный скачок в совершенствовании производства продукции как военного, так и гражданского назначения.

Общеизвестно, например, что пропускная способность отечественных систем связи и передачи информации в силу сложившегося в годы перестройки для Советского Союза отставания в области электроники была существенно ниже, чем у зарубежных аналогов, поэтому для достижения сопоставимых конечных результатов отечественные специалисты вынуждены были значительно интенсивнее использовать возможности специальных программных разработок при создании протоколов обмена информацией. Эти достижения, если их соединить с зарубежной аппаратной базой, позволят качественно повысить возможности по передаче информации и созданию распределенных систем связи. Подобных примеров много в различных областях развития современной науки и техники, признаваемых критическими. Зарубежные специалисты и представители бизнеса очень высоко оценивают российский оборонный научно-технологический потенциал и не скрывают своих намерений интенсивно его использовать. На-

и большой интерес для них могут представлять достижения в области новых конструкционных и специальных материалов, биотехнологий, программных средств для электронно-вычислительной техники, систем связи и обработки информации, технологии излучателей направленной энергии, атомных и ядерных технологий, а также ракетно-космических технологий, особенно связанных с обеспечением длительного пребывания человека в космическом пространстве.

Ключевая проблема развития отечественного оборонно-промышленного комплекса заключается в том, как совместить имеющийся научно-технический потенциал с возможностями его реализации в рыночной экономике, как не допустить, чтобы этот потенциал был безвозвратно утерян либо растрачен в неэквивалентных отношениях с зарубежными партнерами, как добиться того, чтобы российский обновленный оборонно-промышленный комплекс не только выжил в сложных современных условиях, но и преобразовался бы в эффективный стимулятор модернизации всей российской промышленности.

Каковы же пути выхода российского оборонно-промышленного комплекса из кризиса?

Чтобы сохранить разработки и производство вооружений на уровне оборонной достаточности в условиях сокращения государственного оборонного заказа, необходимо создать на нынешней базе ряд крупных корпораций, поддерживаемых всей политической и финансовой мощью государства. Корпоратизация со всей очевидностью повысит жизнеспособность комплекса за счет перелива капитала, его концентрации, устранения дублирования, рационального использования наиболее прибыльных направлений деятельности, а также усиления позитивного влияния государства в области наукоемкой продукции. При этом государство должно получить в свое распоряжение более значительные возможности неформального (например, финансового через размещение государственного заказа) воздействия на корпорации, что заинтересует их в поддержке государственной экономической политики, повысит стабильность и предсказуемость развития. Дополнительными преимуществами корпоратизации станут корпоративные (картельные) ценовые соглашения; оптимизация всех видов контроля над корпорациями (в том числе налогового);

перераспределение внутри корпораций убытков отдельных предприятий, которые сейчас по обыкновению возлагаются на государство.

Для приведения масштабов и структуры оборонно-промышленного комплекса в соответствие с государственной военной доктриной он должен быть редуцирован. Структурные преобразования, связанные с созданием «государственного ядра» оборонных предприятий, должны сопровождаться перемещением и концентрацией в оптимальных масштабах основных производственных фондов и квалифицированных кадров. Перемещение может носить масштабный характер, но в законодательно установленных пределах и формах. Основные производственные фонды, изымаемые у предприятий, не включенных в «государственное ядро», могут компенсироваться передачей в их распоряжение пакетов акций государственных предприятий. Если перемещение основных производственных фондов по объективным причинам невозможно, следует предусмотреть юридическую возможность закрепления активных фондов за предприятиями «государственного ядра» с сохранением места их дислокации. Квалифицированные кадры должны перемещаться по их добровольному согласию с компенсацией возможных затрат по переездам, потере имущества.

План реструктуризации, перемещения и концентрации основных производственных фондов должен быть разработан непосредственно после определения состава «государственного ядра» оборонных предприятий и утвержден на уровне правительства.

Завершив образование «государственного ядра», можно стимулировать приватизацию остальных оборонных предприятий. Преобразование государственных унитарных предприятий в ОАО со стопроцентным владением государством их акциями позволит использовать их достижения в области технологий двойного применения на «базовых» предприятиях.

В целях эффективного использования мощностей предприятий, освобождаемых в результате реструктуризации от государственного оборонного заказа, целесообразно провести оценку их финансово-экономического состояния и капитализированной стоимости; осуществить маркетинговые исследования и дать возможность загрузить эти предприятия и их

структурные элементы производством воздушных судов, агрегатов, узлов и деталей по заказам инофирм; на основе технико-экономического анализа возможностей перепрофилирования предприятий дать мотивированное заключение о целесообразности и порядке их передачи в другие отрасли промышленности; провести оценку рыночной стоимости ликвидной части ОПФ предприятий.

Очень важную роль для выхода из кризиса может сыграть политика военно-технического сотрудничества. В настоящее время в мире сформировалось два мощных центра разработчиков и производителей вооружения и военной техники: корпорации США и корпорации объединенной Европы. Концентрация капитала здесь достигла огромных размеров, в частности, число работников в этих корпорациях, как правило, превышает 100 тыс. человек (*Boeing* и *Lockheed Martin* — более 200 тыс.).

Это явление связано с общими геополитическими изменениями в мире. По прогнозам, начало XXI века будет характеризоваться бурным экономическим развитием как в Азиатском регионе, особенно в его юго-восточной зоне, так и в Тихоокеанском. Предполагается, что оно будет сопровождаться, как правило, ростом противоречий и приведет к появлению новых рынков вооружений. Именно этим обстоятельством вызван «всплеск» продажи российского оружия в этот регион. Естественно, что фирмы США и Европы будут также стремиться на этот рынок, используя всю свою технологическую мощь и поддержку правительств. Уже сейчас в этих зонах наблюдается бурное развитие венчурных предприятий в области наукоемкой гражданской продукции. Россия конкурентоспособна в области вооружений, благодаря унаследованному от СССР технологическому заделу. Но это наследство в нынешних условиях уменьшается. Объединение предприятий оборонно-промышленного комплекса в процессе структурных преобразований, безусловно, создаст более благоприятные возможности для конкуренции, но только этого будет недостаточно, ибо Россия в настоящее время не способна обеспечить воспроизводство всех технологий, как это делал прежде СССР. Поэтому необходимо военно-техническое сотрудничество не только в области продаж готовых вооружений в третьи страны, но и сотрудни-

чество с технологически развитыми странами, чтобы не отстать от них. Естественно, что при этом Россия должна иметь и свои собственные «технологические прорывы», в которых будут заинтересованы западные страны. Только тогда можно рассчитывать на равноправное и взаимовыгодное сотрудничество. Его следует осуществлять на основе разработки и производства совместного продукта, а не продажи технологий или технических решений. Только в этом случае возможны и конкуренция, и альянс с развитыми капиталистическими странами на рынках.

Очень опасна для России односторонняя ориентация в сотрудничестве только на Европу или на США. Как сказано в послании Президента РФ Федеральному собранию по национальной безопасности: «Россия — мост между двумя, даже тремя континентами. Он нужен не только нам, гражданам страны, которые строят этот мост, он нужен всем: и Европе, и бурно развивающемуся Азиатско-Тихоокеанскому региону, и Америке ...»

Необходимо разработать и реализовать национальную концепцию военно-технического сотрудничества с зарубежными странами. Структурная перестройка оборонно-промышленного комплекса будет непосредственно связана с нею. Разумеется, роль государства в военно-техническом сотрудничестве должна быть определяющей. Сегодня же идет скрытое противостояние между производителями и рядом государственных структур, призванных контролировать и способствовать продаже вооружения. Естественно, что производители заинтересованы в выходе на рынок с максимально большим пакетом предложений и более широкими полномочиями. Интересы же безопасности страны, международные обязательства и ряд других факторов требуют эффективного контроля со стороны государства. Но здесь нужны не только ограничительные действия с его стороны. Необходимы глубокий анализ состояния и качественное прогнозирование мирового рынка вооружений, который в настоящее время способен предоставить отдельным предприятиям значительно большие заказы, чем внутренний. При этом возникающие в результате реструктуризации отечественной оборонной промышленности интегрированные структуры должны получить полную поддержку государства

в отношении самостоятельного выхода на рынки вооружений.

При рассмотрении вариантов структурных преобразований оборонно-промышленного комплекса следует иметь в виду, что в данный момент в России практически нет для них достаточного правового поля. Например, сейчас очень популярны планы создания холдингов и финансово-промышленных групп (ФПГ), однако реализация этих планов встречает много препятствий: невозможность передать в холдинг контрольные пакеты акций (сейчас в руках государства по подавляющему большинству предприятий оборонно-промышленного комплекса находится не более 38% акций, тогда как в руках трудового коллектива — 51%, причем использование последних весьма проблематично); невозможность для предприятия участвовать более чем в одной ФПГ; невозможность «жесткой» сквозной контрактации и финансирования через управляющую («центральную») компанию холдинга или ФПГ; отсутствие юридического статуса понятий «корпорация», «концерн» и других, которые не являются предметом отечественного гражданского права, а отражают только вербальные описания интеграционных действий. Есть и другие препятствия.

Для обеспечения структурных преобразований оборонно-промышленного комплекса в рамках четких юридических норм и правил необходимо ускорить принятие целого ряда федеральных законов.

Сегодня в России практически отсутствует механизм формирования единой технической политики в отношении оборонной промышленности. Межведомственная комиссия по научно-технической политике являлась чисто коллегиальным органом без соответствующего аппарата и не могла выполнять некоторых важных функций прежней Военно-промышленной комиссии. Вероятно, надо создать Научно-промышленную комиссию (НПК) при Правительстве РФ. В ней помимо первых лиц промышленных министерств и комитетов, Минпромнауки, Минэкономразвития и Минфина, Российского авиационно-космического агентства, Минтранса, Минатома, Академии наук, Минобороны необходимо иметь представителей деловых кругов и коммерческих банков для обеспечения связи между частным и государственным секторами экономики.

У комиссии должен быть постоянно действующий аппарат высококвалифицированных специалистов по ключевым научным и технологическим направлениям. Это позволит снять многие межведомственные противоречия, выработать единую научно-техническую политику России, создать механизм оперативного управления научно-техническим прогрессом России. При комиссии нужен постоянно действующий Научно-технический совет из ведущих военных и гражданских специалистов. Именно здесь должны формироваться программы технологического развития государства и оборонных НИОКР как взаимно коррелированные.

Кроме того, важно обеспечить эффективное сочетание и финансовую поддержку НИОКР оборонного назначения, выполняемых в интересах как национальных ВС, так и потенциальных внешних заказчиков.

Это направление организационной деятельности подкреплено совместным заседанием (март 2002 года) Президентского совета по науке и технологиям, Совета безопасности и Российской академии наук.

Существует мнение, что поскольку в настоящее время из-за мизерности оборонного заказа благополучие российского ВПК в преобладающей степени зависит от реализации его продукции на внешнем рынке, то следует четко разделить военные НИОКР, выделив в них раздел чисто экспортных разработок, ориентированных на различные рынки вооружений. Причем финансирование таких НИОКР должно проводиться отдельной строкой в бюджете с включением в военный бюджет только той части программы, которая связана с созданием оружия для Российской армии. Создание же и содержание технологической базы, базовых критических технологий двойного назначения, а также разработка оружия, предназначенного на экспорт, должны финансироваться вне военного бюджета.

Однако это мнение ошибочно, поскольку, как свидетельствует опыт ведущих мировых экспортеров ВВТ, на экспорт в большинстве случаев поступают специальные модификации систем оружия, находящихся на вооружении ВС стран-поставщиков и разработанных на средства, выделяемые в том числе и в рамках военного бюджета. Вместе с тем за счет получения экспортных заказов удастся увеличить серийность выпускаемых ВВТ и тем самым сократить удельные затраты на

создание, в частности разработку, вооружения, что немало важно для Вооруженных Сил, которые в России, хотим мы этого или не хотим, останутся основным заказчиком продукции отечественного ВПК (во всех ведущих странах Запада — аналогичная картина).

Наряду с этим в отношении сохранения и развития научно-технологической базы важно понимать и то, что создание многих прорывных заделов и технологий действительно финансируется вне рамок военного бюджета. Так, внимательное изучение бюджетного финансирования НИОКР в США позволяет увидеть, что здесь, помимо бюджета министерства обороны, существует финансирование базовых критических технологий, финансирование NASA (более 14 млрд долл.), ядерных технологий (более 2 млрд долл.), что в совокупности создает базу, обеспечивающую не только оборонную мощь США, но и формирует предпосылки успешного развития страны в XXI веке.

С учетом этого при проведении военной реформы в России целесообразно сконцентрировать всю систему финансирования закупок и военных НИОКР в руках единого заказчика, независимо от видов Вооруженных Сил. Тесное взаимодействие единого заказчика и Научно-промышленной комиссии при Правительстве РФ окончательно определит роль государства при проведении структурной перестройки оборонного комплекса и его дальнейшую военно-техническую политику.

Разумеется, когда речь идет о реформировании Вооруженных Сил, надо прежде всего думать о создании новой технологической базы оснащения, то есть о качественных изменениях в оборонно-промышленном комплексе. Проблем в нем остается немало. От их качественного решения в значительной степени зависит подъем промышленного и оборонного потенциала страны на новый уровень. К таким проблемам относятся увеличение объемов выпуска продукции ВПК с акцентом на качественные параметры с одновременным сокращением громадных финансовых и материальных затрат.

Оставляя проблемы для решения, следует достаточно четко представлять, что в военном производстве накоплены громадные материальные и интеллектуальные ценности, ко-

торые должны быть использованы для вывода России на рынок новых технологий. ОПК, как и ВПК, остается единственным представителем российских технологий на мировом рынке, правда пока военном. Перевести его на путь прорыва технологий гражданского производства — важнейшая экономическая и технологическая задача всех органов управления и экономических структур государства.

Кроме того, ОПК России представляет собой базу переоснащения всего производственного аппарата страны, без чего невозможно осуществить радикальные преобразования промышленного потенциала страны.

БОРИС КУЗЫК
collectio

том 1 (I)

Кузык Борис Николаевич

**У РОССИИ
ОДИН ЭФФЕКТИВНЫЙ
ПУТЬ РАЗВИТИЯ – СВОЙ**

Ответственный за выпуск *О.П. Бардова*
Верстка *Л.П. Притворова*
Корректор *И.В. Васильева*

Автономная некоммерческая организация
«Институт экономических стратегий»
ЛР № 066811 от 25 августа 1999 г.
Телефон издательского отдела: (095) 234-4693
E-mail: ines@inesnet.ru
www.inesnet.ru

Отпечатано в типографии Graspo
Чешская Республика

Представительство в России – ООО «Кватро-Принт Групп»
Тираж 500 экз.

Кузык Б. Н.

У России один эффективный путь развития — свой / Б. Н. Кузык. – 2-е изд. – М.: ИНЭС, 2004. – 368 с. – (БОРИС КУЗЫК: *collectio*; Т. 1(1)).

ISBN 5-93618-060-3

В книге, состоящей из десяти глав, рассмотрены общие проблемы создания, функционирования и развития высокотехнологического комплекса, лежащего в основе обеспечения экономического развития и национальной безопасности России.

Даны характеристика, принципы, подходы, параметры отечественного высокотехнологического, военно-промышленного и гражданского секторов на различных исторических этапах развития государства и перехода России к инновационной модели развития экономики.

Отмечена решающая роль экономических и научно-технических аспектов развития оборонно-промышленного комплекса в свете решения задач защиты государства от внешних и внутренних угроз.

Рассмотрены особенности функционирования высокотехнологического комплекса России в условиях реструктуризации ОПК.

Книга рассчитана на специалистов в области комплексных проблем становления и развития высокотехнологического комплекса и перехода экономики России к инновационной модели развития, а также будет полезна для студентов, аспирантов и преподавателей вузов.

УДК 338

ББК -96*65.2/4-65.9